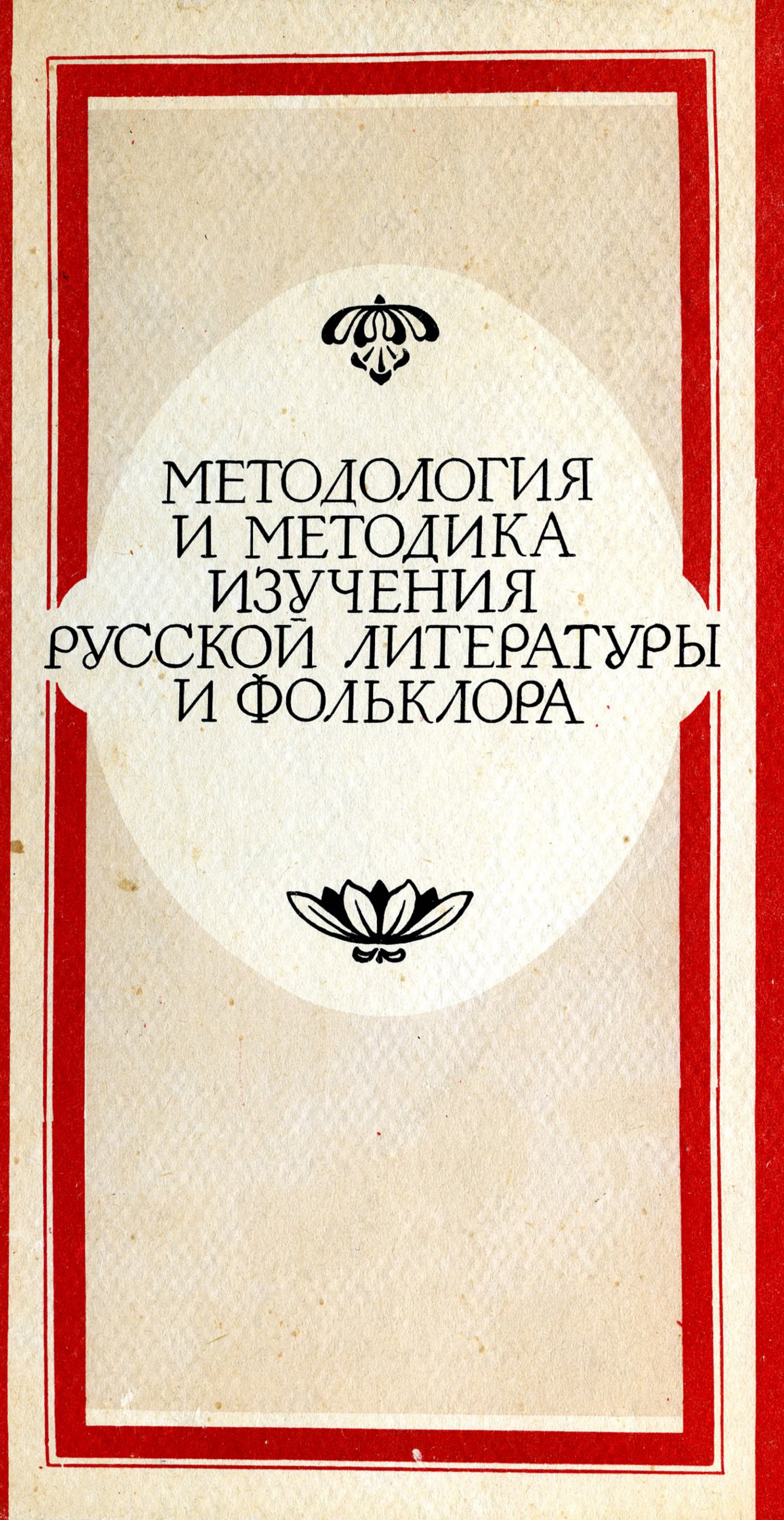
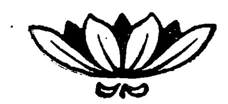

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

УЧЕНЫЕ-ПЕДАГОГИ САРАТОВСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Под редакцией профессора *Е. П. Никитиной*

Издательство Саратовского университета
1984

378.9
54М

Предлагаемая коллективная монография обобщает опыт работы кафедры русской литературы Саратовского университета с момента ее основания. Специальные главы посвящены крупным ученым — основателям и представителям саратовской филологической школы — Н. К. Пиксанову, Б. М. Соколову, А. П. Скафтымову, Е. И. Покусаеву, воссоздает ее историю.

В книге использованы материалы ГАСО, местной печати 20-х годов, личных архивов. Показано, как в процессе чтения лекций и руководства семинарами вырабатывались историко-литературные концепции, выверялась методология, демонстрировалась конкретная методика исследования.

Для преподавателей высшей школы, студентов и специализирующихся в области гуманитарных наук.

Рецензенты: доценты Саратовского университета *Г. Н. Антонова, О. И. Ильин, С. А. Бах,* доценты Балашовского пединститута *Б. В. Видищев, П. Т. Громов.*

М $\frac{4603020000-26}{176(02)-84}$ 188—84

© Издательство Саратовского университета, 1984 г.

Введение

Наука о литературе и фольклоре в последнее десятилетие переживает новый период подведения итогов сделанного, обновленного анализа всего наследия дореволюционной и советской филологии. Выходом в свет фундаментальных трудов, посвященных возникновению русской науки о литературе, академическим школам в литературоведении, возникновению марксистского литературоведения, создана широкая предпосылка дальнейшего изучения истории науки [1]. Столь же перспективными и основополагающими являются современные исследования методологических вопросов литературоведения и научной методики [2]. Поэтому необходимость создания историографической работы, посвященной одной научной школе, представляется достаточно обоснованной.

Саратовская филологическая школа — школа *вузовской* науки. Ее проблемы и принципы рождались в процессе преподавания и подготовки кадров для системы просвещения и высшей школы, что нужно всесторонне учитывать, давая оценку научного значения школы в целом и трудов каждого ученого.

Этот же факт принадлежности саратовских ученых к отряду вузовских исследователей литературы и фольклора позволяет привлечь особый круг источников — материалы

---

[1] Возникновение русской науки о литературе. М., 1975; Академические школы в русском литературоведении. М., 1975; Русская наука о литературе в конце XIX — начале XX в. М., 1982.

[2] *Бельчиков Н. Ф.* Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1965; *Бушмин А. С.* Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969; *Бушмин А. С.* Наука о литературе. Проблемы. Суждения. Споры. М., 1980.

лекционных курсов, семинарских занятий, публичных выступлений в университетской аудитории, сохранившиеся в рукописях учителей, в записях и живой памяти благодарных им учеников.

Историографический аспект изложения не исчерпывает задач предлагаемой коллективной монографии. Цель и содержание работы соответствуют старинной заповеди «docendo, discimus» (уча, учимся). Обращаясь к методологии и методике научного исследования литературы и фольклора, авторы сосредоточивают внимание и на раскрытии путей творческого приобщения студентов к науке. Изучение педагогической деятельности виднейших ученых в соотнесении с их научным творчеством как процесса внутренне взаимосвязанного должно послужить обоснованием всей *системы* изучения литературоведческих дисциплин в университете, характеристика которой составит содержание второй книги предпринятого коллективного труда.

Каковы основные вехи развития филологического образования в Саратовском университете? Как возникла здесь научная школа?

Филологическая специализация в Саратовском университете введена в советское время. Историко-филологический факультет, открывшийся в 1917 году, создавался крупнейшими учеными: Н. К. Пиксановым, Б. М. Соколовым, В. М. Жирмунским, А. П. Скафтымовым. В 1931 году историко-филологический факультет преобразуется в педагогический институт. В 1935 году — вновь открывается в университете исторический факультет и затем, в 1941 году, восстанавливается в его составе филологическое отделение. В годы войны в Саратов был эвакуирован Ленинградский университет. На некоторое время историко-филологические факультеты двух университетов объединяются в учебном процессе и научной работе. С 1944 года филологическое и историческое отделения стали самостоятельными факультетами университета.

В первые годы после Октября ученые-филологи много времени и сил отдавали научно-организационной деятельности, проходившей в чрезвычайных условиях. Им предстояло создать новый факультет в каждом звене его структуры — кафедры, кабинеты, библиотеки. Еще более трудной оказалась задача выработки новых программ, форм и принципов обучения с учетом коренным образом изменившейся студенческой аудитории. Практическое решение проблемы — *как*

учить, зависело от решения еще более сложной задачи — *чему* учить. Гражданское и профессиональное самоопределение взаимообуславливали друг друга. В идеологической сумятице предреволюционных лет на гуманитарных факультетах царило разноречие методологических ориентаций. Первые профессора факультета в своих творческих исканиях были связаны с дореволюционными академическими школами — историко-культурной, сравнительно-исторической, психологической. Каждому из них, осваивая марксистско-ленинскую методологию, пришлось самостоятельно пересмотреть, критически оценить методы буржуазного литературоведения, активно включиться в созидание советской науки. Именно поэтому вопросы методологии и научной методики занимали в трудах Пиксанова, Соколова, Жирмунского, Скафтымова первостепенное место. Воспользуемся в подтверждение сказанного суждением на этот счет В. А. Бочкарева — ученика и последователя А. П. Скафтымова: «Есть литературоведы, внимание которых постоянно приковано к методологическим проблемам науки. О чем бы ни писали они, предметом их забот неизменно остаются поиски правильных путей литературоведческого анализа, совершенствование методики исследования. Это придает удивительную целостность и единство их подчас весьма разнообразному по своей тематике научному творчеству. К числу таких ученых принадлежал заслуженный деятель науки РСФСР, доктор филологических наук профессор А. П. Скафтымов». И далее: «Деятельность А. П. Скафтымова своеобразно преломила закономерности становления и развития советского литературоведения»[3].

Инициативность ученых, проявившаяся с первого момента открытия филфака во многих перспективных начинаниях, отвечавших задачам революционного времени, поражает своим размахом. Тем более, что в те же годы Пиксановым, Соколовым, Жирмунским выполнялись значительнейшие исследования, ставшие этапными в их научной деятельности. Пребывание этих ученых в Саратовском университете было относительно недолгим. А. П. Скафтымову предстояло проработать в Саратове всю жизнь, руководя кафедрами литературы университета и пединститута. Возможность широких и постоянных контактов начинавшего работать в вузе А. П. Скафтымова с коллегами, обладавшими незаурядной

---

[3] *Бочкарев В. А.* Вдохновенный поиск. (Памяти А. П. Скафтымова).— Русская литература, 1968, № 3, с. 250.

эрудицией и опытом работы в столичных учебных заведениях, должна быть оценена в полную меру. Первая его монография «Поэтика и генезис былин» создавалась в период интенсивного общения с Б. М. Соколовым, также исследовавшего проблемы эпоса. Как свидетельствует профессор Т. М. Акимова, главы книги Скафтымова читались на заседаниях семинара известного фольклориста. И в дальнейшем прямые связи саратовцев с филологами крупных научных центров будут плодотворными. Единый коллектив ученых и студентов Саратовского и Ленинградского университетов в военные годы также явится богатой научной средой, необходимой для интересных профессиональных общений и дискуссий. В послевоенный и последующие периоды творческое сотрудничество в самых разных направлениях и формах с научными учреждениями и вузами страны станет для саратовских филологов постоянным и планомерным.

На каждом этапе изучения русской литературы и фольклора в университете исследовательская мысль проявляла себя интенсивно, создавались свои научные традиции. Культурная и литературная жизнь Саратова, всегда протекавшая оживленно и разнообразно, также тому способствовала.

Труды А. П. Скафтымова рано были замечены, его имя пользовалось известностью среди ученых, работавших в области, близкой его интересам. Уже в тридцатые годы его знали как автора талантливых, отличающихся тонким мастерством филологического анализа работ о Достоевском и Толстом, как авторитетнейшего знатока текстов Чернышевского и глубокого исследователя его творчества. В 40-е годы, в период подготовки к печати одиннадцатого тома Полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова, Скафтымовым были написаны статьи «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова», «К вопросу о принципах построения пьес Чехова», «Пьеса Чехова «Иванов» в ранних редакциях», а также статья «О повестях Чехова «Палата №6» и «Моя жизнь». В этих работах теоретически и практически утверждались современные методологические принципы целостного анализа художественного произведения.

На основе изучения поэтики как внутреннего единства всего художественного произведения, на основе тонкого анализа жанровых структур и принципов создания реалистических характеров Скафтымовым были созданы широкие обобщающие концепции, выявившие существо целых этапов историко-литературного развития XIX века — сороковых, шести-

десятых годов. В глубокой исторической перспективе и конкретном анализе исследователем были соотнесены драматургические принципы Чехова с законами драматургического искусства XIX века; художественный метод Пушкина-реалиста — с методами европейского романтизма, реализма и просветителей; психологический анализ Толстого — с другими исторически обусловленными и творчески индивидуальными формами психологического анализа его предшественников и современников. В итоге историко-литературная мысль Скафтымова охватила значительные явления художественной литературы и критики целого столетия, от «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева до начала XX века. В специальных исследованиях, лекциях, в процессе работы ученого с аспирантами последовательно развертывалась и аргументировалась целостная концепция развития русской литературы и критики в сороковые годы (принципы натуральной школы) и в эпоху шестидесятых годов. При этом главной проблемой в изучении русской классики для ученого продолжали оставаться нравственные искания писателей, определившие весь художественный строй их произведений. Так и называется сборник трудов А. П. Скафтымова, вышедший в свет после его смерти, составленный Е. И. Покусаевым при участии коллектива кафедры русской литературы Саратовского государственного университета [4]. Во вступительной статье Е. И. Покусаева и А. А. Жук был дан концептуальный анализ научного наследия Скафтымова. В 1976 г. в Праге издана книга статей Скафтымова, составленная Владимиром Сватонем [5]. В связи с более широкой публикацией трудов ученого их воздействие на развитие современных концепций и методов заметно увеличивается.

В процессе совершенствования методологии советского литературоведения в последующие годы стало очевидней значение и более ранних работ Скафтымова (впрочем, и сегодня можно встретить как справедливые суждения о недоста-

---

[4] *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей / Составление Е. Покусаева. Вступительная статья Е. Покусаева и А. Жук. М., 1972. В примечаниях к книге Е. И. Покусаев указывает: «В подготовке сборника и составлении примечаний принимали участие сотрудники Саратовского государственного университета Т. М. Акимова, Г. Н. Антонова, Н. М. Белова, Б. И. Лазерсон, Г. В. Макаровская, А. П. Медведев, И. В. Чуприна». (Указ. соч. с. 527).

[5] *Skaftymov A. P.* Myšlenka a tvar. Lidové nakladatelství Praha. Přeložili Jiří Honzik, Věra Lungmannová a Vladimir Svatoň, 1976.

точной изученности его исследовательского метода, так и поверхностную трактовку его концепций).

Говоря о развитии филологической науки в Саратове в 40—50-е и последующие годы, необходимо обратить внимание на обстоятельства широкого исторического плана. Возобновление филологической специальности в университете произошло в момент всеобщего подъема советской науки в послевоенные годы. Таков был курс Коммунистической партии и Советского правительства после окончания Великой Отечественной войны. Возросшие возможности разностороннего развертывания научно-исследовательской работы максимально использовались руководителями кафедры — сначала А. П. Скафтымовым, затем, с 1951 г.— Е. И. Покусаевым. Значительно был расширен прием в аспирантуру, создан Ученый совет по защите диссертаций историко-филологической специализации. В это же время вернулись с фронтов имеющие немалый педагогический опыт преподаватели — ученики Скафтымова. Группа выпускников факультета первых послевоенных лет, прошедших аспирантуру и защитивших кандидатские диссертации, были оставлены при кафедре. Целый ряд недавних студентов уехали учиться в аспирантуры Ленинграда и Москвы, другие получили назначение в учительские и педагогические институты, но многие продолжали пользоваться помощью и поддержкой своих научных руководителей, кафедры и университета. Благоприятные условия для публикации новых работ, созданные в университете и городе, позволяли всем преподавателям кафедры подготовить монографии, систематически выступать в печати со статьями и рецензиями. Коллектив кафедры рос и развивался. Укреплялись связи с научными коллективами других вузов, так как известные ученые кафедры были авторитетными участниками исследовательских групп центральных научных учреждений страны. Их многолетний опыт редакторской, комментаторской, текстологической работы послужил основанием и порукой для включения вместе с признанными специалистами и молодых сотрудников в подготовку собраний сочинений Герцена, Щедрина и др. писателей.

К середине 50-х годов в специальных литературоведческих обзорах и рецензиях, в выступлениях известных деятелей науки (Н. К. Гудзия, Н. Ф. Бельчикова) труды саратовских ученых стали характеризоваться не только персонально, но и как выражение принципов единой научной школы. Такое признание было заслужено, прежде всего, трудами

Скафтымова о русской классике, его многолетним успешным изучением творческого наследия Н. Г. Чернышевского, работой по изданию полного собрания сочинений писателя.

Знаменательным для всего коллектива кафедры русской литературы стал 1958 год, отмеченный многими важными событиями, выходом в свет таких литературоведческих трудов, которые заняли свое достойное место в истории советского литературоведения. Пожалуй, именно с этого времени начинает появляться в печати и закрепляется в научном обиходе определение «саратовская филологическая школа». В 1958 году в Саратове состоялась научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения великого революционера-демократа, в которой приняли участие ученые институтов АН СССР и крупных университетских кафедр страны. В этом же году вышел первый том межвузовского сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы». В 1958 году появилась в печати книга А. П. Скафтымова «Статьи о русской литературе», подытожившая результаты его длительных трудов.

Определяющими для дальнейшей истории кафедры фактами в эти же годы стала защита докторской диссертации «Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы» в ИРЛИ (1957) продолжателем дела А. П. Скафтымова Е. И. Покусаевым, выход в свет его первой монографии о Щедрине «Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы» и присвоение ему звания профессора (1958). Начинают публиковаться первые очерки о саратовцах, написанные по рекомендации К. А. Федина [6]. Историографический обзор развития филологических наук в Саратове появился в книге «Саратовский университет. 1909—1959», посвященной 50-летию университета. Членами редколлегии издания и авторами главы о филологических науках — Т. М. Акимовой, П. А. Бугаенко, Е. И. Покусаевым (при участии Т. И. Усакиной) — впервые были подведены итоги и намечены важнейшие этапы формирования саратовской литературоведческой школы. В разделе, освещающем изучение русской литературы и фольклора, особое внимание уделено «зачинателю филологического образования в Саратовском университете» — Н. К. Пиксанову и известному фольклористу, активно-

---

[6] См.: *Журбина Е.* Живые нити. Заметки о литературной жизни в Саратове.— Вопросы литературы, 1959, № 10, с. 238—244; *Михайлова Л.* Молодая культура старого города.— Новый мир, 1958, № 1, с. 196—219.

му организатору изучения фольклора в Поволжье — Б. М. Соколову. Роль А. П. Скафтымова как главы саратовской школы развернуто аргументирована Е. И. Покусаевым: «С приходом в университет А. П. Скафтымова в Саратове начала складываться научная школа в литературоведении, школа широких литературно-философских обобщений, глубокого и целостного подхода к анализу произведения как органического единства формы и содержания, школа строгой логической последовательности в аргументации научных выводов, школа высокой научной принципиальности. Отстаивая диалектический метод изучения художественной литературы и внутренних законов ее развития, А. П. Скафтымов систематически выступал против крайностей формалистических и переверзианских теорий, утверждал среди саратовских филологов принципы подлинно научного конкретно-исторического исследования литературы, критики и фольклора» [7].

В 1958 году из состава кафедры выделяется самостоятельная кафедра советской литературы, которой руководит проф. П. А. Бугаенко.

А. П. Скафтымов, уйдя в 1955 году на пенсию [8], продолжает оставаться членом Ученого совета, руководителем аспирантов, выступает оппонентом на защитах. Но вся инициатива научного руководства коллективом переходит в руки Е. И. Покусаева. Он организует работу по основным исследовательским направлениям, определив их следующим образом: 1) реализм и русский историко-литературный процесс XIX века (наследие революционных демократов и русская литература, художественное и литературно-критическое творчество Н. Г. Чернышевского; история русской сатиры, история русского романа, традиции классической литературы в литературе XX века); 2) взаимосвязь и взаимодействие литературы и фольклора. Группой фольклористов кафедры успешно руководит в течение трех десятилетий известный собиратель и исследователь устного народного творчества профессор Т. М. Акимова.

---

[7] См. статью: Филологические науки.— В кн.: Саратовский университет. 1909—1959. Саратов, 1959, с. 120; См. также: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968 (Труды саратовских ученых характеризуются и называются почти во всех главах этой книги).

[8] В период пребывания Е. И. Покусаева в докторантуре при ИРЛИ АН СССР (1955—1956) обязанности заведующего кафедрой исполнял доцент А. П. Медведев.

Е. И. Покусаев становится единственным редактором межвузовских сборников «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (2—8 выпуски) [9], объединив в большой и крепкий научный коллектив литературоведов многих городов. На кафедре создается щедринская группа исследователей, которая работает по подготовке двадцатитомного издания М. Е. Салтыкова-Щедрина. Изучение русской сатиры открывает новую страницу в истории саратовской филологической школы. Крупным явлением в советском литературоведении признана монография самого руководителя школы «Революционная сатира М. Е. Салтыкова-Щедрина» (1963). В течение 60—70-х годов выходит целая серия книг его учеников. (В данной монографии представляется необходимым посвятить одну главу талантливой воспитаннице саратовской школы Т. И. Усакиной, много успевшей в науке и преподавании за свою короткую жизнь (1931/1966).

Через семинар Е. И. Покусаева проходят все преподаватели кафедры, исследующие русскую классическую литературу. Собственно говоря, таким творческим семинаром для филологов всего факультета явилось постоянное общение с профессором на всех заседаниях, ученых советах, конференциях. Почти все, что опубликовали саратовцы за два десятилетия, читается, рецензируется, редактируется Е. И. Покусаевым. Масштабы его научно-организаторской работы неизмеримо и последовательно возрастают. Е. И. Покусаев сосредоточивает все внимание на дальнейшем развертывании и совершенствовании научных исследований. За два последних десятилетия сотрудниками кафедры русской литературы было опубликовано более 50 монографий и сборников, большое количество статей и рецензий в местных и центральных журналах, газетах и академических сборниках. Все защитили кандидатские диссертации, подготовлено и защищено пять докторских диссертаций. Ученый совет филологического факультета, проводя защиты под председательством профессора Покусаева, квалифицировал целый

---

[9] Исключение составляет 3-й выпуск сборника: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы/Под редакцией Е. И. Покусаева и Н. М. Чернышевской. Изд-во Сарат. ун-та, 1962. Восьмой выпуск, посвященный 150-летию со дня рождения Н. Г. Чернышевского и редактировавшийся Е. И. Покусаевым, вышел в свет в 1978 году после смерти редактора.

отряд вузовских работников Поволжья и других зон республики. Кафедра на своих заседаниях обсудила и рекомендовала к защите диссертации ученых других городов и столицы, подтвердивших в дальнейшем обоснованность и объективность полученных отзывов.

Встав во главе кафедры в период решительного перелома и поворота в развитии гуманитарных знаний и осознавая необходимость коллективного решения актуальных проблем теории и методологии литературоведения, Е. И. Покусаев организует систематическую работу всех литературоведов факультета в составе руководимого им методологического семинара. При этом он отчетливо сознает и разъясняет, что вузовскому ученому нет времени и нельзя ждать чьих-то готовых рекомендаций; ответственная роль педагога и воспитателя обязывает каждого самостоятельно вырабатывать методологические и теоретические принципы изучения литературных явлений, классических и современных. Понимание и ощущение актуальных запросов исторического времени было чрезвычайно присуще Е. И. Покусаеву — ученому и педагогу.

При большой интенсивности научно-исследовательской деятельности кафедры собственно вузовскую преподавательскую работу никогда нельзя было отодвинуть на второй план. Работе со студентами отдавалось лучшее время и самые свежие силы. Объем и сложность разнонаправленных повседневных усилий коллектива требовали четкой организации дела. Е. И. Покусаев умел подбирать и по назначению использовать кадры, учитывая склонности каждого. Заведующий кафедрой ценил инициативу и самостоятельность, но умел своевременно и решительно вмешаться в момент принятия или выполнения ответственных решений, если это требовалось.

В организации учебного процесса, начиная с первого года учебы в университете, основное внимание уделялось научной студенческой работе в самых разнообразных формах. Такова была давняя университетская традиция, укрепляемая на кафедре в течение всех лет ее существования. Воспитанию научного мышления студентов подчинены были чтения лекционных курсов, организация семинарских и просеминарских занятий, написание дипломных сочинений. Столь же разносторонне велась внеаудиторная работа. Почти любое мероприятие имело научный «выход», предполагало дополнительный, самостоятельный поиск, будь то обсуждение нового

спектакля, фильма, литературный вечер или даже смотр художественной самодеятельности (отчеты фольклорной экспедиции — выступление фольклорного ансамбля, например). Стали традицией творческие чтения, отчетные конференции специальных семинаров, читательские конференции, диспуты по поводу новых произведений советских писателей. Ни одно крупное событие в литературной жизни страны не прошло незамеченным для коллектива филфака. Празднично и научно-содержательно отмечались юбилейные даты классиков русской и советской литературы, к которым специально готовились доклады, сообщения и художественные программы.

Многие оригинальные сочинения студентов находили дорогу в печать: в молодежной областной газете, университетской многотиражке, в альманахах местной писательской организации, затем в журнале «Волга». Научные студенческие работы публиковались вместе с трудами старших коллег в «Научных ежегодниках», в межвузовских изданиях. Были выпущены в свет и специальные сборники научных студенческих работ.

Каким образом, обращаясь сегодня к истории изучения русской литературы и фольклора в одном из вузов страны, воссоздавая роль ученых кафедры в развитии науки и образования, выделить главные аспекты? На какие источники следует опереться?

Бесспорно, что главный результат научного творчества выражен в опубликованных работах, ставших достоянием научной общественности. Но по сравнению с широким кругом читателей авторы монографии располагают и другими источниками, которые пока еще можно восстановить и использовать при изучении предлагаемой темы. Среди авторов книги — представители почти всех поколений студентов Саратовского университета и пединститута. Профессор Татьяна Михайловна Акимова — ученица Б. М. Соколова, коллега А. П. Скафтымова; доцент Александр Петрович Медведев — ученик Скафтымова со времен учебы в гимназии; доцент Лидия Павловна Медведева — студентка филологического факультета 20-х годов, секретарь семинара Скафтымова по творчеству Лермонтова; доцент Маргарита Михайловна Уманская — студентка и аспирантка Скафтымова (выпуск пединститута 1936 г.). Следующее поколение — студенты военных и послевоенных лет, аспиранты А. П. Скафтымова и Е. И. Покусаева.

Большинство авторов монографии — сотрудники кафедры, возглавлявшейся четверть века профессором Покусаевым, и преподаватели Саратовского пединститута — тоже выпускники СГУ. В памяти учеников, в их, пусть несовершенных, студенческих записях сохранились лекционные курсы, конспекты, записи и т. д. Поэтому саратовцы, не претендуя на особую роль единственных истолкователей и популяризаторов научного наследия своих учителей, ставят своей задачей пополнить представления об этом наследии. Необходимость развернутого анализа некоторых опубликованных работ продиктована полемической ситуацией, возникшей вокруг них, затянувшейся стадией поверхностных оценок таких, например, как монография «Поэтика и генезис былин» А. П. Скафтымова. Реакция на полемику в выбранных нами случаях ощущается как объективная необходимость.

При подготовке монографии использовались материалы местной печати, ГАСО, отдельные материалы личного архива и библиотеки А. П. Скафтымова, часть архива Е. И. Покусаева, переданная Н. Е. Покусаевой-Прийма в кабинет кафедры русской литературы имени профессора Евграфа Ивановича Покусаева.

Вторая группа источников (неопубликованные, «несобранные» материалы) не представляет собою завершенного единства, у нас нет ни возможности, ни права «реставрировать» имеющиеся документы. Читатель заметит и может оценить неоднозначно невольную избирательность, непропорциональность в подборе фактов, элементы мемуарности. Не в традициях научно-методических писаний некоторая, подчас избыточная, эмоциональность. Стремясь дать живые портреты своих учителей, авторы не всегда сумели выдержать безукоризненную научную бесстрастность повествования. Сознавая уязвимость избранного пути, мы все-таки решились ему следовать, учитывая, что из научного наследия ученого, работавшего в вузе, как правило, выпадает та часть, на созидание которой уходит большая половина жизни — преподавание, работа со студентами и аспирантами. Каждый день вузовской науки не может быть сохранен и отражен во всем богатстве и многообразии реальных свершений. Тут есть, вероятно, тот же скрытый драматизм творческой судьбы, что и в судьбе актера, певца, музыканта. Между тем, трудно провести грань между научной работой и преподаванием. Именно в процессе чтения лекций вырабатываются историко-литературные концепции, выверяется методология, на семи-

нарских и практических занятиях демонстрируется и комментируется конкретная методика исследования. Так, в ряде устных выступлений Скафтымова и Покусаева содержится ценный материал, который не оформлен в статьи, и было бы непозволительным расточительством предать все это забвению. Мы не стремились «достраивать» по воображению и логике имеющиеся в нашем распоряжении разноречивые документы и свидетельства, не организовывали не упорядоченные самими авторами заметки, а постарались лишь собрать все сохранившееся и прокомментировать в общем контексте научных взглядов ученого. Работа по изучению научно-педагогического наследия филологов, работавших в Саратовском университете, не может считаться завершенной. По вполне понятным причинам в книгу не вошли главы об ученых-ленинградцах, оказавших большое и плодотворное влияние на развитие филологической науки в Саратове. Не было также необходимости дублировать содержание недавно опубликованных работ о А. П. Скафтымове и Е. И. Покусаеве. В то же время целый ряд материалов еще предстоит собрать и подготовить к опубликованию, что будет целью дальнейших исследований. Здесь же отобрано все наиболее соответствующее теме, главной идее нашей монографии и, конечно, плановому объему издания.

Следует обратить внимание еще на один момент. Методология и методика преподавания литературоведческих дисциплин заключены в самом предмете, как бы скрыты, глубоко запрятаны в нем, и вычленить их не так-то просто. Имея перед глазами прекрасные результаты педагогического труда, мы не всегда в состоянии восстановить пути и способы, которыми этот результат достигнут. В деле вузовского обучения — это самая закрытая, недоступная зона. Не всегда и сам лектор, педагог вуза, стремится фиксировать все этапы своего педагогического общения со студентами, все формы обучения. Эмоциональный же настрой и душевный контакт вообще не возникают рационально, не поддаются методической «раскладке». Для гуманитарных специальностей и специалистов это особенно характерно. И грустные слова поэта «река времен в своем теченьи уносит все дела людей» порой не кажутся неоправданно пессимистическими. Изучение вопросов преподавания в вузе считается иногда скучным и схоластическим занятием, уделом педантов. Методология и методика школьного обучения существует издавна и признана всеми как классическая отрасль науки. При планировании

НИР в университете изучение научно-методических проблем с трудом можно включить в число «важнейших» или «основных» исследований. Общие педагогические проблемы, методика преподавания и актуальные вопросы литературоведения и фольклористики разнесены при официальной регистрации научных тем по параграфам, далеко отстоящим друг от друга. Между тем, комплексная система обучения в вузе требует в ряде случаев и комплексного исследования самой науки, методов ее изучения и вопросов обучения. Что же касается всеопределяющего в высшей, как во всякой школе, фактора — личности ученого и педагога, то, с одной стороны, указанием на личность педагога как на единственное условие успеха порой скептически отклоняется значимость всего остального, с другой стороны, постижение его личности считается благородной заботой мемуаристов. Мы попытались дать представление о большом значении нравственного воздействия учителя на ученика в процессе обучения и общения.

Стремясь к эффективности наших усилий в деле совершенствования работы высшей школы, в деле подготовки высокообразованных, творчески мыслящих специалистов, мы должны пристально изучить, как складывалась система образования в каждой области знания.

Создатели саратовской филологической школы были учителями в профессиональном и более широком смысле слова. А. П. Скафтымов начинал свою педагогическую деятельность учителем гимназии, Е. И. Покусаев — школьным учителем. Известно, какое значение придавал работе филологов в школе Г. А. Гуковский (проректор по учебной работе Саратовского университета в 1945—1946 г. и профессор кафедры русской литературы в те же годы) [10]. Всем этим ученым принадлежат специальные работы по проблемам преподавания в школе и в вузе.

Начиная с 60-х годов, кафедра русской литературы опубликовала целую серию научно-методических работ, посвященных всем формам занятий: общим и специальным лекционным курсам, практическим, курсовым, коллоквиумам,

---

[10] В Саратове написана и впервые опубликована тиражом в 500 экземпляров известная монография Г. А. Гуковского. (*Гуковский Г. А.* Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946).

просеминарским, семинарским и дипломным[11]. Изучение методологии и методики преподавания русской литературы и фольклора становится одним из постоянных научных направлений в работе кафедры. Во второй части нашей монографии современные методы и формы изучения русской литературы и фольклора в университете будут охарактеризованы как система, которая складывалась в течение десятилетий.

Почти все разделы монографии зачитывались в качестве докладов: на научной конференции филологического факультета в связи с 70-летием Саратовского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; на ежегодных чтениях памяти Е. И. Покусаева; в Астрахани на Зональной Поволжской конференции литературоведов, посвященной методологии и методике преподавания литературы в школе и в вузе.

---

[11] См.: *Белова Н. М.* История русской литературы XIX века (1 половина). Изд-во Сарат. ун-та, 1967; *Акимова Т. М.* Работа над дипломным сочинением. Изд-во Сарат. ун-та, 1968; Просеминары кафедры русской литературы / Под ред. Т. В. Ошаровой. Изд-во Сарат. ун-та, 1968; *Акимова Т. М., Белова Н. М., Жук А. А., Никитина Е. П., Самосюк Г. Ф.* Семинары кафедры русской литературы /Под ред. Е. П. Никитиной. Изд-во Сарат. ун-та, 1969; *Акимова Т. М., Архангельская В. К.* Практические занятия, коллоквиумы и курсовые работы по древней русской литературе. Изд-во Сарат. ун-та, 1973; Спецкурсы кафедры русской литературы/Под ред. Е. П. Никитиной. Изд-во Сарат. ун-та, 1974; *Белова Н. М., Прозоров В. В.* Курсовые работы по русской литературе XIX века. Изд-во Сарат. ун-та, 1976; Семинары кафедры русской литературы. Изд. 2-е, дополненное/Под ред. Е. П. Никитиной. Изд-во Сарат. ун-та, 1976; *Белова Н. М., Ошарова Т. В., Самосюк Г. Ф.* Просеминарии кафедры русской литературы. Изд. 2-е, исправленное и дополненное/Под ред. Т. В. Ошаровой. Изд-во Сарат. ун-та, 1977; *Белова Н. М.* Русская литература первой половины XIX века. Часть первая. Изд-во Сарат. ун-та, 1979. *Белова Н. М.* Русская литература первой половины XIX века. Часть вторая. Изд-во Сарат. ун-та, 1979; *Никитина Е. П., Белова Н. М., Жук А. А., Макаровская Г. В.* Практические занятия, коллоквиумы и курсовые работы по русской литературе. Изд-во Сарат. ун-та, 1970, вып. первый; *Никитина Е. П., Белова Н. М., Жук А. А.* Практические занятия, коллоквиумы и курсовые работы по русской литературе. Изд. 2-е, дополненное. Изд-во Сарат. ун-та, 1981.

Изучение Чернышевского в университете имени Чернышевского

Среди научных задач, решаемых литературоведами Саратовского университета, важное место занимает изучение литературного наследия Н. Г. Чернышевского. В процессе этого исследования совершенствуется методология, осваиваются виды, формы, типы и жанры научной работы, уточняются способы и приемы включения изучаемого материала в учебные планы и программы.

Обращение к наследию великого русского революционного демократа имеет в Саратовском университете давнюю традицию. Сама идея создания университета в городе Чернышевского связывалась передовой саратовской интеллигенцией с именем автора «Что делать?». Первый ректор профессор В. И. Разумовский заявил на торжествах в честь открытия университета, что «почва для основания университета в Саратове подготовлена давно культурной работой лучших людей края», и в ряду перечисленных им «славных» имен был назван Чернышевский[1]. Адресованное студенчеству приветствие студентов-медиков Юрьевского университета заканчивалось словами: «Демократические идеалы, всегда одушевлявшие лучшую часть студенчества, идеалы великого гражданина земли русской и вашего сородича Чернышевского пусть найдут в вас своих носителей»[2].

В дореволюционные годы пропаганда идей Чернышевского в университете встречала сильное сопротивление властей.

---

[1] Саратовский вестник, 1909, № 271.

[2] Там же, № 273.

Тщательно оберегая саратовскую высшую школу от крамольных воздействий, царское правительство запретило в 1912 году попытку учредить стипендию имени Чернышевского. Местная пресса сообщала: соответствующее ходатайство «одного сибирского жертвователя» уже давно направлено в министерство, «но только теперь министр дал ответ. Стипендия с таким названием в Саратовском университете быть не может»[3]. Не могла идти речь в те годы и о систематическом изучении Чернышевского. Даже простое упоминание о нем требовало от ученых большого гражданского мужества[4].

После падения самодержавия ученые университета выступили с важной инициативой — поставить изучение Чернышевского на широкую научную основу. Профессор университета В. А. Павлов возглавил организованное в марте 1917 года «Общество имени Н. Г. Чернышевского». В уставе общества отмечалось, что оно «во-первых, собирает материалы, относящиеся к жизни Чернышевского, создает музей его имени, составляет библиотеку его трудов и соприкасающихся с ним авторов, заботится об увековечивании памяти Чернышевского в Саратове постановкой статуи, портретов и устройством просветительных учреждений, издает его труды, популяризирует его идеи печатно и устно, устраивает публичные чествования памяти Чернышевского и т. п., во-вторых, общество сближает и объединяет своих членов в кружки или клубы литературные, художественные, политические, общественно-научные для свободного обмена мнений, для постановки и разработки соответствующих проблем, для

[3] Саратовский листок, 1912, № 279. См. также: *Сушицкий В.* Саратовский университет и Н. Г. Чернышевский. 1909—1934. [Библиографическая сводка материалов] / Под ред. В. А. Артисевич. Саратов, 1934.

[4] Например, первый декан И. А. Чуевский в речи на торжественном акте 6 декабря 1909 года заготовил было фразу о том, что впервые мысль о саратовском университете зародилась в «небольшом кружке саратовцев, получивших университетское образование и вдохновлявшихся Д. Л. Мордовцевым, Н. Г. Чернышевским и А. Н. Пыпиным», но, как свидетельствуют очевидцы, «...деятелей этого кружка лектор, по не зависящим от него обстоятельствам, не приводил во время своей речи» (Казанский медицинский вестник, 1909, т. X, № 5—6, с. 272, 290). Действительно, в опубликованном в одной из газет отчете указываемый И. А. Чуевским ряд имен заменен фразой о саратовцах, «отличившихся предприимчивым духом и стремлением к широкой общественной деятельности» (Саратовский вестник, 1909, № 270). Эта фраза и была, по-видимому, произнесена. В другой же местной газете отчет о речи декана давался, вероятно, по первоначально написанному тексту, и здесь слова о Чернышевском были напечатаны (См.: Саратовский листок, 1909, № 275).

составления сборников трудов или периодических изданий, для устройства лекций, курсов, выставок, концертов и т. п.»[5]. Обществу не удалось осуществить свою программу.

Задачу по увековечиванию памяти Чернышевского в Саратове приняло на себя Советское правительство. Должно быть отмечено как явление примечательное участие университетских ученых в организации первых попыток систематического и всестороннего исследования богатейшего наследия «великого социалиста домарксова периода»[6].

В день двенадцатой годовщины открытия университета коммунистическая фракция вуза внесла предложение присвоить университету имя Чернышевского. «Пусть это имя,— говорилось в документах того времени,— служит символом единения науки с трудящимися. Пусть с этого дня двери Саратовского государственного университета Н. Г. Чернышевского как можно гостеприимнее, шире раскроются для рабочих и крестьян»[7]. С тех пор в университете установилась традиция отмечать все памятные даты жизни писателя. Первое такое заседание правление университета провело в конце октября 1922 года в день 33-й годовщины со дня смерти Чернышевского. «Большая аудитория физического корпуса переполнена всклень»,— сообщалось в газете. Характеристику Чернышевского как революционера мысли дал проф. С. В. Юшков. О философских и социологических воззрениях великого мыслителя говорил проф. И. П. Разумовский. Экономические взгляды Чернышевского получили освещение в докладе проф. И. И. Евтихеева. Бывший ректор проф. В. И. Разумовский поделился воспоминаниями о своих студенческих годах, когда молодежь «воспитывалась на идеях Чернышевского». Проф. Б. М. Соколов остановился на оценке романа «Что делать?» и его героев —«людей дела и безукоризненной честности». На вечер был приглашен сын Чернышевского Михаил Николаевич. Он прочитал неизданные отрывки из автобиографических записок отца[8]. В последующие годы на заседаниях выступали профессора П. Г. Любомиров, А. П. Скафтымов, Г. А. Ильинский, доцент В. Г. Ильинский[9]. На торжественном акте в честь пятнад-

---

[5] Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ), ф. 1, оп. 2, № 648, л. 1.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 55.

[7] Известия Саратовского Совета, 1921, № 291.

[8] См.: Саратовские известия, 1922, № 250.

[9] См.: Саратовские известия, 1923, № 248, 288; 1925, № 250.

цатилетия университета ректор проф. С. Р. Миротворцев произнес знаменательные слова: «Мы пойдем вперед, сохраняя заветы того, чье имя носит университет — Николая Гавриловича Чернышевского»[10].

Присвоение университету имени Чернышевского обязывало к постоянному изучению и пропаганде жизни и творчества писателя-революционера. В газете тех лет появилась заметка с характерным названием «Не пора ли?» Адресуясь в первую очередь к научным силам университета, автор писал, что теперь, когда стали доступными архивные материалы о великом шестидесятнике, «пора от отдельных случайных лекций и докладов о Чернышевском в дни рождения и смерти перейти к внимательному и глубокому изучению еще таящегося под спудом наследия Н. Г. Чернышевского»[11].

Уже в следующем 1926 году в Саратове выходит в свет сборник статей и материалов, подготовленный историками, философами, экономистами, юристами, литературоведами[12]. Спустя два года выпущен второй сборник, почти целиком подготовленный университетскими специалистами. Среди авторов В. В. Буш, И. В. Герчиков, В. Г. Ильинский, С. З. Каценбоген, Ф. Д. Корнилов, А. П. Скафтымов[13]. Ученые университета совместно с работниками научной библиотеки и сотрудниками Дома-музея Н. Г. Чернышевского разрабатывают основые принципы и направления в изучении наследия писателя. Особое внимание уделяется освоению методологического богатства, заключающегося в характеристиках и оценках, данных Чернышевскому основоположниками научного коммунизма. Ценные подборки из их высказываний помещены в сборнике 1928 года «К юбилею Чернышевского».

Серьезную заботу саратовских филологов-литературоведов составляла текстологическая и публикаторская работа. Тщательное обследование архивов позволило выявить значительное число произведений Чернышевского. В ряду новонайденных текстов оказались сочинения, созданные им в Петропавловской крепости и в Сибири и впоследствии затерявшиеся в жандармских архивах или частных коллекциях.

---

[10] Саратовские известия, 1924, № 285.

[11] Саратовские известия, 1925, № 265.

[12] См.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926.

[13] См.: Николай Гаврилович Чернышевский. 1828—1928. Неизданные тексты, материалы и статьи / Под общ. ред. С. З. Каценбогена. Саратов, 1928.

Так, читатели и исследователи получили тщательно прокомментированные А. П. Скафтымовым «Мелкие рассказы», романы «Повести в повести», «Алферьев», «Отблески сияния» и другие произведения его сибирской беллетристики. Внимание А. П. Скафтымова привлек написанный Чернышевским на каторге роман «Пролог». Подготовленная в 1936 году для академического издательства книга[14] может служить «образцом филологической интерпретации текста художественного произведения и его историко-литературного комментирования»[15].

В научных кругах сразу же был замечен один из очередных томов «Ученых записок» университета, посвященный памяти Чернышевского[16]. В сборник вошли статьи А. П. Скафтымова «Изучение жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского за 30 лет (1917—1947)» и Н. М. Чернышевской «Библиография писем Н. Г. Чернышевского». С этих библиографических обзоров началось систематическое обследование саратовскими литературоведами, библиографами Научной библиотеки Саратовского университета, работниками Дома-музея Н. Г. Чернышевского изданий сочинений Чернышевского и литературы о нем за годы советской власти[17]. Включенные в сборник статьи Е. И. Покусаева «Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин» и А. Ф. Ефремова «Иноязычная лексика в языке Н. Г. Чернышевского и ее обработка» оценены как весомый вклад саратовских филологов в науку о великом русском революционном демократе[18].

Исследователи-саратовцы понимали, как важно вручить читателям собрание сочинений писателя, освобожденное от

---

[14] См.: *Чернышевский Н. Г.* Пролог / Подготовка текста А. Скафтымова и Н. Чернышевской. Комментарии А. Скафтымова (Статья Н. В. Водовозова). Academia, 1936; см. также *Скафтымов А. П.* Историческая действительность в романе «Пролог».— В кн: *Чернышевский Н. Г.* Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. Саратов, 1948, с. 455—491.

[15] *Покусаев Е. И.* От редактора.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1971, вып. 6, с. 5. (Эта книга посвящена памяти А. П. Скафтымова).

[16] См.: Ученые записки Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского / Отв. ред. проф. В. С. Елпатьевский. Саратов, 1948, т. XIX.

[17] См.: *Супоницкая П. А.* Изучение Н. Г. Чернышевского в Саратове за советский период. Библиография. Изд-во Сарат. ун-та, 1960.

[18] См.: *Путинцев В. А.* Новые труды о Чернышевском.— Советская книга, 1949, № 8, с. 104—108.

цензурных искажений. Саратовские специалисты участвовали в выпуске тринадцати томов шестнадцатитомного Полного собрания сочинений, предпринятого центральным литературным издательством в 1939—1953 гг. А. П. Скафтымов готовил тома, содержащие художественные произведения писателя. Высокие научные качества этой работы, выполненной ученым на уровне существовавших в те годы требований к текстологии и комментированию, оценены по достоинству[19].

Одной из магистральных линий научных поисков становится изучение биографии. Прежде всего важно было осуществить источниковедческие разыскания. В 1928—1930 гг. профессора университета А. П. Скафтымов, С. Н. Чернов совместно с Н. А. Алексеевым и Н. М. Чернышевской выпустили в центральном издательстве трехтомник биографических материалов, среди которых автобиографические записки Чернышевского, его дневники, переписка, некоторые воспоминания[20]. Кроме этого, были выявлены и опубликованы многие письма Чернышевского в книге, подготовленной проф. Н. К. Пиксановым в период его работы в Саратовском университете[21]. Книга открывала важный и в ту пору малоисследованный биографический пласт материала.

Научное содружество ряда университетских кафедр (истории КПСС, русской литературы, истории СССР, новой и новейшей истории) принесло замечательные плоды в первом комментированном издании свода мемуаров[22]. Среди составителей — литературоведы Г. Н. Антонова, П. А. Бугаенко, И. А. Винникова, Е. Я. Дмитрук, А. А. Жук, М. В. Иванова, Б. И. Лазерсон, А. П. Медведев, Л. П. Медведева, Ю. Б. Неводов, Г. Ф. Самосюк, П. А. Супоницкая, Т. И. Усакина,

---

19 См.: *Бочкарев В. А.* Вдохновенный поиск.— Русская литература, 1968, № 3; *Роткович Я. А.* Памяти А. П. Скафтымова.— Литература в школе, 1968, № 3; *Никитина Е., Макаровская Г.* А. П. Скафтымов.— Известия АН СССР, серия лит. и яз., 1968, т. XXVII, вып. 6; *Воробьев В.* А. П. Скафтымов.— Филологические науки, 1968, № 4.

20 См.: Н. Г. Чернышевский. Литературное наследие. М., 1928—1930, т. 1—3.

21 См.: Переписка Чернышевского с Н. А. Некрасовым, Н. А. Добролюбовым и А. С. Зеленым. М.-Л., 1925.

22 См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников/Под общей редакцией Ю. Г. Оксмана. Саратов, 1958—1959, т. 1, 2.

Н. М. Чернышевская. Рецензенты отметили вклад саратовцев в освоение биографии[23].

Ряд содержательных биографических исследований осуществлен доц. А. П. Медведевым[24].

В изучении биографии Чернышевского саратовские ученые опирались на методологические завоевания советской литературоведческой науки, предусматривающие рассмотрение жизни и творчества писателя на широком историческом фоне, с учетом социальных условий развития и конкретно-исторического бытования биографического и литературного факта. Книга А. П. Скафтымова, написанная в жанре критико-биографического очерка [25], вошла в число лучших работ о революционном демократе[26]. Научную ценность книги увеличивает включение в нее систематизированного библиографического указателя, в котором зарегистрированы высказывания классиков марксизма-ленинизма, а также издания произведений Чернышевского, литературы о нем и справочных материалов за 1917—1947 гг.

В 1953 г. в Саратове вышел критико-биографический очерк, написанный Е. И. Покусаевым. Реализованные А. П. Скафтымовым принципы построения научно-популярного труда нашли в работе Е. И. Покусаева дальнейшее творческое развитие. Автор детально прослеживает этапы формирования мировоззрения Чернышевского, эволюцию его взгля-

---

[23] См.: *Шапиро А.* Славный путь.— Учительская газета, 1959, 17 сентября; *Рейсер С. А.* Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников.— Вопросы литературы, 1960, № 4, с. 213—217; *Рюриков Б.* Чернышевский как личность и характер.— Новый мир, 1960, № 6, с. 242—243.

[24] См.: *Медведев А. П.* Литературное ученичество Н. Г. Чернышевского.— Учен. зап. Сарат. пед. ин-та, 1940, вып. V, с. 125—173; *Он же.* Н. Г. Чернышевский в кружке И. И. Введенского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1958, вып. 1, с. 5—41; *Он же.* Н. Г. Чернышевский и В. П. Лободовский.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1961, вып. 2, с. 3—34.

[25] См.: *Скафтымов А. П.* Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1939; То же. Изд. 2-е, Саратов, 1947.

[26] Многие из сформулированных ученым положений и выводов до сих пор сохраняют свою силу и значение. Попытки некоторых современных исследователей пересмотреть важные наблюдения А. П. Скафтымова об эволюции политических взглядов Чернышевского в отношении к готовившейся царским правительством крестьянской реформе (см., напр., в целом содержательную книгу: *Володин А., Карякин Ю., Плимак Е.* Чернышевский или Нечаев? М., 1976) нельзя признать успешными (подробнее см.: *Демченко А. А.* Чернышевский продолжается.— Литературное обозрение, 1978, № 6, с. 13—14).

дов, отражающую сложный процесс становления революционно-демократической идеологии. Чернышевский представлен в живом процессе развития освободительного движения в России. Философские, экономические, политические, литературно-эстетические взгляды автора «Что делать?» рассмотрены в их целостности как выражение революционно-демократических убеждений писателя. Книга неоднократно переиздавалась[27].

Интенсивности исследований во многом содействовала университетская конференция 15—18 октября 1958 г., посвященная 130-й годовщине со дня рождения Чернышевского. В ее организации участвовали сотрудники Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома), Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ученые Москвы, Ленинграда, Казани, Ульяновска, Тарту, Ярославля. «Нам в сегодняшнем нашем собрании,— отмечал А. П. Скафтымов на открытии конференции,— радостно отметить единение нескольких компетентных учреждений, в работе которых изучение деятельности Чернышевского занимает одно из самых значительных, больших и почетных мест». Во вступительном слове Е. И. Покусаева подчеркнуто, что «длящийся десятилетиями активный научный интерес к Чернышевскому — это уже традиция нашего университетского города, и настоящая конференция имеет своей целью продолжить и укрепить эту давнюю и плодотворную научную традицию»[28]. Доклады и сообщения В. Г. Базанова, Б. Ф. Егорова, Н. М. Чернышевской, П. А. Бугаенко, В. В. Пугачева, А. Ф. Ефремова, А. П. Медведева, Р. А. Таубина, А. М. Шапиро, Т. И. Усакиной и др. вызвали обсуждения, в ходе которых уточнялась методология исследований, обобщались результаты конкретных разысканий, вводились в научный оборот новые материалы, выяснялись малоисследованные и спорные проблемы изучения Чернышевского. «Участники конференции,— сообщалось в одном из печатных отчетов,— высоко оценили в целом ее научные результаты, характери-

---

[27] См.: *Покусаев Е. И.* Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. Пособие для учителей. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1976.

Рец.: Демченко А. А. Чернышевский продолжается.— Литературное обозрение, 1978, № 6, с. 13; *Порох И. В., Прозоров В. В.* Революционные демократы в исследованиях Е. И. Покусаева.— В кн.: Освободительное движение в России. Изд-во Сарат. ун-та, 1978, вып. 8, с. 125—126.

[28] Стенограмма научной конференции. Саратов, 1958, с. 1—2, 6.

зуя ее как новую и важную веху в изучении жизни и деятельности Чернышевского»[29]. Материалы этого форума составили содержание научного сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы» (1958), положившего начало серийному межвузовскому изданию.

Текстологическая и публикаторская работа, участие в издании Полного собрания сочинений, создание монографий и библиографических работ, выпуск межвузовских сборников, проведение научной конференции — вся эта многогранная исследовательская деятельность закрепила за университетом, за кафедрой русской литературы в частности, авторитет одного из центров по научной разработке и популяризации Чернышевского. В 1958 г. в одной из центральных газет опубликованы такие строки: «Пожалуй, Саратов заслужил право называться научным центром по изучению и популяризации творческого наследия великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. Систематически выходящие труды ученых Саратовского университета и педагогического инситута позволяют говорить о саратовской школе изучения наследия Чернышевского, отличающейся сочетанием скрупулезного анализа самого частного факта биографии с глубоким осмыслением проблематики творчества Чернышевского в целом»[30].

В последующие годы публикации саратовских ученых сосредоточились в основном в межвузовском сборнике «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы», редактируемом многие годы Е. И. Покусаевым. Сборники следовали широкой научной программе. Существенные стороны философского мировоззрения великого шестидесятника, его литературно-теоретические взгляды, историко-литературная концепция, идейно-литературные отношения, публицистика, революционные связи, художественное творчество, исследование традиций Чернышевского в общественно-литературном движении второй половины XIX века, вопросы научной биографии — таков круг интересов участников состоявшихся девяти выпусков сборника. Не случайно рецензенты пишут об этом издании как о «своего рода «энциклопедии» современных знаний о Чер-

---

[29] *Бугаенко П.* Важная веха в научном изучении Н. Г. Чернышевского.— Коммунист (Саратов), 1958, 31 октября.

[30] Литература и жизнь, 1958, № 85; см. также в кн.: Советское литературоведение за 50 лет. М., 1967.

нышевском, его жизни и творчестве, эпохе и окружении»[31].

Результаты научных изысканий находили оформление и в диссертациях. В разное время саратовцами защищены диссертации по Чернышевскому — докторская: А. Ф. Ефремов. Язык Н. Г. Чернышевского (1946) и кандидатские: П. К. Топилин. Экономические взгляды Н. Г. Чернышевского (1939); А. Ф. Абрамович. Чернышевский о русских писателях 50—60-х годов XIX века в перспективе литературной борьбы его времени (1941); Н. М. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского (1946); А. П. Медведев. Литературные взгляды молодого Чернышевского (1948); П. А. Бугаенко. Проблема общественно-преобразующего значения литературы в эстетической теории Н. Г. Чернышевского (1952); Б. И. Лазерсон. Способы подцензурной иносказательности в публицистике Чернышевского (1956); А. А. Демченко. Проблемы научной биографии Чернышевского периода первой революционной ситуации (опыт критического анализа первоисточников) (1971). В Саратовском университете защищали кандидатские диссертации ученые из других городов: Е. Г. Бушканец. Борьба журнала «Современник» за политическое воспитание писателей-демократов (1954); М. Т. Пинаев. Герой Чернышевского — революционный преобразователь природы (к проблеме положительного героя в творчестве Чернышевского) (1958).

Новый заметный этап в исследовательском освоении наследия Чернышевского наметила научно-теоретическая конференция, организованная и проведенная в Саратове к 150-летию со дня рождения писателя-революционера (1978). Открывая конференцию, ректор университета профессор А. М. Богомолов выразил уверенность в том, что посвященные Чернышевскому научные заседания послужат дальнейшим плодотворным изучениям, наметят перспективные направления и проблемы.

Литературоведческая секция на конференции была представлена учеными из Москвы, Харькова, Курска, Астрахани, Елабуги, Ижевска. Доклады затрагивали важные методологические принципы современной науки о литературе (П. А. Бугаенко), исследовали новые грани дарования Чернышевского как историка литературы (Т. М. Акимова, В. А. Бахтина) и

[31] *Гуральник У.* Художественный мир Чернышевского.— Вопросы литературы, 1978, № 8, с. 232.

литературной критики (С. Н. Лиманцева), как литературного критика (Г. В. Макаровская, В. В. Прозоров, С. В. Свердлина, А. А. Демченко), автора художественных произведений (Г. Ф. Самосюк, Н. А. Вердеревская, А. П. Грачев), выясняли результаты воздействий идей революционного демократа на литературный процесс (И. З. Баскевич, В. Н. Коновалов, В. В. Тихомиров, Л. Ф. Федосова, Л. П. Федосов, И. В. Чуприна). Отдельные сообщения посвящались характеристике педагогической работы Чернышевского (Н. П. Фокеева), истории изданий его сочинений (В. С. Чернышевская). На пленарном заседании с докладом «Н. Г. Чернышевский в трудах саратовских исследователей» выступили Н. А. Троицкий и Г. Н. Антонова. Заключавший работу конференции член-корреспондент АН СССР М. Т. Иовчук особенно высоко оценил результаты научной работы исследователей-саратовцев. Материалы конференции опубликованы в специальном сборнике [32].

Научное изучение Чернышевского вузовскими преподавателями постоянно сочетается с их педагогическими занятиями, конечная цель которых — приобщение студентов к науке.

Первым организатором таких занятий на филологическом факультете Саратовского университета был проф. А. П. Скафтымов, и современники датируют их 1924 годом. Хранившийся в ту пору в Доме-музее Н. Г. Чернышевского архив писателя предоставлял широкие возможности для проведения разнообразных учебно-исследовательских практикумов и семинаров. По словам Н. М. Чернышевской, ей «выпала честь впервые открыть двери музея Александру Павловичу Скафтымову в июле 1924 года, когда после смерти основателя музея Михаила Николаевича Чернышевского молодой ученый ввел в маленький домик с мезонином первую экскурсию своих студентов и организовал первый архивный семинар для них. Одновременно сам он приступил к изучению архивных материалов и библиотеки музея». Автор воспоминаний свидетельствовал, что семинары по изучению Чернышевского и его эпохи А. П. Скафтымов организовывал «несколько раз». «Особенно памятными остались архивные семинары в музее, например, в 1924 году, когда еще не было в музее читального зала и дом еще только дожидался капи-

[32] См.: Н. Г. Чернышевский. История. Философия. Литература. Изд-во Сарат. ун-та, 1983.

тального ремонта и реставрации. Столики были расставлены на большой веранде дома для 12-ти человек, которые по двое знакомились с архивом М. Н. Чернышевского: расшифрованными и скопированными его рукою дневниками Николая Гавриловича, «Мелкими рассказами», документами и проч. Студенты исправно посещали этот семинар в течение двух недель. Необычная обстановка — занятия на свежем воздухе под кровом старинного исторического дома — действовала на них вдохновляющим образом».

Из записей Н. М. Чернышевской следует, что в учебном 1924—1925 году зимой в музее занимались студенты гуманитарного отделения педагогического факультета университета, «это были участники семинара проф. А. П. Скафтымова. Работа их состояла в изучении эпохи 60-х годов. По запискам А. П. Скафтымова студенты приходили заниматься в еще не устроенном музее, где находили редкие издания, собранные М. Н. Чернышевским из библиотеки его отца».

Подобные занятия со студентами в музее организовывались А. П. Скафтымовым и в последующие годы. Так, в апреле 1945 года для 22 человек 4-го курса здесь была проведена архивная практика. Студентам предлагалось изучение цензурной истории текста диссертации Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности». Этот же текст рассматривался и со стороны работы автора над стилем. Изучение рукописи сопровождалось сравнительным исследованием опубликованного текста в издании «Статьи по эстетике» (М., 1938). В задачу архивной практики входило также ознакомление с автографом дневника Чернышевского, написанного индивидуальным шифром. Работа над дневником требовала особого внимания и тщательности. Специальный раздел практики предусматривал научное описание рукописей Чернышевского на основании составленных музейными работниками каталогов[33].

В 1944—1945 учебном году А. П. Скафтымов организовал на 1 курсе филологического факультета научный студенческий семинар. Он состоял из 10 человек. Под руководством профессора были законспектированы некоторые общие работы о Чернышевском, в том числе книга Г. В. Плеханова[34].

---

[33] См.: *Чернышевская Н. М.* Страницы научной жизни Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Памяти А. П. Скафтымова.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1971, вып. 6, с. 275—276, 278.

[34] См.: *Плеханов Г. В.* Н. Г. Чернышевский. Спб, 1910.

Затем каждый студент получил тему, связанную с литературно-критическими статьями Чернышевского о А. С. Пушкине, И. С. Тургеневе, Л. Н. Толстом, А. Н. Островском, Д. В. Григоровиче, Н. В. Успенском, М. В. Авдееве[35].

«Большим успехом у студентов пользовался спецкурс, прочитанный А. П. Скафтымовым в стенах педагогического института и университета. Этот обзор жизни и деятельности революционного демократа нашел место в двух изданиях его биографии»,— писала Н. М. Чернышевская, неоднократно слушавшая этот спецкурс[36].

Для студентов 1952—1953 года обучения А. П. Скафтымов открыл спецсеминар «Революционно-демократическая литературная критика», в котором Чернышевскому отводилось важнейшее место. Одно из занятий было проведено как коллоквиум «В. И. Ленин о Чернышевском». Среди предложенных тем значились и такие: «Оценка принципов критики Белинского в работе Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Содержание принципа народности в отзывах Чернышевского о творчестве Д. Григоровича», «Вопрос о сознательности творческого процесса в отзывах Чернышевского о Гоголе», «Пьеса А. Н. Островского «Доходное место» в оценках Чернышевского и Добролюбова», «Идейное наследство Чернышевского в оценках Писарева» [37].

На занятиях у А. П. Скафтымова студенты осваивали высокую культуру литературоведческого исследования, проходили замечательную научно-методическую школу.

Работа А. П. Скафтымова была поддержана и продолжена его учениками. Материалы прочитанного Е. И. Покусаевым спецкурса по Чернышевскому легли в основу составленного им критико-биографического очерка.

В спецсеминаре по истории русской сатиры, которым Е. И. Покусаев руководил многие годы, темы о Чернышевском были представлены в связи с сатирическими образами в романах «Что делать?» и «Пролог».

На старших курсах факультета доцентом кафедры русской

---

[35] Свидетельство Е. И. Куликовой, ныне доцента Сарат. пед. института.

[36] См.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы, вып. 6, с. 280. Имеется в виду кн.: *Скафтымов А. П.* Жизнь и деятельность Чернышевского. Саратов, 1939; то же изд. 2-е, 1947.

[37] Свидетельство Г. Н. Антоновой, ныне доцента Сарат. университета.

литературы А. П. Медведевым неоднократно читался спецкурс «Чернышевский — теоретик искусства и литературный критик». В спецкурсе ставилась задача — познакомить студентов с теоретическими рассуждениями автора диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» о важнейших категориях эстетики: прекрасном, возвышенном, трагическом и комическом. Слушатели спецкурса получали содержательное объяснение по поводу толкования Чернышевским проблемы типического и индивидуального, сознательного и бессознательного в творческом процессе, формы и содержания произведений искусства, проблемы художественности, народности. «Творчество Чернышевского как теоретика искусства,— отмечалось в спецкурсе,— затрагивает ряд вопросов, обсуждение которых важно и интересно и для нашего времени, потому что многие положения эстетической теории Чернышевского составили фундамент марксистско-ленинской эстетики. Чернышевский, создававший свою теорию в борьбе с идеалистическими концепциями, в борьбе с теоретиками так называемого «чистого искусства», и по сию пору является нашим союзником в тех теоретических спорах и дискуссиях, которые ведутся ныне с различными ревизионистами, абстракционистами, декадентами, основывающими свои взгляды на идеалистической философии и реакционных политических учениях». В спецкурсе рассматривались также основные принципы литературно-критической позиции Чернышевского, его суждения о виднейших русских писателях-классиках. Говоря о методологическом богатстве и мастерстве Чернышевского-критика, автор спецкурса подчеркивал непреходящее значение его литературно-критической практики. Непосредственное соотнесение лекционного материала с современностью сообщало спецкурсу актуальность и остроту участия в живом текущем литературном процессе.

Руководимый А. П. Медведевым в 1954—1961 гг. спецсеминар «Жизнь и творчество Чернышевского» охватывал ряд малоизученных в ту пору проблем: «Литературное ученичество Чернышевского», «Вопросы теории и истории литературы на страницах студенческого дневника», «Проблема художественности в эстетике Чернышевского», «Чернышевский о трагическом», «Проблема источников саратовской биографии» и др.

В 1969—1973 гг. доцент Б. И. Лазерсон вела спецкурс «Чернышевский — беллетрист». Особое внимание уделялось рассмотрению специфики творческого метода Чернышевско-

го-писателя, жанровой принадлежности его романов «Что делать?» и «Пролог» и определяемых ими особенностей их поэтики, своеобразию образных и стилистических средств. В программе лекций — выяснение эволюции творческого метода Чернышевского, обусловленной эволюцией его мировоззрения, вопрос о соотношении творческого метода романов и проблемы прототипичности, изучение типологических параллелей (при разном идейном наполнении) жанра публицистического, социально-философского романа Чернышевского с его предшественниками (Герцен) и современниками (Тургенев, Достоевский, писатели-демократы) [38].

На лекциях и практических занятиях и в еще большей мере в семинарах и научных кружках студенты делают первые самостоятельные шаги в исследовательском освоении наследия писателя. Лучшие работы студентов включаются в программы ежегодных научных студенческих конференций, некоторые из них опубликованы [39].

В 1978 году был открыт кафедральный научно-методический кабинет по изучению и пропаганде творческого наследия Н. Г. Чернышевского. Возможности организации различных занятий для студентов значительно расширились. В кабинете развернута экспозиция ценных материалов, отражающих важные темы в изучении Чернышевского: «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о Н. Г. Чернышевском», «Чернышевский и русская литература», «Чернышевский на каторге и ссылке», «Изучение Чернышевского в Саратове», «Черны-

---

[38] См. в кн.: Спецкурсы кафедры русской литературы / Под ред. Е. П. Никитиной. Изд-во Сарат. ун-та, вып. 1, 1974, с. 31—46.

[39] См.: *Марынов А. И., Бельмесова В. И.* Отклики саратовских газет на смерть Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1971, вып. 6, с. 260—265. Студентками Л. Лопатиной и Л. Борзовой подготовлены к печати тексты писем Пыпиных для статьи Б. И. Лазерсон «Письма Пыпиных из Саратова в Петербург». (Там же, с. 232—242). См. также: *Рыжков Н. П.* Школа революционно-демократического журнала (Н. Г. Чернышевский и А. Н. Пыпин).— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Сарат. ун-та, 1978, вып. 8, с. 161—173. Студенты Л. Г. Горбунова, Е. Г. Елина, С. В. Катков, В. И. Кузнецов, Н. В. Мокроусова, Н. Н. Редько, Н. Н. Смолянинов, М. В. Сохинов, В. А. Стукалов, Л. С. Теселкина, Ю. Н. Чаленко, И. С. Чебоксарова, Н. М. Черепанова, А. А. Чужанов оказали значительную помощь в создании библиографического справочника о Чернышевском. (См.: Н. Г. Чернышевский. Указатель литературы. 1960—1970 / Составители П. А. Супоницкая, А. Я. Ильина. Научная редакция Б. И. Лазерсон, В. В. Прозорова. Изд-во Сарат. ун-та, 1976).

шевский на сцене саратовских театров». Здесь сосредоточена специализированная библиотека, составившаяся из книжных собраний А. П. Скафтымова, Н. А. Алексеева, Е. И. Покусаева, рукописей ученых и книг с дарственными надписями [40]. Лабораторные работы по историко-литературным курсам (истории русской литературы XIX в., истории русской критики), семинарские и просеминарские занятия, подготовка лекторских студенческих групп и экскурсоводов для Дома-музея Н. Г. Чернышевского — таков перечень проводимых в кабинете аудиторных и внеаудиторных мероприятий. Материалы кабинета включены в общий комплекс учебной и воспитательной работы со студентами.

В июле 1977 года состоялась университетская научная экспедиция в составе А. Демченко (руководитель), В. Смирновой и А. Фокеева по маршруту Саратов — Иркутск — Усолье Сибирское — Чита — Якутск — Вилюйск — Саратов. Были обследованы и сфотографированы памятные места Чернышевского в Иркутске (дом жандармского управления, пересыльной тюрьмы, губернатора, Московский тракт). В Иркутском краеведческом музее получены виды города второй половины XIX в. В Усолье Сибирском, где Чернышевский начал отбывать каторжные работы, засняты места, где находился солеваренный завод. В Чите установлены контакты с местным краеведческим музеем и педагогическим институтом им. Чернышевского, отсняты фотокамерой места каторжного тракта и здание жандармского управления. В Вилюйске, где Чернышевский провел 12 лет ссылки, засняты здание полицейского управления (ныне краеведческий музей), памятник Чернышевскому, виды реки Вилюй, некоторые современные здания. Здесь же у Е. М. Никифорова записано одно из якутских преданий о Чернышевском. Изготовлены фотокопии с некоторых документов о Чернышевском, снят любительский цветной фильм «Двадцать дней одной жизни». Материалы экспедиции составили один из фондов кабинета Чернышевского.

В связи с 150-летием со дня рождения Чернышевского студенты под руководством преподавателей подготовили и провели кафедральные дни «Читаем, изучаем Чернышевского...», «Чернышевский и театр», прочитали популярные лек-

[40] См. подробнее: *Хромова И., Щербакова Г.* «За себя самого я совершенно доволен...» — Ленинский путь (СГУ), 1978, № 22.

ции в школах, вузах и на предприятиях Саратова, участвовали в работе юбилейных научных студенческих конференций [41].

В последние годы сотрудниками кафедры подготовлены 8 и 9 выпуски межвузовского сборника о Чернышевском [42], начало научной биографии Чернышевского [43], издан «Свисток», в котором сотрудничал писатель [44], комментированный двухтомник его литературной критики [45], сборник мемуаров [46]. В 1983 г. защищена в ЛГУ докторская диссертация по проблемам создания научной биографии писателей-классиков (на материале биографии Н. Г. Чернышевского).

Изучение Чернышевского продолжает оставаться на кафедре русской литературы одним из важнейших научных направлений. Предстоит работа по завершению научной биографии Чернышевского, созданию фундаментальной библиографической монографии, участие в новых изданиях сочинений писателя, подготовка очередных выпусков межвузовского сборника «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы».

---

[41] См.: Там же, № 12, 18, 25.

[42] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1978, (вып. 8), 1983, (вып. 9).

[43] *Демченко А. А.* Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая./Под ред. Е. И. Покусаева. Саратов, 1978.

[44] «Свисток». Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859—1863./Изд. подг. А. А. Жук и А. А. Демченко. Ред. Е. И. Покусаев, И. Г. Ямпольский. М., 1981.

[45] *Чернышевский Н. Г.* Литературная критика в 2-х тт./Изд. подг. Г. Н. Антонова, Т. М. Акимова, Ю. Н. Борисов, А. А. Демченко, А. А. Жук, Г. В. Макаровская, В. В. Прозоров. М., 1981.

[46] Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников./Составители Е. И. Покусаев и А. А. Демченко. М., 1982.

Николай Кирьякович Пиксанов

Начало филологического образования в Саратовском университете связано с именем выдающегося советского литературоведа члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР Николая Кирьяковича Пиксанова.

Вклад Н. К. Пиксанова в развитие советского литературоведения давно и по достоинству оценен научной общественностью. По верному замечанию А. С. Бушмина, «мало кто мог бы стоять рядом с Н. К. Пиксановым по широте научных интересов в области истории русской литературы. Эту историю он исследовал в её главных аспектах от истоков до наших дней и во многих ответвлениях литературоведения явился первооткрывателем» [1]. Действительно, в обширном наследии ученого (список его трудов включает около 800 названий) [2] важное место занимают разносторонние исследования творчества Ломоносова, Радищева, Грибоедова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Тургенева, Островского, Толстого, Достоевского, Белинского, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Короленко, Горького. Существенные проблемы изучения фольклора, древнерусской литературы и литературы XVIII века, истории русской общественной мысли и освободительного движения, критики и журналистики, русской драматургии и театра нашли в лице Н. К. Пиксанова глубокого и оригинального истолкователя. Велико значение предпринятых ученым разысканий в области текстологии, источниковедения и библиографии, а также методики изучения литературы в высшей школе.

---

[1] Лит. газ., 1968, № 16, 17 апр.

[2] См.: Библиография ученых СССР. Николай Кирьякович Пиксанов / Вступит. статья А. И. Ревякина. Библиография составлена Р. И. Кузьменко. М., 1968.

В трудах Н. К. Пиксанова намечались, обосновывались и получали конкретную разработку многие существенные направления советской науки о литературе, и в том числе те из них, которые стали ведущими в деятельности нескольких поколений саратовских филологов. Это прежде всего изучение судеб русского реализма XIX века, наследия революционных демократов. В историю становления литературной науки в Саратове Н. К. Пиксанов — исследователь и педагог — вписал значительную и яркую страницу.

I

В 1917 году Н. К. Пиксанов стал профессором Саратовского университета и проработал здесь на вновь открывшемся филологическом факультете вплоть до конца 1921 года, когда, избранный профессором Первого Московского университета, он переехал в Москву.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции Н. К. Пиксанов «приближался к сорокалетию своей жизни. Для многих ученых этого возраста вопрос о признании пролетарской власти оказался весьма трудным, мучительным. Одни колебались, а иные уходили в стан врагов, превращались во внутренних и внешних эмигрантов. Будучи одним из представителей лучших демократических традиций старой русской филологической науки, Н. К. Пиксанов принял революцию без колебаний» [3].

Время коренных революционных преобразований во всех сферах жизни России открывало широкий простор для проявления творческой инициативы и общественного темперамента деятеля науки. В Саратове начинается путь Н. К. Пиксанова как советского ученого — исследователя и педагога нового типа, активного участника строительства социалистической культуры. Его гражданская и научная позиция определялась важнейшими факторами, о которых А. С. Бушмин писал: «В деятельности Н. К. Пиксанова нашли свое яркое выражение как лучшие демократические традиции старой русской филологической науки, так и то плодотворное воздействие Великой революции, которое, по его собственному признанию, он остро ощутил на себе» [4]. Одним из первых Н. К. Пиксанов пришел к убеждению в необходимости и пло-

[3] Там же, с. 10.

[4] *Бушмин А.* Николай Кирьякович Пиксанов.— Нева, 1963, № 4, с. 181.

дотворности для развития литературоведения марксистской методологии.

Пересмотр научных традиций, проблемы методологии, поиски новых путей в изучении литературы были в центре внимания Н. К. Пиксанова. Эти интересы были исторически обусловлены, поскольку «состояние филологической науки... в первые годы Октября отражало общую картину развития гуманитарных наук того периода, когда все находилось в становлении, брожении, формировании»; «напряженные поиски нового нередко уводили к поверхностному социологизму с его пренебрежением к специфике литературного развития, абстрактному формализму, игнорирующему идейно-общественное содержание литературы и пр.»[5].

Критически оценивая тенденции психологизма и социологизации в литературоведении прошлого, Н. К. Пиксанов уже в 1920 году говорил о плодотворности социологического подхода к изучению литературных явлений, основанного на марксистской теории — «социологический метод, понятый правильно, т. е. как метод историко-материалистический, марксистский, обеспечивает подлинный генезис поэтических явлений»[6]. При этом подчеркивалась и необходимость разработки принципов эстетического анализа, позволяющего раскрыть специфику литературного произведения как явления искусства. Не принимая современного ему формализма (как и крайностей социологизации), Н. К. Пиксанов вместе с тем отмечал естественность возникновения формалистических тенденций: «... крайности старого метода естественно вызвали на такую же крайнюю реакцию, и долгое пренебрежение формально-эстетическими изучениями литературы породило обратную нетерпимость. Молодому научному направлению, еще не искушенному разнообразными опытами, еще полному преувеличенных надежд, еще не воспринимающему тех неизбежных границ, в каких суждено действовать любому методу, естественно представлялось, что формально-эстетический анализ есть единственно законный и продуктивный метод. Послышались голоса за изгнание не только историзма, но и всякого психологизма из изучения поэзии. Это была, несомненно, вредная крайность»[7].

---

[5] Саратовский университет. 1909—1959. Саратов, 1959, с. 116.
[6] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума». М., 1971, с. 14.
[7] Там же, с. 15.

Размышления Н. К. Пиксанова о проблемах методологии направлены в это время на поиски научного синтеза, органичного, взаимообогащающего объединения плодотворных тенденций, свойственных различным литературоведческим школам без присущей им односторонности. В этом плане весьма показательны и характерны проницательные суждения ученого о перспективах развития науки о литературе: «Отрешаясь от увлечений момента и вдумываясь в дальние судьбы русской литературной науки, можно уверенно сказать, что она возвратится к историзму в широком смысле, усовершенствовав только приемы изучения историко-социологического. Возродится и биографический жанр, только осложнившись теми психологическими общими знаниями и приемами, коих так недостает биографам-словесникам, слишком мало знакомым с научной психологией (а иногда, по особенностям предмета, и с психопатологией, с ее социологическим осознанием). Несомненно, с плодотворными результатами осуществляться будет и параллельное изучение русской литературы и других искусств, на чем настаивал некогда Буслаев и образцы чего он представил в своих прекрасных трудах.

Однако несомненно, — продолжает Н. К. Пиксанов,— что кризис научной методологии в ближайшее время (писано в 1920 г.) разрешится в сторону формально-эстетических проблем. Некогда столь любезные словесникам пиитика с риторикой уже возрождаются в новой, углубленной форме. А наряду с теоретической поэтикой будет культивироваться и поэтика историческая. Продолжая начатые Веселовским исследования эмбриональных поэтических форм в сторону более сложных позднейших образований, но воздерживаясь от перехода к вкусовой оценке современных поэтических начинаний и исканий, к чему склонны многие новейшие теоретики, новая литературная наука найдет много плодотворных задач. На очереди разработка истории русского литературного языка, так мало изученного, притом не только в чисто лингвистическом, но и в стилистическом направлении. История русского стихосложения, еле намеченная эпизодическими работами, должна вытянуться в сплошную цепь исследований, начиная с XVIII в. Необходимо создание исторической морфологии русского художественного эпоса, лирики, драмы, опять начиная от пестрого многообразия XVIII в.» [8].

---

[8] Там же, с. 15—16.

Развитие советского литературоведения вплоть до настоящего времени во многом подтвердило научные предсказания исследователя.

II

В становлении Пиксанова-литературоведа важную роль сыграла научная методология культурно-исторической школы. Не являясь прямым учеником А. Н. Пыпина, крупнейшего представителя этого направления русской академической науки, Николай Кирьякович убежденно называл его своим учителем[9]. Накануне переезда в Саратов Н. К. Пиксанов издал отредактированный им, снабженный предисловием, примечаниями и дополнениями, фундаментальный труд А. Н. Пыпина [10]. В саратовские годы Н. К. Пиксанов отчетливо проявляет критическое отношение к традициям культурно-исторической школы, сохраняя полное уважение к ее научным достижениям. Высказывания о Пыпине и его исследовательских принципах весьма показательны для методологического самоопределения Н. К. Пиксанова. Эти мысли, по-видимому, излагались им и в университетских аудиториях (семинарии, специальный курс «Русская литературная историография», выступления на заседаниях научных обществ). «Наиболее характерным,— пишет в это время Н. К. Пиксанов,— наиболее показательным для общих тенденций нашей литературной историографии являлся Пыпин. Со своими «великими сводами» он был властителем дум и историков литературы, и преподавателей словесности, и любителей исторического чтения. В специальных монографиях, этюдах, статьях тот или другой историк мог следовать Буслаеву или Веселовскому или остаться нейтральным и индифферентным к общим принципам и миросозерцанию. Но как только кто-нибудь хотел перейти к более широким построениям, захватывал целый литературный период или литературное направление, он неизбежно начинал работать и мыслить в схемах историко-культурного метода.

Едва ли необходимо много говорить о нем,— продолжает Пиксанов.— Им была проникнута вся наша педагогическая и научная литература. Стоит пересмотреть несколько наибо-

[9] См.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 138.

[10] См.: *Пыпин А. Н.* Исследования и статьи по эпохе Александра I. Т. 1. Религиозные движения при Александре I. Пг., 1916; То же. Т. 2. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917.

лее известных учебников, чтобы в этом убедиться. Не менее показателен пересмотр трудов Пыпина, столь популярных, ставших классическими. Государственные реформы, политические планы, общественные настроения, религиозно-философские воззрения, организация просвещения, социальные движения, крестьянский вопрос — вот те связи, в каких рассматриваются у Пыпина литературные явления. Среди двух тысяч страниц его «Истории русской литературы» нигде не найдется и одной полной, посвященной эстетическому, чисто литературному анализу. Всюду литература понимается Пыпиным только как часть общей духовной культуры и едва ли не всюду ей усвояется служебная роль культурно-исторической иллюстрации»[11].

Н. К. Пиксанов в полной мере осознавал значение научного опыта предшественников, убеждал своих учеников в необходимости критического освоения литературоведческих традиций, в которых важно отделить ошибочное, устаревшее, сохранив и восприняв все ценное и перспективное. Отсюда постоянное внимание к историографии литературной науки и в исследовательских трудах, и в лекционных курсах, и в семинариях Пиксанова. Так, в Саратовском университете Николай Кирьякович организовал специальный семинар по изучению литературного наследия академика Пыпина, выдающегося ученого, жизнь и деятельность которого были неразрывно связаны с Саратовом, с Н. Г. Чернышевским.

III

Многообразные исследовательские начинания профессора Пиксанова активно включались в разработку наиболее актуальных задач и направлений молодой советской науки о литературе. Вот некоторые из тем его выступлений в Саратове: «Из неизданных материалов по Тургеневу», «Сердце Чернышевского», «Памяти Некрасова», «К изучению литературного наследия А. Н. Пыпина», «Памяти И. А. Шляпкина» и др. В выступлениях Николая Кирьяковича ставились важнейшие вопросы, связанные с собиранием и изучением не изданных до революции материалов о писателях-классиках, с пропагандой наследия революционных демократов, с переоценкой и критическим освоением традиций русского академического литературоведения.

[11] *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума», с. 13—14.

Особое место в этом ряду занимают грибоедовские темы. Уже в дореволюционное время Н. К. Пиксанов выдвинулся как крупнейший специалист по творчеству Грибоедова. В активе учёного были такие признанные труды, как образцово подготовленное издание Полного собрания сочинений А. С. Грибоедова (1911—1917), историко-литературный очерк о писателе в «Истории русской литературы XIX века» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского (т. I, 1908), ряд ценных статей и публикаций. Н. К. Пиксанову обязана отечественная культура открытием подлинного, освобождённого от многочисленных искажений и фальсификаций текста «Горя от ума». Продолжив в Саратове изучение Грибоедова, Николай Кирьякович систематически выносил на обсуждение результаты новых разысканий, которые вскоре войдут в книгу «Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции» (М., 1922) и в монографию, написанную в Саратове в 1917—20 гг., явившуюся одним из высших достижений автора и советской литературной науки 1920-х годов в целом,— «Творческая история «Горя от ума» (М., 1928).

В программах заседаний саратовских научных обществ сохранились названия докладов Н. К. Пиксанова: «Рецидив редакторской безграмотности (новое издание «Горя от ума» под ред. П. П. Гнедича), «Софья Павловна Фамусова. Творческая история образа», «Грибоедов и Мольер. Переоценка традиции». В работах о Грибоедове на конкретном примере обосновывались и защищались научные принципы текстологического изучения и издания классических произведений — дело особенно важное, поскольку одной из первоочередных задач советского литературоведения в те годы было издание сочинений классиков, освобождённых от цензурных и иных искажений текста; решались методологически существенные проблемы сравнительного изучения литературы и намечались методические приёмы исследований такого рода; демонстрировался плодотворный опыт в новой для науки того времени области изучения творческой истории литературного шедевра.

Монография «Творческая история «Горя от ума» явилась весомым результатом методологических исканий Н. К. Пиксанова в первые послереволюционные годы. В этой работе на новой теоретической основе выдвигалось изучение творческой истории как «способ постижения исторического генезиса, художественной структуры и своеобразия художествен-

ных произведений»[12]. Монография Пиксанова представляет поистине синтетический труд, включающий обоснование методологии и методики исследования, историографический анализ темы, текстологический и биографический аспекты, всесторонний эстетический разбор произведения в связи с процессом формирования и реализации поэтического замысла, рассмотрение грибоедовского шедевра на широком историко-литературном фоне. Не будет преувеличением сказать, что работа Н. К. Пиксанова и для нашего времени сохраняет своё значение как плодотворный опыт системного анализа литературного произведения при всём том, что «в труде такого масштаба и такой давности мы обнаруживаем сегодня те или иные большие и малые недостатки»[13]. О существенном интересе современного литературоведения к книге Пиксанова свидетельствует факт её переиздания в 1971 году Комиссией по истории филологических наук АН СССР.

Определяя значение «Творческой истории «Горя от ума» для литературной науки 1920-х годов, Н. Ф. Бельчиков отмечал: «Заслуга Н. К. Пиксанова в том, что он своевременно поставил вопрос об обосновании проблемы в свете марксизма-ленинизма и сделал попытку осмыслить творческую историю в плане марксистско-ленинской методологии на основе принципов развития и всестороннего изучения явлений в их связи и единстве... придал методике изучения творческой истории научный филологический характер, освободив её от влияния эстетских, импрессионистских и формалистических трактовок»[14].

Тот факт, что свою «главную книгу» — труд, признанный образцом литературоведческого исследования,— Н. К. Пиксанов создал в Саратове, наглядно свидетельствует об особой значительности саратовского периода в творческой биографии учёного. Этот факт позволяет судить и об огромной ценности традиций и личного участия Пиксанова в становлении литературной науки и филологического образования в Саратовском университете.

---

[12] *Гришунин А. Л.* Комментарии.— В кн.: *Пиксанов Н. К.* Творческая история «Горя от ума», с. 369.

[13] Там же, с. 376. См. также: *Мусатов Е. И.* Методологическое значение творческой истории литературного шедевра.— В кн.: Страницы истории русской литературы. М., 1971, с. 283—290.

[14] *Бельчиков Н. Ф.* Пути и навыки литературоведческого труда. Изд. 2-е. М., 1975, с. 138.

IV

На формирование научных интересов и методологических убеждений Н. К. Пиксанова в годы работы в Саратове, как можно предполагать, оказывало воздействие интенсивное общение с коллегами по историко-филологическому факультету, среди которых выделяются В. М. Жирмунский, Б. М. Соколов и начинавший тогда свою университетскую деятельность А. П. Скафтымов (на должность помощника библиотекаря А. П. Скафтымов был назначен в апреле 1918 года по рекомендации А. М. Добровольского и Н. К. Пиксанова). В острых спорах, в совместных поисках, духовно обогащавших каждого, вырабатывались решения, которые обеспечивали высокий уровень изучения и преподавания литературы и фольклора в Саратовском университете.

Богатейший опыт, накопленный прежде всего в процессе длительных и многоаспектных занятий творчеством Грибоедова, опыт в области историко-литературных и теоретических изучений, историографии, текстологии, источниковедения и библиографии Николай Кирьякович передавал своим ученикам, тщательно заботясь об их всесторонней профессиональной подготовке. Не случайно «его специальные курсы «Грибоедов и его время» и «Русская литературная историография» привлекали большое внимание студенчества поисками новых методов в исследовании литературных явлений и событий»[15]. То же можно сказать и о семинарах Н. К. Пиксанова. Залогом педагогического успеха учёного служило органичное слияние в его деятельности неустанного научного поиска и преподавания.

До приезда в Саратов Н. К. Пиксанов уже обладал немалым педагогическим опытом, приобретённым во время работы в средних и высших учебных заведениях Петербурга, в том числе на Высших женских (Бестужевских) курсах (с 1908 года) и в университете (с 1912 года). В Саратове он исполнял обязанности секретаря факультета и заведующего кабинетом русской философии, читал общие и специальные курсы по истории русской литературы XVIII—XIX вв., руководил семинарами[16]. Им был введён в практику вузовского преподавания новый тип научно-методического пособия, который получил широкое признание,— печатный семинарий.

[15] Саратовский университет. 1909—1959, с. 116.

[16] См. там же.

Этот особый литературоведческий жанр активно живёт и в настоящее время. Первое издание такого рода вышло в 1909 году [17]. До 1929 года различные семинарии Н. К. Пиксанова издавались 14 раз. При этом не только обновлялась и расширялась их тематика, но и совершенствовалась структура издания [18].

Можно предполагать, что в своей педагогической работе Николай Кирьякович отдавал предпочтение семинарам как такой форме занятий, которая в наибольшей степени позволяла воспитывать у студентов самостоятельность мышления, исследовательскую инициативу, культуру научного и литературного труда. Н. А. Трифонов, учившийся у Пиксанова в 20-е годы во Втором МГУ, пишет: «Я не помню, чтобы Н. К. Пиксанов читал у нас общие лекционные курсы, у него больше лежала душа к специальным семинарам (или, как тогда говорили, «семинариям») [19]. В Саратовском университете Николай Кирьякович, как уже упоминалось, вёл основные историко-литературные курсы, но и здесь, видимо, с особым пристрастием относился к семинариям. Он руководил семинарами (годовыми) по изучению творчества Тургенева, Гончарова, Некрасова, литературного наследия Пыпина, русской драмы XVIII века.

В своих учениках Н. К. Пиксанов воспитывал и поощрял стремление к самостоятельному исследовательскому поиску. Так называемые вспомогательные филологические дисциплины были в большом почёте. Задания продумывались таким образом, чтобы, выполняя их, студент овладевал основами, технологией литературоведческого труда и вместе с тем при соответствующем упорстве и серьёзности в работе мог бы достичь научно значимого результата. Особое внимание уделялось изучению источников. Не утрачивает актуальности важнейший совет Пиксанова начинающим литературоведам: «Часто бывает, что неопытный работник, прежде всего, выискивает в собранной литературе статью авторитетного историка или критика и, запасшись от него готовыми взглядами, нанизывает на них факты. Часто предпочитают изучать критиков,

---

[17] См.: Семинарий по русской литературе под руководством Н. К. Пиксанова. Спб., 1909 (Литогр. изд.).

[18] См.: *Барсук А. И.* Печатные семинарии по русской литературе (1904—1963) (Историко-библиографический очерк). М., 1964.

[19] *Трифонов Н.* Семинарии Пиксанова.— Вопросы литературы, 1979, № 5, с. 308.

а не поэтов и происходит заочное «знакомство» с писателем. Такие приёмы вредны для работы. На первом месте должны стоять источники, а пособия — только на втором»[20].

Одна тема в семинарах Н. К. Пиксанова нередко поручалась не одному, а двум-трём студентам, что позволяло не только сравнивать результаты, но при равных достоинствах работ проследить различие исследовательских подходов в изучении одного предмета. Доклады заслушивались и подробно обсуждались на занятиях семинара. Руководитель заботился о том, чтобы наиболее ценные работы попали в печать, хотя это не всегда получалось. В истории университета сообщается, например, что «под руководством Н. К. Пиксанова слушательница Р. П. Маторина подготовила к печати хронологию произведений Г. И. Успенского; А. Н. Лозанова — работу об исторических песнях о С. Разине (с приложением сборника песен); студентка Н. М. Чернышевская — хронологию и библиографию писем Гончарова»[21].

Во время работы в Саратовском университете Н. К. Пиксановым были опубликованы два семинария — «Пушкинская студия» и «Театральный семинарий»[22]. Разнообразная тематика семинарских занятий Пиксанова в Саратовском университете нашла своё отражение и в более поздних изданиях[23].

«Пушкинская студия» даёт представление о том, по каким путям направлял учёный-педагог начинающих исследователей. Темы семинария охватывают вопросы биографии писателя, текстологии и источниковедения его творчества, библиографического разыскания; предусматривается как монографический разбор одного произведения, так и анализ под определённым углом зрения (эволюция темы, рассмотрение отдельных элементов поэтики и т. п.) группы произведений; ряд тем нацеливал на изучение жанра, стиля, творческой ис-

---

[20] *Пиксанов Н. К.* Два века русской литературы. Изд. 2-е. М., 1924, с. 20.

[21] Саратовский университет. 1909—1959, с. 125.

[22] *Пиксанов Н. К.* Пушкинская студия. (Введение в изучение Пушкина. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы). Саратов, 1921. То же.— В кн.: Научно-педагогический сборник Саратовского института народного образования. Саратов, 1921; *Пиксанов Н. К.* Театральный семинарий. Студия по истории русского театра. (Темы — вопросники — библиография).— Культура театра, 1921, № 5, 6; 1922, № 1—2.

[23] См., например: *Пиксанов Н. К.* Два века русской литературы. (Введение. Темы для литературных работ. Систематическая библиография. Руководящие вопросы). М.— Пг., 1923 и др. издания.

тории художественных созданий. Многие темы, намеченные в «Пушкинской студии», вполне свежо выглядят и в наши дни (ср. «Пушкин и пластические искусства», «Эпиграммы Пушкина как литературный жанр», «Стилизация в творчестве Пушкина», «Пушкинское в поэзии Лермонтова», «Литературная школа «Бориса Годунова» и др.).

Что касается отдельных уроков «Пушкинской студии» и других семинариев Пиксанова, то нельзя не согласиться с современным автором, отметившим ценную инициативу «введения тем о крупных учёных, сделавших значительный вклад в изучение того или иного писателя. В «Пушкинской студии» в своё время было предложено восемь тем о крупных пушкинистах, таких, как П. В. Анненков, П. О. Морозов и П. Е. Щёголев... Нет надобности доказывать, какое большое значение имеет изучение творческого опыта передовых учёных и «загадок» их научных открытий, ознакомление с процессом создания трудов, составивших веху в научной литературе о писателе»[24].

В выдвижении, формулировке и обосновании новых перспективных исследовательских тем сказалось особое мастерство Н. К. Пиксанова, обусловленное опытом неустанных и разнонаправленных научных разысканий, богатой эрудицией, стремлением предвидеть день завтрашний.

V

Н. К. Пиксанов проявлял большую заботу о приобретении книг для библиотеки Саратовского университета, в чём ему деятельно помогали Б. М. и Ю. М. Соколовы. В 1918 году Н. К. Пиксанову и В. М. Жирмунскому было поручено ведение дел по переводу в Саратов завещанной университету библиотеки профессора И. А. Шляпкина. Книги из этого собрания и сейчас входят в фонд Научной библиотеки СГУ.

Николай Кирьякович оказывал благотворное влияние на своих учеников и коллег личным примером — беззаветной преданностью делу, интеллигентностью, эрудированностью, высокой культурой труда. Так, им была детально разработана методика собирания и хранения историко-литературных материалов, с помощью которой создавалась знаменитая библиотека Пиксанова — «литературоведческая лаборатория»,

---

[24] *Барсук А. И.* Печатные семинарии по русской литературе, с. 55—56.

как он называл своё собрание книг, рукописей, газетных и журнальных статей [25]. Со всеми этими богатствами, как и с содержанием «тематических папок», историко-литературной картотеки, профессор охотно знакомил своих учеников и специалистов, обращавшихся к нему за советом и помощью в научных разысканиях. Для многих поколений филологов библиотека-лаборатория Пиксанова служила школой литературоведческого мастерства.

Об одном из важных направлений деятельности Н. К. Пиксанова в Саратове свидетельствует сохранившееся в его личном архиве удостоверение, выданное Книжной палатой 18 октября 1918 года: «Предъявитель сего профессор Николай Кирьякович Пиксанов является представителем Книжной Палаты, в обязанности которого входит собирание, хранение, а по мере возможности и отправление в Книжную Палату произведений печати, выходящих в гор. Саратове и Саратовской губернии, и составление списка означенных изданий. Директор Книжной Палаты профессор Венгеров, секретарь А. Фомин» [26].

Не покидая университетской кафедры, Николай Кирьякович преподавал и на Саратовских высших женских курсах (избран преподавателем историко-филологического факультета 10 октября 1917 года), а вскоре возглавил Саратовский учительский институт (избран на пост директора 22 апреля 1918 года). Трудами нового директора учительский институт был преобразован в педагогический, а затем (в 1919 году) в Институт народного образования, что значительно расширило возможности этого учебного заведения в подготовке квалифицированных кадров для нарождавшейся советской школы.

Университетский профессор и директор педагогического института, Н. К. Пиксанов с большой серьёзностью относился к работе в Обществе педагогов г. Саратова, выполнял ответственные задания губернского отдела народного образования. Из имеющихся в архиве учёного документов известно, что участвовал он в обсуждении учебных программ и планов, лекций, в учёте и распределении книг между учрежде-

---

[25] В настоящее время огромная библиотека Н. К. Пиксанова согласно завещанию ученого хранится в ИРЛИ АН СССР.

[26] Документы из архива Н. К. Пиксанова цитируются по копиям, переданным в 1976 году М. И. Колесниковой-Пиксановой профессору Е. И. Покусаеву.

ниями, в них нуждающимися, в организации курсов для учителей и многом другом. Обращались к ученому за помощью и советом в решении вопросов, связанных с работой театров и музеев, с охраной памятников старины и искусства.

В то трудное и тревожное время приходилось заниматься и другими делами, казалось бы весьма далёкими от научных занятий, но отнюдь не казавшимися университетскому профессору мелкими или необязательными. Любопытный документ: «Повестка. Гражданину профессору Н. К. Пиксанову, дом Красулина, Вольская улица. Вы назначаетесь караульным по Вольской улице, четверг 31 декабря (13 января 1918 г.) с 3 ч. до 10 ч. между Московской и Часовенной ул.[27], куда должны своевременно явиться. Сменить Вас должен (имярек)...» далее подпись караульного старосты квартала. И Николай Кирьякович выходил на улицу нести службу по охране общественного порядка. А потом снова труд в кабинете — напряжённый и сосредоточенный: над новой книгой, над лекцией, над рукописями студентов и начинающих коллег.... Из записей М. И. Колесниковой-Пиксановой: «Н. К. Пиксанов в 1917—1920 гг. писал свою огромную работу «Творческая история «Горя от ума». Рассказывал, что писал этот труд в очень трудное время. В комнате было очень холодно, температура едва достигала 2—4 градусов тепла, дрова доставались с трудом, как и пища. Было голодное время. Чернила замерзали. Работал больше по ночам, т. к. днём был занят разными делами до предела».

Удивительное время! Гражданская война, разруха, напряжённая политическая ситуация в стране, ломка привычных связей и всего жизненного уклада, бытовая неустроенность — и всё же: «Организация при университете историко-филологического факультета и сосредоточение в нём крупных научных сил вызвали значительный подъём научной жизни среди саратовской интеллигенции, которая стала принимать непосредственное участие в работе научных обществ, организованных филологами университета»[28]. Профессора Н. К. Пиксанов и В. М. Жирмунский были в числе членов-учредителей философско-исторического общества, открытого в 1918 году при Саратовском университете. Из-за «крайней затруднённости печатания доклады на заседаниях общества

[27] Сейчас это улица Братиславская между проспектом Ленина и улицей Челюскинцев.

[28] Саратовский университет. 1909—1959, с. 126.

являлись для исследователей единственным способом поделиться результатами научных разысканий»[29]. В задачу общества входили как пропаганда научных знаний среди студенчества и населения города, так и обсуждение вопросов теоретического характера. Заседания собирали, как правило, большую аудиторию — до 100—150 слушателей, среди которых было много студентов. Философско-историческое общество,— читаем в истории университета,— «сыграло немалую роль в пробуждении у студентов исследовательской мысли» [30].

Н. К. Пиксанов был также учредителем и председателем Общества русской филологии и этнографии при институте народного образования, участвовал в работе Саратовской учёной архивной комиссии, Общества народных университетов Саратовской губернии. Вклад его в деятельность этих научно-общественных организаций, выполнявших важную функцию собирания, объединения и координации научных сил города, был весом и содержателен. В декабре 1920 года в Саратов пришло известие из Петрограда о том, что общее собрание Тургеневского общества избрало Н. К. Пиксанова своим почётным членом, «принимая во внимание... плодотворную деятельность и заслуги в деле изучения жизни и творчества И. С. Тургенева».

VI

Естественным продолжением исследовательского, научно-организационного и педагогического труда Н. К. Пиксанова явилась его литературно-просветительная деятельность в Саратове. Это была активная форма реализации демократической сущности советской науки, поставившей своей целью служение народу. Николай Кирьякович щедро делился обширными познаниями с новым демократическим слушателем, устремившимся в лекционные аудитории, выбирал для публичных выступлений темы серьёзные и увлекательные. С популярными лекциями Н. К. Пиксанов выступал в зале гимназии Куфельд, в лекционном зале музея, в Физической аудитории университета. В 1917—1918 годах им были прочитаны лекции из цикла «Мировая литература»: 1. Мировая скорбь в литературе (смысл жизни) — Гёте, Байрон; 2. Мировая скорбь в литературе (Тургенев, Достоевский, Толстой).

---

[29] Там же.
[30] Там же, с. 127.

Лекционная работа Пиксанова отвечала насущной задаче раскрыть «родословную» революционных идей, выявить органическую связь русской литературы с освободительным движением. Учёный читает лекции о Герцене и Чернышевском. В январе 1920 года Президиум просветительной ассоциации обращается к профессору Пиксанову с просьбой организовать чествование памяти Герцена в университете. В апреле 1918 года Николай Кирьякович выступает в Физической аудитории университета с лекцией «Тургенев и хождение в народ (из истории революционного народничества)». О содержании этого выступления, по-новому освещавшего идейный облик писателя, можно судить по сохранившейся программе: «Тургенев-народолюбец. «Записки охотника» и освобождение крестьян. Революционное народничество полвека назад. Пропагандисты и «народный разум». Бунтари и «революционные страсти». Личные отношения Тургенева к народничеству. Стихотворения в прозе «Порог» и «Чернорабочий и белоручка». Роман «Новь» и споры вокруг него. «Хождение в народ» и оценка его самими народниками. Народ — «всероссийский сфинкс».

В Саратове, на родине Чернышевского, Н. К. Пиксанов активно включается в дело изучения и пропаганды наследия великого революционера-демократа, издавна привлекавшего его пристальный интерес. Так, в ноябре 1919 года Пиксанов организует специальное заседание Общества русской филологии и этнографии в память Н. Г. Чернышевского, на котором выступает с речью «Сердце Чернышевского». В программе этого заседания также — речь профессора Б. М. Соколова «Роман Чернышевского «Что делать?» и доклад М. Н. Чернышевского «Из семейной хроники Н. Г. Чернышевского (неизданные письма)». Н. К. Пиксанов участвует в делах, связанных с организацией в Саратове Дома-музея Н. Г. Чернышевского. Результатом музейно-архивных разысканий этих лет явилась позднейшая публикация переписки Н. Г. Чернышевского с современниками[31]. К саратовским разысканиям о Чернышевском восходят и другие печатные выступления исследователя более позднего времени: «Разум и сердце Чернышевского» (1928) — на эту тему Н. К. Пиксанов читал публичную лекцию в Саратове,— «Добролюбов

[31] См.: Переписка Чернышевского с Некрасовым, Добролюбовым и А. С. Зеленым. 1855—1862. (По рукописям музея имени Чернышевского в Саратове и Пушкинского Дома в Ленинграде) / Примечания Н. К. Пиксанова. М.-Л., 1925.

в оценке Чернышевского» (1936), «Университетский диспут Чернышевского как общественное явление» (1941). При непосредственной помощи Николая Кирьяковича создавался труд его ученицы по Саратовскому университету Н. М. Чернышевской «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» (М., 1953).

В декабре 1921 года Н. К. Пиксанов выступил в переполненной слушателями (до 800 человек) Физической аудитории на торжественном заседании, посвящённом столетию со дня рождения Ф. М. Достоевского, с докладом «Христос в сознании Достоевского», в котором «дал подробный анализ религиозных воззрений писателя и путём ряда выдержек из писем и сочинений утверждал ту мысль, что несмотря на горячую защиту своей веры в Христа и преклонение перед его нравственным обликом, Достоевский до конца жизни таил в душе великие сомнения, всегда готовые не только поколебать веру, но и в корне её отвергнуть...»[32]. Это было последнее выступление Н. К. Пиксанова в Саратове перед отъездом.

Научная и общественная инициатива профессора Пиксанова, его разнообразные начинания находили живой отклик студенческой аудитории. К Николаю Кирьяковичу студентов неизменно привлекали его истинный профессионализм, прочная методическая оснащённость занятий, увлечённость предметом и способность передать свою увлечённость, свой опыт ученикам. Об отношении вузовской молодёжи к своему наставнику свидетельствуют письма, адресованные Н. К. Пиксанову в связи с его отъездом в Москву в конце 1921 года. Эти письма ярко воссоздают и общую атмосферу времени, и студенчество той поры с его активным стремлением к знаниям, упорством в овладении профессией, мужеством в преодолении трудностей. В обращении группы студентов от 30 ноября 1921 года читаем: «...Нам очень жаль, что Вы уезжаете, нам слишком тяжело прощаться с Вами!.. Вы зажгли огонек в наших душах, и будьте спокойны, мы постараемся поддержать этот огонек. Но, многоуважаемый Николай Кирьякович, время тяжелое: костлявая рука голода уже хватает людей, и мы боимся — устоим ли, хватит ли сил поддержать этот огонек. Вы можете помочь нам в этом своими, хоть редкими, приездами к нам, своим живительным словом, и мы, оставшиеся здесь слушатели IV курса вне-

[32] Культура (Саратов), 1922, № 1, с. 12.

школьного отдела, просим Вас об этом. Не забывайте нас! Наши мирные занятия в тесном кружке мы всегда будем вспоминать, а теперь — за Ваше серьезное отношение к нашим занятиям, за Ваше вдумчивое и чуткое отношение к нам, за Ваше ободряющее слово — примите от нас сердечное русское спасибо и низкий-низкий поклон!»

Из другого письма этого же времени: «...Каждый год Вашей работы в институте ознаменовывался каким-либо крупным достижением, и в результате Вашей кипучей деятельности небольшой учительский институт превратился в крупное учреждение краевого значения.

Нам дорого, что Вы всегда привлекали студенчество к широкой активной работе в строительстве института. Вы ценили инициативу студенчества и все его культурные начинания: студенческие кружки, культурно-просветительные комиссии и прочее встречали у Вас полное сочувствие и поддержку. Вы хорошо угадывали нужды студентов, в массе своей состоящих из народных учителей, понимали их духовные запросы, стремления.

Вы были прекрасным педагогом-профессором, пробуждавшим в своих слушателях глубокий интерес к науке и жажду знания. С тем большею грустью приходится теперь, дорогой Николай Кирьякович, расставаться с Вами.

Бесконечно благодарим за все то доброе, что мы получили от Вас, и желаем Вам столь же многоплодной деятельности и на ожидающем Вас новом поприще. Представители студентов» (23 подписи).

В течение всех последующих лет своей долгой и славной жизни Н. К. Пиксанов не порывал связь с Саратовом, переписывался со своими учениками и коллегами, входил в новые контакты с молодыми исследователями, поддерживал их начинания, делился знаниями и мастерством. Николай Кирьякович был консультантом Е. И. Покусаева в период докторантской подготовки саратовского ученого в ИРЛИ АН СССР. В последние годы жизни Николай Кирьякович радушно принимал в своей ленинградской квартире аспирантов, а также студентов-филологов из Саратовского университета, приехавших на преддипломную практику, знакомил их с уникальным собранием книг, материалов по истории русской литературы, рассказывал о своих планах и поисках. Каждый получал ценные советы и рекомендации по теме своих занятий. Ни преклонный возраст, ни болезни не сказывались на интенсивности общения Николая Кирьяковича

с молодежью. Патриарх советского литературоведения всегда находил общий язык, непринужденный тон в беседах с начинающими коллегами. Научная и душевная щедрость всегда отличала этого человека.

Научно-творческая судьба Н. К. Пиксанова неразрывно связана с историческими судьбами советского литературоведения на протяжении более чем полувека. Длительный путь методологических исканий ученого исполнен внутреннего драматизма, в котором нашли свое отражение сложность и противоречивость процессов формирования и развития новой литературоведческой мысли, настойчиво устремленной к овладению идейно-теоретическими принципами марксистско-ленинского учения. По верному слову современного исследователя, «вклад Н. К. Пиксанова в развитие советской науки о литературе трудно переоценить. Несомненной его заслугой явились острые и аргументированные выступления против формализма, эмпиризма, безыдейности в литературоведении. У Н. К. Пиксанова были и заблуждения, особенно связанные с так называемым вульгарным социологизмом. Однако ученый никогда не упорствовал в отстаивании ошибочных мнений. Он умел быть самокритичным и всегда шел вперед, стремясь все глубже и вернее разрешить волновавшие его проблемы. Так было до последних дней, когда он работал над статьей для сборника «Наследие В. И. Ленина и наука о литературе» [33].

В 1967 году в Саратове вышло в свет одно из последних прижизненных изданий Н. К. Пиксанова — монография «Крестьянское восстание в «Вадиме» Лермонтова» под редакцией профессора Е. И. Покусаева.

К 100-летию со дня рождения ученого молодые исследователи под руководством Е. И. Покусаева подготовили сборник статей «Живые традиции. Из истории и теории литературы» (1978). Традиции Н. К. Пиксанова в Саратове — поистине живые традиции «зачинателя филологического образования в Саратовском университете» (Е. И. Покусаев).

---

[33] *Соколв Н. И.* Николай Кирьякович Пиксанов как историк русской литературы.— В кн.: От Грибоедова до Горького. Из истории русской литературы. Л., 1979, с. 8.

Борис Матвеевич Соколов

С самых первых лет на историко-филологическом факультете собрался коллектив известных специалистов. Из Петрограда приехал Н. К. Пиксанов, из Москвы — языковеды Г. А. Ильинский, А. Р. Фасмер и Н. Н. Дурново, на кафедры факультета пришли работать местные историки — П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов. Здесь же начал свою преподавательскую деятельность крупный ученый В. М. Жирмунский. Вскоре в коллектив филологов включился вернувшийся в родной город А. П. Скафтымов. В этот интересный молодой деятельный круг ученых вступил приехавший из Москвы тридцатилетний Борис Матвеевич Соколов и сразу развернул здесь активную научную и общественную работу.

Ученые вновь открытого историко-филологического факультета видели свою задачу в подготовке кадров деятелей культуры, народного просвещения и науки для обширного Нижнего Поволжья. В годовом отчетном заседании факультета 1917—1919 года говорилось, что ему «отводилась роль центра, вокруг которого объединятся культурные учреждения края», и научные историко-филологические разыскания, «оживляемые обширным местным материалом, будут весьма успешными»[1]. На заседании 7 июля 1919 года профессор В. М. Жирмунский выразил пожелание, чтобы ознакомление с научными богатствами края «производилось в возможно большем масштабе, так как это — одна из главных задач, которую должен преследовать Саратовский университет»[2].

На литературоведческих кафедрах университета столкнулись различные методологические направления. Но при этом

[1] ГАСО, ф. 332, ед. хр. 3, л. 2. Воспоминания принадлежат Т. Акимовой, архивные свидетельства — В. Архангельской, материалы местной печати собраны В. Бахтиной.

[2] Там же.

общим для всех было пристальное внимание к социальному содержанию явлений поэтического искусства, а также интерес к народному творчеству. Значение проблемы народа, необходимость изучения его общественного и художественного сознания определялись той ролью, какую сыграли народные массы в завоеваниях Великой Октябрьской социалистической революции. Каждый из ученых в своих разных по тематике исследованиях обращался к вопросам народной поэзии.

По приезде в Саратов профессор Н. К. Пиксанов вместе со своими ученицами по Петроградскому учительскому институту задумал организовать «Общество русской филологии и этнографии». Его членами-учредителями были также саратовские филологи: А. П. Скафтымов, Г. Г. Дингес, Н. Н. Дурново, Н. Ф. Яковлев. В местном журнале сообщалось, что задачей молодого общества станет изучение языка населения края, его народной поэзии, искусства и этнографии, для чего было решено привлечь местные культурные силы [3]. Был поставлен вопрос о всестороннем изучении края. 8 марта того же года Н. К. Пиксанов выступил в художественных мастерских с лекцией «Русские народные поэтические заговоры», которая произвела на слушателей большое впечатление. В печати появился благодарный похвальный отзыв. «Лектор показал, каким большим мастером слова является русский народ в своих заговорах и как богата содержанием его душа»[4]. Пиксанов познакомил слушателей с эволюцией жанра, раскрыл источники его художественности, указал на использование заклинаний в русской классической и новой литературе. Предметом научных разысканий Н. К. Пиксанова в эти годы была также народная поэзия, ее социально-политические судьбы и точнее, песни о Степане Разине. Им была написана вступительная статья [5] к редактируемой книге А. Н. Лозановой «Народные песни о Степане Разине»[6]. В статье убедительно доказывается, как активна была память народа о любимом герое. Песенный

---

[3] См.: Наша хроника. Сообщение. Общество русской филологии — этнографии.— Художественные известия, 1919, № 17.

[4] Учащиеся. Лекция Н. К. Пиксанова.— Художественные известия, 1919, № 20.

[5] *Пиксанов Н. К.* Социально-политические судьбы песен о Степане Разине.— В кн.: Художественный фольклор, 1926, № 1. Книга А. Н. Лозановой вышла позднее.

[6] *Лозанова А. Н.* Народные песни о Степане Разине. Саратов, 1928.

фольклор о Разине не только не забывался, но разрастался и обогащался, дополняясь новыми мотивами и сюжетами, нередко включаемыми в разинский цикл из песен неисторического содержания. Это утверждение ученого решительно противостояло распространенному в науке мнению о том, что фольклорные произведения с течением времени искажаются и забываются. А. Н. Лозанова была первой «прикрепленной» к кафедре русской литературы, то есть аспиранткой. Работала у Н. К. Пиксанова, участвуя в то же время в экспедициях Б. М. Соколова. Ее книга о разинских песнях была высоко оценена научной общественностью [7].

Народная поэзия, как зарубежная, так и русская, занимала значительное место в научных разысканиях В. М. Жирмунского [8]. Его характеристика народного стиха в книгах «Рифма, ее история и теория» и «Введение в метрику» до настоящего времени является наиболее верной и точной. Вопросы народной поэзии анализировались им и в лекционном курсе западноевропейской литературы средневековья и на семинарских занятиях. Исследование о методологии изучения былин готовил А. П. Скафтымов [9], и другие профессора, например, лингвист Н. Н. Дурново, занимались вопросами народного творчества. Фольклорные темы «Слово о полку Игореве» и былины», «Слово о полку Игореве» и фольклор» дебатировались в его семинаре для первокурсников, посвящённом изучению гениального русского произведения XII века.

Однако ведущая роль в изучении фольклора принадлежала Б. М. Соколову. Он первый в советские годы организовал собирание в Саратовском крае произведений народного творчества и этнографическое его изучение, а также подготовил научные кадры фольклористов. По своему характеру, образу мышления и деятельности он был ученым-общественником и демократом в лучшем смысле этого слова, обладавшим острым чувством времени в науке и в преподавании, популяризации знаний и общественных делах самого широкого размаха, вызванных потребностями жизни.

Он читал курс народной словесности, специальный курс о русском героическом эпосе, руководил семинарскими занятиями по народной лирической песне, оригинальным

[7] См.: Этнография, 1929, № 2.

[8] См.: *Жирмунский В. М.* Рифма, ее история и теория. Пг., 1923; *Он же.* Введение в метрику. Пг., 1925.

[9] См.: *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М.-Саратов, 1924.

русским повестям XVII века, апокрифической литературе. Самым многолюдным был специальный семинар по былинам, в работах которого принимали участие не только студенты, но и молодые ученые. Курс русского фольклора читал по собственной, разработанной им программе, отличавшейся последовательным историзмом, особым вниманием к роли народных сказителей в творческой жизни народной поэзии и умением обнаружить и осознать новое в поэзии современной советской деревни.

Будучи учеником В. Ф. Миллера — представителя так называемой исторической школы в фольклористике, Б. М. Соколов не разделял крайностей ее исследовательского метода. Он не считал былинные сюжеты пересказом исторических событий. Вместе с тем он признавал несомненным, что русские былины не только с точки зрения народных масс, но и с позиций научных,— произведения в основе исторические. По мнению А. П. Скафтымова, его «сопоставления выгодно отличаются от других... обстоятельной характеристикой возможных путей распространения былины», главное же, признанием того, что «сопоставление эпического произведения с историей получает убедительность только тогда, когда исторический эпизод соответствует главному мотиву старины»[10]. Для студентов в лекциях и исследованиях Б. М. Соколова открывалась историческая перспектива поэтического кругозора человека эпохи средневековья. Работы ученого вводили в широкий круг эстетических интересов создателей эпоса, знакомили слушателей с искусством раннего феодализма, своеобразием взаимовлияний фольклора и письменной книжности. В былинных сюжетах он усматривал не прямое изложение исторических или летописных фактов, а опосредованное использование ранее существовавших исторических преданий и легенд. Подлинные явления истории облекались, считал он, в формы героического эпоса, уже будучи художественно преобразованными и по-своему претворенными в эстетическом сознании народа. Для ряда сюжетов это, несомненно, так и было.

В Саратове Б. М. Соколов закончил свою докторскую работу «Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Гер-

---

[10] *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М.— Саратов, 1924, с. 31—32.

мано-русские отношения в области эпоса»[11]. Обширное исследование построено на сопоставительном анализе тщательно изученных многочисленных источников: вариантов сказаний, побывальщин, сказок, летописных повествований, былин и германского эпоса в его разных версиях. О связи русской былины «Дунай Иванович» или «Женитьба князя Владимира» с германскими и скандинавскими сказаниями говорили многие ученые. При этом каждый базировался при сопоставительном анализе на одной какой-либо группе произведений. Б. М. Соколов привлек не только все известные тексты, но также вновь записанные и еще не учтенные. Окончательные его выводы: летописное сообщение о Рогнеде является не историческим фактом, а позднейшей вставкой, передающей содержание известной в Киевской Руси легенды. Побывальщины Новгородской области восходят к древнейшим сказаниям о Сигурде и деве-воительнице. Былина же о Дунае представляет собою переработку более поздних «Нибелунгов». Совпадение отдельных деталей в сказаниях, побывальщинах, сказках и былинах с разными версиями германских эпических песен о деве-богатыре свидетельствует о том, что взаимообщение русского и германского эпосов происходило не одновременно. Автор доказывает, что сюжет и отдельные мотивы о женитьбе Гунтера (Гуннара) на Брунхильде широко были известны в Киевской Руси в XII—XIII веках. Он не отрицает того, что исторический факт женитьбы князя Владимира на полоцкой княжне мог послужить импульсом для создания героического предания, сходного с германскими сказаниями, широко известными певцам. Мнение о том, что былины о Дунае возникли исключительно на почве исторического события, он считал необоснованным. Связь русской былины о женитьбе князя Владимира, известной чаще под названием «Дунай», как и русских сказаний, бывальщин и сказок, с произведениями германо-скандинавского эпоса была для него бесспорной.

Работа Б. М. Соколова отличается скрупулезностью анализа. Интересная многосторонностью содержания, она наталкивает на размышления как общеметодологического характера, так и специального — о происхождении русских былин и их международных связях. Вместе с тем в историческом

[11] См.: *Соколов Б. М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира. Германо-русские отношения в области эпоса.— Учен. зап. Сарат. ун-та. Словесно-историческое отделение пед. факультета. Саратов, 1923, т. 1, вып. 3.

содержании былин Б. М. Соколов видит немало вымышленного и условного. «Для русского эпоса,— говорит он,— присвоение каким-нибудь богатырем чужих подвигов и поступков — факт в высшей степени обычный»[12].

Вскрывая в своих исследованиях средневековый исторический пласт жизни, представленный в событиях и картинах богатырских песен, ученый хорошо знал о восприятии этого искусства народными сказителями и слушателями в предреволюционное и в советское время. Он сам, вместе с братом Ю. М. Соколовым, начиная с 1908 года, записал немало текстов былин. По справедливому его признанию, героический эпос не мог создаваться только в деревне и только крестьянами. Это было творчество профессионалов — скоморохов, калик перехожих и дружинных певцов, хорошо владевших сложным мастерством песенного эпоса. Вот почему, считает он, в богатырских былинах отражены идеологические позиции разных слоев населения феодальной Руси. Участие же крестьян в этом творческом процессе, по его мнению, было незначительным. Вопрос этот вряд ли возможно решить односторонне и безапелляционно. Он не получил окончательного решения до сегодняшнего дня, хотя в профессиональном характере певцов-создателей эпических сюжетов сомневаться не приходится. В исследованиях последних лет вновь доказывается, что в былинах поется о городской среде, городском быте, изображается городское время и пространство[13]. Это не меняет, разумеется, их народного характера.

Б. М. Соколов раньше других пытался осмыслить явления фольклора «под социально-политическим углом зрения». Но освоить марксистскую методологию было не так просто. Ошибался ли он? Да, несомненно. Это было неизбежно. Опереться было не на кого.

Начинался период решительного поворота в изучении словесного искусства со стороны его социального смысла. На первых порах это нередко приводило к перегибам и прямолинейно-одностороннему решению проблемы. В русских былинах, посвященных героической защите страны от иноземных захватчиков, фольклористы часто стали усматривать не столько патриотическое содержание, сколько изображение

---

[12] *Соколов Б. М.* Былины об Идолище Поганом.— Журн. Министерства народного просвещения, 1916, № 5.

[13] См.: *Неклюдов С. Ю.* Время и пространство в былине.— В кн.: Славянский фольклор. М., 1972; *Липец Р. С.* Эпос и древняя Русь. М., 1971.

классовой борьбы и сатирическое осмеяние князя Владимира.

В конце 20-х годов Б. М. Соколов напечатал учебное пособие по фольклору для студентов-заочников. Продолжая утверждать профессиональный характер певцов-слагателей былин, он в то же время доказывал, что в былинах отразилась идеология не одной социальной среды. Он нашел и обозначил в них «крестьянский слой», «московский боярский слой, буржуазно-купеческий и княжеско-дружинный»[14]. Это было надуманно и неубедительно. Так, в поисках решения социального содержания былин он потерпел неудачу. Содержание русского эпоса могло отразить в отдельных случаях черты господствующей идеологии. Все же это не могло изменить его народной в целом основы.

Нередко обвинения в признании теории «аристократического происхождения былин» падают на Б. М. Соколова[15]. Но это неверно. Приведенные примеры его высказываний подобного рода следует признать кратковременными ошибками в решении проблемы социального генезиса былин. К тому же попытки усмотреть в былинах отражение идеологии господствующих классов оказались в прямом противоречии с собственными взглядами ученого на фольклор, отличающимися исключительным демократизмом. Он никогда не сомневался в творческих способностях и творческой энергии народа. Народный эпос был ему хорошо знаком не только по книгам.

Справедливее и вернее всех об ошибках в решении социальной проблематики былин в фольклористике 20-х годов сказал В. Е. Гусев: «Решительно отмежевываясь от всего, что сделано в области социологического изучения фольклора в 1920—1930-е годы, мы поступаем несправедливо в отношении наших предшественников и неразумно в смысле необходимости бережного отношения к традициям советской нау-

---

[14] *Соколов Б. М.* Русский фольклор, М., 1929, вып. 1, с. 22, 44.

[15] См.: *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1938, с. 117; Аникин В. П. Об антиисторизме в изучении традиционного фольклора.— В кн.: Русский фольклор. М.-Л., 1961, VI, с. 35—45; *Новиков Н. В.* О проблеме традиционного и индивидуального в советской фольклористике. (Ответ В. П. Аникину).— Там же, с. 63—80; *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М., 1966; *Аникин В. П.* Теоретические проблемы истории былин в науке советского времени. Учебное пособие. М., 1978, вып. 1, гл. 2, с. 37—44; *Путилов Б. Н.* Былины.— В кн.: Советская историография Киевской Руси. Л., 1978, с. 224—225.

ки»[16]. Ссылаясь дальше на Ю. М. Соколова, он указывает на то, что нужно видеть противоречие «между субъективными стремлениями ученых идти по пути подлинного научного марксизма и объективными результатами их исследований, зачастую противоречившим даже их собственным убеждениям, близким... марксистско-ленинскому пониманию фольклора» [17]. Все это в высшей степени относится и к Б. М. Соколову. Ошибки фольклористов 20—30-х годов В. Е. Гусев назвал «историческим парадоксом»[18].

С первых шагов советской фольклористики «собирательская работа перестала быть частным делом отдельных энтузиастов и различных научных обществ. Она получила государственный размах, приобрела плановый характер, была включена в программу научных учреждений и осмыслена как работа большого научного и культурно-общественного значения» [19].

Б. М. Соколов меньше всего походил на кабинетного ученого, занятого только собственными учеными разысканиями. Его лекции, семинары, экспедиции, незаурядная общественно-научная деятельность свидетельствовали об инициативном, увлеченном включении в строительство социалистической культуры, в создание советской высшей школы. Воспитанию нового резерва науки — студенческой молодежи — Соколов отдавал много сил и времени.

Сравнительно с дореволюционным временем состав студентов университета значительно изменился. Предоставив возможность получать высшее специальное образование всем, стремившимся к знаниям, революционное правительство отменило плату за обучение не только в школах, но и в вузах. Отменены были и вступительные экзамены в вуз. Двери университета открылись для всех, желающих учиться. Молодежь демократических слоев населения заполнила аудитории. Съехались молодые люди из деревень, из семей учителей, из низших слоев церковного причта. Главное же, среди студентов появилось немало молодежи из рабочих.

---

[16] *Гусев В. Е.* Ленин о народном творчестве и социологическом изучении фольклора.— В кн.: Наследие Ленина и наука о литературе. М.-Л., 1969, с. 315.

[17] Там же, с. 318.

[18] Там же.

[19] Фольклористика.— В кн.: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968, с. 265.

Университет внешне выглядел внушительно. Четыре его великолепных корпуса, построенных известным архитектором К. Л. Мюфке, стояли на открытой взору, тогда еще не застроенной площади. Историко-филологический факультет располагался в первом корпусе. Кабинеты же русской литературы, германской, античной филологии и другие размещались в обширных комнатах четвертого (ныне медицинского) корпуса. Специальные семинары историков по архивоведению, дипломатике, филологов-этнографов проходили в здании Саратовской ученой архивной комиссии, где краеведы — А. А. Гераклитов, А. А. Кротков и другие — собрали значительные коллекции рукописей, археологических находок и предметов этнографии.

Если рассмотреть организацию университетского учебного курса с точки зрения студентов, то в ней было немало удобного, во всяком случае на первый взгляд. Студенты сами могли планировать свое время. В первые годы жизни факультета была введена предметная система. Каждый должен был знать, какие экзамены по каким дисциплинам необходимо сдать и какие семинарские работы выполнить, чтобы закончить университетский курс и получить диплом. Сроки же выполнения этих работ и их последовательность он мог устанавливать сам.

Условия сдачи экзаменов были упрощены, так как оценок за ответы не ставили. В ведомостях отмечалось только, что экзамен сдан. Все это после дореволюционной средней школы, ее муштры и строгостей представлялось замечательным.

Положение в стране было трудным. Гражданская война. Разруха. Уже в 1919 году многие студенты ушли на фронт. В 1921 году разразился страшный голод в Заволжье из-за полного неурожая. Обеспечить студентов стипендиями университет не мог. Приходилось учиться вечером, а днем работать. Городской транспорт действовал с перебоями. Здания университета отапливались плохо. На лекциях сидели кто в пальто, кто в старых гимназических, кто в солдатских шинелях. И все же аудитории были переполнены, иногда приходилось сидеть на ступеньках лестницы, либо стоять на балконе. На лекции по литературе приходили студенты других факультетов, а также многие из интеллигенции города.

Все было в поисках, в становлении.

Пестрым по социальному составу, но дружным и сплоченным оказался и группировавшийся вокруг Б. М. Соколова студенческий коллектив. Здесь учились и рабочие по проис-

хождению, не имевшие законченного среднего образования и поступившие в университет из городских училищ, и бывшие семинаристы из среды низших церковнослужителей, дети интеллигенции — учителей, железнодорожных служащих, окончившие классическую гимназию. Жажда знаний и общественной деятельности связывала их не только с Б. М. Соколовым, но и с профессорами его круга: С. Н. Черновым, П. Г. Любомировым, А. П. Скафтымовым, А. А. Гераклитовым, позже — П. С. Рыковым и другими. Все эти ученые были из среды передовой интеллигенции [20].

Б. М. Соколов умел захватить и увлечь студентов своими научными интересами, включить их в самостоятельную исследовательскую работу. Он был убежден, что студент должен начать специализироваться по конкретной дисциплине как можно раньше, с первых лет обучения, и давал возможность проявить самостоятельность в выполнении ответственных поручений. Студентка В. Ю. Крупянская (впоследствии видный фольклорист и этнограф) вела занятия по чтению и комментированию русских повестей XVII века; студентка Т. М. Акимова руководила работой фольклорно-этнографической экспедиции 1923 года. Интересны были его многочисленные по количеству участников семинары по героическому эпосу. В этих занятиях принимали участие уже сложившиеся ученые — А. П. Скафтымов и А. М. Смирнов, работавший над указателем сюжетов сказок о животных. А. П. Скафтымов, готовивший магистерское сочинение, читал в этом семинаре фрагменты своего исследования. Главы работы также были им зачитаны на заседаниях Этнографического отдела общества истории, археологии и этнографии. Не сомневаясь, как и Б. М. Соколов, в исторической основе содержания русского эпоса, он смело критиковал научно-методические просчеты ученых исторической школы. Б. М. Соколов был в

[20] Их общественно-политическая настроенность может быть охарактеризована таким показательным случаем. В 1921 страшном неурожайном году в Саратов приехала делегация англичан с продуктами для особенно пострадавшего Заволжья. Англичане поехали повидать Б. М. Соколова, жившего в это время за городом. Его работа была связана с организацией помощи потерпевшим. Англичан должны были сопровождать профессор С. Н. Чернов и студент В. П. Воробьев. В одном месте машина остановилась. У дороги стоял бедный старик-крестьянин. Подойдя ближе, он попросил табачку. Ни профессор Чернов, ни студент Воробьев не курили. Один из англичан вынул папиросу и швырнул ее на землю к ногам старика. Машина тронулась. Но профессор Чернов попросил остановить, сошел, пошел пешком.

курсе его исследования. Как видно, назревала потребность в пересмотре устаревших методологических позиций фольклористики, чувствовалась необходимость в освоении нового научного метода.

Работа в семинарах захватывала студентов целиком и давала очень много, занятия строились таким образом, чтобы вызвать интерес к самостоятельным поискам и соревнованию. Они совершенно лишены были «школярства». Участники сами выбирали темы из предложенного списка. На каждую тему писали два студента. Из поданных двух докладов один (по выбору профессора) зачитывался, автор же второй работы выступал в качестве официального оппонента. Такая система невольно вызывала особую заинтересованность. Каждому хотелось быть основным докладчиком.

Значительное место в семинарах занимали вопросы поэтики.

Проблемы поэтической формы, как известно, в двадцатые годы стояли на переднем плане советской науки о литературе. Занимали они также профессоров Саратовского университета. В газете «Жизнь искусства» выступил с обширной программной статьей «Задачи поэтики»[21] В. М. Жирмунский. Он не изолировал, подобно формалистам, изучение формы от содержания. Например, он упрекал В. Шкловского в односторонности при изучении сюжета «с точки зрения имманентно-художественной» без обычного его «бытового или психологического наполнения». Для Н. К. Пиксанова же изучение поэтики не представлялось первостепенно значимым. В статье о разинских песнях он писал: «Эпическое, описательное, повествовательное содержание разиновских песен второстепенно для нас, как и технические формы стиля»[22].

Интерес к вопросам поэтики захватил многих. Исследования саратовских ученых в этой области были лишены формалистического техницизма. В книге А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин» вторая глава посвящена композиции. Его анализ признается до настоящего времени лучшим. А. П. Скафтымов справедливо заявляет, что без предварительного структурно-содержательного анализа всякого произведения нельзя решать никаких проблем теоретических и исторических, в том числе и генезиса.

---

[21] См.: *Жирмунский В. М.* Задачи поэтики.— Жизнь искусства, 1919, №№ 313—317.

[22] *Пиксанов Н. К.* Социально-политические судьбы песен о Степане Разине, с. 69.

Вопросы поэтики рекомендовались для рассмотрения студентам и в семинарских занятиях. Помнятся некоторые: В. М. Жирмунским была предложена тема «Эпические повторения в былинах». Сохранился текст работы участницы семинара Б. М. Соколова (1919—1920 уч. года) по героическому эпосу, на тему «Композиция былины «Садко». В ней был дан сопоставительный анализ вариантов, их распределение по группам, сходным по содержанию, и характеристика отличий каждой группы, названных редакциями. Автор работы выделяет три редакции, в которых видит различие связей былины с другими жанрами, и называет одну из них — сказочной, другую признает воспринявшей религиозно-церковное влияние, третью считает бытовой. (Борис Матвеевич предложил обозначить последнюю «реальной»). Интересны многочисленные правки и замечания, сделанные руководителем в тексте доклада и на последней странице, где дан план дальнейшей работы над этой темой. Пометки характеризуют профессора как сторонника исторической школы, притом положительных ее методических достижений. Он указывает на необходимость в формальном анализе всегда иметь в виду творческую инициативу исполнителя-певца. Автор работы, как это было типично в то время для решения спорных вопросов о первичном тексте, признала основным и первоначальным сводный текст вариантов А. Сорокина и М. Крюковой, где объединены все три части произведения. Как видно, оставаясь на методологических позициях исторической школы, Б. М. Соколов подошел к проблемам поэтики не формалистично и для последующей работы предложил расширить научные поиски об исторических источниках и последующего развития былины.

Один семинар Б. М. Соколова был полностью посвящен вопросам поэтики. Предметом изучений была народная лирическая песня. В 1921—1922 году в семинаре исследовались приемы песенной символики, а в 1922—1923 — композиция. К сожалению, проспект этого семинара неизвестен. Сам Б. М. Соколов называет руководство этим семинаром и одновременные собственные разыскания, какие он вел в той же области,— коллективной работой [23]. Придавая большое значение семинарским работам студентов, Б. М. Соколов обна-

---

[23] См.: *Соколов Б. М.* К исследованию поэтики лирических песен / Публикация В. М. Гацака.— В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 298—304.

руживает характерное для него исключительно уважительное отношение к молодежи и признание студенческих трудов в большей мере научными, чем учебными. В резюме по руководству семинаром он характеризует принятую методику таким образом: «Работа ведется строго индуктивным методом. После ознакомления и критич(еского) разбора существующей литературы вопроса производится коллективный анализ ряда песен, здесь же в взаимном обмене мнений намечаются те или другие «приемы» народ(ной) поэзии, производится попытка их словесного обозначения. Затем этот выявленный композ(иционный) прием поверяется знакомством и соотв(етствующим) анализом других песен или вариантов, причем работа распределяется между участниками по отдельным печат(ным) сборникам...» [24].

Упоминая о психологическом параллелизме, описанном и изученном А. Н. Веселовским, Б. М. Соколов подчеркивает, что в композиции народных песен существуют другие, распространенные средства поэтической структуры, которые «принадлежат прежде всего к приемам того же «психологич(еского)», «смыслового», «тематического» порядка»[25]. Главными организующими средствами структуры народной песни он считает «прием внутреннего сцепления образов». «Итак — смысловая, точнее «образная» композиция по самой природе народ(ного) слов(есного) искусства прежде всего является организующим фактором народной песни. Но смысл выявляется в слове-образе»[26].

Ученый решительно возражает тем исследователям, которые изучают явления искусства в их статике. Он видит в таком исследовании «вне времени и пространства» «умерщвление дышащего жизнью и динамичностью материала»[27], полностью солидаризируясь этой мыслью с А. П. Скафтымовым, как и в некоторых других существенных положениях.

Наблюдения о композиции народной лирической песни Б. М. Соколов оформил в статью [28], где развил все положения, высказанные в небольшом докладе о семинаре. Показательно, что статья начата главой «Художественная значимость фольклора». Автор выделяет поэтическое творчество

---

[24] Там же.
[25] Там же, с. 302.
[26] Там же, с. 303.
[27] Там же, с. 299.
[28] См.: *Соколов Б. М.* Экскурсы в область поэтики русского фольклора.— В кн.: Художественный фольклор. М., 1926, № 1, с. 30—54.

народа из общего комплекса народной культуры и сближает его в некоторой степени с художественной литературой. В начале 20-х годов такое расчленение и уточнение были необходимы.

Анализируемый в статье способ сцепления образов Б. М. Соколов назвал «ступенчатым сужением», имея в виду способ описания от общего к частному, от значительного к менее существенному. При этом постепенно вырастает цепочка образов, подводя к предмету наблюдения — к герою. Он выделяет пять видов этого композиционного приема, различающихся по тематике. Главная мысль исследователя о первенствующем значении содержания, а не формы в народной песне доказана с большой убедительностью. Ступенчатый способ сцепления образов помогает раскрыть мироощущение автора-народа, его взгляд на мир, на природу и на человеческие отношения. Народная лирическая песня выразила типичное для феодального общества представление о мироздании и миропорядке с его якобы законной субординацией политических, общественных и бытовых отношений, извечным неравенством и обязательной подчиненностью младших старшим, слабых сильным и т. д.

На историко-филологическом факультете существовало много разнообразных факультативных занятий, которые назначались профессором по договоренности со студентами; тематика же определялась научными интересами руководителя. Б. М. Соколов организовал этнографический семинар. Задачей семинара было изучение этнографии народов саратовского Поволжья, и в первую очередь фольклора. Изучалась литература по этим вопросам. Одновременно готовились к полевой экспедиционной работе. Суммировались и докладывались сведения о материальной и духовной культуре народов. Семинар объединял более двадцати человек. В деле собирания и записей фольклорно-этнографических материалов у Б. М. Соколова был большой опыт. В 1908—1909 годах с братом Юрием Матвеевичем они совершили двухлетнюю экспедицию в Кирилло-Белозерский край, где подробно и любовно описали жизнь и быт деревни, сделали много записей произведений народного творчества. Составленный ими сборник был издан Российской Академией Наук [29]. Книга остается до настоящего времени одним из лучших образцов подобного рода изданий.

---

[29] См.: Сказки и песни Белозерского края. Записали Борис и Юрий Соколовы. Пг., 1915.

В начале 20-х годов Б. М. Соколов получил в Наркомпросе поручение организовать работу по собиранию и изучению памятников народной словесности. Тогда же он выступил в Москве с докладом, изложив подробную программу деятельности фольклористов по изучению современного состояния быта и культуры народа и предлагал изучать фольклор крестьян и рабочих, фольклор всех национальностей страны, рекомендовал организовать студии народного искусства, где бы могли выступать одаренные певцы и сказители. Б. М. Соколов считал нужным составлять биографии и творческие характеристики сказочников, певцов, сказителей, издавать сборники народного творчества [30].

Главным отличием метода полевой работы Б. М. Соколова было стремление выделить на первое место актуальную задачу времени: уловить сложные процессы в сознании и всей духовной жизни людей в условиях революционного переворота. Это возможно было сделать с помощью самого широкого изучения всех сторон жизни деревни. Такая задача требовала разносторонней и слаженной комплексной работы. В 1919 году была организована «вылазка» разведывательного характера в пригородное село Курдюм, где найдено сравнительно небольшое количество фольклорных текстов. В 1920 году состоялась большая этнографическая экспедиция в Хвалынский уезд, а в 1923 году — в Петровский. Экспедиции назывались не фольклорными, а этнографическими, что соответствовало их фактическому научному содержанию. Помимо записей текстов народной поэзии, собирались сведения по обычному праву, народной медицине, частному и общественому быту, обрядам, музыкальной культуре, а также описывались местные особенности всех сторон материальной жизни крестьян.

В них участвовали студенты — представители тех национальностей, которые встречались на севере края, то есть мордвы, чуваш, татар. Всего в экспедицию входило свыше 20 человек. Общий комплекс работ распределялся между небольшими бригадами в 2—3 человека, каждая из которых занималась собиранием материалов только одной области фольклора или материального быта, а также истории села, старинных обрядов, поверий и легенд. Особо труднодоступ-

[30] См.: *Коротин Е. И.* Принципы организационно-собирательской работы в фольклористике 1920 годов (Борис Матвеевич Соколов).— В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1968, вып. IV.

ными для записей текстами были заговоры. Был выработан прием записи прозаических текстов вдвоем поочередно, чтобы, не прерывая сказочника, зафиксировать полный текст без пропусков. Большой сноровки требовала запись песенных текстов с голоса. Каждая бригада накапливала опыт работы с порученным ей материалом. Никаких технических средств в распоряжении экспедиций еще не было. Даже мелодии записывались без магнитофона.

Вечерами, когда все собирались вместе, заслушивались отчеты о проделанной работе и намечались планы на следующий день. Дело шло в самом напряженном темпе, так как в каждом селе бывали не более пяти дней.

Б. М. Соколов умел поставить дело этнографических изучений на уровень важных общественных задач. Советские учреждения оказывали ему всестороннюю помощь. Если между селами были большие расстояния, сельсоветы на местах предоставляли экспедиции транспорт. Саратов снабдил кое-какими продуктами и деньгами. В экспедициях приобретались экспонаты материального быта для организованного 25 апреля 1920 года Этнографического музея. Университет на это средств не имел.

В процессе работы устанавливались близкие отношения с населением. Студенты выступали с заранее подготовленными концертами, в репертуар которых включали также те песни и частушки, какие записали и заучили в соседних селах. Их выступления принимались с благодарностью. Большую работу проводили участвовавшие в экспедициях профессора. В хвалынской экспедиции были: лингвист Г. А. Ильинский, историк А. А. Гераклитов, работник бывшей архивной комиссии Б. В. Зайковский и другие. Они читали лекции по истории, археологии, этнографии и диалектологии Поволжья. В петровской экспедиции группа профессоров организовала систематический курс лекций разнообразной тематики. Слушателями были учителя местных школ и работники культурных учреждений.

В ту пору деревня и город были еще слишком духовно разобщены. Население глухих деревень с радостью принимало те веяния культуры, какие несла ей городская интеллигенция. Нередко жители отказывались от платы за продукты, а то и сами стремились угостить то молоком, то фруктами не отказывавшихся от такого радушия, всегда голодных студентов.

Экспедиция 1923 года была лучше обеспечена, получив

из отдела домоводства и быта Главвысткома Москвы значительные средства. В ее задачу входило собрать полный комплект вещей, характеризующих материальный быт деревни. Все эти интереснейшие экспонаты были отправлены на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку. Позже они послужили основой Центрального музея Народоведения, организованного Б. М. Соколовым в Москве. Газета «Саратовские известия» написала о подготовке к этой экспедиции и уверенности Б. М. Соколова в ее успехе: «Молодое студенчество,— говорил он корреспонденту,— научно заинтересовано в работе. Его энергия и живой интерес, несмотря на короткое время, дадут на выставку массу ценных экспонатов»[31]. 10 ноября в той же газете сообщалось: «Профессору Б. М. Соколову за организацию научной экспедиции по Саратовской губернии и собрание экспонатов по домоводству и быту, а также за руководство постройкой модели типичной крестьянской усадьбы выдан почетный диплом первой степени»[32]. В декабре того же года в университете на соединенном заседании педагогического факультета с Обществом истории, археологии и этнографии Б. М. Соколов прочел доклад о летней экспедиции. Он был богато иллюстрирован фотоснимками на экране, картинами народного быта разноплеменного населения края.

Вся научная и общественная деятельность Б. М. Соколова определялась и освещалась подлинным интересом к судьбам народа. Активным и заинтересованным было его общение с крестьянами в экспедициях. Он не только находил с каждым общий язык, но получал для себя всегда что-то интересное и ценное.

О работе по этнографии и фольклору он широко информировал саратовскую общественность. Городские газеты напечатали статьи о хвалынской экспедиции. С большим докладом о результатах этой экспедиции он выступил на годовом заседании университета. Информировал об этой работе и научные учреждения Петрограда, и отделы Наркомпроса Москвы. Материалы экспедиции как подлинно народное искусство Б. М. Соколов задумал представить большой аудитории в специальном концерте. Истинный фольклор народов

---

[31] *Моневич.* Из беседы с проф. Б. М. Соколовым.— Саратовские известия, 1923, 23 мая, № 113.

[32] Студенческая этнографическая экспедиция.— Саратовские известия, 1923, № 294.

Саратовского Поволжья он считал нужным показать без прикрас и всяких обработок.

В 1921 году Б. М. Соколов напечатал в саратовском журнале «Саррабис» статью, обращенную к широкому читателю [33]. Она важна методологическими установками в условиях становления нового революционного искусства. Выступая против бездумно-безапелляционного обращения со словом «народ» и «народный», он писал: «Народное искусство достойно того, чтобы к нему обращались не для постыдных пародий на театральных подмостках, где выводятся омерзительные Ванька и Танька с бутылками в руках, с намазанными избитыми физиономиями, якобы представители «народного юмора»,— а для истинного, глубокого постижения его природы, законов и поэтики». Народное искусство, считал Б. М. Соколов, должно прийти на подмостки в том виде, в каком оно бытует в народе, создав тем самым базу для развития художественной самодеятельности. Поэты и артисты должны изучать искусство народа, как изучаются произведения определенных творцов искусства «образованного общества». Он вынашивал идею создания центрального крестьянского театра, способного сохранить и передать своеобразие песенного хорового творчества народа и «в непосредственной своей жизни», в чем его поддерживал А. В. Луначарский [34].

Б. М. Соколов рекомендует организацию этнографических концертов, постановку народных драм и народных обрядов, «какие на самом деле являются настоящей художественной и жизненной драмой. Все это должно выполняться самими носителями народного творчества, но пусть организаторы к этому подходят со всей добросовестностью истинных художников и избегают столь вредящей делу фальши, слащавости и псевдонародности» [35]. Автор статьи не теоретизировал, он писал о том, что хорошо знал, ссылаясь на опыт инсценировки крестьянами в Хвалынске в 1920 году мордовской свадьбы. «Впечатление было огромным. Таким же успехом пользовались в Москве русские, мордовские и татарские певцы, каких мы направили этой весной в столицу»,— писал он [36].

Теперь, после экспедиции, в руках был огромный матери-

[33] См.: *Соколов Б. М.* Народное искусство.— Саррабис, 1921, № 3.

[34] Автор статьи ссылается на статью Луначарского «Наши задачи в области художественной жизни».— Красная Новь, 1921, № 1.

[35] *Соколов Б. М.* Народное искусство.— Саррабис, 1921, № 3.

[36] Там же.

ал подлинно народного искусства. И он был представлен на сцене. 9 декабря 1922 года в городском театре ТЭП [37] состоялся большой этнографический концерт, который был вкладом в искусство не только настоящего, но и будущего. Журнал «Обозрение» поместил о нем объявление, а в «Хронике» сообщал подробности о предстоящем вечере, его участниках, программе и задаче — познакомить саратовскую публику с искусством всех народов края. Профессор Б. М. Соколов — организатор вечера перед началом должен сказать вступительное слово [38].

Из деревень Хвалынского уезда съехались исполнители — мордва, чуваши, татары, русские. Кроме того, к участию были приглашены немцы и украинцы. Выступали с теми песнями и танцами, какие были обычны в повседневной жизни, во время обрядов и праздников [39].

Журнал «Обозрение» [40] квалифицировал вечер как «историческое событие в художественной и ученой жизни Саратова». Действительно, это был не только концерт, но и отчет этнографов-фольклористов перед саратовской общественностью в своей работе. Особая заслуга в организации концерта принадлежала председателю Этнографического отдела Общества истории, археологии и этнографии — профессору Соколову [41].

О публикации привезенных текстов народной поэзии в начале 20-х годов думать не приходилось. В 1922 году только вышел под редакцией Б. М. Соколова «Этнографический сборник Саратовского края», бывший как бы суммарным

---

[37] ТЭП — Театр эксцентрических представлений.

[38] См.: Обозрение, 1922, 3—8 ноября, № 5. Там же сообщалось, что средства, полученные от вечера, поступают на организацию Этнографического музея.

[39] С удивительной свободой держались впервые выступавшие на театральной сцене исполнители. Может быть, это объяснялось привычкой к своеобразному этикету быть на людях, что характерно для старого крестьянского быта: будь то свадьба или похороны, или прием гостей, или приветствие при встрече. Для каждого случая были свои нормы поведения и речей.

[40] Вечер этнографического искусства.— Обозрение, 1922, 17—23 октября, № 7.

[41] После Петровской экспедиции 1923 года большой отчетный концерт был организован для саратовцев студентами-участниками экспедиции. Это были первые опыты художественной самодеятельности, получившие вскоре большое значение в культурной жизни страны.

отчетом о работе профессора и его учеников [42]. В нем была также помещена аннотированная опись [43] фольклорных записей, сделанных в экспедициях и хранящихся в архиве музея. Опись вызвала к себе живейший интерес фольклористов: в ней раскрылась картина активного бытования народной поэзии в Саратовском Поволжье. Среди записанных текстов были редкие, мало известные варианты, например, песня о Наполеоне «Шут на острове родился», песня о декабристах, уникальные пословицы, анекдоты одного сказочника-балагура [44] и единственный, впервые записанный текст народной драмы «Как француз Москву брал» [45]. Это произведение открыло новую страницу в истории солдатского театра; оно создано по образцу более ранней, известной пьесы о царе Максимилиане, но совершенно отличается от нее русской исторической темой об Отечественной войне 1812 года, получившей отражение в разных жанрах русского фольклора. Происхождение этой драмы вызывает споры до сегодняшнего дня, хотя народный, солдатский характер ее несомненен [46].

Публикации Б. М. Соколова и сотрудников — студентов-этнографов были восприняты с точки зрения практического значения. Перечислив опубликованные в сборнике работы, рецензент пишет: «Весь материал, все содержание, несомненно, чрезвычайно ценны, тем более, что характер этого материала <...> результат работы живой, идейной группы этнографов за последние два года». Нельзя не радоваться появлению сборника «потому, что живое изучение гибнущего с

---

42 См.: Саратовский этнографический сборник, вып. 1, 1922. *Содерж.: Соколов Б. М.* Этнографическое изучение Саратовского края; *Маркелов М. Т.* Саратовская мордва. Отчеты, составленные студентами о деятельности этнографического семинара, о работе Этнографического отдела общества истории, археологии и этнографии, об Этнографическом музее и Музее голода.

43 См.: *Акимова Т. М., Советов М. П., Цыганова Н. М.* Описание Этнографических записей, хранящихся в Этнографическом музее Саратовского края.— Там же, с. 251—276.

44 Опубликованы многие тексты в кн.: Фольклор Саратовской области. Составлена Т. М. Акимовой / Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

45 См.: Фольклор Саратовской области.

46 См.: *Акимова Т. М.* Народная драма в новых записях.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1948, т. XX; *Берков П. Н.* Народная драма XVII—XX веков. М., 1953; *Савушкина Н. И.* Русская устная народная драма. М., 1978, вып. 1.

неимоверной быстротой старого быта более чем необходимо»[47].

Фольклорные тексты, собранные в Поволжье в 20-е годы, послужили материалом для интересных суждений ученых о связи народной поэзии этого периода с советской современностью [48].

Оригинальное исследование о былинах, записанных в Саратовском Поволжье, напечатал Б. М. Соколов [49]. Он учел все тексты разного времени, присоединив записи из Петровской экспедиции и отдельные прозаические пересказы, собранные студентами. Ученый установил, что, если в Саратовском Поволжье и не было профессиональных сказителей, все же былины здесь были известны. Они исполнялись в районах, заселенных с севера. Учитывая географическое распространение текстов, Б. М. Соколов сделал заключение, что Саратовский край был как бы передаточным пунктом из верховых губерний по Волге на Дон к казакам. Здесь закончилось традиционное исполнение былины («сказывание») одним лицом и появилось пение ее хором, как и в казачьих районах. Особенно привились в Саратовском крае былины вольнолюбивой настроенности («Ссора Ильи с Владимиром» и «Илья Муромец и разбойники»), а также былина с чертами чисто местными, неизвестная Северу — «Илья Муромец на Соколе-корабле». Все эти поздние былины, возможно, сложившиеся в годы «Смуты» начала XVII века, попали в Саратовское Поволжье в пору наиболее интенсивного его заселения. Главные положения статьи утвердились в науке.

Труднее, чем классический фольклор, поддавалось наблюдению и фиксации новое, что непосредственно отражало процессы, происходившие в сознании людей. В искусстве новое стало пробиваться позже, что сказалось в песнях о граждан-

---

[47] *Д.Н-в.* Саратовский Этнографический сборник. Саратов, 1922, вып. 1.— Школа и жизнь, 1923, № 1.

[48] См.: *Соймонов А. Д.* Передовые традиции русского народного поэтического творчества в советскую эпоху.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Очерки. М.-Л., 1956, т. II, ч. 2.

[49] См.: *Соколов Б. М.* О былинах, записанных в Саратовской губернии.— В кн.: Научное приложение к журналу «Культура», Саратов, 1922. Первоначально (25 декабря 1921 г.) был прочитан по этому тексту доклад на заседании Общества истории, археологии и этнографии, о чем писала газета «Саратовские известия» (1921, № 292).

ской войне, в частушках о новом быте, в советских сказах [50].

Разработанный Б. М. Соколовым метод полевой этнографической работы использовался позже В. В. Бушем и А. П. Скафтымовым [51], его применяли и другие вузы страны [52]. Академические же учреждения предпочитали и могли организовывать поездки в районы малыми группами участников, но на длительное время. Результаты таких экспедиций представили ленинградские фольклористы в двух книгах [53]. В вузовских же условиях организовать длительную работу в одном-двух селах возможно было только в каникулярное время, когда студенты выезжали в родные села на все лето. Несколько таких поездок совершили уже опытные в деле полевой работы студенты, представив полные описания фольклора и этнографии родного села. Три таких сочинения были премированы университетом. Выезжали студенты и небольшими группами [54]. Примерно из десяти тысяч текстов, собранных в 20-е годы, только некоторая часть была опубликована значительно позже [55].

В свои научные и общественные дела Б. М. Соколов включал студентов-«этнографов». В начале 20-х годов организовалось несколько научных обществ. Самым активным из

[50] См.: *Лозанова. А. Н.* Отражение Октябрьской революции в устном поэтическом творчестве.— Нижнее Поволжье, 1927, № 10; *Акимова Т. М.* Фольклор Хвалынских колхозов.— Известия Нижне-Волжского института краеведения. Саратов, 1936, т. V; *Акимова Т. М.* Старое и новое. / Духовный быт с. Казанлы Вольского у./— Труды Нижне-Волжского общ-ва краеведения, 1926, т. 34, ч. IV.

[51] См.: *Буш В. В.* О современном состоянии устно-поэтического творчества в деревнях Вольского у.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1926, т. V, вып. 2; *Он же.* Этнографическая экспедиция в Саратовскую губернию.— Этнография, 1926, № 1—2.

[52] Преподаватель Уральского пединститута Е. И. Коротин изучил по материалам центральных архивов полевой метод работы Б. М. Соколова и защитил на эту тему кандидатскую диссертацию. См.: *Коротин Е. И.* Методологические позиции полевых исследований Б. М. и Ю. М. Соколовых. Автореф. дис. ... канд. филол. наук, М., 1965.

[53] См.: Крестьянское искусство Севера. Л., 1927, т. 1; То же, т. II. Л., 1928.

[54] Отчеты и доклады о таких поездках заслушивались и обсуждались в Обществе истории, археологии и этнографии. См. сообщения об этом в Саратовском этнографическом сборнике 1922 г. и в Трудах Нижне-Волжского обл. научн. общества краеведения. Этнографический сборник. 1926, вып. 32, ч. IV.

[55] См.: Сказки Саратовской области / Составили Т. М. Акимова и П. Д. Степанов. Саратов, 1937; Фольклор Саратовской области / Составлен Т. М. Акимовой. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946 и др.

них было Общество истории, археологии и этнографии, председателем этнографического отдела которого стал Б. М. Соколов. Это общество организовалось из бывшей Архивной комиссии, объединявшей в дореволюционное время ученых города — историков, археологов, этнографов, статистиков и др. Теперь его членами стали профессора университета и студенты. Заседания были открытыми. На них выступали с научными докладами и профессора и студенты. Студенты сообщали о полученных в экспедициях и личных поездках материалах по народному творчеству, выступали с докладами и на другие темы [56].

На заседаниях общества отмечались также крупные даты в жизни науки и известных ученых — А. Н. Афанасьева, В. В. Каллаша, академика Д. Н. Анучина, нашего земляка академика А. А. Шахматова. В докладе «Д. Н. Анучин как этнограф» Б. М. Соколов подчеркнул энциклопедизм знаний ученого и выдающиеся результаты его этнографических исследований. Он высоко оценил практическое значение его работ. «Ни одно большое дело не обходилось без Д. Н. Анучина. Крупный ученый, он печатался не только в специальных журналах, но и в газетах. Он высоко ценил этнографические музеи, считая их важнейшими научными и просветительными центрами. Этнографию он понимал как науку о жизни и человеке»[57]. Столь же высокие научные, нравственные и народно-просветительные требования предъявлял Б. М. Соколов и к своей деятельности. Не случаен для него отклик на издание третьего тома «Истории моего современника» В. Г. Короленко. В большой статье о книге Б. М. Соколов писал, что она «вливает в сердце — доброту, в ум — ясность, а в волю — бодрость». «Чтение этой прекрасной книги является настоящим праздником души». Его заинтересовали страницы о суевериях и обычаях «лесных людей» Вят-

[56] Отчеты о деятельности общества см. в изданиях: Саратовский этнографический сб., т. 1, 1922; Труды Нижне-Волжского областного научного об-ва Краеведения. Этнографический сборник, вып. 34, ч. IV, 1926; Журнал учета докладов, проводимых в обществе истории, археологии и этнографии с 1918 по 1925 год. См.: Государственный архив Саратовской области (ГАСО), фонд 407, ед. хр. 328.

[57] Протокол общего собрания Общества 2 декабря 1923 года, посвященного памяти почетного члена Общества Д. Н. Анучина.— ГАСО, ф. 407, ед. хр. 407, л. 36—43. В деле сохранилось письмо Д. Н. Анучина к Б. М. Соколову с предложением принять участие в издании популярных книг и брошюр по народному творчеству. Оно было зачитано на заседании.

ской губернии, «диких» с точки зрения культурного человека, в лицах которых Короленко умел находить «искорки» доброты. «На всей книге лежит отпечаток здорового оптимизма, веры в человека, в добро и неизбежное улучшение социальной жизни». Автор высоко оценивает последовательность политических убеждений юноши Короленко, отказавшегося присягнуть новому царю, за что он и был отправлен в Якутскую ссылку [58].

Многочисленная городская периодическая печать, возникавшая в городе в 20-е годы, постоянно информировала читателей об исследованиях профессоров университета, их изданиях. Особенно часто встречается имя профессора Соколова, деятельность которого высоко оценивалась за стремление приблизить науку к широкому демократическому читателю [59]. Газеты сообщали о заседаниях Общества, об экспедициях, подробно информировали читателей о тех предметах материального и духовного быта национальностей края, какие были приобретены на местах. Подробно рассказывалось о той большой работе, какую вели профессора с учителями районов [60]. Не раз отмечалась особая энергия председателя этнографического отдела Общества профессора Соколова и его молодых сотрудников из студентов, которые были преданы делу «и шли наперекор безденежью, голоду и разрухе». Разнообразная научная, педагогическая, организационно-просветительская деятельность Б. М. Соколова распространялась на школы, вузы, народные аудитории и театры, на газетную и журнальную печать.

В итоговой статье о развитии советской фольклористики за 50 лет отмечено: «О расширении общественного интереса к фольклору свидетельствует включение его в качестве одного из объектов изучения краеведческих, этнографических обществ, возникающих в 20-е годы в самых различных частях страны <...> Важную роль в утверждении и поддер-

---

[58] См.: *Соколов Б. М.* Предсмертное творение Короленко.— Культура, 1923, № 2—3.

[59] См.: Над чем работают саратовские ученые.— Культура. Журнал науки и искусства, 1922, № 1; см. также: Школа и жизнь. 1923, № 1; Студенческая мысль, 1923, № 2 и другие.

[60] См.: В этнографическом отделе.— Саратовские известия, 1920, № 99, 6 мая; 181, 12 августа; 1923, № 113, 23 мая; ГАСО, ф. 407, ед. хр. 371, л. 6; ГАСО, ф. 407, ед. хр. 373, л. 4 и об.

жании интереса к народному творчеству <...> сыграли советские и партийные газеты»[61].

Борис Матвеевич Соколов крепко врос в научную и культурную жизнь Саратова. Его дни были заполнены до предела умственной и организаторской работой. Воскресенья часто не были днями отдыха: он отдавал их научным заседаниям в этнографическом музее или публичным диспутам в аудиториях города [62].

10 февраля в физическом корпусе университета был публичный диспут с участием учителей и деятелей просвещения «Новая школа, ее достоинства и недостатки». Основываясь на образцах русской литературы (Короленко, Чехова и др.), Б. М. Соколов «воспроизводит общее представление об учителе старой школы». Он остановился и на трудностях, испытываемых современной школой, нуждающейся в поддержке государства и общества [63].

В 20-е годы утверждался новый вид искусства — обращенный к массам советский кинематограф. Как все новое он имел своих приверженцев и противников. Вызвал споры острый вопрос о соотношении кино и театра, не теряющий и сегодня дискуссионности. Весной, воскресным вечером 1923 года состоялся живой публичный диспут в Показательном театре на тему: «Кино и театр». Председательствовал Борис Матвеевич. Он выступил, изложив свою точку зрения, которая была свободна от крайностей. Большой театрал,

---

[61] Фольклористика.— В кн.: Советское литературоведение за 50 лет, с. 286.

[62] Саратовская периодика помогает восстановить некоторые из таких дней. 12 февраля 1922 года Борис Матвеевич как председатель проводит очередное заседание Этнографического отдела, на котором читает доклад о скончавшемся недавно в Москве видном этнографе Н. А. Янчуке. Затем принимает участие в обсуждении двух глав из готовившейся работы А. Н. Лозановой о народных песнях о Степане Разине. В тот же день в аудитории университета он участвует в диспуте, привлекшем тысячную аудиторию «преимущественно из студенческой молодежи», на тему «Куда идти?» (К выбору профессии). Он призывал молодежь к большей вере в себя, к смелости в проявлении своих способностей и дарований, чтобы в сознании каждого органически слились наука и жизнь. В эти же дни Б. М. Соколов участвует в двух диспутах о судьбах русской интеллигенции в связи с появившейся за границей книгой «Смена вех». Через неделю — 19 февраля (тоже в воскресенье) диспут в консерватории на тему «Государство и личность». И вновь в качестве оппонента докладчиков — профессоров А. И. Колесникова и М. М. Агаркова — берет слово Б. М. Соколов. В отличие от юридической он подчеркивает моральную сторону проблемы. (См.: Культура, 1922, № 2—3).

[63] См.: Народное просвещение, 1922, январь, № 3.

любитель старого театра, в котором он «отдыхал душой», он понимал громадное социальное значение кино, его способность объединять массы, в чем он видел залог будущего развития нового искусства. Но и традиционный театр, по его мнению, не мог оставаться прежним в бурное время, когда пробуждается самосознание масс [64].

Большой заслугой Б. М. Соколова является организация Этнографического музея Саратовского края. В ноябре 1919 года в ответ на поданную им докладную записку он получил разрешение от губернского отдела Народного образования на организацию музея. И к этому делу он привлек студентов-«этнографов». Первоначальной базой для музея стало небольшое собрание Саратовской ученой архивной комиссии. Сюда присоединились экспонаты из различных предметов домашнего обихода, приобретенных в Хвалынской экспедиции у обследованных национальностей. Студенты были заранее подготовлены для отбора нужных для экспозиции вещей. Фольклорные записи в переписанном виде образовали архив музея. Здесь же хранились и многочисленные фотографии. Большая коллекция экспонатов, представляющая полную обстановку крестьянского дома немцев Поволжья, была передана в музей.

Газета «Саратовские известия» приветствовала организацию музея, подчеркивая его значение для всего Юго-Востока России с его пестрой этнографической картой, и призывала: «Чтобы на это, поистине народное дело — создания музея народного быта и творчества — был дан определенный отклик на местах <...> чтобы представители разных народностей сделали это дело своим, горячо приняли бы его к сердцу». Музей должен стать пособием для образования и хорошим источником воспитания интернациональных братских чувств [65].

Б. М. Соколов прекрасно понимал, как велика роль народных масс в строительстве новой культуры и возлагал большие надежды на их помощь в запланированной работе. Он стремился заинтересовать разнонациональные круги общественности края в его этнографическом изучении и придать этому делу творческий характер. Создание этнографи-

[64] См.: Новый художественный Саратов, 1923, № 10 и 11.

[65] См.: Саратовские известия, 1920, 9 мая. Без подписи. Музей помещался на Армянской (теперь Коммунарной) улице против сада «Липки». Позже он был передан в областной музей краеведения. Архив был передан тоже.

ческого музея «долженствующего стать зеркалом прошлой и современной жизни всех национальностей края <...> нашло всеобщее сочувствие». Он указал, что идея создания музея поддержана в учреждениях центра, в том числе в Академии Наук, в Академии Истории материальной культуры, в Обществе Любителей естествознания, антропологии и этнографии, которые горячо отозвались на это начинание. Указывает он в этой связи и на А. В. Луначарского. Свою статью Б. М. Соколов приурочил к губернскому съезду по просвещению. Он подчеркнул, что большую помощь в работе оказывало и «будет оказывать учительство и другие работники просвещения на местах»[66]

Общество истории, археологии и этнографии также оказывало Б. М. Соколову содействие в работе. В отчете 1922 года записано: устанавливать связи с общественными организациями города и уездов, привлекать к изучению края новых лиц не только из высшей, но и из средней школы [67].

Сам Б. М. Соколов, сотрудники музея, студенты читали лекции по краеведению в школах Саратова, в Петровске, в Аткарске [68].В отчете правлению Общества в 1923 году он отмечает, что во время петровской экспедиции население высоко ценило ее работу, членов экспедиции «всюду встречали тепло, радушно, особенно в инородческих селах... Местное учительство весьма интересуется работами общества, многие желали бы принять в них участие»[69].

Вскоре этнографический музей пополнился «Музеем Волгаря», организованным Ф. Н. Родиным. В 1921 году, когда в связи с засухой и неурожаем в Заволжье начался голод, когда советские общественные организации включились в борьбу со страшным бедствием, Б. М. Соколов сумел найти свое место в этом неотложном деле. Он вошел в Губернскую комиссию помощи голодающим и стал активным ее деятелем. По его инициативе был открыт Музей голода в помещении Этнографического музея. Здесь экспонировались суррогаты пищи, фотоснимки, плакаты, письменные документы. В организации музея приняли участие студенты. Они же были и сотрудниками в нем. В задачу музея входило сохранить экспонаты, отражающие тяжелую годину в истории

[66] Саратовские известия, 1921, 14 мая.
[67] См.: ГАСО, ф. 407, ед. хр. 373.
[68] См.: ГАСО, там же, ед. хр. 419.
[69] Там же, ед. хр. 408.

края. Главное же, он должен был служить «немолчным будильником общественной совести и громко звать на борьбу с ужасной истребляющей силой»[70]. Не случайно Б. М. Соколов в это время пишет статью «Лев Толстой и голод», где подробно рассказывает о нравственных импульсах деятельности писателя в периоды «хронических голодовок русского народа» (с 1879 по 1907 годы). Эту деятельность Л. Н. Толстого он называет «одним из прекрасных дел писателя и мыслителя мирового масштаба»[71].

5 февраля 1921 года в университете под председательством Б. М. Соколова состоялась многолюдная конференция, посвященная вопросам помощи голодающим. В докладе ученый осветил положение бедствующего населения, привел много конкретных сведений. В резолюции предлагалось: организовать студенческие отряды для посылки их в пострадавшие районы: медиков для врачебной помощи, агрономов для мероприятий в борьбе за будущий урожай, ветеринаров — на борьбу с падежом скота и т. п. и содержать эти отряды на средства, собранные с концертов, платных лекций и т. д. Отдельные отряды направить в благоприятные места для сбора средств голодающим[72]. С помощью Губисполкома Б. М. Соколов организовал специальную экспедицию на Украину для сбора денежных средств и продуктов питания для жителей Заволжья. Кроме официальных представителей в состав экспедиции вошли студенты. «Этнографы», прощаясь с товарищами, передали им напутственные письма и стихи[73].

---

[70] *Соколов Б. М.* От Музея голода.— Культура, 1922, № 2—3.

[71] *Соколов Б. М.* Лев Толстой и голод.— Черная година, 1922, № 1. (Двухнедельный журнал Сарат. губ. комиссии помощи голодающим).

[72] См.: Высшая школа, 1922, № 1; Саратовские известия, 1921, 10 октября, № 204.

[73] Сохранилось письмо Бориса Матвеевича В. П. Никольской. Следует его привести. Оно очень хорошо характеризует атмосферу той теплой дружбы, какая установилась в его отношениях со своими учениками. «Милая Валерия Павловна!— писал он отъезжающей В. П. Никольской.— Ваша решимость ехать собирать для голодающих — нравственно укрепляет не только Вас, но и всех нас «этнографов» и меня, в частности. Это действительно живое дело, а не только мечта и хныкание о нем. Неудачами не смущайтесь и не отступайте! Я верю, что Ваша поездка будет одним из самых светлых и радостных, в лучшем смысле слова, моментов Вашей жизни и всей нашей секты этнографов, потому что мы все время будем с Вами, радоваться Вашими радостями и сочувствовать о Ваших горестях. Любящий Вас Борис Соколов. Больше решимости! 19.IV.1922». (Личный архив Т. М. Акимовой).

6—00609

Жизнь студентов проходила в постоянном тесном общении с профессором. Главное же, он умел наилучшим образом направить научные интересы своих учеников. Ф. Н. Родина — сына рабочего, кончившего речное училище, он заинтересовал историей волжского бурлачества и пароходства. Родин изъездил волжские берега, собрал архивные материалы, сделал записи бурлацкого фольклора и организовал музей Волгаря [74], который разместился в Этнографическом музее. В результате многолетней работы над этой темой Ф. Н. Родин написал книгу [75]. П. Д. Степанов, тоже из рабочей семьи, не имел законченного среднего образования, но кончил университет и работал в области этнографии и археологии, стал известным археологом, доктором наук. М. Т. Маркелов — мордвин, сын церковного сторожа, в прошлом семинарист, работал как историк и этнограф в области угрофинноведения. В. П. Воробьев и М. П. Советов стали лингвистами, кандидатами наук, доцентами. В области фольклора остались работать Т. М. Акимова — доктор, профессор и В. Ю. Крупянская — кандидат наук, старший научный сотрудник института Этнографии АН СССР. Немалая заслуга в подготовке специалистов принадлежала Б. М. Соколову. Он привил любовь к знаниям, к науке, постоянный интерес к жизни и судьбам народа.

В 20-е годы на историко-филологическом факультете еще не читался курс современной советской литературы. Впервые задумал и осуществил такой курс Б. М. Соколов. В 1922—1923 учебном году он прочитал его часть: «Развитие новейшей русской поэзии» (в связи с введением в изучение истории литературы). В объяснительной записке к составленной им программе он писал о том, что «в современной литературе слушатель яснее и острее осознает тесную связь литературы с жизнью». Он обратился к лирике потому, что — это «главенствующий жанр в русской литературе последних 30 лет». Лекции о советской поэзии имели колоссальный успех и не только у студентов историков и филологов факультета. Приходили студенты других специальностей, а также любители поэзии из жителей города. После лекций студенты выступали с чтением стихов Блока, Брюсова, Есенина.

---

[74] После отъезда Ф. Н. Родина в Москву музей был передан в г. Горький.

[75] См.: *Родин Ф. Н.* Бурлачество в России. Историко-социологический очерк. М., 1975.

В курсе, разработанном и прочитанном Б. М. Соколовым, сказался все тот же ищущий облик этого необычайно живого, неуимчивого человека. В 1923 году вышла его книга «Очерки развития новейшей русской поэзии», в которой дана только вступительная часть курса [76].

Поистине необозрима общественная работа Б. М. Соколова в саратовский период его жизни. «Науку — в массы» — было его девизом [77].

В декабре 1923 года в университете состоялось объединенное заседание педагогического факультета с Обществом истории, археологии и этнографии — чествование отъезжающего в Москву профессора. Выступил ректор университета профессор С. Р. Миротворцев, подчеркнувший разнохарактерную научную и общественную деятельность Б. М. Соколова; со словами приветствия к своему коллеге обратились професора П. С. Рыков, С. В. Юшков, А. П. Скафтымов. От работников просвещения сказал речь В. Архангельский, от студентов-учеников М. Т. Маркелова, Т. М. Акимова. Студенческий хор под управлением преподавателя консерватории И. Д. Тулупникова исполнил записанные в петровской экспедиции русские и национальные песни [78].

С грустью провожал Саратовский университет и саратовская общественность Бориса Матвеевича Соколова в Москву.

Жизнь его была очень недолгой. Он умер в 1930 году.

В. Д. Бонч-Бруевич писал о Б. М. Соколове: он «был не только выдающимся ученым, но и замечательным человеком нашего советского времени. Это он организовал у нас два музея..., это он еще ранее в своих многочисленных путешествиях записал былины, сказки, песни. Это он впервые приложил марксистский метод к этнографическому материалу, издав недавно при Бюро заочного обучения 1-го МГУ две свои очень интересные книги: ...«Русский фольклор» вып. 1 и 2-й. <...> С самых первых дней Октябрьской революции про-

[76] См.: *Соколов Б. М.* Очерки развития новейшей русской поэзии. 1. В преддверии символизма. Саратов, 1923.

[77] См.: ГАСО, ф. 407, ед. хр. 364, л. 17; ед. хр. 346, л. 23; ед. хр. 408, л. 18 и об.

[78] См.: Саратовские известия, 1924, № 2. Несколько раньше, 13 ноября 1923 года газета извещала об отъезде Б. М. Соколова в Москву, «где ему поручается организация Всероссийского этнографического музея».

явил себя как действительно советский ученый, прошедший с Советской властью нога в ногу...»[79].

Этнографическую работу, организованную и налаженную в Саратовском университете Б. М. Соколовым, продолжали профессора В. В. Буш, недолго здесь пробывший, а потом А. П. Скафтымов, которого вместе с Б. М. Соколовым следует признать основателем саратовской фольклористической школы.

---

[79] Цит. по ст.: *Коротин Е. И.* Принципы организационно-собирательной работы в фольклористике 1920-х годов (Борис Матвеевич Соколов). с. 135.

Александр Павлович Скафтымов

Становление методологии Скафтымова

А. П. Скафтымов относится к числу исследователей, которые создавали методологию советского литературоведения. Ключевые ее проблемы, такие как единство содержания и формы, литературная преемственность, историзм нашли в его работах как теоретическое, так и историко-литературное решение, причем такое, какое соответствует уровню современной литературной науки.

Методология А. П. Скафтымова сложилась не сразу. Она вырабатывалась постепенно, усложняясь и углубляясь по мере роста Скафтымова как ученого. Трудный поиск продолжался всю жизнь. Начало его относится к годам учебы в Варшавском университете (1909—1913). Скафтымов-студент проявил особый интерес к творчеству Лермонтова и Достоевского и пронес его почти через всю жизнь. Последняя его неопубликованная статья «О литературной генеалогии образа Печорина» написана к столетию со дня гибели поэта. Достоевского же исследователь перечитывал до конца жизни. Именно в процессе изучения Лермонтова и Достоевского происходило формирование Скафтымова как литературоведа.

На первых порах он опирался на своих учителей И. И. Замотина и А. М. Евлахова. И. И. Замотин вел курс «Русская народная словесность», семинарий по этому курсу и по творчеству Лермонтова. А. М. Евлахов читал «Лекции по истории всеобщей литературы 19 в.». В личной библиотеке А. П. Скафтымова сохранилось много книг его учителей [1].

---

[1] По завещанию А. П. Скафтымова его библиотека была передана Научной библиотеке СГУ. Издания, ставшие библиографической редкостью, хранятся в отделе редких книг этой библиотеки.

Среди них — публикации студенческих работ, участников «семинария» И. И. Замотина. Содержание одной книги составляют семь рефератов, посвященных изучению былинного эпоса [2]. Реферата А. П. Скафтымова здесь нет. По-видимому, он не работал в этом семинарии. Но книга была им внимательно прочитана, о чем свидетельствуют подчеркивания и пометки на полях. Его заметки на полях носят не столько оценочный, сколько чисто учебный характер. Когда вчитываешься в них, создается впечатление: он штудирует, чтобы запомнить [3]. Иногда студент дословно повторяет сказанное профессором [4].

Это показатель интереса к устному народному творчеству, проявившегося у будущего ученого еще в студенческие годы и сохранившегося у него в последующем.

Другая книга состоит из пяти рефератов студентов-участников семинария по Лермонтову [5]. Первым, возможно, с учетом научной ценности, был напечатан реферат студента А. Скафтымова «Отголоски мотивов лермонтовской поэзии в произведениях Достоевского». Это первая печатная работа ученого, не учтенная при составлении библиографии его трудов [6].

---

[2] См.: Семинарий по истории русской литературы (проф. Замотин И. И.). Реферат по группе народной словесности. Варшава, 1911—1912 акад. год. В книгу входят рефераты: *Никольский А.* Русский былевой эпос в освещении Ф. И. Буслаева; *Недельский П.* Былины об Алеше Поповиче и о том, как перевелись богатыри на святой Руси — в освещении сравнительно-исторической теории; *Марков А.* Заезжие богатыри (по исследованию А. Н. Веселовского «Южно-русские былины»).

[3] Записки на полях: «Садко — бог грозы и ветров. Небесный бог влаги — морской бог водной стихии. Гусли — завывание грозовой тучи, ветер. Дальнейшие изменения: 1) раздробление мифа, 2) сведение на землю, прикрепление к месту события, 3) внесение нравственных понятий. Непоследовательность в выяснении вопроса о происхождении мифа: 1) из метафор; 2) из непосредственного обожествления природы. Как произошли мифы? Путем продолжения и понимания их в буквальных смыслах. Путем непосредственного обожествления сил природы. 2) Как произошли былины? Первое ядро сплошь мифологическое. Илья Муромец — бог громовник, Перун — позднее Илья Пророк».

[4] См.: *Замотин И. И.* Русская народная словесность (былевой эпос). 1912. В записях сделана ссылка на с. 106 этого издания.

[5] См.: Семинарий по истории русской литературы (проф. И. И. Замотин). Рефераты по изучению биографии М. Ю. Лермонтова и его произведений. 1911—1912 акад. год.

[6] См.: *Медведев А. П., Супоницкая П. А.* Список печатных работ А. П. Скафтымова.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1957, т. 56, с. 479—482. Краткая литературная энциклопедия. М., 1971, т. 6, с. 888.

В 1911—1912 году И. И. Замотин читал студентам 3 и 4-го курсов Варшавского университета спецкурс «М. Ю. Лермонтов»[7]. Участие Скафтымова в семинарии, слушание спецкурса надолго определили его интерес к творчеству Лермонтова.

Показательно, что если другие студенты занимались изучением отдельных произведений и фактов жизни поэта, то Скафтымов взял на себя более сложную задачу — дать сопоставительный анализ творчества Достоевского и Лермонтова. Достоевского и Лермонтова роднит, по мнению автора, трагический пафос их творчества. Трагизм, считал он, был обусловлен восприятием противоречий мира. Противоречия эти носят широкий и философский характер: жизнь и смерть, свобода и необходимость. Не случайны такие подзаголовки в реферате: «Человек в человечестве», «Человек в мире». Разрешение противоречий не в пользу человека доставляет ему страдание. Страдание, желание найти выход из тупика, жажда самоутверждения, отстаивание личностью своей ценности — вот что роднит, по мысли автора, писателей и их героев. Сознание бессилия личности перед извечным законом природы заставляло писателей метаться в поисках выхода: то обращаться к «мирам иным», то скептически относиться к ним. Так возникла раздвоенность сознания, свойственная, как утверждал автор, и Лермонтову, и Достоевскому. А. Скафтымов аргументирует свои мысли ссылкой и на произведения писателей, и на их биографии. Его трактовка творчества Лермонтова совпадает с той, которую дал И. И. Замотин в своем спецкурсе. Воспринимает ученик и некоторые методологические принципы своего учителя, в частности, отождествление личности героя и его творца. Но следует подчеркнуть, что полностью методологию И. И. Замотина Ал. Скафтымов-студент не принимает.

И. И. Замотин — представитель сравнительно-исторической школы (историко-социологической, как он сам ее называл), кратко и полунамеком, но все-таки указал на общественные истоки лермонтовского пессимизма. У А. Скафтымова никакого выхода в область общественно-исторической жизни в этот период не было.

Далее, И. И. Замотин считал, что русская литература развивается по западноевропейским образцам. И хотя он

---

[7] См.: *Замотин И. И.* М. Ю. Лермонтов. Спецкурс, читанный студентам-словесникам 3-го и 4-го курсов в 1911—1912 акад. году, 1912.

сочувственно цитирует строчку из Лермонтова «Нет, я не Байрон, я другой...», тем не менее считает необходимым провести параллель между Лермонтовым и Байроном. Характерно, что то место в книге И. И. Замотина, где он говорит о влиянии западной литературы на русскую, зачеркнуто рукой А. П. Скафтымова, видимо, как знак несогласия с выраженной мыслью.

В чем здесь дело? Другой учитель А. П. Скафтымова А. М. Евлахов был противником сравнительно-исторической школы. Отправной тезис его общих рассуждений о методе анализа художественных произведений сформулирован так: «Всякое исследование искусства, по существу своему, не может быть историческим, а должно быть непременно эстетическим» [8]. Практическое применение это положение нашло в его работе «Надорванная душа» о «Герое нашего времени» [9]. Эта работа, как и 1—2 тома «Введения в философию художественного творчества», опубликованные в Варшаве в 1910—1912 гг., хранилась в личной библиотеке А. П. Скафтымова, и, судя по заметкам на полях, были им основательно изучены.

Интерес к Лермонтову пробудили у студента Скафтымова оба учителя, и воспринял он многое и от одного, и от другого, но ближе ему оказался имманентный, психолого-эстетический анализ А. М. Евлахова, о чем свидетельствует следующая, уже не студенческая работа. Основные положения первой печатной работы были развернуты и дополнительно аргументированы в статье 1916 г. «Лермонтов и Достоевский». А. П. Скафтымов остается здесь в рамках психологического анализа. Сходство Достоевского с Лермонтовым автор объясняет их духовной индивидуальной конгениальностью. В статье называются те же, что и в первой работе, черты, роднящие писателей: жажда самоутверждения, «мировая скорбь», понимание трагедии перед лицом смерти. Сохраняется и даже резче звучит мысль об относительной значимости для писателей таких нравственных категорий, как добро и зло. В студенческом реферате применительно к Достоевскому сказано: «Совесть — критерий нравственности

---

[8] См.: *Евлахов А. М.* Введение в философию художественного творчества. 1917, т. III, с. 390. Общую оценку деятельности А. М. Евлахова см. в кн.: Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 190—194.

[9] См.: *Евлахов А. М.* Надорванная душа. Ейск. 1914.

несостоятельный. Она условно может быть иногда и на стороне зла. Да и вообще едва ли есть какие-либо безусловные нравственные императивы»[10]. В статье «Лермонтов и Достоевский» автор объяснил стремлением Лермонтова и Достоевского к свободе преодоление ими барьера добра и зла [11]. Позже этот тезис будет снят исследователем.

Но статья «Лермонтов и Достоевский» представляет собой шаг вперед в сравнении с первым студенческим опытом. Если в первой работе автор ограничивается только выяснением сходства двух писателей, то во второй он, указав на сходство, в чем-то отграничивает одного от другого.

У Лермонтова, по мнению автора, чувство самоутверждения носит чисто личный характер, Достоевский же расценивал это чувство как стихийное свойство всех людей. «Мало этого, Достоевскому принадлежит идея понимания всей человеческой нравственности как следствия боязни общественного мнения»[12]. Говоря о родственном для обоих писателей чувстве страдания от нанесенного унижения, автор указывает на разные оттенки этого чувства у Лермонтова и Достоевского. У Лермонтова, скажет он, нет борьбы с оскорбителем, Достоевский же думал приложением личной воли выйти из состояния унижения и достичь свободы (Кириллов). Выяснение оттенков и различий было показателем интереса ученого к изучению творческой индивидуальности писателя.

С 1916 по 1920 гг. А. П. Скафтымов не печатался, но в эти годы вырабатывались самостоятельные методологические принципы.

До сих пор А. П. Скафтымов полностью разделял методологию А. М. Евлахова и с едва заметной долей критицизма — И. И. Замотина. В начале 20-х годов наступило время переоценки ценностей. В первую очередь, переоценка коснулась А. М. Евлахова. А. П. Скафтымов глубоко чтил своего учителя. До конца жизни он переписывался с ним, нередко вспоминал в личных беседах. С уважением и даже с некото-

---

[10] *Скафтымов А. П.* Отголоски мотивов лермонтовской поэзии в произведениях Достоевского. Семинарий по истории русской литературы (проф. И. И. Замотин). Рефераты по изучению биографии М. Ю. Лермонтова и его произведений. 1912, с. 11.

[11] См.: *Скафтымов А. П.* Лермонтов и Достоевский.— Вестник образования и воспитания. Научно-педагогический журнал. Казань, 1916, № 1, 2.

[12] Там же, с. 11.

рым удивлением перед его талантом говорил своим ученикам об учителе, о том, что А. М. Евлахов, будучи доктором филологических наук, изучил медицину и стал доктором медицинских наук. (Кстати, медицине он отдал большую часть своей жизни). Можно себе представить, как велико было его преклонение перед А. М. Евлаховым в первое десятилетие после окончания университета. Тем более ценным представляется стремление начинающего ученого осмыслить все сильные и слабые стороны взглядов учителя.

Сохранился интересный документ — тезисы Скафтымова к докладу «Методология А. М. Евлахова». Рукопись представляет собой машинописный текст. Рукой А. П. Скафтымова написаны: его фамилия, название работы, дата создания — 16 и 23/IV—1921 г. В тезисах 26 пунктов.

А. П. Скафтымов характеризует метод Евлахова как эстетический и психологический. Суть этого метода: Евлахов рекомендует рассматривать произведения в их эстетической сущности, выяснение же эстетической сущности дает, в свою очередь, основание оценивать их и как факт психологический, поскольку произведение раскрывает историю души художника. Оригинальность методологии А. М. Евлахова А. П. Скафтымов видит в том, что ученый «ставит историю литературы на путь философского изучения». Подход Евлахова к литературе он называет теоретическим.

Полностью разделяя мысль А. М. Евлахова об эстетической ценности литературы и его призыв быть внимательным к каждому слову писателя, А. П. Скафтымов указывает на ограниченность анализа, замкнутого рамками только одного текста. Так рождается у него понимание односторонности исходных позиций Евлахова. В тезисах несогласие с учителем прозвучит так:

«1. Методология Евлахова в основной предпосылке имеет признание абсолютного, вневременного значения эстетических ценностей...

4. Эстетическое произведение рассматривается как факт психологический, а не исторический...

13. Методологические взгляды Евлахова рациональны и обязательны в сфере статического изучения литературы.

14. Но они недостаточны для понимания художественного творчества в его динамическом процессе.

15. Интерес к генетическому пониманию вещи в человечестве так же исконен, как и к познанию самих вещей...

25. История литературы должна объединять статистическое и динамическое изучение поэзии»[13].

А. П. Скафтымов убежден, что для более полного и объективного освоения текста необходим выход за его пределы, изучение дополнительных материалов: биографии писателя, литературных явлений одного ряда разных времен и разных авторов. Иными словами: А. П. Скафтымов считает необходимым дополнить психолого-эстетический метод А. М. Евлахова генетическим. Именно дополнить, а не заменить, о чем он скажет в 23 тезисе: «Требование Евлахова эстетико-психологических критериев от всякого исследования художественного творчества остается в силе и при генетическом изучении».

Выяснение генезиса данного литературного явления само по себе означает исторический подход к нему. Историзм А. П. Скафтымов расценит как совершенно обязательную составную часть анализа произведения: «Так как художественно-литературная жизнь имеет свою непрерывность и преемственность, то при генетическом изучении литературы нельзя отвергнуть *историзма* ни в смысле историко-культурном, ни в смысле внутренней истории литературных явлений» (20).

Тезисы доклада были использованы во вступительной лекции. Через год им была опубликована статья «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы»[14], в которой А. П. Скафтымов на основе критического рассмотрения эстетического и генетического методов исследования делал вывод о необходимости их соотношения.

В статье была четко сформулирована суть расхождений с Е. М. Евлаховым: «История литературы, именно потому, что она история, есть наука по преимуществу генетическая. Как бы ни было важно и необходимо внутреннее осмысление произведения самого по себе, все же в перспективе конечных заданий истории литературы это не более как необходимая полная установка фактов, которые должны послужить предметом уже собственных генетических построений, и всякие вопросы о влияниях и связях, которые созидают или им-

[13] *Скафтымов А. П.* Тезисы к докладу «Методология А. М. Евлахова». Рукопись. Архив кафедры русской литературы Сарат. ун-та.

[14] См.: *Скафтымов А. П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы.— Учен. зап. Сарат. ун-та, т. 1, вып. 3, 1923.

пульсируют возникновение литературных явлений, здесь являются прямым и непосредственным стержнем»[15]. Так с учетом того положительного, чем располагали его учителя, и в принципиальном споре с ними складывались исследовательские принципы ученого. Методология Скафтымова формировалась постепенно и нашла выражение в его работах 20-х годов, в частности,— в статьях о Достоевском.

Воздействие психолого-эстетической концепции Евлахова и собственно скафтымовские принципы анализа проявились в статье «Тематическая композиция романа «Идиот», написанной зимой 1922—1923 гг.[16]. Статья полемична. Она направлена против формализма в литературоведении 20-х гг. и против его главных представителей: Б. Эйхенбаума, В. Шкловского, Р. Якобсона, О. Брика и др. Излагая свои методологические принципы, автор настаивает на понимании произведения как единого целого, все части которого взаимообусловлены и взаимосвязаны, тем самым доказывая невозможность, абсурдность изучения только формы. «Организующие доминанты могут оказаться и в смысле и в форме, и главная формирующая сила может колебаться между идейно-психологическим смыслом произведения и его формальной структурой»[17]. Именно поэтому он считает: «Пред исследователем внутреннего состава произведения должен стоять вопрос о раскрытии его внутренних имманентных формирующих сил»[18]. Желанием решить эту задачу следует объяснить исключительную сосредоточенность автора статьи на выяснении идейного наполнения образов. Анализируя образы Настасьи Филипповны, Ипполита, Гани Иволгина и др., исследователь показывает сложность их внутреннего облика, раскрывает амплитуду душевных метаний героев от гордости к поискам душевной чистоты и ясности. Как и в первых статьях, А. П. Скафтымов объяснит гордость как ответ на обиду, как своеобразную попытку защитить свое «я». Но если там это гордое начало героев Достоевского оценивалось положительно, то теперь оно рассматривается как отклонение от нормы, как результат извращения духовной сути человека. Такое толкование, конечно же, больше соответствовало мысли самого Достоевского.

---

[15] Там же, с. 61.

[16] См.: Творческий путь Достоевского. Л., 1924.

[17] *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972, с. 25.

[18] Там же, с. 24.

Углубившись в характеристику образов и выяснение соотношений между ними, исследователь сознательно отказался от того, что он называл генетическим принципом анализа: «До тех пор, пока речь идет об уяснении внутреннего состава произведения, вопросы авторской психологии (личные психические индивидуальные особенности автора, влияния, заимствования, зависимость от общего «чувства жизни», эпохи и проч.) здесь могут иметь лишь далекое вспомогательное значение»[19],— писал он.

Возможно, в дальнейшем генетический принцип и был бы применен (статья представляет только часть большой работы о поэтике романа), но в том виде, в каком мы ее знаем, она близка работам А. М. Евлахова.

В конце статьи автор формулирует свое понимание творческой устремленности Достоевского: «Пред Достоевским всегда стояла проблема преодоления гордости как главного источника разъединения и разобщения людей между собою и с миром. Кажый роман по-своему варьирует и углубляет эту постоянную тему его писательства»[20]. Новую вариацию постоянной темы Достоевского исследователь найдет в «Записках из подполья».

Статья «Записки из подполья» Достоевского среди его публицистики», написанная спустя три года, зимой 1925—1926 гг., имеет много общего с предыдущей и вместе с тем представляет собой шаг вперед. Объединяет эти статьи истолкование творчества Достоевского, различие же заключается в принципах анализа произведений.

Как и предыдущая, эта статья начинается с полемики. Автор спорит с теми исследователями, которые видели в «Записках» отказ от гуманистических идеалов, провозглашение индивидуалистического аморализма (Л. Шестов, Л. Гроссман, А. Долинин, В. Комарович) [21]. Особенно активно ведется полемика с Л. Шестовым. И это понятно. Ведь именно на Л. Шестова опирался начинающий ученый, когда в статье «Лермонтов и Достоевский» говорил о Достоевском как о писателе, преодолевшем барьер добра и зла. Спор с Шестовым — это спор с самим собой, по существу,— отказ от раннего и ошибочного взгляда на творчество Достоевского.

---

[19] Там же, с. 28.

[20] Там же, с. 85.

[21] Ни Л. Гроссман, ни А. Долинин в последующем не пересмотрели свою точку зрения.

Теперь А. П. Скафтымов говорит о Достоевском как о писателе-гуманисте, гуманизм которого проявляется в утверждении идеалов любви, в отказе от индивидуалистического самоутверждения. В этом состоит, по его мнению, пафос «Записок». Как видно, здесь получает развитие мысль, высказанная ранее в статье «Тематическая композиция романа «Идиот».

Своеволие, гордость, стремление к самоутверждению автор статьи, как и в предыдущей, назовет отличительными чертами героев Достоевского. Указанные свойства являются реакцией на унижение, своеобразной, иногда жалкой попыткой защитить свое достоинство. Возникает даже «наслаждение обидой» как проявление бунтующей гордости. Но, хотя эти качества и имеют в своих истоках гуманистическое начало, ни Достоевский, ни его интерпретатор не находят им оправдания. Ведь гордость, злоба, разъясняет он, рождаются от бессилия, от невозможности приобщиться к жизни других людей и полюбить их. О характере подпольного человека в статье сказано: «Под слоем злобы, ненависти и исступленного бунта герой таит и прячет в себе живое влечение к «добру», «любви», «жалости», «раскаянию», «прощению» (термины из текста), но эти чувства в нем не могут иметь выхода. Жажда причастности к чужой душе самолюбием воспринимается как слабость и унижение. Гордость отвергает эти чувства, страдает от них и, преодолевая их, обрекает личность на злобу и одиночество»[22]. Такой сложной характеристики героев Достоевского в первых статьях не было. Она нашла место в статье об «Идиоте» и еще сильнее проявилась здесь. Усложняется не только характеристика героев, но и отношение к ним писателя. Элемент непосредственного соотношения личности героя и его создателя, имевший место в ранних работах, остался и в статье о «Записках из подполья». IV раздел статьи «Элементы эмпирической личности Достоевского в «Записках из подполья» открывается утверждением: «Несомненно, Достоевский и сам в себе, в своей эмпирической личности, многое носил из того ада, который воплощен в герое из подполья»[23]. Но исследователь видит теперь дистанцию между писателем и его героями.

«Очевидно,— пишет он,— что подпольный человек в «За-

[22] *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. Статьи и исследования о русских классиках. М., 1972, с. 104.
[23] Там же, с. 128—129.

писках» не только обличитель, но и обличаемый. Общая концепция «Записок» совершенно ясно говорит, где Достоевский сливается с обличителем-героем и в чем, наоборот, обличает его и противопоставляет его мироотношению свое, авторское»[24]. Высшие проявления развитой человеческой личности Достоевский видит, по мнению автора, не в эгоистической притязательности, как подпольный человек, а в радости любви и самоотдания. Так окончательно снимается некогда высказанный тезис об аморализме Достоевского.

Теперь А. П. Скафтымов не мог удовлетвориться и «имманентным» анализом. Глубокое понимание связи литературы с жизнью привело к выводу: «Записками из подполья», «Преступлением и наказанием» Достоевский вошел в сферу борьбы идей своего времени»[25]. И хотя о самом времени исследователь специально не говорит, обстоятельная характеристика публицистических материалов, помещенных в журналах «Время» и «Эпоха» периода работы над «Записками», нацелена на то, чтобы показать злободневность поставленных в них проблем. Так шел А. П. Скафтымов к овладению принципом историзма, важнейшим принципом нашего литературоведения.

Статьи А. П. Скафтымова о Достоевском во многом определили истолкование «Идиота» и «Записок из подполья» последующими исследователями[26].

Стала анахронизмом тенденция односторонней характеристики героев Достоевского, особенно образа подпольного человека, и отождествления их с писателем; та тенденция, против которой выступил в свое время ученый.

Параллельно работе над творчеством Достоевского шло освоение наследия Лермонтова. Правда, оно не дало таких ощутимых результатов, как изучение Достоевского, Л. Толстого, Чехова. Но интерес к творчеству Лермонтова А. П. Скафтымов пронес от студенческих лет до начала 40-х гг. Не случайно, что первым вузовским семинаром преподавателя А. П. Скафтымова был семинар по Лермонтову

---

[24] Там же, с. 90.

[25] Там же, с. 127.

[26] См.: *Фридлендер Г. М.* Реализм Достоевского. М.-Л., 1964, с. 236; *Кирпотин В. Я.* Достоевский в шестидесятые годы. М., 1966, ч. II, гл. V; *Одиноков В. Г.* Об одной литературной реминисценции в «Записках из подполья».— В кн.: Достоевский. Материалы и исследования, Л., 1976, сб. 2.

(1922). Под его руководством была защищена в 1939 г. кандидатская диссертация «Романтические поэмы Лермонтова».

Обдумывание материала в процессе руководства спецсеминарскими работами и кандидатской диссертацией, личная давняя увлеченность Лермонтовым привели А. П. Скафтымова к мысли о создании большой работы.

В архиве ученого сохранилась статья «О литературной генеалогии образа Печорина (Глава из работы «Проблема индивидуализма в творчестве Лермонтова)». Как показывает название, работа была задумана широко, но осталась написанной только первая ее часть, представляющая собой анализ образа Печорина [27].

Исследователь поставил перед собой задачу проанализировать роман как единое целое, раскрыть соотнесенность всех его героев с главным — Печориным. (Применен принцип, уже оправдавший себя при анализе романа «Идиот»).

Сущность образа Печорина автор видит в гордом начале, которое ищет активного самоутверждения: «Печорина увлекает чувство гордости, утверждение своей силы и ценности перед самим собою. Счастье «насыщенной гордости» для него выше, ценнее и дороже жизни. И ради этой цели Печорин открыто и сознательно переступает моральные грани». Воинствующая гордость Печорина так безмерна, что заставляет его соревноваться с самой природой, бросить вызов своей судьбе.

Основным свойством характера героя определяется сюжетно-композиционная структура романа: «Пафос образа Печорина состоит в постоянном и непокорном вызове судьбе и людям. Поэтому каждый эпизод романа, взятый в отдельности, полностью сосредоточивается на перипетиях борьбы, поднятой самим Печориным. Печорин всюду сам владеет обстоятельствами и заставляет их служить своим целям. Интерес событий всюду построен не на случайно создавшейся

[27] Рукопись состоит из 43 страниц разного формата. Большая часть из них напечатана на машинке, отдельные страницы написаны от руки. Но как те, так и другие несут следы активной правки. Правка шла в двух направлениях: по линии уточнения и углубления выражаемой мысли и по линии стилистического совершенствования. Рукопись обрывается на полуслове. Неизвестно, сколько осталось недописанным, но, судя по содержанию, основные мысли были изложены. Нет конца — нет даты написания. Статья написана на бумаге, обратная сторона которой исписана. Смысл этих записей дает возможность предположить, что статья писалась к 100-летию со дня гибели Лермонтова и готовилась к публикации.

ситуации, не на внешнем сплетении конфликтных обстоятельств, а на инициативном поведении самого героя»[28].

Исследователь не выражает прямо свое отношение к жизненной позиции героя, но то, как он говорит о гордости Печорина, ради которой герой подавляет в себе лучшие качества, раскрывает отрицательное отношение автора статьи к индивидуализму героя. «Печорин борется с собственной нежностью, подавляет в себе нравственную тревогу, ради гордости восстает против собственного нравственного существа»[29]. Сравнение ранних статей о Лермонтове с поздней позволяет понять движение в нравственных исканиях самого исследователя от принятия индивидуализма к отрицанию его.

«Гордое начало» Печорина роднит его, по мысли исследователя, с героями Достоевского: «Моральное властолюбие, самолюбиво-завистливое отношение к нравственной личности другого человека, борьба с собственным нравственным существом ставят Печорина на грани полного разрыва моральных связей с людьми. Печорин в этом отношении является ближайшим предшественником «гордецов» Достоевского»[30]. Так в сознании ученого вновь сближаются имена двух писателей.

Созданию статьи предшествовала большая подготовительная работа. Сто тетрадных страниц заполнены цитатами из произведений мировой литературы. Здесь «Исповедь сына века» Мюссе, «Рене или Следствие страстей» Шатобриана, «Адольф» Констана, «Оберманн» Сенанкура, поэмы Байрона.

Привлечение широкого круга произведений западной литературы было нужно, чтобы найти место романа Лермонтова в мировом литературном процессе.

Весь огромный цитатный материал заготовок был осмыслен в статье под определенным углом зрения: что сближает Печорина с «мировыми скорбниками» и что отличает от них.

Ко времени работы над статьей у А. П. Скафтымова был уже большой опыт сравнительного анализа. Им были написаны статьи «Чернышевский и Жорж Санд», «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого». Он был автором других известных работ о Чернышевском. Все это определило широту постановки вопроса и глубину его решения.

---

[28] Там же, с. 10.
[29] Там же, с. 29.
[30] Там же, с. 31.

7—00669

Сравнение Печорина с героями мировой литературы привело автора статьи к выводу, что сходства меньше, чем различий, что Печорин — качественно новый тип в мировой литературе. Это и дало основание ученому вести полемику с теми, кто слишком упорно доказывал зависимость лермонтовского создания от мировых образцов. В статье указан только один адресат полемики — С. И. Родзевич.

В библиотеке А. П. Скафтымова хранились две книги С. И. Родзевича. Обе посвящены Лермонтову [31]. Одна из них буквально испещрена подчеркиваниями и заметками на полях, сделанными рукой А. П. Скафтымова [32]. Заметки выражают несогласие читателя с автором работы. Полемика с этим дореволюционным исследователем творчества Лермонтова объясняется тем, что С. И. Родзевич, ревностный приверженец сравнительно-исторической школы, с наибольшей силой выразил крайности и издержки этой школы. Доказывая, что Лермонтов создавал свой роман по западноевропейским образцам, Родзевич низводил великого русского писателя до простого подражательства.

Такой взгляд на Лермонтова был не единичным. Сходную точку зрения выражали С. Шувалов, М. Розанов, Б. Эйхенбаум [33]. Отзвуки этой ошибочной концепции обнаруживаются в некоторых довоенных работах, опубликованных в юбилейном 1941 году [34]. Выступая против точки зрения С. И. Родзевича, А. П. Скафтымов подвергал критике целое направление в изучении Лермонтова. Вот почему он пользуется формой множественного числа: «сопоставляют», «видят сходство» и др.

А. П. Скафтымов был не одинок в своем стремлении доказать самостоятельность и своеобразие творения Лермонтова. Одновременно с ним в том же направлении работали Н. Бродский, В. Мануйлов, С. Дурылин, Е. Михайлова [35].

---

[31] См.: *Родзевич С. И.* К вопросу о влиянии Байрона и А. де Виньи на Лермонтова. Воронеж, 1915.

[32] См.: *Родзевич С. И.* Лермонтов как романист. Киев, 1914.

[33] См.: *Шувалов С.* Влияние на творчество Лермонтова русской и европейской поэзии; *Розанов М.* Байронические мотивы в творчестве Лермонтова.— В кн.: Венок Лермонтову. М.-Пг., 1914. *Эйхенбаум Б. М.* М. Лермонтов. Опыт историко-литературной оценки. Л., 1924.

[34] См.: Лит. наследство. М. Ю. Лермонтов. М., 1941, т. 43—44.

[35] См.: *Бродский Н.* М. Ю. Лермонтов. Биография. М., 1945, т. I; *Дурылин С. Н.* «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова. М., 1940; *Мануйлов В. А.* Лермонтов. Жизнь и творчество. М., 1939; *Михайлова Е. Н.* Проза Лермонтова. М., 1957.

Но трактовка образа Печорина, данная исследователем, отличается оригинальностью, нетрадиционностью. И если бы статья увидела свет в те годы, она стала бы особым словом о Лермонтове.

Но смысл полемики А. П. Скафтымова шире отстаивания определенной трактовки романа Лермонтова. Пользуясь этим материалом, ученый выяснял и отрабатывал принципы изучения творчества любого русского писателя. Сравнение множества литературных героев одного ряда, осознание принципиального отличия Печорина от «гордецов» и «скорбников» мировой литературы, понимание несостоятельности сопоставлений по аналогии — все это привело ученого к методологически правильному решению проблемы литературной преемственности. В статье этот вывод теоретически сформулирован так: «Всякие сопоставления в историко-литературной перспективе только тогда имеют смысл, когда они осуществляются с целью определить не только связи одного явления с другим, но и их взаимную специфику. Преемственность фактов литературного движения не может сводиться к их тождеству. Для задач истории литературы не менее, если не более, ценным является не только установление связей, но и определение качественного своеобразия вновь возникающих явлений, создающих в своей преемственной смене движущийся и развивающийся процесс. В этом случае как раз в пунктах сходства и важно указать различие»[36].

О Лермонтове А. П. Скафтымов больше не писал. Но проблема литературной преемственности, решенная в неопубликованной статье о «Герое нашего времени», нашла практическое применение при изучении русской драматургии. В статье «Белинский и драматургия А. Н. Островского» А. П. Скафтымов на конкретном анализе пьес Гоголя и Островского показал, как надо сравнивать. Сказав о том, что объединяло молодого Островского с его учителем, он далее подчеркивает их различие. В статьях о Чехове исследователь вспомнит Островского и покажет движение вперед Чехова. Он раскроет развитие русской драматургии от 30-х годов XIX века до 900-х годов. В статье «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова» А. П. Скафтымов даст образец целостного анализа данной пьесы и тем самым ответит на вопрос, который остается актуальным до сегодняшнего дня.

---

[36] Рукопись, с. 4.

К сожалению, не только оставшаяся в рукописи статья о Лермонтове, но и статьи, опубликованные в местных периодических изданиях, чаще всего в «Ученых записках», и за границей, из-за небольших тиражей длительное время были малодоступны широкому кругу исследователей в области литературы, фольклора, театроведения и т. п.[37]. В течение десятилетий в решении вопроса о преемственности допускались прямолинейный подход и упрощения, пока поток исследований подобного рода не был остановлен А. С. Бушминым. В статье «Проблема литературной преемственности»[38] А. С. Бушмин показал полную несостоятельность сопоставления писателей только по принципу сходства. А в книге, специально посвященной этой проблеме[39], он дал такое определение проблемы преемственности, которое оказалось очень близким определению, данному А. П. Скафтымовым в неопубликованной статье.

«Поэтика и генезис былин»

А. П. Скафтымов известен среди русских и зарубежных филологов как крупный литературовед. Но нельзя забывать и того, что он сделал в области изучения народной поэзии за годы работы в Саратове[1]. Самым замечательным, что следует назвать в первую очередь, является монография о русском героическом эпосе[2].

Работа А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин» опубликована в 1924 году. Ее трудная и сложная судьба требует особого рассмотрения. В течение полувека ее содержание трактовалось как формалистическое и отрицавшее значение исторической школы в изучении богатырского эпоса. А между тем и то и другое утверждение ошибочно. Только в самые последние годы эта монография нашла правиль-

---

[37] Только усилиями Е. И. Покусаева работы А. П. Скафтымова были сведены воедино и изданы двумя сборниками.

[38] См.: Русская литература, 1961, № 3.

[39] См.: *Бушмин А. С.* Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969. *Он же.* Преемственность в развитии литературы. Л., 1978.

[1] См.: *Скафтымов А. П.* Белинский и устное народное творчество.— Литературный критик, 1936, № 7; *Он же.* Добролюбов о фольклоре.— Литературный критик, 1936, № 2.

[2] См.: *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин. М.— Саратов, 1924.

ную оценку. В 1977 году в академическом сборнике был помещен отзыв: «Выдающийся вклад А. П. Скафтымова в раскрытие поэтики былин получил полномерное признание лишь в наши дни»[3]. Книга, кроме того, сохраняет свое значение в современной дискуссии вокруг проблемы историзма народного эпоса, включаясь в нее «в качестве весьма актуального материала»[4].

Скафтымов работал над темой о поэтике былин в период повышенного интереса к народному поэтическому творчеству. Это было характерно для литературоведов начала 20-х годов, в том числе и для саратовских филологов. Вместе с тем их исследования были ознаменованы поисками новых путей в науке о литературе. И труд Скафтымова был новаторским в этом плане.

Монография состоит из четырех глав. В первой главе автор дает обзор изучений былин за последние годы. Анализируя труды фольклористов предреволюционного времени, он критикует методику исторической школы. Ученый отрицает возможность определения исторических источников былин на основании сходства имен богатырей с именами исторических деятелей, упоминаемых летописями. Его не удовлетворяет сопоставление отдельных мотивов эпических песен и бытовых реалий с летописными фактами и бытовыми подробностями с целью при некотором сходстве доказывать время и место сложения и историзм былинных сюжетов. Особенно возражает он против сопоставлений отдельных частей и эпизодов сюжета с разными по времени и смыслу историческими упоминаниями. А. П. Скафтымов ищет твердой опоры для анализа в целостном сюжете. Ошибочным считает он самый способ генетического изучения эпической песни, когда в сопоставлении главным является летописный текст, по которому проверяется содержание былины. В центре же внимания должна быть эпическая песня со своим замыслом, в которой исторические события подчинялись ее идейно-художественным задачам.

Не удовлетворяла саратовского ученого и методика работы фольклористов исторической школы с вариантами. Они выделяли древнейший «архетип» (часто наиболее полный ва-

---

[3] Из разработок Б. М. Соколова по теории и поэтике фольклора. (Публикация В. М. Гацака).— См.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 281.

[4] Там же.

риант), признавая остальные более поздними и отклонившимися от первоначального. Скафтымов же справедливо доказывал равнозначность и самостоятельность каждого варианта, считая, что исследование должно опираться на все тексты, из которых отбирается то, что является обязательным и постоянным и без чего не мог бы состояться былинный сюжет. Это твердое ядро и следует признать первичной основой произведения.

До последнего времени сохраняется ошибочное утверждение, будто Скафтымов не признавал вообще исторических разысканий и даже историзма содержания былин. Наоборот, он специально подчеркивал, что исследователи прошлого видели в былинах национально русское историческое содержание и это было их заслугой. Скептическое же отношение к национальному характеру русского эпоса, высказанное В. В. Стасовым, только усилило внимание ученых к национально-исторической природе былин. Скафтымов высоко оценивает заслуги исследователей прошлого: «...Нужно быть благодарным уже за то, что генетические возможности, скрытые в формировании и существовании былин, получают свой научный учет»[5]. «Так выяснилось,— говорил он,— что былина, питаясь жизнью, все же чрезвычайно далеко стоит от действительной реальности. Всякие соответствия исторического прошлого на нее далеко не похожи, хотя и отвечают некоторым отдельным ее элементам». «Выяснилось, что былина среди других видов словесного творчества не стояла особняком, часто питалась образами из легенд, сказок и песен, и своих и чужеземных, как устных, так и письменных»[6].

В конце первой главы А. П. Скафтымов вновь обращается к положительным достижениям фольклористов-историков, солидаризуясь с ними в главном. «Необходимо предположить, что в развитии былины был момент, когда фактическая конкретность, входящая в ее состав, в известной мере являлась для нее предметом непосредственного интереса... Нужно предположить какое-то сюжетное ядро, которое в былине когда-то дорого было самой фактичностью своею, как воспроизведение определенного события подлинной жизни... Оттуда, из того определенного момента и идет основная кристаллизация сюжета...»[7]. Как видно, обвинение

[5] *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин, с. 38—39.
[6] Там же.
[7] Там же, с. 100.

А. П. Скафтымова в отрицании заслуг исторической школы и тем более историзма былинного содержания не имеет основания. Следует вспомнить его суждения о фантастике в былинах, они заключают в себе много общего с трактовкой ученых исторической школы. По его мнению, фантастические образы и мотивы создавались одновременно с историческим содержанием былин и не могут свидетельствовать о доклассовом происхождении сюжетов.

Монография Скафтымова замечательна тем, что каждое конкретное наблюдение обосновано глубокими теоретическими положениями, при этом автора никогда нельзя упрекнуть в односторонности. Он отмечает особую трудность изучения устного эпоса. «Послушный на службе у гипотетических построений материал имеет досадно малую долю подлинной принудительной фактичности»[8]. Сложность эта усиливается тем, что авторы эпоса неизвестны. «Иррациональность индивидуально волевых факторов человеческой истории имеет особую роковую значительность в истории художественного творчества, где как раз индивидуальность является основным нервом созидания. Но произведения народного творчества к этой трудности добавляют еще одну: они анонимны»[9]. Они не знают ни времени, ни места, ни индивидуальности своих творцов. Указывая на творческое начало в исполнении былин сказителями, А. П. Скафтымов, опираясь на свидетельства собирателей, говорит, что певцы, казалось бы, всегда озабочены точной сохранностью текста. И, анализируя варианты одного сказителя (А. Сорокина), пропетые на протяжении десяти лет, обнаруживает при этом полную идентичность сюжета, но значительное различие в деталях. И все же судить о том, что принадлежит инициативе сказителя, в подавляющем большинстве невозможно, так как неизвестны первоначальные тексты.

Своеобразно и отношение сказителей к историческому содержанию былин. Они то верят в подлинность изображенного, то сомневаются. «Нам представляется такая двойственность в отношении народа к былине естественной». «Двойственность здесь та же самая, что бывает у культурных людей в отношении к искусству». (И он называет «Божественную комедию» Данте и «Демона» Лермонтова). «Только эстетическим обаянием обуславливается живой интерес простого

[8] Там же, с. 37.
[9] Там же, с. 38.

народа к былине»[10],— говорит он. При этом надо уточнить: в работе неоднократно подчеркивается, что эстетическое не противоречит идеологическому, но содержит его в себе. «Эстетические, социологические, общекультурные факторы в художественном произведении находятся не в простом рядоположенном соотношении, но во взаимной непрерывной проникнутости и обусловленности. Нельзя работать над эстетическим целым и его ингредиентами, не уловив специально данного им здесь (только здесь) содержания»[11].

Скафтымов указывает на особую заботу певцов о восприятии былины слушателями и на ее построение применительно к эффекту неожиданности и удивления. Это положение вызывает постоянные упреки фольклористов, будто он сводит самый смысл произведений к такому эффекту. Ошибочно судили и о том, что автор книги обвинял сторонников исторической школы в игнорировании художественного значения былин. Это не так. «Никто никогда не сомневался квалифицировать былину как произведение художественное, и исследователи... иногда апеллировали к этой стороне ее свойства, ...но эстетическая природа предмета исследования должна была быть положена в самую организующую основу их разысканий...»[12].

Вторая глава — «Архитектоническое соотношение внутреннего состава былин о богатырских подвигах» — посвящена композиции. И здесь автор видит большую сложность. Эпическая песня в живом бытовании постоянно меняется. «Тем не менее,— говорит он,— работа над установлением внутренно организующих стержней былины нам не представляется безнадежной»[13]. Сопоставление вариантов подсказывает, что организующим центром художественного целого является замысел произведения, «авторское задание».

Былина прославляет богатыря за победу над врагом родины. С этой целью герой недооценивается перед боем, а силы врага преувеличиваются. Окружающие верят в победу врага и за него поручаются. Но в коротком бою русский богатырь побеждает, что и создает эффект неожиданности. Конец — прославление героя. Этому способствует идеализация предметного мира, окружающего героя. Эпическое повествование динамично и замкнуто.

---

[10] Там же, с. 42.
[11] Там же, с. 40.
[12] Там же.
[13] Там же, с. 46.

Установив закономерности поэтики, автор обращается к тому, как проявляется историческая основа русских богатырских песен, указывая опять на сложность изучения (третья глава «К вопросу о соотношении вымысла и действительности в былинах»). При единстве общей эстетической направленности былины о богатырских подвигах существенно различаются по сюжетам. «Каждый сюжет сохраняет свой костяк». У каждого сказителя заметно «стремление сберечь представление о каждом своем герое... во всей той конкретности, с которой связан его изумляющий подвиг»[14]. Автор считает, что нужно предположить какой-то подлинный случай из жизни, который лежал в основе содержания первоначального текста. В процессе бытования детали могли утрачиваться. В последующих вариантах былина все более отступала от исторического события и сосредоточивала внимание на обобщенном повествовании о прославлении национального героя. Убедительное объяснение получает в концепции Скафтымова противоречивость образа князя Владимира. Исследователи доказывали, что якобы в разных сюжетах и в разных вариантах его прототипом был не один исторический персонаж, но то Владимир 1-й Святославич, то Владимир Мономах, то будто бы самодержец Московский царь. А. П. Скафтымов же объясняет это противоречие тем, что для главного замысла былины не имеет особого значения положительная или отрицательная трактовка этого образа, так как он не играет главной роли в произведении. «Ласковый князь Владимир» — «Красное Солнышко», каким он был, по-видимому, первоначально, в последующих вариантах может потерять свои лучшие качества мудрого правителя и стать злым, глупым, неавторитетным, что не только не нарушало смысла былины, но, наоборот, помогало в каждом случае обнаружить зависимую и подчиненную роль Владимира, «обслуживающего своими словами и поступками рельеф главного персонажа»[15]. Былина своим строением не похожа на художественную литературу. Там каждый персонаж «при установке ...на цели внутреннего соотношения характеров... и в себе самом заключает самостоятельное задание и собственный смысл... В былине все иначе. Здесь фиксация художественного сознания более элементарна. Ее мелодия проста. Она не знает контрапункта»[16]. Но если даже образ князя Владимира играет под-

[14] Там же, с. 100.
[15] Там же, с. 115.
[16] Там же.

чиненную роль, все же он вошел в былину из какого-то общего фонда понятий народа о князьях и о княжеской власти.

Как и образ князя, двойственную роль играют бытовые реалии. Их изображение зависит от общей направленности содержания, но одновременно и от стремления певца дать представление о реальной обстановке исторического времени. Возможно, точные в первоначальном тексте, они могли утратить подлинные черты, поскольку не играют решающей роли в строении сюжета.

Все приведенные положения А. П. Скафтымова о поэтике былин заставляют поставить под сомнение некоторые из современных исследований, обращенных к изучению составных элементов былинных сюжетов вне соотнесенности этих частностей с общим замыслом произведений, но только в их собственной самостоятельности, иначе говоря, решают сложный вопрос односторонне.

В заключение справедливо утверждается, что всякое генетическое рассмотрение былины требует предварительного раскрытия внутренне конструктивного смысла ее частей. И с этим нельзя не согласиться.

В год выхода в свет книга А. П. Скафтымова была обсуждена в Москве в Государственной академии художественных наук. Но материалы заседания попали в печать только в 1977 году из архива [17]. В кругу фольклористов исторической школы книга вызвала негодование, хотя некоторые признали справедливость критики (В. Ф. Ржига). А В. А. Дынник указала на своевременность объективного анализа текстов и их внутренней структуры, что впервые сделано А. П. Скафтымовым.

Печатный же отклик на книгу появился в 1927 году. Харьковская фольклористка М. О. Габель [18] подвергла критике положение А. П. Скафтымова о значении эффекта неожиданности и удивления в построении былины, что, по ее мнению, «редко бывает доминантой в художественном произведении»; в критикуемой же работе это якобы привело к неправильным выводам. В дальнейшем разбор концепции А. П. Скафтымова строился также на основе отдельных непонятых положений,

---

[17] См.: Разбор книги А. П. Скафтымова «Поэтика и генезис былин»/ Публикация В. М. Гацака.— В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 304—311.

[18] См.: *Габель М. О.* К вопросу о технике былинного эпоса. Формы былинного действия.— В кн.: Наукові запіси науководослідчої катедри історіі европейскоі культури. 1927, с. 60.

что отдаляло от правильного истолкования всего труда. В обзорной статье о фольклористике за 10 лет была признана полезной критика А. П. Скафтымовым исторической школы. Анализ же поэтики былин характеризовался как не отвечающий «требованиям теоретической поэтики»[19]. Книга действительно была далека от ошибок многих современных работ формальной школы. Но в этом было ее главное достоинство.

В 30-е годы утвердилась неправильная квалификация труда ученого. Его работу называли формалистической, считая будто «идеологические элементы играют (в ней) второстепенную роль»[20], и в этом усматривали «основную методологическую ошибку А. П. Скафтымова». Несправедливость подобных заявлений очевидна. Но как это могло получиться? По-видимому, ошибка объяснялась тем, что в 30-е годы советская фольклористика обратилась к изучению социальной природы фольклора и русского героического эпоса. Нередко эта серьезная актуальная задача решалась односторонне. Даже в былинах о борьбе русского народа с иноземными врагами-захватчиками исследователи пытались усмотреть главный смысл в социальной внутригосударственной борьбе и протесте народа против общественного гнета. Если были бы известны принципиальные непримиримые выступления саратовского ученого в лекциях, докладах, на заседаниях кафедры и ученых советов против вульгарного социологизма в науке, для многих стала бы ясной его концепция о былинах. Но устные выступления в печать не попадали. В фольклористике и позже понятие «народный» заменялось более узким «крестьянский», что применительно к былинам было явно неправильным[21]. Детальные исследования былинных текстов самого последнего времени вновь доказывают, что былины рисуют город, городские условия жизни и представления горожан о пространстве и времени[22]. А. П. Скафтымов отчетливо показал народный характер русского эпоса в широком плане, подчеркнув эту мысль всем содержательно-структурным анализом былин.

---

[19] См.: Советская этнография, 1925, 1—2.

[20] *Азадовский М. К.* Советская фольклористика за 20 лет.— В кн.: Советский фольклор, 1937, № 6, с. 33.

[21] См.: *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции. М., 1974. Автор считает, что создателями былин были даже холопы Московского государства.

[22] См.: *Неклюдов С. Ю.* Время и пространство в былине.— В кн.: Славянский фольклор. М., 1972; *Липец Р. С.* Эпос и древняя Русь. М., 1969.

Ю. М. Соколов в учебнике «Русский фольклор» поддерживал критику Скафтымовым исторической школы, но оговаривался, что она якобы «исходила из полу-формалистических, полуэстопсихологических теоретических позиций и при этом часто била мимо цели»[23]. Оценка работы А. П. Скафтымова, данная Ю. М. Соколовым в вузовском учебнике, сыграла решающую роль. Книгу саратовского ученого не читали. Ее и найти было не так просто. А учебник известен был очень широко. Этот первый советский учебник по фольклору во многом остается лучшим до последнего времени, а вначале он удовлетворял самые широкие круги людей как единственное справочное пособие, и его трактовка народного поэтического творчества надолго сохранилась в науке.

В вузовском преподавании господствовала несколько «очищенная» историческая школа в трактовке былин, и это было лучшее, что можно было дать студентам. Опорой для преподавателей служил академический курс народного творчества, где раздел былин рассматривался с позиций исторических[24]. В лекционных курсах, читаемых в Саратовском университете, героический эпос характеризовался в соответствии с положениями книги А. П. Скафтымова[25].

Крутой поворот в изучении эпоса произошел в середине 50-х годов, когда вышла в свет книга В. Я. Проппа «Русский героический эпос»[26]. В ней признавались историческими только былины о борьбе с татарским нашествием. Сюжеты же с элементами фантастики считались созданными в догосударственную пору, а источниками их автор называл мифологические представления. Книга В. Я. Проппа была принята как откровение: казалось, что она разрешила все трудности генетических проблем, в том числе и фантастическое содержание некоторых сюжетов. Она отвечала широкому интересу зарубежной и русской фольклористики к мифологической теории происхождения фольклора, к фольклорной фантастике[27]. Скафтымов же считал, что фантастика не противопоказана никакому искусству. Обращаясь в книге к фан-

---

[23] *Соколов Ю. М.* Русский фольклор. М., 1938, с. 92. То же, М., 1941.

[24] См.: *Лихачев Д. С., Астахова А. М.* Былины.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. Очерки. Л., 1953—1956, т. I—II.

[25] См. также: *Акимова Т. М.* Былины.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М., 1969.

[26] См.: *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. Л., 1955. То же. М., 1958.

[27] См. работы Е. М. Мелетинского.

тастическим элементам в былинах, он различает фантастику разной социальной среды и разных жанров, называя в одних случаях «внебогатырскую фантастику», в других — «христианскую», «сказочную» и «легендарную», указывая на неодинаковое содержательно-эстетическое ее качество[28], решая этот вопрос с позиций исторических.

В книге В. Я. Проппа привлекла многих фольклористов мысль об изначально обобщенном содержании эпических песен. Только вымысел и только художественное обобщение стали видеть в былинных сюжетах и героях[29]. Скафтымов же считал, что героические образы и содержание эпических песен приобретают обобщенный характер в результате постепенного забвения первоначального исторически точного смысла. В условиях утверждения новых трактовок была переиздана работа А. П. Скафтымова[30]. Она вызвала несколько положительных рецензий литературоведов. Но в одной из них высказывалось несогласие с тем, что автор перепечатал свою работу тридцатипятилетней давности, в то время как за этот период вышли новые крупные исследования[31]. Думается: объяснение заключается в том, что, напечатав главную часть своей книги без изменений, А. П. Скафтымов тем самым полемизировал с названными авторами.

В 1966 году вышла монография А. М. Астаховой об изучении былин. Она по праву стала настольным пособием каждого фольклориста. Многолетний труд по собиранию и изучению русского богатырского эпоса получил в этой книге глубокое и всестороннее историографическое освещение. Однако характеристика труда А. П. Скафтымова сохранила ошибочную квалификацию 30-х годов: «От задач углубленного идейно-художественного анализа его уводили формалистические течения»[32] — говорит автор. Такое утверждение, прозвучавшее со страниц фундаментального издания, опять поме-

---

[28] См.: *Скафтымов А. П.* Поэтика и генезис былин, с. 19, 28, 29, 83.

[29] См.: Илья Муромец (Подготовка текста, статья и комментарии А. М. Астаховой. М.-Л., 1958, с. 140; *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин.— В кн.: Русский фольклор. X. Специфика фольклорных жанров. М.-Л., 1966, с. 106.

[30] См.: *Скафтымов А. П.* Статьи о русской литературе. Саратов, 1958. (Из книги «Поэтика и генезис былин» перепечатаны только вторая и третья главы).

[31] См.: Известия Академии Наук СССР, отделение литературы и языка. М., 1959, т. VIII, вып. 6, с. 537—538.

[32] *Астахова А. М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л., 1966, с. 102, 133—135.

шало фольклористам обратиться к тщательному изучению серьезнейшего исследования в области эпоса, в то время, как его давно следовало взять на вооружение. Книга саратовского ученого оставалась неизвестной главным образом научной молодежи.

В том же году появилась большая статья Б. Н. Путилова «Об историзме русских былин»[33]. Автор тщательно пересмотрел работу А. П. Скафтымова в ее первоначальном полном тексте и был поражен богатством ее содержания. «Книга замечательна,— писал он.— Непонятно, почему она не была понята». Поддерживая важнейшие положения Скафтымова, он вместе с тем высказывает мысль, что содержание книги не противостоит трактовке происхождения русских былин В. Я. Проппом. Исходя из общего теоретического положения, что каждый эпос должен пройти путь развития от догосударственного к историческому, он признает, что концепция Скафтымова об историзме былин относится к более поздней стадии их жизни. Но все же нельзя не видеть противоречия в сопоставляемых исследованиях. Б. Н. Путилов считает, что В. Я. Пропп как бы восполнил пробел в работе А. П. Скафтымова, который не дал исторической характеристики вымысла. Это как раз и сделал В. Я. Пропп. Но, думается, и в решении этих вопросов названные авторы придерживаются прямо противоположных взглядов.

Интересные и важные суждения об историзме эпических песен приводит С. Ю. Неклюдов. Сопоставляя русские былины с эпосом восточных народов, он доказывает, что их возникновение относится к разным историческим периодам: «Бурятский эпос противостоит русской былине как эпос догосударственный государственному»[34]. В бурятском эпосе он находит мифологическую интерпретацию событий и лиц, в русских же былинах интерпретацию историческую. Б. Н. Путилов выступает против поверхностных сопоставлений былины с историей, совершенно справедливо отвергая «прямолинейную формулу: факт — историческая песня — былина, либо ее упрощенную вариацию: факт — былина»[35]. Но это обвинение адресовано не А. П. Скафтымову.

---

[33] См.: *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин.— В кн.: Русский фольклор. X. Специфика фольклорных жанров, с. 125—126.

[34] *Неклюдов С. Ю.* Жанрово-типологическое сопоставление бурятского героического эпоса и русской былины.— В кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 126—135.

[35] *Путилов Б. Н.* Об историзме русских былин, с. 106.

Жаркая полемика вокруг книги А. П. Скафтымова развернулась в наши дни. Против неправильной ее интерпретации В. П. Аникиным [36], якобы отрицавшей историческое содержание былин, выступил Л. И. Емельянов [37]. Он дал верную характеристику отношения саратовского ученого к исторической школе, правильно указав на то, как ошибочно до последнего времени определялось решение этого вопроса. Можно надеяться, что выступление Емельянова поможет молодым фольклористам перечитать давнее сочинение саратовского ученого и разобраться в его содержании. Ссылки на книгу А. П. Скафтымова стали появляться и в вузовских учебниках, привлекая к ней внимание.

Внимательное прочтение монографии и глубокое всестороннее разъяснение концепции ученого имеет важное значение не только для восстановления истины, но и для использования в решении многих вопросов наших дней. Публикуя в 1977 году первый анализ этой книги московскими фольклористами, В. М. Гацак указал [38], что книга «Поэтика и генезис былин» включается в современную дискуссию о происхождении русского героического эпоса и его отношении к истории. В настоящее время появляются новые исследования в этой области [39], требующие сопоставительного анализа всех теоретических положений и конкретного изучения. Книга А. П. Скафтымова должна сыграть здесь немалую роль. Глубокая продуманность и устойчивость его позиций была ясна еще в 1958 году, когда он перепечатал основные главы своей работы без изменений. Только в наши дни утвердилась верная оценка работы А. П. Скафтымова и ее автора, названного одним из «выдающихся теоретиков народного эпоса» [40].

Научное внимание к фольклористике было характерно для А. П. Скафтымова во всей его деятельности. Оно опре-

---

[36] См.: *Аникин В. П.* А. П. Скафтымов — критик исторической школы.— В кн.: Очерки истории этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1974; То же в кн.: Теоретические вопросы историзма былин в науке советского времени. М., 1978.

[37] См.: *Емельянов Л. И.* Методологические принципы исторической школы и их критика в советской фольклористике.— В кн.: Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978; первоначально см. в кн.: Русский фольклор, XVI. Историческая жизнь народной поэзии. Л., 1976.

[38] См. в кн.: Фольклор. Поэтическая система. М., 1977, с. 281.

[39] См.: *Дмитриева С. И.* Географическое распространение русских былин. М., 1975.

[40] *Азбелев С. Н.* Эпос и история. (Один из теоретических аспектов).— В кн.: Фольклор и историческая действительность. Русский фольклор. XX. Л., 1981, с. 7.

делялось и задачами вузовского преподавания: чтением курса по русскому фольклору, руководством студенческими экспедициями по собиранию произведений народной поэзии и подготовкой кадров новых специалистов. В 30-е же годы он впервые в советском литературоведении опубликовал исследования о фольклористических взглядах революционных демократов [41]. В 40-е годы он выступил как научный редактор издания саратовского фольклора, продолжив тем самым работу, начатую Б. М. Соколовым [42].

О соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы

27 января 1922 года Александр Павлович Скафтымов прочел публичную лекцию «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы». Традиция подобных чтений имела своей целью ознакомление преподавателей университета (всех его факультетов) и более широкой публики с научным кредо лектора.

В разгаре споров о методе советской литературной науки, переживавшей тогда период становления, молодой ученый предложил оригинальное и глубокое размышление о принципах рассмотрения творений словесного искусства.

Свою проблему Скафтымов находит в истории науки. Она поставлена всем объективным ходом развития литературоведческой и эстетической мысли [1]. Историографическая часть лекции — не описательный экскурс в прошлое, но нечто более важное. Здесь состоялась та методологическая проверка предшествующего пути, которую призван совершить ученый, способный видеть науку в движении и в один из ответственных моментов ее развития «узнать» кардинальную проблему,

---

[41] См.: *Скафтымов А. П.* Белинский и устное народное творчество.— Литературный критик, 1936, № 7; Он же. Добролюбов о фольклоре.— Там же, 1936, № 2.

[42] См.: Фольклор Саратовской области / Составитель Т. М. Акимова. Под ред. А. П. Скафтымова. Саратов, 1946.

[1] При следующей публикации автор снабдил текст лекции библиографическим аппаратом. См. об этом: Учен. зап. Сарат. ун-та, 1923, т. 1, вып. 3, с. 67.

решение которой на многие годы определит движение научной мысли.

А. П. Скафтымов непосредственно не обращался ни к одной из острых точек тогдашних литературоведческих споров между защитниками социологического подхода к литературе и сторонниками «формального метода». Он берет имена далеко отстоящие от потрясавших периодику 20-х годов баталий, и создается впечатление ухода ученого от современной проблематики в академическую науку. Однако это погружение в прошлое явилось не чем иным, как самым верным возвращением к современности, понятой в перспективе движения эстетической мысли. И чем протяженнее был проблемно обозреваемый А. П. Скафтымовым путь (от Гердера к Сент-Бёву, Бенфею, А. Н. Веселовскому), тем более выверенным становилось решение современных проблем.

Критическое рассмотрение предшествовавших методологических концепций строится А. П. Скафтымовым на основе различения непосредственного предмета литературной науки — художественного произведения — и его генеалогии. При этом понятия «историческое», «историки» берутся как синонимы генеалогического подхода к литературе в разных его видах. Генеалогическое изучение произведения представлялось А. П. Скафтымову неполным, потому что здесь «происхождение предмета» выдавалось за самый «предмет». Историки не хотели знать никакого понимания объекта, кроме генетического [2]: произведение рассматривалось либо как исторический документ, скрывающий в себе «следы эпохи»; либо как опосредованное отражение личности его создателя, и к смыслу произведения шли тогда от биографии писателя. Природу предмета описывали как момент эволюции жанра. Все эти способы истолкования произведения А. П. Скафтымовым не отвергались. Он вовсе не перечеркивает объективного значения сравнительно-исторического, биографического или жанрово-генетического методов исследования литературы. Пафос его критики в другом — в указании на необоснованность претензии какого-либо из этих методов на универсальное определение самого понятия «произведение» как главного предмета литературоведения. А. П. Скафтымов не отрицает полномочности генетических подходов к произведению, указывая на

[2] См.: *Скафтымов А. П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы.— Учен. зап. Сарат. ун-та, 1923, т. 1, вып. 3, с. 55.

закономерность интереса к генезису в истории науки. Но ему важно, вместе с тем, обозначить и границы подобного знания о предмете, о художественном произведении, предопределяемые самой методологией генетических научных направлений.

Сам А. П. Скафтымов исходил из относительной автономности произведения и качественной нетождественности предмета и его генезиса. Из желудя несомненно вырастет не что иное, как дуб; динамомашина и провода представляют собою вещественные, материальные условия появления электричества. Исходя из условий «наследственности, воспитания и среды», мы действительно можем судить о предполагаемом характере человека. Но в желуде дуб все же еще не виден, электричество представляет собой явление, отдельно еще не содержащееся ни в динамо, ни в проводах. В одних и тех же условиях воспитания и среды вырастают совершенно разные люди, и без признания неповторимости *этой* личности мы ничего не узнаем об интересующем нас человеке. Хронологически генеалогические данные предваряют предмет, объективно его подготавливают,— гносеологически же только изучение самого предмета указывает на его историю. Принципиальную важность имело для Скафтымова установление того обстоятельства, что на вопрос «почему?» (т. е. почему в произведении возникли данные проблемы) можно удовлетворительно ответить лишь после того, как получен ответ на вопрос «что?» — т. е. каково содержание, состав самих проблем,— после того, как определена природа самого предмета. Эстетический феномен есть «первейший вопрос науки»[3],— настаивал ученый.

Безукоризненно верный логике научного рассуждения, А. П. Скафтымов одновременно ведет и сближение, и различение «теоретического» и «исторического» подходов к художественному произведению. Исходящие от этих двух методов исследовательские задания рассматриваются в их соотнесении. Теория изучает «предмет в его внутренне-конструктивном значении». История описывает «предмет в процессе его становления». Теория устанавливает «целесообразную связь составных элементов предмета», история интересуется его «каузальностью». Нередко наблюдается смешение этих двух, по существу различных проблем знания, и часто «в опровержение ошибочных путей к решению одной проблемы поль-

---

[3] Там же, с. 56.

зуются требованиями другой»[4]. Между тем для верного понимания связи «истории» и «теории» требуется постоянно иметь в виду своеобразие методов каждой.

Эстетический феномен (произведение) для А. П. Скафтымова — это концептуальное нравственно-философское познание жизни, совершаемое художником благодаря тому, что разрозненные наблюдения жизни собраны им в «целое». «Целое» понималось при этом не только как выражение соответствия содержания и формы. Особенно настаивал А. П. Скафтымов на том, что целостность произведения остается единственным условием полноты его содержания. Всякое изменение и искажение соотношения начал и элементов, составляющих произведение, всегда означает и существенное нарушение авторского замысла, произвольное изменение объективного состава его идей. В «целом» из «эмпирии жизни» извлекается ее внутренний смысл, в идее «целого» содержится совершенное художником открытие мира.

В «целом» А. П. Скафтымов не находил статический результат единства всех компонентов произведения, но движение художественной мысли писателя — процесс, именно тем и содержательный, что в богатейшем многообразии конкретного волей автора найдены очертания общих закономерностей жизни.

В этом смысле неотменимым являлся для ученого вывод: «Только само произведение может свидетельствовать о своих свойствах»[5]. Тем самым защищалась объективная познавательная ценность самого предмета литературоведческого изучения. Взятые вне проблемного контекста и методологических размышлений, эти выводы могли быть сочтены (и примеры тому имелись) свидетельством противопоставления феномена искусства, его внутренней самодостаточности, реальному миру социально-исторических отношений. Но такой вывод был бы неверным. «Целое» и есть первое условие реальной действенности произведения, т. е. именно его социальных функций. Переставая быть «целым», оно перестает быть инструментом познания или становится инструментом несовершенным, тогда как его природа и его назначение исходят из жизни и к ней же направлены.

Отсюда следует, что нет и одинаковых способов анализа разных произведений, как нет и одинаковых проблем, решае-

---

[4] Там же, с. 55—56.
[5] Там же, с. 58.

мых исследователем в их рассмотрении. В основе каждого создания искусства лежит эта и только эта проблема. Общетеоретические и практически прикладные понятия «системы образов», «сюжета», «пейзажа», «психологического рисунка», «диалога» или «внутренней речи» персонажа оставались для А. П. Скафтымова лишь начальным запасом литературоведческих знаний, который только тогда плодотворно употреблен исследователем, когда пропущен сквозь конкретную материю данного произведения.

Внутри произведения образ многозначен, поскольку он исходит от эмпирии жизни и направляется к концептуальному ее осмыслению. А. П. Скафтымов специально подчеркивал, что «теоретическое не исключает эмпирического», и художник находит свою общую мысль о жизни в ее эмпирии, средствами и формами конкретного бытия осознает и выражает ее. В художественном произведении мы находим не выраженную, а выражаемую мысль. Природа рождающейся в произведении художественной мысли многозначна уже в силу этой ее процессуальности. Образ многозначен также еще и потому, что в процессе читательского восприятия и осознания произведения совершается переход из авторской системы представлений о жизни в систему миропонимания читателя.

Проблема многозначности образа погружена в концепции А. П. Скафтымова в практику реального эстетического бытия созданий художника — «только в живом художественном волнении действующие факторы произведения получают актуализацию и становятся действительными фактами,— вне этого они лишь мертвые знаки»[6]. Проблема читателя и автора ставится А. П. Скафтымовым, как видим, также соответственно природе художественного. Прочтение произведения предполагает полноту доверия писателю. Только читатель, способный «к широте понимания», готовый «отдать себя автору», способен к повторению всего пути авторской мысли от частного к общему. Этот первоначальный этап чтения оставляет свой след и в последующих более глубоких продвижениях к идее произведения, он лежит в основе его объективной оценки и критического его рассмотрения. А. П. Скафтымов задерживал внимание на этой начальной ступени вхождения в «мир автора» ради нового возвращения к центральному тезису своей лекции: не логические итоги сами по себе, но процесс читательского повторения сделанного писателем откры-

[6] Там же, с. 59.

тия важен для понимания произведения. Этот процесс, собственно, и продуктивен, так как в нем заключено восхождение от «предметного и внешнелогического содержания» к скрытым законам «целого». Художественная идея содержательна именно в специфике «перехода» от конкретного к общему.

Литературовед имеет дело не столько с конечными истинами, сколько с бесконечным процессом познания. Когда для исследователя «действительность литературного произведения заключалась в его предметном и внешнелогическом содержании», трудности анализа художественного текста им «мало ощущались». Тогда в истолковании произведения исследователя «мало беспокоила мысль о полноте и адекватности его восприятия: для него главная фактичность произведения заключалась как раз в той стороне его состава, которая для сознания и логической формулировки была всего доступнее. Представление о художественной истине, однозначной и конечной, невольно и подчас бессознательно порождало стремление к однозначным логическим итогам, к уверенности в том, что ими можно «покрыть содержание произведения». Считалось, что задача литературоведа состоит в произнесении именно этого окончательного суда и приговора над представленной художником картиной жизни, без того будто бы не вполне ясной. Казалось, что литературовед изучает внутренне неподвижный предмет, однажды предложенную автором данность, для познания которой необходимо найти такие же конечные определения. Принцип относительной несводимости художественного и логического, как и принцип относительности самого процесса познания не принимался во внимание. Если добавить, что несводимость никогда не была для А. П. Скафтымова синонимом непознаваемости тайн творчества, станет ясно, что речь шла у него прежде всего о совершенствовании аналитических методов литературной науки.

А. П. Скафтымов указывал на принцип релятивности, признание которого уточнит как самую картину реальности, так даст и более точный способ проникновения в законы искусства. «Литературный факт», напоминал он, предстает вниманию исследователя «как нечто искомое и для научного сознания весьма далекое и трудное»[7]. Этот вывод вовсе не

[7] Там же, с. 56. Ср.: *Жирмунский В. М.* Задачи поэтики.—Начало, 1921, № 1, с. 57.

был констатацией недостоверности, неадекватности или неудовлетворяющей приблизительности суждений о художественном произведении. Ученый заявлял другое: «Цель теоретической науки об искусстве — постижение эстетической целостности художественных произведений, и если в данный момент пути такого постижения несовершенны, то это говорит лишь о том, что мы далеки от идеала и долог путь, по которому мы приблизимся к решению предстоящей проблемы. Но это не освобождает науку от самой проблемы. Не нашли, так нужно искать»[8].

Сильная сторона концепции А. П. Скафтымова состояла при этом в признании необходимой связи проблемы многозначности образа — текучести содержания произведения — с проблемой объективных границ как самой многозначности, так и наших выводов об этом процессе. «Изменчивость интерпретаций,— говорил А. П. Скафтымов,— свидетельствует о различной степени совершенства постижения, но нисколько не узаконивает всякого постижения, каково бы оно ни было». Признать последнее было бы равносильно отрицанию объективной данности начал, составляющих произведение, а это «значило бы уничтожить их фактичность перед наукой».

Чем же определены объективные рамки и направление литературоведческих запросов к произведению, если мы ищем объективного соответствия наших заключений природе самого предмета? «Состав произведения сам в себе носит нормы его истолкования»[9],— к этой центральной мысли лекции А. П. Скафтымов возвращался несколько раз, подходя к ней с разных сторон. Он шел к ней и от истории, и от социологии, и от философии. «Состав произведения» — это формально-определенные отношения композиции, контекст, свет друг на друга составляющих частей, целостный охват всего создания». «Целое во всем составе», — так еще раз пояснит свою мысль ученый.

Естественно, что в концепции А. П. Скафтымова одной из центральных была проблема автора. Его воле и его создающей мир мысли принадлежит идея «целого». Авторская точка зрения образует «целое» его создания [10]. Два потока отно-

[8] Там же, с. 58.

[9] Там же, с. 59.

[10] А. П. Скафтымов поддерживал, например, идею изучения индивидуального стиля писателя. Ср.: *Виноградов В. В.* О задачах стилистики.— В кн.: Русская речь. Пг., 1923, с. 286.

шений изначально присутствуют в произведении: с одной стороны, это логика жизненной ситуации и бытовых взаимоотношений действующих лиц, с другой — логика развития авторской мысли о бытии. Одно просвечивает сквозь другое. Исследовательские усилия направлены на изучение этих связей, а тем самым и на установление авторских суждений о смысле жизни.

Последняя часть лекции Скафтымова явилась возвращением к историзму в новом качестве: утверждался путь к истории через специфику искусства. Художественное произведение так или иначе всегда говорит о личности в связи с ее историческим бытием и посвящается именно его осмыслению. История входит в произведение при этом не только как тема, но и как проблема, историзм пронизывает произведение изнутри, он есть свойство предлагаемой писателем концепции бытия.

Во вступительной статье к избранным статьям А. П. Скафтымова Е. И. Покусаев и А. А. Жук справедливо писали о первом периоде научного творчества А. П. Скафтымова: «Не все тезисы, выводы, формулировки выдержали проверку временем». Потом А. П. Скафтымов сам их будет корректировать и, в частности, подвергнет изменению «слишком усложненный понятийно-терминологический аппарат», преодолеет «слишком жесткую замкнутость анализа»... Эти же авторы справедливо заключали: «Трудно, однако, переоценить глубоко рациональное в теоретических концепциях А. П. Скафтымова, что не только тогда, но и в наши дни в высокой степени актуально и значительно»[11].

О плодотворности проблемы, развитой А. П. Скафтымовым в его вступительной лекции, достаточно ясно свидетельствуют уже заглавия многих последующих его работ: «Тематическая композиция романа «Идиот», «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого», «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» А. П. Чехова», «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова» — названы далеко не все статьи подобного проблемно-тематического направления. Но и там, где проблема целостного анализа не обозначена непосредственно, она все же оставалась для исследователя его неизменной точкой зрения на творчество писателя. Этой

[11] *Покусаев Е. И., Жук А. А.* Александр Павлович Скафтымов.— В кн.: Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1973, с. 7.

проблеме он оставался верен и в лекциях, где давал образцы безукоризненно точного анализа произведения в единстве содержания и формы. Та же проблема была центральной методологической предпосылкой в работе руководимых им семинаров.

Своими трудами А. П. Скафтымов убеждал в несомненности той истины, что литературоведение принадлежит к числу точных наук, в той мере, в какой наука вообще «по своему назначению стремится быть точной».

Скафтымовское понимание произведения как «целого» по-особому открывало для него художественно-гуманистическое содержание литературы,— ведь «целое» в русской классике всегда было размышлением о смысле жизни. «Нужно читать честно»,— говорил А. П. Скафтымов во вступительной лекции, призывая не упрощать содержания произведений литературы и видеть в них не иллюстрацию жизни, но концепцию бытия. Степень точности литературоведческого исследования он ставил в прямую зависимость от глубины понимания проблем «справедливости», «совести», «правды», составлявших душу русской литературы, и без малейшего преувеличения можно сказать, что для самого А. П. Скафтымова литература была делом жизни.

Как строгий исследователь А. П. Скафтымов был далек от литературоведческих «аллюзий» и никогда не делал уступок внешней злобе дня. Но своевременность и современность его прочтения Л. Толстого или Чехова и несомненны, и общепризнаны. В адресованном студентам через газету «Филолог» приветствии А. П. Скафтымов писал: «Желаю вам много читать и думать. Но становясь умными, будьте добрыми».

Методологические принципы исследований о Толстом

Замечательной чертой А. П. Скафтымова было то, что внутренним стимулом его занятий ученого-филолога никогда не был чисто познавательный и чисто эстетический интерес. Интерес познания и эстетическое чувство повелительно направлялись у него сердечной озабоченностью настоящим и будущим человечества, горячим желанием, чтобы жизнь стала гармоничнее и человек совершеннее. Непосредственность душевного соучастия в окружающем в сочетании с

глубоким диалектического склада философским умом обостряла зрение ученого, позволяла ему видеть далеко вперед. В этом секрет актуальности в наше время едва ли не всех работ А. П. Скафтымова, и в этом же секрет все возрастающей актуальности его работ и начинаний, связанных с именем Льва Толстого. Всем, что ученый когда-либо писал или говорил о Толстом, он всегда участвовал в самых острых жизненных и научных спорах своего времени, отстаивая и подчеркивая в мировоззрении и творчестве писателя то, что было очень важным в перспективе завтрашнего дня.

Характерна занимавшая А. П. Скафтымова проблематика. Он был особенно сосредоточен на выявлении связей и единства философского и художественного в произведениях Толстого. А. П. Скафтымов писал в то время, когда очень многие считали, что все ценное существует в Толстом только вопреки его философии или если не совсем вопреки, то все-таки именно философия Толстого оказывается в его произведениях чем-то наименее нужным современному читателю. Однако теперь уже известно, что по отношению к философии Толстого был неправ отнюдь не А. П. Скафтымов, а те, кто относился к ней упрощенно, не сумев по-ленински сложно осмыслить содержащуюся в ней диалектику сильного и слабого, ошибочного и гениально верного. А. П. Скафтымов принадлежал к исследователям, глубоко ощущавшим эту диалектику и именно потому имевшим верную перспективу в понимании значения такого явления, как Толстой, не только для русской и мировой литературы, но и для самой жизни с ее настоятельными требованиями и задачами. В своих письменных и устных выступлениях ученый подчеркивал это жизненное значение нравственно-философской и единой с ней психологической проблематики творчества Толстого, ориентировал на осознание той роли, которую могут и должны сыграть глубочайшие толстовские исследования этико-психологических вопросов в осуществлении целей нашего века.

Специальное и весьма разностороннее внимание А. П. Скафтымова к Толстому возникло на очень раннем этапе его деятельности — в 20-е годы. Об этом свидетельствует начатый в то время сбор самого разнообразного материала, связанного с изучением произведений писателя и литературы о нем, из которой делаются обильные выписки. Причем, с самого начала явно обозначается тот коренной, центральный интерес, который остается у А. П. Скафтымо-

ва на всю жизнь и возникновение которого в то время было тесно связано с общественно-литературной борьбой. В 1923 году, обдумывая свой первый семинар по творчеству Толстого, он предлагает такие темы, как «Роль идеологической тенденции в построении ранних повестей и рассказов Толстого» или «Военные рассказы. Роль тематической и идеологической тенденции в их построении». Сначала это отдельные темы, но вскоре тема «Роль идеологической тенденции в построении ранних повестей и рассказов Толстого» формулируется как общая тема семинара, и тут же «к изучению» в этом плане предлагается целый список произведений, написанных Толстым в первое десятилетие его деятельности. Всем этим семинар ориентируется на борьбу с ошибочными направлениями в литературоведении, которые тогда стояли на пути освоения идейных ценностей творчества Толстого.

Так подготавливались первые статьи А. П. Скафтымова о Толстом, появление которых в трудное время становления советской жизни, советской литературы и науки опять-таки было обусловлено живой реакцией ученого на волнующие вопросы дня.

Первые статьи А. П. Скафтымова о Толстом «Диалектика в рисунке Л. Толстого»[1] и «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого» появились в свет в 1929 и 1930 годах. Они были направлены и против вульгарных социологов (там, где автор включает нравственно-философское содержание произведений Толстого в русло традиции, идущей от Руссо), и против формалистов (А. П. Скафтымов прямо полемизирует против тех положений В. Шкловского, к которым привел последнего формальный метод исследования), и против крайностей и издержек сравнительного метода (там, где А. П. Скафтымов сам ведет сравнительный анализ особенностей психологизма Толстого и Стендаля), и особенно против теории двух Толстых (против этой теории направлен весь анализ художественного метода писателя как единого с его нравственно-философскими поисками). Но это еще не все адреса полемики, не все пункты защиты тех ценностей, которые соединялись ученым с именем и творчеством Толстого. Статья о методе диалектики души и о связи этого метода с нравственными исканиями «великого писателя земли русской» была не случайно написана

[1] Позднее названная «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого».

в соответствующий момент именно в данном своем содержании. Тема первых статей А. П. Скафтымова оказывается связанной с самыми кардинальными проблемами развития молодой советской литературы.

Во второй половине 20-х годов, и особенно после появления романа А. Фадеева «Разгром», разворачивается дискуссия по вопросу о необходимости и роли психологического направления в советской литературе. Споры вокруг проблемы, которая получает название проблемы «живого человека», приобретают очень острый характер. И вот А. П. Скафтымов по-своему реагирует на эти споры. Связь с тем, вокруг чего ломаются копья, ненавязчиво и тем не менее ясно просматривается в тщательном научном анализе литературных явлений. Она видна и в закавыченном без указаний на автора выражении «живой человек», которое ученый употребляет на первой же странице своей первой статьи о Толстом, и прежде всего о ней свидетельствует самое содержание статей. Углубляясь в анализ достижений Толстого в художественном воспроизведении «живого человека», показывая эти достижения на фоне многих несовершенных форм изображения человеческой психики у других писателей, А. П. Скафтымов стремится предупредить советскую литературу и критику об опасности отказа от психологических традиций Толстого и пренебрежения тем углубленным и детальным показом сложности внутренней жизни человека, который некоторыми критиками и писателями воспринимался как ненужные для советской литературы психологические копания.

А. П. Скафтымов, конечно, не склонен был суживать цели и задачи советской литературы, утверждая, что ей нужен только углубленный психологизм. Он понимал, что методом углубленного показа противоречий человеческой психики не случайно не пользовались некоторые упомянутые им большие писатели прошлого и что многие и в будущем не будут им пользоваться по совершенно несомненному праву своих особых идейно-художественных заданий. В литературе должны быть разные направления и стили. Однако при этом А. П. Скафтымову была ясна необходимость и психологического направления в советской литературе именно потому, что это направление теснейшим образом связано с нравственными исканиями, а без углубленных нравственных исканий, без взгляда внутрь собственной личности, без честного, бескомпромиссного самоанализа, без

интенсивности процесса внутренней чистки он не представлял себе ни подлинно советского человека, ни выполнения тех целей, которые ставило время. Без радикальной перестройки человека нельзя было представить себе нового общества, и такой перестройке должно было помочь нравственно-психологическое направление в литературе. Это глубоко понимал А. П. Скафтымов, смыкаясь в этом понимании с передовыми людьми сегодняшнего дня. Критики и теоретики, которые возражали против традиций писателя, наиболее сильно выразившего требование внутренней работы над собой для воспитания себя как существа социального, были для А. П. Скафтымова людьми, способными нанести большой вред литературе. Поэтому полемика с ними послужила для ученого главным толчком к написанию статей о психологизме Толстого.

Естественно предположить, что указанная полемика велась в то время и А. Скафтымовым-педагогом. Архив А. П. Скафтымова сохранил свидетельства его очень тщательной и обстоятельной работы с текстами художественных произведений, направленной на доказательство и проверку основных положений только что названных статей. Особенно обильны выписки из военных рассказов, «Войны и мира», «Анны Карениной», посвященные «сложности психического потока» у Толстого, как выражается ученый, диалектике сознательного и подсознательного, многоплановости внутреннего самочувствия героев, бытовой обусловленности психики, связям психического и физического, примерам толстовского «языка тела», направленного на обнажение скрытого за словами и сознательным поведением и т. п. Возможная демонстрация в аудиториях всего этого материала, наглядно убеждающего в гениальности психологических открытий Толстого, была лучшим аргументом против тех тенденций литературы и литературной критики, которые были адресом полемики.

Конечно, А. П. Скафтымов не предлагал копировать Толстого, у которого нравственные искания и выражающий их психологический анализ получили определенный исторически обусловенный вид, невозможный для советских писателей, но он звал учиться у Толстого и никогда не забывать, что душой всех достижений в области углубленного психологического изображения «живого человека» являются серьезные и глубокие нравственные искания.

Некоторые писатели и критики (как тогда, так и позд-

нее) были склонны к такому толкованию вопроса о традициях, что у Толстого и любого другого великого художника прошлого якобы нужно учиться не идеям, а только приемам изображения человека, умению сделать художественный образ живым и ощутимым. Но А. П. Скафтымов доказывал, что учиться приемам, отъединяя их от пафоса писателя нельзя, что в художественном произведении нет материала, нейтрального по отношению к мыслям писателя и захваченного им только потому, что он хотел сделать человека похожим на живого или сделать вещь ощутимой. «Конечно,— писал он,— искусство ищет всяких средств, чтобы сделать вещь ощутимой. Но всегда ощутимость ее нужна всякому художнику с какой-то определенной, на этот раз ему необходимой стороны... Речь идет не о простой ощутимости, а о том освещении вещи, которое автор считает должным и единственно правильным»[2].

Подчеркивая вслед за этими словами, что в произведениях Толстого, как и в произведениях всех настоящих писателей, мы всегда находим не нейтральное воспроизведение признаков вещи, а «суждение о вещи»[3], А. П. Скафтымов формулирует то положение, которое навсегда останется краеугольным камнем его подхода к литературным явлениям и постоянным объектом его защиты. В 20-е годы это защита от следующего положения В. Переверзева: «Художник создает живые лица, характеры, а не системы идей, и анализ художественного произведения должен быть анализом живых образов, а не поиском взглядов и идей»[4]. И в 40—50-е годы — это защита от тех исследователей, которые все еще продолжали анализировать толстовские образы просто как живые характеры, нечаянно или намеренно забывая о заложенных в них авторских тенденциях. Работы ученых А. П. Скафтымов всегда ценил в меру уважения к подлинным писательским «суждениям о вещи», в меру умения раскрыть скрытую в образе авторскую мысль. Такие требования к литературоведам он сформулировал еще в статье о романе Достоевского «Идиот»[5] и

---

[2] *Скафтымов А.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972, с. 162.

[3] Там же.

[4] *Переверзев В.* Творчество Достоевского. М., 1922, с. 65.

[5] См.: *Скафтымов А. П.* Тематическая композиция романа «Идиот».— В кн.: Творческий путь Достоевского / Под ред. Н. Д. Бродского. Л., 1924, с. 132—185.

позднее настойчиво повторял их, подтверждая практикой многих не только печатных, но и не дошедших до печати выступлений с анализом произведений Толстого. Память о таких выступлениях сохранили многие бывшие студенты.

Призывая внимательно и уважительно исследовать «сцепления мысли» Толстого и других великих художников, А. П. Скафтымов, конечно, понимал причины ее разрывов и расцеплений в некоторых литературно-критических работах. Он оправдывал Добролюбова и Писарева, которые, используя художественные произведения для целей общественной борьбы, далеко не всегда считались с тем, что на самом деле хотели сказать Тургенев или Толстой. Находил Александр Павлович оправдания и для тех современных ему критиков, которые перетолковывали «Анну Каренину» во имя защиты идей женской эмансипации и свободы чувства. И, однако, он призывал строго различать точки зрения критиков и самих писателей, всегда возвращаясь к свидетельствам текста произведения и высказываниям его автора. Причем А. П. Скафтымов считал недопустимым игнорирование прямых высказываний писателей о смысле своих творений. Так, например, он высказал удовлетворение тем, что, наконец, в напечатанной посмертно книге Б. М. Эйхенбаума «Лев Толстой. Семидесятые годы» (Л., «Советский писатель», 1960) было учтено то, что сказал о смысле «Анны Карениной» сам Толстой. А в списке литературы по Толстому, который А. П. Скафтымов давал студентам по курсу русской литературы XIX века, значилось имя дореволюционного критика М. С. Громеки [6], истолкование которым «Анны Карениной» когда-то было одобрено автором романа [7].

---

[6] См.: *Громека М. С.* Последние произведения гр. Л. Н. Толстого.— Русская мысль, 1883, кн. II.

[7] Александр Павлович был согласен с трактовкой М. С. Громеки, находил в тексте и приводил на лекциях доказательства в ее защиту. Сейчас эта трактовка представляется односторонней. Как показывает художественный материал, идею писателя не вполне раскрывают не только те исследователи, которые разными доводами оправдывают Анну, но и Громека, который трактует ее гибель как фатальное следствие лишь одного того, что она оставила первую семью. Однако при этом точка зрения М. С. Громеки все же во многом более соответствует действительному направлению мысли Толстого, чем точки зрения большинства современников А. П. Скафтымова. И понятно, что в борьбе против наиболее грубых искажений А. П. Скафтымов (так же, как когда-то сам Толстой) не заметил известной узости в понимании М. С. Громекой вины героини романа.

Всем этим А. П. Скафтымов боролся как против недооценки мысли писателя, так и против ее модернизации, возвращаясь на почву строгого историзма, который был свойствен ленинскому подходу к литературным явлениям вообще и к Толстому в частности. А. П. Скафтымов, вслед за Лениным, считал, что писатель должен выглядеть перед читателями таким, каким его сделал ход истории, и что даже самая оценка его «разума» и «предрассудков» с точки зрения задач наиболее передовой части человечества возможна только на базе строгого объективно-исторического изучения. Для того чтобы оценить явление и предвидеть его роль в развитии жизни, всегда необходимо прежде всего глубоко вникнуть в его сущность и источники. Это делал В. И. Ленин в своих статьях о Толстом, направляя их против произвольных и односторонних истолкований творчества великого русского реалиста. И это было строго соблюдаемым принципом лекционных и семинарских занятий А. П. Скафтымова.

Стремление восстановить справедливость по отношению ко всем сторонам наследия Толстого и, в частности, стремление «преодолеть» бытовавшую в социал-демократической публицистике недооценку нравственно-философских работ Толстого»[8] было, по верному определению С. Машинского, одной из основных установок ленинских статей о Толстом. То же стремление А. П. Скафтымова, направлявшее его занятия Толстым в 40-е годы, ярко проявилось в статье «О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь» (1948 г.), в которой мы впервые находим развернутое суждение ученого о толстовском учении.

Е. И. Покусаев и А. А. Жук справедливо отметили[9], что только кажущаяся на первый взгляд частной проблематика этой статьи показывает замечательное умение А. П. Скафтымова «специальную проблему исследовать в широкой перспективе» и что наблюдения ученого «ведут читателя к очень значительным выводам о специфически чеховском применении морального принципа в освещении жизни». Но при этом нужно подчеркнуть, что статья, в которой устанавливается точный адрес чеховской полемики в повестях «Палата № 6» и «Моя жизнь» и опровергается мнение о ее на-

---

[8] Вопросы литературы, 1978, № 9.

[9] См. вступительную статью этих авторов в кн.: *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972.

правленности против Толстого, имеет столь же важный смысл применительно к Толстому, как и к Чехову. И даже особенно действенным толчком к ее написанию, как об этом говорил сам А. П. Скафтымов, послужили многократно повторяемые в научной литературе неверные суждения о Толстом-философе. А. П. Скафтымова возмущало весьма распространенное тогда толкование сущности учения Толстого как примирения с существующим злом, общественной инертности, созерцательного равнодушия, ухода от социальных проблем и т. д. Это толкование не только противоречило тому, что писал Толстой в своих философских и публицистических статьях, но и искажало движущие стимулы и самую суть толстовского творчества. При таких обстоятельствах ученый не мог не вступиться за истину и за все то нужное передовому человечеству, что он видел как в справедливой критике Толстым действительности дореволюционной России, так и в нравственно-философских основах творчества писателя. Конечно, утверждает А. П. Скафтымов, Толстой ошибался, рассчитывая только на моральные средства исправления общественного зла и отрицая революционный путь перестройки общества. Он предлагал наивные, утопические пути борьбы с существующим злом. Однако это все-таки были пути борьбы со злом, понимаемые так самим писателем, и то, что действительно говорил и писал Толстой, никак нельзя понимать как равнодушие к социальному злу, а тем более как уход от социальных проблем. А. П. Скафтымов раскрывает глубоко неправильное понимание толстовской формулы «непротивление злу насилием» как просто непротивления, как рагинского пассивно созерцательного примирения с существующими формами жизни. Он напоминает, что еще Чехов справедливо и проницательно «осудил тех публицистов — противников Толстого, которые, упрощая свою задачу, передавали учение Толстого искаженно», как призыв к полному моральному безразличию и бездействию. И тот же Чехов противопоставил такому толкованию понимание непротивления злу насилием как своеобразного способа борьбы со злом, верного или нет — над этим Чехов много думал,— но тем не менее, способа борьбы. Чехов, доказывает А. П. Скафтымов, никогда не отождествлял этическую проповедь Толстого с призывом к безучастию. Он видел точки своего соприкосновения с этой проповедью в том, что при идеалистических крайностях, которых не разделял Чехов, она по-своему сильно звала к

исправлению существующего зла, имея своим главным основанием глубокую нравственную тревогу за судьбы страдающего человечества.

А. П. Скафтымов раскрывает значение нравственных исканий Толстого как своеобразной формы исканий социальных и сам подчеркивает соответствие своего понимания вопроса ленинской концепции, которую тут же напоминает в ее главных положениях. Стремление Толстого «найти настоящую причину бедствий масс»[10] и умение писателя отразить «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему — желание избавиться от прошлого»[11] нельзя понять и объяснить, если считать Толстого безучастно ищущим самоуспокоения и не видеть, что самая сфера нравственности для Толстого заключена в обращенности человека к человеку.

А. П. Скафтымов и в статье, о которой идет рочь, и в читаемых им в 40-е годы университетских лекционных курсах отстаивает как раз то наиболее близкое ленинской методологии направление в трактовке Толстого-мыслителя и автора нравственных теорий, которое советскому литературоведению и в последние десятилетия приходилось и приходится отстаивать в основном уже не против советских, а против зарубежных ученых. Известны попытки экзистенциалистов представить Толстого человеком антисоциального склада, стремящимся к идеалу одиночества как высшего состояния духа. Известно, что на Западе повторяются определения позиции Толстого как позиции не только созерцательной и пассивной по отношению к окружающей действительности, но даже будто бы заключающей в себе полный отказ от воли. Это последнее положение, особенно вопиюще противоречащее апелляциям Толстого к волевым усилиям самоусовершенствования, высказывал известный литературовед Фрэнк О. Коннор и некоторые другие зарубежные ученые. В ряды борющихся со всеми подобными толкованиями Толстого А. П. Скафтымов встал еще тогда, когда они были распространены не только за рубежом, и убедительно доказал их несоответствие самым осязаемым фактам.

В последней статье А. П. Скафтымова «Образ Кутузова и философия истории в романе «Война и мир» продолжает-

[10] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 40.
[11] Там же, т. 17, с. 212.

ся исследование роли мировоззрения в художественном творчестве, внутренних связей логического и образного мышления писателя. Ученый стремится своей работой преодолеть упрощающее представление о соотношении толстовской философии истории и художественной ткани «Войны и мира», рецидивы теории двух Толстых, наблюдаемые им и в 50-е годы, механистическое представление о противоречиях Толстого, совсем не соответствующее ленинской концепции. Статья А. П. Скафтымова готовилась к печати как раз в то время, когда за рубежом усилились попытки использовать теорию двух Толстых для отрицания роли идеологии в искусстве [12], и появилась на свет как новое убедительнейшее опровержение подобных попыток. Причем, защита А. П. Скафтымовым роли мировоззрения в художественном творчестве ведется на сей раз не только против тех, кто совершенно отрицал связь мировоззрения и творчества, кто считал, что стихийный талант способен лепить и лепит образы совсем независимо от сознательных идей. Критика направлена здесь и на тех, кто понимает связь мировоззрения и творчества односторонне и самое мировоззрение упрощенно, одним таким пониманием мировоззрения уже по сути дискредитируя идею его связи с творчеством. «...Связь образа Кутузова с философско-исторической теорией Толстого,— говорит А. П. Скафтымов,— уматривается лишь там, где считается возможным говорить о пассивности Кутузова, и, наоборот, там, где говорится о проявлении руководящей деятельности Кутузова, объявляется отпадение Толстого от своей теории, чудесно не замечаемое им самим»[13]. То есть хотя в указанных случаях исследователи и не отрицают роли мировоззрения в своих исходных положениях, но они выставляют его роль в таком односторонне урезанном виде, что сами по сути дела побивают свои положения. С мировоззрением по странной логике оказывается связанной только какая-то небольшая и самая слабая часть художественного материала, составляющего образ. В другой же части этого материала писатель все-таки (будто по наитию) пишет вопреки мировоззрению, да еще оказывается таким уж слабым мыслителем, что сам этого даже не замечает. И в ко-

[12] См.: *Лившиц М.* По поводу статьи И. Видмара «Из дневника».— Новый мир, 1957, № 9.

[13] *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей, с. 187.

нечных итогах подобных исследовательских рассуждений образ представляется не целостным созданием, а нагромождением несовместимостей, каким-то «механическим соединением противоположных представлений, разместившихся порознь в Толстом-художнике» и «Толстом-мыслителе»[14]. Такой формулировкой А. П. Скафтымов подчеркивает, как недалеко ушли те, с кем он полемизирует, от теории двух Толстых.

Представлениям об образе Кутузова как о механическом соединении несовместимых идей А. П. Скафтымов противопоставляет добытое глубоким анализом понимание этого образа как выражения очень сложной системы мыслей Толстого о свободе и необходимости, об истории и назначении человека, системы мыслей, заключающей в себе и глубокие прозрения и ошибки, но при этом «целостной»[15], «последовательно выраженной и в художественной конкретности и в обобщенных теоретических суждениях»[16].

Статья А. П. Скафтымова о Кутузове несомненно способствовала обращению исследователей к более углубленному и более непредвзятому, чем до ее появления, изучению философской проблематики «Войны и мира» и других созданий Л. Толстого. Правда, дело не обошлось и без упреков в адрес саратовского ученого. Его упрекали в том, что он покушается на признанный факт противоречивости Толстого. Некоторыми литературоведами очень трудно преодолевалась инерция упрощающего механистического представления о противоречиях Толстого, которое долго без основания приписывалось В. И. Ленину.

Но А. П. Скафтымов понимал положения Ленина о противоречиях Толстого иначе и гораздо глубже. Еще тогда, когда очень распространена была теория двух Толстых в ее самом грубом выражении, он, занимаясь со студентами и аспирантами, подчеркивал, что Ленин в противоположность многим, нигде не отделяет Толстого-мыслителя от Толстого-художника и нигде не говорит о том, что в произведениях писателя нет целостности. «И где они нашли это у Ленина? — говорил Александр Павлович.— Ведь Ленин говорит совсем о другом. Ленин говорит о глубоких противоречиях

[14] Там же.
[15] Там же, с. 216.
[16] Там же, с. 217.

крестьянской демократии, а вовсе не о примитивном неумении Толстого мыслить. Ленин видит слабость Толстого в неприятии революции, но совсем не в том, что он, якобы, постоянно ломал и крушил логику своих собственных художественных образов».

А. П. Скафтымов очень строго настаивал на обязательности раскрытия внутренней целостности созданий Толстого и других больших писателей, на поисках исследователями внутренней целесообразности всех компонентов художественного произведения, складывающихся в логично организованную идейно-образную систему. Однако не означает ли это, что сам ученый, справедливо выступая против недооценки роли мировоззрения, впадал в противоположную крайность полного отождествления логического и образного мышления и игнорирования диалектических взаимоотношений логических понятий и художественного чутья? Нет, не означает, А. П. Скафтымов был только против недооценки связей логического и образного и против недооценки значения мысли художника.

Вспоминается разговор А. П. Скафтымова с нами-учениками по поводу того признания Пушкина, что Татьяна устроила с ним шутку, выйдя замуж, и того признания Толстого, что Вронский у него неожиданно для него самого стал стреляться. На эти признания обычно ссылались как на доказательство того, что художник часто создает образы вопреки своей мысли. Но А. П. Скафтымов видел здесь и другую сторону. «Хорошо,— говорил он,— Татьяна неожиданно для Пушкина вышла замуж, и Вронский неожиданно для Толстого стал стреляться. Художественное чутье в обоих случаях прокорректировало первоначальные замыслы писателей, но ведь после этого изменилась и сама мысль, связанная у Пушкина с образом Татьяны и у Толстого с образом Вронского. Мысль-то не осталась на прежнем уровне! Писатели учли коррективу, осознали недостаточную жизненность своих первоначальных замыслов, и дальнейшая работа над образами направилась уже соответственно новому, возросшему уровню мысли».

Как видим, в этом рассуждении проявилось глубокое понимание ученым сложного взаимодействия и взаимовлияния логического и образного сознания в творческом процессе, в котором художественное чутье стимулирует изменения в логических понятиях, а новое в логических понятиях вле-

чет за собой изменения в замыслах пишущихся произведений.

Подобный взгляд на творческий процесс сложился у А. П. Скафтымова еще в раннюю пору его деятельности. В архиве ученого, в обложке, сделанной из дореволюционной тетради и озаглавленной «Толстой. Что читал и отзывы», находим следующую выписку из дневника молодого Толстого с подчеркнутыми словами: «Мне кажется, что все написанное очень скверно. Ежели я еще буду переделывать, то выйдет лучше, *но совсем не то,* что я *сначала задумал*»[17]. Подчеркнутые ученым слова Толстого явно указывают на возросший после переделок уровень мысли писателя, на ясное осознание Толстым того положения, что он пишет совсем другое, чем хотел сначала.

«Для образов и понятий в голове художника нет отдельных изолированных комнат,— шутил А. П. Скафтымов.— Они постоянно общаются, когда художник работает».

А когда кто-то из нас спросил профессора: что же, по его мнению, в художественном произведении так-таки и не может быть ничего недодуманного и не вяжущегося с основной мыслью? Он ответил: «Да нет, может быть. Каждый человек может иногда чего-то недодумать. Но чаще это случается с исследователями, чем с писателями, да еще великими. Поэтому, когда вам кажется, что писатель не логичен, ищите, где вы его не поняли, где подменили его мысль своей. Ищите и найдете, по крайней мере в 99 случаях из ста. Конечно, логика писателя может вас не убедить, но это уже будет другое дело. Все-таки это будет логика, а не ее отсутствие. И вы обязаны сначала раскрыть ее изнутри, а потом уже судить о ее сильных и слабых сторонах».

В такой исходной ориентировке А. П. Скафтымов видел преграду исследовательскому произволу, залог точности результатов исследования. И в том, что он стремился сделать филологию возможно более точной наукой, нам (так же, как и во многом, о чем говорилось выше) открывается секрет долговечности его работ и прочности его научно-педагогических традиций. Труды саратовского ученого о Толстом сыграли большую роль в преодолении ложных подходов к литературным явлениям — и теперь, через много

[17] *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. (юб. изд.), т. 46.

лет после того, как они написаны, приобретают все большую популярность. Методологические основы исследований А. П. Скафтымова о Л. Толстом сейчас представляются более неопровержимыми, чем во время первых публикаций и характеризуют автора как ученого современного в наиболее глубоком смысле этого слова.

Спецкурсы и спецсеминары

А. П. Скафтымов читал на протяжении многих лет (1944—1951) спецкурсы: «История русской критики», «Л. Н. Толстой», «Русская литература конца XIX века (Л. Толстой, Короленко, Чехов)». Лекции его отличались глубиной, содержательностью и какой-то особой эмоциональной взволнованностью. Читая курс «Истории русской критики», Скафтымов вводил своих слушателей в историю развития эстетической и философской мысли. Это было особенно ценно, так как являлось почти единственным источником знакомства студентов 40-х годов с философией Шеллинга, Фихте, Гегеля.

Особый интерес представляет спецкурс о Л. Н. Толстом, ибо в нем прозвучали многие мысли, не нашедшие выражения в печатных работах Скафтымова. Заметки самого ученого, записи студенческих лекций позволяют отчасти восполнить этот пробел.

При чтени курса А. П. Скафтымов опирался на статью Н. Г. Чернышевского «Детство. Отрочество. Военные рассказы гр. Л. Н. Толстого» и статьи В. И. Ленина о Л. Толстом. При анализе большей части произведений Толстого лектор применял ленинскую мысль о противоречивости мировоззрения писателя и показывал, как и в чем конкретно проявились сильные и слабые стороны Толстого — мыслителя и художника.

Утверждение В. И. Ленина, что Толстой судит обо всем с вечных начал нравственности, дало основание А. П. Скафтымову говорить об особой моральной заинтересованности писателя. Через весь спецкурс прошла, придавая ему целостность и единство, мысль о высокой моральной настроенности писателя. Считая, что нравственная взыскательность является определяющей чертой художественного метода Толстого, А. П. Скафтымов старается выяснить нравственный потенциал каждого произведения.

Понимание того, как не просты герои Толстого, как сложны их искания истины, заставляло лектора при характеристике почти каждого показывать нелегкий путь его движения через падения, заблуждения к высшей инстанции — добру — естественному состоянию человека.

Добро, правда, красота — высшие категории для Толстого — стали для лектора тем ключом, с которым он подходил к каждому произведению. Выяснение нравственной сути толстовских творений определило концепцию курса.

Спецкурс начинался с вводной лекции, в которой выяснялось, что нового внес в литературу Толстой. В программе, составленной лектором, структура этой лекции определена так: «О реализме Пушкина. О реализме Лермонтова. О реализме Гоголя. Русская филологическая школа. Невыработанность в способах реалистического письма. Недостаточность прежних способов психологического рисунка для новых литературных задач. Романтико-реалистический компромисс в творчестве Григоровича. Психологический рисунок в ранних повестях Достоевского. Эволюция, пережитая Тургеневым. Требования реализма в литературной критике (Белинский)»[1]. Лектор осветил большую часть пунктов этого плана.

Ответы на поставленные вопросы уводили в глубь истории литературы. Речь шла о постепенном накоплении реалистических элементов в недрах литературы классицизма и романтизма. Создание романтиками «местного колорита» было средством постижения реальной действительности в оригинальном, неповторимом, индивидуальном[2].

Ограниченность писателей этих направлений ученый видел в неумении увязать изображение бытовых картин с психикой человека. В литературе классицизма между природой и человеком стоял древний мир. Недостаток романтиков состоял в том, что они, используя принцип универсализма, не могли конкретизировать чувства человека ни социально, ни исторически. Даже завоевания писателей первой трети XIX в., утвердивших реализм в русской литературе, оказались недостаточными для времени Толстого. Гоголь и его по-

[1] Рукопись А. П. Скафтымова. Кафедра русской литературы Сарат. ун-та. Далее: Рукопись А. П. Скафтымова.

[2] Позже эта мысль прозвучит в отзыве на кандидатскую диссертацию. См.: *Скафтымов А. П.* К постановке вопроса о романтизме Пушкина.— Научный ежегодник за 1955 г. Филол. ф-т, отд. оттиск, отд. 3, Саратов, 1958.

следователи создавали прямолинейный и односторонний психологический рисунок.

Принципиальное отличие Л. Толстого от его предшественников,— утверждал лектор в вводной лекции,— состояло в том, что писатель слил воедино психику и быт и показал зависимость психического процесса от ежеминутно меняющихся условий бытия. А. П. Скафтымов говорил о сложности толстовских героев, о переплетении в их характерах естественной простоты и фальши. Цель Толстого,— доказывал он,— состоит в том, чтобы отодвинуть наносный, ложный пласт и обнаружить природную сущность человека.

Высказанные в вводной лекции суждения о развитии русского реализма и о своеобразном проявлении его у Толстого не новы для исследователя. Они были выражены в ранних статьях, в особенности в статье «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого».

Но это не значит, что А. П. Скафтымов лишь повторял в спецкурсе содержание своих ранних статей. Научная и педагогическая работа — взаимосвязанный, взаимопроникающий процесс. Между 20-ми годами, когда писались статьи, и 40-ми годами, когда читался спецкурс, пролегла длительная полоса раздумий, новых поворотов мысли. За это время приобретали большую глубину и четкость ранее заявленные положения, возникали новые концепции. Главное же заключалось в том, что менялась методологическая основа изучения толстовского наследия.

Рассказ о творческом пути Толстого А. П. Скафтымов начинал с трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Останавливался на статье П. С. Попова «Стиль ранних повестей Толстого»[3]. П. С. Попов — представитель формальной школы — анализировал «Детство», «Отрочество» с точки зрения построения. Он ссылался на авторитет Б. М. Эйхенбаума, повторял и развивал его мысли, использовал даже его терминологию[4]. Как все формалисты, П. С. Попов не увязал композицию с идейным замыслом повестей.

А. П. Скафтымов внешне бесстрастно изложил наблюдения исследователя, никак их не оценивая, но явно противопоставляя им свои. Он обратился к выяснению содержательной стороны трилогии. Толстой провел Иртеньева через три периода жизни,— утверждал он,— для того, чтобы показать

---

[3] См.: Лит. наследство. М., 1939, т. 35—36.

[4] См.: *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Книга первая. 50-е гг. Л., 1928.

сложность и трудность нравственного развития героя. А. П. Скафтымов искал в трилогии то «направляющее начало», которое заставляло писателя отобрать именно эти, а не другие факты. «Направляющее начало» — та точка зрения, с которой Толстой оценивал своего героя: «Толстой различает в человеке два существа: исконно присущее и наносное, лежащее на этом первом. Процесс роста для Толстого — это заслонение, искажение той внутренней естественной основы, которая присуща человеку по природе»[5]. Лектор доказывал, что данная в трилогии сложность понимания человека и психологического рисунка останется у Толстого в последующем. В этом состоит особая значимость трилогии.

Большое место в спецкурсе было отведено анализу ранних произведений Толстого. Сравнительно небольшой их объем давал возможность Скафтымову глубже войти в текст и полнее представить слушателям своеобразие идейно-тематических устремлений писателя и особенности его психологического рисунка. Такой подход, определившийся у ученого еще в 20-е годы, был прямо противоположен формалистическому, очень популярному в то время. С позиций формализма написана Б. М. Эйхенбаумом книга «Молодой Толстой» (Пг.— Берлин, 1922). Естественно несогласие Скафтымова с его трактовкой раннего творчества Толстого. Сохранилась запись Скафтымова, датированная 1923 г.: «Задача (зачеркнуто) в год изучить Толстого с помощью семинарских занятий. I. С 28 сентября (пятница) по 12 октября «Детство» и «Отрочество». Прочитать. Сравнить с автобиографической действительностью. Вопрос: 1) Внутренняя телеология. 2) Смысл отходов от действительности. Тема. Вымысел и действительность в «Детстве» и «Отрочестве» Толстого. 2) Военные рассказы: «Севастопольские рассказы». «Набег». «Рубка леса». Одна тема — храбрость. Тема. Роль тематической, идеологической тенденции в построении ранних военных рассказов Л. Толстого. Ср. Эйхенбаум»[6]. Имя Эйхенбаума упоминается в заметках очень часто и это дает основание проследить не высказанную прямо, но практически осуществляющуюся полемику Скафтымова с Эйхенбаумом и показать принципиальное различие в истол-

[5] Здесь и далее запись студенческой лекции Е. И. Куликовой, ныне доцента СГПИ им. К. А. Федина. Далее: Запись студенческой лекции.
[6] Рукопись А. П. Скафтымова.

ковании творчества Толстого 50-х годов двумя исследователями.

В творчестве молодого Толстого большое место занимает военная тема. Соответственно уделял ей особое внимание и лектор, детально анализируя «Набег», «Рубку леса», «Севастопольские рассказы». Характеристика этих рассказов дана в резком противопоставлении тому, что говорил о них Б. М. Эйхенбаум.

Эйхенбаум так скажет о севастопольском периоде жизни Толстого: в Севастополе «Толстой ведет себя «туристом» — пишет и наблюдает. И пишет не только Севастопольские очерки, но и «Юность», точно вдохновляясь контрастом обстановки и своих мыслей. Даже патриотизм его ослабевает под напором экспериментаторского восторга — он радуется войне, как случаю собрать необходимый, редкостный материал»[7]. Скафтымов о том же периоде: «Толстой говорит о войне как о жестоком явлении, он показывает ее страдательную сторону. Толстой думал о состоянии русской армии. С целью упрочения духа защитников Севастополя он задумал издание журнала»[8].

О «Набеге» у Эйхенбаума читаем: «В противоположность «Детству» — «Набег» написан «с целью»: вступление выдвигает общий вопрос о войне и храбрости»[9]. Далее исследователь переходит к выяснению композиции рассказа. Вывод: «В основу рассказа легла последовательность временная — по солнцу, как и у Костенецкого»[10]. Скафтымов тоже интересуется жанрово-композиционными особенностями рассказа. В подготовительных записях читаем: «Набег» с точки зрения рассказчика-наблюдателя. Рассказан эпизод, в котором рассказчик был непосредственным участником и свидетелем. Последовательность рассказа та же, что и в «Записках охотника». Порядок развития события во времени, как оно происходило и в той мере, в какой было доступно наблюдению рассказчика. Перерывы — так же, как у Тургенева. 1) Лица. Здесь есть связанность. Участие в одном событии, в исходе которого непрерывно заинтересован читатель. Все лица стянуты около этого события и действительно являются «действующими лицами». Это не новелла,

[7] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой, с. 211.
[8] Запись студенческой лекции.
[9] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой, с. 140.
[10] Там же, с. 141.

когда действующие лица заинтересованы около одного момента и находятся в соотношении борьбы или в процессе установления отношений между собой, когда каждый из них заинтересован другим, его поведением, образом жизни и мыслей.

Такой новеллистической связи здесь тоже нет. Все они участвуют в одном событии, но их действия и настроения развертываются параллельно, независимо. Каждый живет по-своему, своими чувствами и настроениями и ближайшим образом не заинтересован в поведении и чувствах другого. Объединяет участие в походе. Хлопов, Розенкранц, Аланин и др. — все как бы друг друга не знают, их истории не пересказываются, нет единой сплетающей всех интриги, как в в новелле.

Действия и настроения идут параллельно, хотя и импульсируются, и направляются к одному общему пункту: военной опасности» [11].

В лекции выделена на первый план идейно-тематическая направленность «Набега». «Толстой смотрит на войну с моральной точки зрения. Его интересует не организация войск, а моральное состояние человека, принимающего участие в «деле». В связи с этим поднимается вопрос о храбрости. Толстой считает, что храбрость не исключает чувства страха. Храбрость состоит в преодолении страха и вызывается разными импульсами. Розенкранц и Аланин побуждаются тщеславием, они приноравливают свое поведение под готовые образцы. Подлинным храбрецом является Хлопов»[12].

«Рубка леса» в толковании Эйхенбаума: «Как и в «Набеге», движение рассказа следует за движением солнца; как и там — один эпизод (смерть солдата Веленчука), подготовленный и выделенный с самого начала, получает своего рода сюжетное значение, как бы заменяя собой отсутствующие элементы завязки и развязки; как и в «Набеге», финал построен при помощи возвращения начальной ситуации (солдаты у костра) и повторения тех же стилистических элементов» [13].

Скафтымов ищет в рассказе объединяющую идеологическую и психологическую точку зрения. Сохранилась такая запись: «Есть моменты, которые указывают, что и этому про-

---

[11] Рукопись А. П. Скафтымова.
[12] Запись студенческой лекции.
[13] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой, с. 166—167.

изведению присуща некоторая идеологическая и психологическая объединяющая точка зрения, которая дает рисунку направление и устремление и определяет его границы и наполнение. Некоторые точки взаимного соотношения персонажей «Рубки леса» совершенно очевидны. Это не просто портретная галерея. Здесь тоже имеется элемент сопоставления, сравнения и оценочных заключительных суждений.

Вот около группы лиц в двух шагах шлепнулось неприятельское ядро. Болхов и сам рассказчик, сдерживая страх, стараются скрыть жуткое чувство и говорят фразы, которые могли бы свидетельствовать о их безбоязненном спокойствии.

Но у солдат эта сдержанность объяснена иначе, чем у офицеров. Не нужны эффекты, речи. Спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметно хвастовства, ухарства, желания разгорячиться во время опасности; напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера. Но можно ли из всего этого заключить, что весь рассказ «Рубка леса» написан под углом противопоставления офицерского круга солдатскому и в оттенение правды, непосредственности, тщеславной лжи, притворства, рисовки и всяческой пустоты на другой?

Нельзя.

Если бы мы на минуту предположили такую возможность, необходимо было бы ожидать, что вся группа офицеров будет обрисована в этих общих для них всех чертах искусственности и ненатуральности, хотя и в разных вариациях и оттенках (как это было, например, в «Набеге», где отсутствие натуральности было проведено во всех лицах, сопоставленных с Хлоповым). Каждый из них показан в своей индивидуальности, но и это индивидуальное дано как разновидность той же ненатуральности: Розенкранц, Аланин.

В рассказе «Рубка леса» этого нет. Среди офицеров имеется такое лицо, как Тросенко. В нем ни одного штриха не дано такого, который позволил бы нам отнести его к семье «ненатуральных» [14].

«Севастопольские рассказы» в освещении Эйхенбаума: «Второй севастопольский рассказ — уже не корреспонденция, а нечто гораздо более сложное и смелое. Первый очерк был

[14] Рукопись А. П. Скафтымова.

общим этюдом, нащупывающим новый тон. Во втором тон этот определился — и очень своеобразно. Автор здесь выступает как оратор, как проповедник — он не повествует и уже не описывает, а декламирует, проповедует. Речь его приподнята и патетична. Рассказ построен уже не на контрастах сцен или картин, как в первом очерке, а на контрастах тона, стиля» [15].

Скафтымов говорит о том новом, что дал Толстой в изображении войны: «В первом севастопольском рассказе Толстой показал будни войны, доказывая, что героическое настроение не исключает обычно-будничного. Рядом с героическим уживается чувство усталости, желание удобств, тщеславие, способность забываться в маленьких радостях. Вот почему у Толстого нет героев без всякого налета заурядности и обыденности. Во втором севастопольском рассказе писатель подчеркивает противоестественную тяжелую для природы человека сторону войны. Людям приходится преодолевать естественное отвращение к убийству. Этим не отменяется геройство. Процесс переживаний Володи Козельцова (третий севастопольский рассказ) — отказ от романтических представлений о войне и восхождение к подлинному героизму. В этом основная тема рассказа» [16].

Противоположность трактовок двух исследователей можно показать на примере не только военных, но и других рассказов Толстого 50-х годов.

Повесть «Два гусара» Эйхенбаум считал слабой, потому что она «освобождена от всякой мотивировки и подана примитивно, как простое сопоставление, сравнение, параллелизм. «Два гусара» дают резкий, даже несколько утрированный пример — даже не сопоставления, а почти геометрического наложения» [17]. «Сама тема повести — противопоставление двух поколений — родилась, как я думаю, в этой атмосфере ссор и борьбы» [18] (имеется в виду борьба в «Современнике» — *Е. К.*)

Скафтымов о повести: «Композиция. 1. Построено в основном на противопоставлении Турбина старшего и Турбина младшего. Поле противопоставления — непосредственность и экспансивность одного и расчетливость, сдержанность друго-

---

[15] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой, с. 170—171.
[16] Запись студенческой лекции.
[17] *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой, с. 246.
[18] Там же, с. 250—251.

го. 2. Отсюда две половины рассказа. Одна сконцентрирована около Турбина старшего, другая — около Турбина младшего. 3. Разработка эпизодов в каждой из этих двух частей дана в непрерывном устремлении к обнаружению непобедимого обаяния первого героя и несостоятельности, предосудительности, несимпатичности второго. 4. Непобедимость обаяния подчеркивается моментами явной моральной предосудительности поступков Турбина старшего, которая, однако, при его свежей и смелой непосредственности перестает быть предосудительностью, и «дурной» поступок получает прелесть и ореол признания, любования и симпатии.

Логика всякого художественного произведения обращена к некоторому ряду предпосылок, т.е. таких мыслей, суждений и предрасположений, на которые опирается художественная аргументация или с которыми она борется и разрушает их, противопоставляя принятому, предположенному ряду иной, свой, новый. В данном случае мы видим, что эпизоды с Турбиным старшим построены на сопоставлении внешней предосудительности и внутренней обаятельности (побои слуги, скандальность, небрежность к людям и пр.). Кажущаяся внешняя неприемлемость разрушается прелестью смелой и решительной и свободной искренней непосредственностью. Толстой заставляет прощать Турбину его резкости и любоваться только натуральной живостью его вспышек. Привлекательна *бездумность* (подчеркнуто Скафтымовым.— *Е. К.*) и свобода его самопроявлений. В его руках, в его делах «дурное» перестает быть дурным. 5. Наоборот, у Турбина младшего на первый план выдвинута его расчетливость, мелочность, отсутствие самозабвенного пафоса. Сопоставление: слуги, девушки, карточные долги и пр.» [19].

Повесть «Альберт», по мнению Эйхенбаума,— «первая крупная и характерная неудача Толстого» [20]. «Сделав героем повести, посвященной вопросу об искусстве, музыканта, Толстой впал в банальность и в тенденциозность» [21].

Скафтымов указывает на идеализм Толстого, проявившийся в провозглашении избранничества художника, но ученый хочет понять и обозначить толстовское понимание роли искусства. Формулирует его так: «Толстого интересует, какое место должна занять в искусстве сфера красоты и сфера

---

[19] Рукопись А. П. Скафтымова.

[20] *Эйхенбаум Б. М. Лев* Толстой, с. 296.

[21] Там же, с. 304.

нравственности. Все доброе, что есть в человеке, находится в неразрывной связи с прекрасным. Искусство оправдывается, если оно оказывает нравственное воздействие»[22].

Так вырабатывалось у ученого свое понимание Толстого, к сожалению, лишь в малой степени нашедшее выражение в статьях.

Представляется глубоко ошибочным утверждение, что влияние принципов формальной школы испытал наряду с другими исследователями и А. П. Скафтымов.

Характеристика раннего творчества Толстого заканчивалась анализом повести «Казаки». Сказанное А. П. Скафтымовым о «Казаках» свежо и оригинально. В 40—50-е гг. в нашем литературоведении бытовало мнение, что писатель видел в казаках носителей идеальных ценностей, что Оленин не смог возвыситься до простоты и правды, свойственных народу. Поэтому опрощения и слияния с казаками не произошло.

Для Скафтымова безусловно, что нравственный мир казаков и Оленина не равноценны, но у него возникает вопрос, так ли уж безоговорочно принимал писатель жизнь казаков и отвергал ту, которой живет Оленин[23]. Он размышляет: «Какие фигуры противопоставлены? Казаки и Оленин. В чем противопоставлены? Радость жизни у казаков и неуверенность исканий у Оленина. Как определяются (неразборч.) причины радостности и спокойствия казаков и неуспокоенности Оленина?

а) Отношение к убийству, воровству, к «девке», и это у казаков и у Оленина.

в) Отношение к Марьяне у Лукашки и у Оленина.

с) Эпизод с подарком. Не противопоставлены ли здесь Оленин и Лукашка? В чем противопоставлены? В каких фактах противопоставлены Ерошка и Оленин? Нет ли между ними сходства?

е) Кто ближе к казакам: Белецкий или Оленин? Почему? Кому и в чем автор симпатизирует? Осуждается ли Оленин? В чем? Параллели и противопоставления. Отношение казаков к убийству зверя и к убийству чеченца. Только чувство себя. Живут для себя. Подчиняются не искусственно поставленным властям, а наиболее ловкому, сильному. Это жизнь в статике. На фоне ее динамически — Оленин». Вывод: «Оленин.

---

[22] Запись студенческой лекции.
[23] Рукопись А. П. Скафтымова.

Нет непосредственности. Категория должного. Напутал в жизни. Молодость. Любовь к себе. Это — сила жизни. С этим радость, чувство счастья. Еще приближение к природе — через любовь к Марьяне. Но слиться не может и здесь.

Положение о невозможности слияния Оленина с казаками остается верным. Это утверждение имеется в произведении. Верно указаны и те основания, по которым такое слияние оказывается невозможным (мысль, искания неуспокоенности внутренней этической судьбы Оленина). Но безусловно ли автор принимал сторону казаков и осуждал тем самым все, что в Оленине им противопоставлено — это еще вопрос. И мне кажется, такого безусловного осуждения Оленина в «Казаках» нет. Видно, что автор и сам не соглашается на эту (казацкую) радость жизни. Он ищет. Он желает к ней что-то еще прибавить. Что? Как? Это он и сам не знает. Но важно и то, что для автора в Оленине представляется наиболее милым, ценным и важным — это осталось с казацкой радостью жизни непримиримым. И это в нем болит.

Противопоставлено два отношения к жизни — простое, непосредственное, не ищущее и эгоистичное, бессмысленное.

Моральные искания, неуспокоенность Оленина обрисованы явно симпатично. Эту неуспокоенность, эту моральную требовательность к себе в Оленине он любит (не порицает, не смеется, не окарикатуривает, хотя и видит неприложимость его моральных восторгов к практике жизни среди казаков). Даже история с подарком, где Оленин наиболее смешон, его чувство взято под авторское покровительство. Если видна скорбь, оттенок отрицания, то лишь в смысле неприложимости, но не в смысле внутренней несостоятельности, неценности этих настроений самих по себе. Здесь явно звучит вопрос: как же так, столь высокие, единственные по красоте и радостности подъема чувства несовместимы и должны остаться в стороне от этого (неразб.) непосредственной радостной, привольной жизни. Здесь этика остается непримиримой с «простотой»[24].

Такая сложная трактовка повести была принципиально отличной от общепринятой и, конечно же, больше соответствовала взглядам Толстого 50 — 60-х годов.

Центральное место в творчестве Толстого 60-х гг. занимает роман «Война и мир». Анализу его лектор уделил много внимания, особенно — выяснению историко-философской кон-

[24] Рукопись А. П. Скафтымова.

цепции Толстого. В отличие от многих исследователей, которые упрекали Толстого за искажение истории и образа Кутузова в угоду фаталистической теории[25], А. П. Скафтымов стремился понять логику мысли писателя. Раскрывая толстовское понимание роли личности в истории, он характеризовал Кутузова не как пассивного наблюдателя событий, а как активного их руководителя. Перед студентами впервые прозвучало то, что спустя десять лет стало известно по статье «Образ Кутузова и философия истории в романе Л. Толстого «Война и мир»[26].

В архиве исследователя сохранился черновик письма, позволяющий уточнить время написания статьи. Текст гласит: «Уваж. (неразборч.)! Я благодарю Вас за внимание, которое Вы мне оказываете письмом от 5.III. 1945. Для предполагаемых историко-литературных сборников я со своей стороны могу предложить статьи:

1. О литературной генеалогии образа Печорина в романе «Герой нашего времени».

2. Полководец Кутузов в романе Л. Толстого «Война и мир» (пересмотр вопроса о «пассивности» и «активности» Кутузова как вождя войн, значение образа Кутузова в системе философских исторических воззрений Л. Толстого).

3. Драматический конфликт в пьесе «Чайка» (вопрос об идейной специфике чеховской драматургии).

4. О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова»[27].

Итак, статья о Кутузове была готова уже в 1945 г. и пролежала в портфеле исследователя 15 лет!

Завершая разговор о «Войне и мире», лектор освещал толстовское понимание проблемы семьи и брака и таким образом делал логический переход к роману «Анна Каренина».

Лекцию о романе «Анна Каренина» А. П. Скафтымов читал в остро полемическом тоне. Он не называл имен тех, с кем спорил, пользуясь неопределенной формулой: «некоторые

---

[25] См.: *Коробков Н.* Кутузов-стратег.— Исторический журнал, 1942, № 5; *Бычков С.* Роман «Война и мир» — Л. Н. Толстой. М., 1955; *Бычков С.* Л. Н. Толстой. Очерк творчества. М., 1954; *Леушева С.* Роман Л. Толстого «Война и мир». М., 1957; *Бражник Н.* Изучение романа Л. Н. Толстого «Война и мир» в средней школе. М., 1957; *Покровская В.* Основные темы романа «Война и мир» и анализ художественных образов. Пенза, 1952. Здесь перечислены работы, названные А. П. Скафтымовым в его поздней статье о Кутузове.

[26] См.: Русская литература, 1959, № 2.

[27] Рукопись А. П. Скафтымова.

полагают», «в литературе о Толстом говорили». Кто эти «некоторые»? Надо думать, ученый имел в виду таких исследователей, как Б. Я. Брайнина, Б. В. Рождественский, Эд. Паккер и др.

Они видели трагедию Анны в том, что светское общество не признало ее любви к Вронскому и отвергло ее. Смысл романа усматривали в отрицании писателем фальшивой официальной морали. Такое толкование стало традиционным [28].

А. П. Скафтымов не мог согласиться с подобной трактовкой и противопоставлял ей свою. Трагедия Анны, по его мнению, заключалась в том, что ни в один из периодов своей семейной жизни она не могла совместить два начала, без гармонии которых немыслимо полное счастье: биологическое (стремление к личному счастью) и моральное (чувство исполнения долга). Любовь к Вронскому,— говорил лектор,— была проявлением естественного, но эгоистического стремления к личному счастью, ради которого Анна поступилась чувством долга перед сыном и мужем.

Эпиграф был истолкован так: Анне мстит не светское общество, а высший судия — собственная совесть. В архиве сохранилась короткая запись, передающая эти мысли ученого в сжатой форме: «Страсть и долг. Свое и должное. Любовь для себя. Эгоистическое. Почему гибель — нечем жить»[29]. В библиотеке ученого хранились 35—36-й тома Литературного наследства. Здесь среди прочего опубликована переписка Фета с Толстым. В качестве приложения дана статья Фета «Что случилось по смерти Анны Карениной в Русском Вестнике?» Приводимая ниже цитата подчеркнута рукой А. П. Скафтымова волнистой чертой, видимо, в знак согласия. Фет писал: «Анна настолько умна, честна и цельна, чтобы понять всю фальшь, собранную над ее головой ее поступком, и бесповоротно всеми фибрами души осудить всю свою невозможную жизнь. Читатель, еще не зная рокового финала, чувствует, что Анна произнесла в душе свой смертный приговор. Ни вернуться к прежней жизни, ни продолжать так жить — нельзя. Граф Толстой указывает на «Аз воздам» не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей, вследствие которой человек, непосредствен-

[28] См.: *Паккер Эд.* Роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина».— Русский язык в школе, 1935, № 2; *Брайнина Б. Я.* Достоинство жизни.— Литература в школе, 1938, № 4; *Рождественский Б. В.* Из творческой истории «Анны Карениной».— Учен. зап. Моск. пед. ин-та, 1946, т. 7.

[29] Рукопись А. П. Скафтымова.

но производящий взрыв дома, прежде всех пострадает сам» [30].

Сейчас, когда в освещении трагедии Анны социологический подход все более заменяется моральным, то объяснение, которое давал А. П. Скафтымов, не вызвало бы возражений [31]. Но тогда, когда читался спецкурс, ученый размышлял, спорил, рассуждал в одиночку. Он не написал статьи о романе. Он доверил свои мысли студентам. Так он учил их думать.

Творчество Толстого после 80-х гг. охарактеризовано очень кратко. Особое внимание уделено учению Толстого и оценке его В. И. Лениным. В лекциях довольно подробно изложены теория непротивления злу насилием и суждения Ленина о Толстом. Роман «Воскресение», повести «Смерть Ивана Ильича» и «Хаджи Мурат», пьесы «Власть тьмы» и «И свет во тьме светит» проанализированы кратко с точки зрения отражения в них противоречий Толстого. Спецкурс заканчивался объяснением причин и обстоятельств ухода Толстого из дома.

Спецсеминары Скафтымов вел в течение всей своей педагогической деятельности. Для изучения студентам предлагались самые любимые руководителем писатели: Лермонтов, Л. Толстой, Островский, Чернышевский, Чехов.

Первый спецсеминар по Толстому состоялся в 1924—1925 гг. Молодой Скафтымов учился еще работать. В его архиве сохранился любопытный документ того времени — план семинария, точнее даже не план, отточенный и четко сформулированный, а раздумье о том, как лучше построить работу: какие темы дать студентам, как распределить их во времени, какие задачи решать самому. Вот этот план-раздумье:

«К семинарию.

1. Сравнительный анализ произведений Л. Толстого и Тургенева. Со стороны:

1) идейного содержания;

2) композиции;

3) стиля (тон).

Конкретные задачи на каждый день:

---

[30] Лит. наследство, т. 35—36, с. 234.

[31] См.: *Купреянова Е. Н.* «Война и мир» и «Анна Каренина» Льва Толстого.— В кн.: История русского романа в 2-х т. М.-Л., 1964, т. 2, *Она же.* Эстетика Л. Толстого. М.-Л., 1966.

1. Взять юношеские повести Тургенева и «Записки охотника». Провести анализ коллективно, на месте в заседаниях семинария. Как это сделать? Формулировать вопросы к каждой повести. Поручить на короткий срок каждому по повести. Вопросы — в общей постановке оставить прежние. Самому прочесть и, ставя вопросы, обращаться поименно к студентам, разобрать. На следующий раз обязывать прочесть повесть всем на дому (тогда отодвигается заданное — (неразборч.) на это (неразборч.) не задавать). Эту повесть тоже разобрать на занятиях. Вести записи. Непрерывно сравнивать с первой. Так провести все «Записки охотника». Задавая всем на каждый раз по одному (по два) рассказа. Если сборник — (неразборч.), то их поручить отдельным лицам, строго проверяя их на занятиях. Это займет сколько времени? Мое вступительное слово о задачах. Коротко. И сразу разбираю рассказ. Ставлю вопросы. Записывают. Назначаю рассказ к следующему чтению. Затем следующий, следующий и т. д. Это возьмет 10 занятий. Если по 2 в неделю 5 недель — конец сентября и октябрь.— Далее разбираем таким же путем мелкие рассказы Толстого, непрерывно сравнивая с Тургеневым. Возьмем: 1. «Набег». 2. «Рубку леса». 3. «Утро помещика». 4. «Севастопольские рассказы». 5. «Два гусара». 6. «Три смерти». 7. «Поликушка». 8. «Семейное счастье». 9. «Казаки». 10. «Детство», «Отрочество», «Юность». Это возьмет ноябрь. Декабрьские заседания должны быть заняты выводами: они должны быть приготовлены по заранее формулированным и розданным темам. Например: темы внешние и внутренние. Что общего можно сказать в тематическом отношении? Какие темы. Внешние: о чем? Любовь. Смерть. Храбрость. Положение крестьянина и помещика. Внутренние: имеются ли какие-либо обобщающие идеи у Тургенева и Толстого. Например, простота, непосредственность, природа, самолюбие как факторы жизни и как оценочные критерии у того и у другого. Тема общественного бесправия, социального гуманизма. В какой мере у того и у другого? Исключительные случаи или рядовые явления занимают авторов?

Композиция. Сюжет. Сюжетное ядро. Интрига. Событие. Фабульно или описательно. Если фабульно, как ведется фабула? В чем центр? Описательный элемент и движение событий. Их сопоставление.

Стиль: тон рассказа.

Все эти темы нужно точнее формулировать. В количестве хотя бы десяти. И раздать заранее. Можно оставить темы,

уже данные мною». Далее записаны темы семинарских докладов:

«1. История личных отношений Тургенева и Толстого.

2. Крестьяне в творчестве Тургенева и Толстого.

3. Идеи простоты и непосредственности в творчестве Толстого и Тургенева.

4. Элементы социальной идеологии в творчестве Толстого и Тургенева.

5. Черты классовой близости между творчеством Толстого и Тургенева.

6. Вопрос о литературном влиянии Тургенева на Толстого.

7. Отзывы Тургенева о творчестве Толстого и Толстого о творчестве Тургенева.

8. Элементы французской речи в творчестве Тургенева и Толстого.

9. Тема любви в творчестве Тургенева и Толстого.

10. Идея фатализма у Толстого и Тургенева.

11. Тема самолюбия.

12. Сюжетное движение в повестях и рассказах Тургенева и Толстого.

13. Роль рассказчика в композиции повестей Тургенева и Толстого.

14. Построение диалогов в повестях Тургенева и Толстого.

15. (Зачеркнуто).

16. Психологический рисунок Толстого и Тургенева.

17. Природа в изображении Тургенева и Толстого.

18. Эпитет у Толстого и Тургенева.

19. Сравнения.

20. Лексика Толстого и Тургенева» [32].

Позже, в 40-е гг., тема «Тургенев и Л. Толстой» была выполнена автором данных строк, но та сложная система сопоставлений, которую задумал руководитель в 20-е годы, уже не предусматривалась. Вообще в зрелые годы А. П. Скафтымов руководил семинаром проще и вместе с тем мудрее. Он предоставлял студентам полную свободу, не связывая их своей интерпретацией произведения и своим планом.

Спецсеминар, о котором далее пойдет речь, был двухгодичным и работал в 1946—1947 и 1947—1948 учебные годы. Система занятий была следующей. В первый год обучения студенты индивидуальных заданий не получали. Работа велась фронтально. Еженедельно всем участникам семинара

[32] Рукопись А. П. Скафтымова.

давалось задание проанализировать одно небольшое по объему произведение Толстого: «Набег», «Рубка леса», «Люцерн», «Поликушка». Когда руководитель решил взять для изучения «Севастопольские рассказы», он разделил студентов на три группы и каждой из них дал по рассказу. Докладчиком мог быть любой студент. Критическая литература не давалась. Никаких подсказок А. П. Скафтымов не делал и даже не считал нужным объяснить, как это делают иногда преподаватели, принципы работы над докладом. Видимо, руководитель проверял возможности каждого студента и стремился активизировать их.

Единственное, что он исполнял неукоснительно — подводил итог студенческим разговорам о докладе. К сожалению, студенческих записей заключительных слов А. П. Скафтымова не сохранилось. А они были очень интересны и своеобразны. Ученый редко делал конкретные замечания по работе с целью ее усовершенствования. Обычно доклад студента был отправной точкой для общих раздумий руководителя, чаще всего на этическую тему. К заключительному слову А. П. Скафтымов готовился заранее и даже записывал его. В архиве сохранилась запись, скорей всего, заключительного слова, подготовленного к анализу рассказа «Набег». Цитируется частично: «Соревнование между личностями. Личное чувство — чувство себя требует признания со стороны другой личности. Каждый в известной степени боится снижения себя в сознании другого. Боится, как бы не возникло в другом чувство преобладания над собою. Боится, чтобы его «я» не вознеслось в своем сознании над нашим «я». На чужое самодовольство и тем более самонахальство всегда реагирует как на оскорбление, как на унижение нас. Чувство преобладания над нами тягостно.

Так вот эта боязнь снижения себя в сознании другого мешает альтруистическим сердечным чувствам. Формы снижения, опыт личности перед другою чрезвычайно разнообразны. Здесь нам важно понять элемент снижения в чувствах расположения к человеку, в симпатии к нему, в признательности, во всяких сердечных чувствах.

Чем вызываются такие чувства?

1. Или такими качествами человека, которые мы считаем положительными, т. е. присутствие которых в человеке в том или ином смысле представляется ценным.

2. Или такими обстоятельствами, которые делают человека страдающим. Страдание его вызывает наше сочувствие.

Оказывается, признать в другой личности ценное или признать ее страдающей является для соревнующегося самолюбия трудным. Признательность не всегда лестна. Пример. Обратимся к собственному опыту. Возьмем наиболее яркое. Всякому ли человеку нам легко выразить и показать нашу признательность, иначе в том или другом отношении — преклонение перед ним.

Теперь наоборот.

Боимся сами обнаруживать сочувствие. Но не только. Боимся сами вызвать сочувствие-сострадание. Боимся жалости. В конце концов для самолюбия (неразборч.) замкнутость. Злоба. Неуязвимость. Равнодушие, холодность — щит — это больше импонирует. Культ замкнутости — презрение.

Почему человек на людях надевает на себя шоры? Задерживает в себе не только то, что в себе заведомо считает предосудительным и что в своей совести в себе осуждает, но задерживает то, что он считает своим — (неразборч.) непринуждением.

Наконец, холодность и безучастие. Ничем не восторгаться легче для самолюбия.

Сострадание тоже затруднено. Легко жалеем больного, например. Можно гордиться страданием. Видеть в этом повод к своей исключительности. Гордиться возвышенным страданием. Гордость затрудняет признательность.

Но живая сердечность не только затрудняется в отношении к данным людям и вследствие их самолюбия. Но и вообще живое обнаружение чувства в известном смысле (неразборч.) человека. Почему мы боимся быть сентиментальными? Это может исходить из разных теоретических соображений, когда мы желаем быть суровыми по каким-то принципиальным... Но я обращаю Ваше внимание и на другое. Почему мы боимся вообще обнаруживать наше чувство? Яркие моменты, чтобы Вам напомнить. Растроган в театре или в концерте, почему — конфуз. Почему в обществе принято быть сдержанным? Почему сдержанность более защищает «достоинство»? Почему простодушие в чужом обществе затруднено? Только в своей среде, заведомо сочувствующей и расположенной к нам, мы осмеливаемся быть простодушными» [33].

А. П. Скафтымов воспитывал у студентов бережное отно-

---

[33] Рукопись А. П. Скафтымова.

шение к тексту. Задача докладчика состояла в том, чтобы объяснить не только каждую сцену, но и каждое слово Толстого. Поэтому при обсуждении возникали такие, например, вопросы: «Для чего Толстой в рассказ «Севастополь в августе» ввел эпизод, рассказывающий о том, как два солдата, сидя у дороги, едят арбуз?» Или: «Почему капитан Хлопов курит самбраталический табак и почему слово «самбраталический» написано у Толстого курсивом?»

На втором году обучения работа усложнялась. Каждый студент получал тему, над которой работал весь год. Темы были шире, объемнее. Чтению доклада предшествовали консультации, которые чаще всего сводились к отчету студента о работе, проделанной за неделю. Руководитель предпочитал слушать, но если он замечал, что студент идет неверным путем, он задавал вопросы, над которыми предлагалось подумать. Только такую форму руководства признавал А. П. Скафтымов.

Усложнение и расширение спецсеминарской темы подводило к созданию дипломной работы. Два примера поступательного развития темы:

1. Анализ рассказа Л. Толстого «Утро помещика». Л. Толстой и Тургенев (доклады). Крестьянская тематика в раннем творчестве Л. Толстого (дипломная работа).

2. Анализ рассказа Л. Толстого «Поликушка». Н. Г. Чернышевский о Л. Толстом (доклады). Л. Н. Толстой в оценке современной ему критики (дипломная работа).

Аспирантов А. П. Скафтымов консультировал более обстоятельно, хотя излишней опекой не баловал. И им руководитель предпочитал задавать вопросы: что прочитано, какие выводы сделаны. В итоге таких бесед и формулировалась тема диссертации. У аспиранта создавалось впечатление, что тему «нашел» он сам.

А. П. Скафтымов, объясняя принципы научной работы, говорил о закономерности применения индуктивного метода в процессе сбора материала и об обязательности дедуктивного — при оформлении работы. Правда, термины «индуктивный», «дедуктивный» он не употреблял, выражал свою мысль просто и образно. Работу, построенную по дедуктивному методу, он сравнивал с разматывающимся клубочком и с санками, которые легко и быстро скатываются с горы. Чтение работы, в которой применен индуктивный метод, он уподоблял усилиям, которые прикладывает человек, когда

везет санки в гору. Притчу о санках он очень любил, рассказывал ее с явным интересом и не одному человеку.

А. П. Скафтымов очень высоко ценил простоту и ясность изложения. В спецкурсе «История русской критики» он сочувственно цитировал слова Пушкина, обращенные к Вяземскому: «Пиши просто, ты для этого достаточно умен». И комментировал эти слова так: «Подлинный признак гениальности — простота». Возможно, что этим стремлением к простоте объясняется отрицательное отношение ученого к избыточному употреблению литературоведческой терминологии. Однажды по поводу слов «художественный метод писателя» он, лукаво улыбаясь, сказал: «А Вы знаете, что такое художественный метод? Я, например, не знаю». И добавил: «Напишите просто: изображение писателем...» Замечания делал очень тактично: «Я вот здесь поставил бы точку и из одного предложения сделал два». Но А. П. Скафтымов никогда не правил работ. Он считал, что они должны нести отпечаток личности пишущего. А. П. Скафтымов очень ценил лаконизм. Известно, что сам он писал, как правило, небольшие по объему статьи. Этому учил и других. Однажды по поводу доклада, содержание которого ему понравилось, он сказал: «Из этих двух тетрадей я сделал бы одну».

Работа по драматургии Островского с самого начала носила педагогический характер. В 1945—1946 учебном году был объявлен спецсеминар «Островский и драматургия его времени». В архиве А. П. Скафтымова сохранился написанный рукой студента список рекомендованных тем. Сначала идут имена драматургов, работавших в одно время с Островским: Соловьев, Невежин, Потехин, Писемский. Очевидно, они были названы руководителем, когда объяснялись задачи спецсеминара. Далее идут темы докладов, предполагающие сравнительную характеристику драматургов, взявшихся за разработку одной темы. Например: «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина и тема об аферисте у Островского и Потехина. Есть темы, рассчитанные на анализ одной пьесы, но с учетом соавторства Островского: «Пьесы Островского, написанные с Соловьевым («Женитьба Белугина»)». Эта тема была в последующем расширена и выросла в дипломную работу «Н. Я. Соловьев в сотрудничестве с Островским». В дипломной работе помимо «Женитьбы Белугина» анализировались пьесы: «Счастливый день», «На пороге к делу», «Дикарка», «Светит да не греет».

Но особое внимание обращают на себя темы: «Драмати-

ческий конфликт и его движение в пьесе «Красавец-мужчина», «Драматизм женской зависимости у Островского». Очевидно, руководитель сам думал о своеобразии конфликта у Островского в сравнении с другими драматургами.

В 1948—1949 учебном году был вторично объявлен спецсеминар по Островскому. Этим семинаром А. П. Скафтымов руководил несколько иначе, чем толстовским. Он требовал от студентов в процессе подготовки к докладу обязательного учета критической литературы по теме с самостоятельным выводом, что в ней не удовлетворяет.

А. П. Скафтымов давал темы, предполагающие выход за пределы творчества Островского. Например: «Доходное место среди пьес 50—60-х гг. о чиновниках». Но были здесь и такие темы, которые передавали раздумья руководителя об особенностях драматического конфликта у Островского: «Своеобразие конфликта в пьесе «Бедная невеста», «Традиции Белинского в литературно-критических статьях молодого Островского».

Система работы в семинаре — показатель того, как у самого руководителя кристаллизовались мысли, нашедшие конечное выражение в статье «Белинский и драматургия Островского». Все, что составляет основу этой статьи,— утверждение о близости молодого Островского Гоголю, определение своеобразия драматического конфликта у Островского и объяснение этого своеобразия восприятием творчества Гоголя через статьи Белинского,— все это было результатом раздумий ученого в процессе руководства спецсеминаром. А может быть и наоборот: научный интерес А. П. Скафтымова продиктовал ему необходимость ведения семинара по Островскому.

В 1953 г. он вошел в курс, читаемый другим преподавателем, с лекциями об Островском. Истолкование творчества Островского в лекциях полностью соответствует тому, что сказано о писателе в статье «Белинский и драматургия Островского». Дословно повторяются отдельные формулировки. Отличие лекций от статьи заключается лишь в том, что в них аргументация основной мысли дается на более широком материале. В статье автор берет в основном пьесы Островского 40—50-х годов, в лекциях прослеживает весь творческий путь драматурга вплоть до 80-х годов.

Во введении к теме об Островском А. П. Скафтымов, как всегда, давал теоретические установки, ведя речь о Гоголе и его школе, об отличии учеников от учителя. (Это есть и

в статье). Но лектор шел в глубь истории литературы, сравнивал Гоголя с Пушкиным. Отличие Гоголя от Пушкина он объяснил обращением Гоголя к сфере будничных житейских отношений, к изображению среднего человека.

Специальные курсы и семинары А. П. Скафтымова давали широкие знания, учили мыслить, анализировать и оказывали нравственное воздействие на слушателей. Сдержанный в обращении с людьми, ученый прекрасно чувствовал аудиторию, свободно общался с ней, был предельно открытым и искренним на лекциях. А. П. Скафтымов увлекал своей преданностью литературе и приобщал к ней студентов. Не в этом ли состояла тайна его педагогического мастерства?

Курс лекций по русской литературе XIX века

Общие курсы по истории русской литературы, истории критики и историографии А. П. Скафтымова сохранились только в конспектах студентов. Оригинальная трактовка многих тем русской литературы не получила отражения в печати. Лекции в ряде случаев сообщают новое сравнительно с известными публикациями ученого. Так, статьи о Достоевском были написаны в начале 20-х годов, когда его исследовательский метод окончательно не сложился. И лекции не только дополняют и обогащают статьи о Достоевском, но и углубляют их методологически.

Конспекты лекций позволяют судить о структуре лекционных курсов Скафтымова, их ведущих идеях, методике чтения курса.

Еще живы воспоминания о том, как Скафтымов читал лекции.

В его лекциях не было ничего эффектного, броского, не было и тени искусственного пафоса, ораторской патетики. Все в них было устремлено к тому, чтобы сосредоточить внимание аудитории на самом излагаемом материале.

В лекциях был ровный, спокойный темп речи, четкость дикции, интонационное разнообразие. Достаточно полные конспекты лекционного курса многих студентов, подчеркнутые в тексте формулировки — свидетельство заботы ученого о том, чтобы студенты поняли и записали его лекции.

С аудиторией у Скафтымова всегда был душевный контакт. Он не переходил на житейскую почву. На лекциях бы-

ла атмосфера серьезности, значительности, было ощущение того, что перед слушателями не повседневность. Скафтымов обладал внутренним артистизмом: гармоническим соотношением манеры свободного собеседования, доверительных интонаций устного рассказа и безупречного стиля научного изложения. В его речи не было ничего лишнего, никаких не относящихся к теме рассуждений, ни одного необязательного слова, никакой небрежности в словоупотреблении, часто свойственной устному изложению.

Лекции Скафтымова отличала логика мысли, которая властно, но без принуждения вела за собой слушателей. В них не было схематизма, абстрактного теоретизирования, общих рассуждений. Скафтымов не предварял лекции сообщением плана. Такой внешней подчеркнутости, обнаженности авторской логики не требовалось, потому что план в лекциях был внутренний, всеми ощущаемый.

Некоторое представление о требованиях ученого к лекции дает его доклад «Университетская лекция», прочитанный на заседании кафедры русской литературы в 1951 году и сохранившийся в записи доцента кафедры Л. П. Медведевой.

Определяющим моментом лекции Скафтымов считал ее внутреннюю логическую структуру, от которой, по его мнению, зависит контакт лектора с аудиторией. Поясняя свое отношение к университетской лекции, он цитировал строки из «Арапа Петра Великого» Пушкина: «Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Лектор призван увлечь своих слушателей содержанием своей лекции. Все изложение должно быть развитием главной мысли, это сообщит ему внутренний свет. Лекция не должна иметь описательный, сообщающий характер. Имена, факты, даты в ней неизбежны, но они лишь материал для иллюстрации мыслей преподавателя, в их изложении также должно ощущаться внутреннее движение ведущей идеи. Только при этом условии преподаватель станет хозяином излагаемого материала и сможет избежать рядоположности и схематизма.

Скафтымов был против того, чтобы лекции превращались в сообщение материала по пунктам. Такая лекция не вызовет у слушателей подлинного интереса, а самого лектора лишит внутреннего воодушевления, так как оно поднимается только из мысли.

Говоря о системе всего курса, Скафтымов отмечает, что всякая лекция должна находиться в связи с предыдущей и последующими лекциями курса. Так, например, при чтении лекций о Гончарове, нельзя забывать о Тургеневе,— необходимо ввести его в известную перекличку с Гончаровым. Этот сопоставительный фон сообщает перспективу и позволяет слушателям глубже усваивать курс в целом.

Особенно хорошо, когда лектор вводит слушателей в систему своих размышлений, воспроизводя заранее обдуманный ход своих мыслей. Лектор мыслит дома. Готовясь к лекции, он записывает лишь немногое — план, ответственные формулировки,— но общую логику он должен помнить. Воспроизводить анализ мыслей надо не по бумаге, иначе он останется мертвым и не дойдет до слушателей. Нельзя находиться в рабстве у своих записей. Следует запомнить весь ход размышлений, а также и то, какими фактами придется оперировать. Факты тоже надо не только заранее отобрать и запомнить,— необходимо запомнить и их связь.

Скафтымов придавал большое значение воодушевлению лектора, состоянию его творческого подъема, отмечая при этом, что эмоции не должны нарушать логической стройности лекций.

В своем докладе Скафтымов ставил вопрос о том, в какой мере преподаватель обязан следовать программе. Программа, говорил он, совершенно обязательна, но ее следует понимать не формально, а содержательно, во внутренней взаимосвязи ее разделов.

Лектор — хозяин программы, он вправе переставлять ее пункты, подчиняя последовательность изложения своим исследовательским задачам.

Программа не может быть полностью охвачена на лекционных часах. Некоторые ее разделы надо предоставлять самостоятельному изучению студентов, которое необходимо контролировать в форме коллоквиумов, вызывных консультаций и т. д. Скафтымов рекомендует руководствоваться ленинским критерием в усвоении материала: «И самое главное, чтобы в результате ваших чтений, бесед и лекций, которые вы услышите о государстве, вы вынесли уменье подходить к этому вопросу самостоятельно... Только тогда, когда вы научитесь самостоятельно разбираться по этому вопросу — только тогда вы можете считать себя достаточно твердыми

в своих убеждениях и достаточно успешно отстаивать их перед кем угодно и когда угодно»[1].

Лекции Скафтымова всегда были проблемными. Предлагая свое прочтение текста, открывая те литературные явления, которые студенты знали по школьному стереотипу, он излагал очень часто собственные оригинальные концепции творчества писателя. Героем его лекции был писатель, самобытная творческая личность. Не собственные симпатии и антипатии выдвигались на первый план, а объективная ценность художественного произведения. Главным предметом рассмотрения в лекциях был художественный текст. В его конкретном анализе свободно развертывалась система мыслей лектора. Он начинал разбор произведения с выделения основополагающих идей, затем раскрывалось их художественное воплощение.

Обратимся к записям лекций Скафтымова 1943 года. По курсу русской литературы XIX века в те времена рекомендовался учебник А. Г. Цейтлина «Русская литература первой половины XIX века»[2], доводивший изложение до 60-х годов. Он давал богатые фактические сведения по истории русской литературы первой половины XIX в. и был свободен от вульгарно-социологических искажений. Но метод анализа литературных явлений в нем оставался еще односторонне-социологическим. В распоряжении студентов было мало научно-содержательных исследовательских работ. Поэтому лекции Скафтымова имели для них основополагающее значение.

Содержание, структура и методика чтения курса Скафтымова определялись состоянием советского литературоведения тех лет. Свой курс ученый открывал кратким методологическим введением, в котором говорил о несостоятельности вульгарного социологизма и называл следующие задачи: понять каждое литературное явление в его общественно-исторической обстановке, выявить ту роль, которую оно играло в жизни современников, установить, что в творчестве писателя принадлежит истории и чем ценен автор для нас. Изучение русской литературы XIX века, по словам исследователя, исключительно важно для созидания новой социалистической культуры.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 39, с. 65.

[2] *Цейтлин А. Г.* Русская литература первой половины XIX века. М., 1940.

Внимание к общечеловеческому, непреходящему содержанию литературы прошлого определяло особый интерес исследователя к нравственно-эстетической проблематике, что сказывалось и на построении курса, на соотношении в нем обзорных и монографических глав. На первом плане у исследователя стоит писатель, его личность, неповторимый идейно-художественный мир.

Небольшие обзорные главы по каждому историческому периоду в лекционном курсе Скафтымова включают достаточно полный состав сведений о социально-исторической обстановке, культурной жизни, главных тенденциях развития литературы. Но основное место в курсе занимают монографические главы. Причем они посвящены не только корифеям, но и всем сколько-нибудь значительным писателям, сыгравшим определенную роль в литературном развитии или интересным с точки зрения того, как в их творчестве отразились типичные для их времени литературные тенденции.

В монографических разделах курса Скафтымов реализует те принципы научно-объективного анализа художественного текста, которые были теоретически сформулированы и блестяще осуществлены в его ранних и более поздних статьях. Из рукописей Скафтымова ясно, что концепции его поздних работ о Чехове и Толстом уже сложились к этому времени, было найдено целесообразное сочетание аспектов исследования. Он уделяет большое внимание тем факторам, которые обусловили формирование творческой личности писателя, характеризует социально-исторические обстоятельства, состояние культуры, литературную жизнь эпохи, художественные традиции, учитывает и семейно-бытовые условия.

В лекционном курсе Скафтымова широко представлен сравнительно-исторический метод исследования: творчество русских классиков вводится в русло мирового литературного процесса. Например, поэзия Жуковского рассматривается в связи с идейно-художественными традициями романтического идеализма, одного из ведущих направлений европейского романтизма. Мировоззрение молодого Пушкина характеризуется в преемственных связях с просветительной мыслью. Южные поэмы сопоставлены с поэмами Байрона, историческая проза Пушкина — с романами Вальтера Скотта. Своеобразие и значение поэмы Лермонтова «Демон» и его «Герой нашего времени» выясняются в сравнительном анализе с произведениями европейской литературы о героях «мировой скорби», как завершение традиций скептицизма XVIII века.

В курсе учитывается значение философии Гегеля, Фейер-

баха, теорий утопического социализма в формировании русских эстетических теорий, значение руссоистской традиции для Л. Н. Толстого, рассматривается полемика автора «Войны и мира» с гегелевской концепцией истории, чеховская критика философии Шопенгауэра и т. д.

В лекциях Скафтымова присутствовал и функциональный метод исследования: анализ восприятия творчества писателя современной ему критикой, выяснение роли его традиций в художественном опыте следующих писательских поколений.

Но историко-генетический и сравнительно-исторический методы у Скафтымова не вытесняют анализа эстетического. Художественный текст остается главным предметом внимания. Сосредоточенность на этическом содержании, на выявлении ведущей нравственной идеи произведения, нравственно-философского пафоса позволяет ученому представить в целостном единстве не только каждое отдельное произведение писателя, но и все его творчество.

А. П. Скафтымову было чуждо одностороннее увлечение какой-либо одной гранью анализа. Выявляя философскую основу произведения, столь же внимателен он был и к художественной форме, к внутренней структуре произведения как единому художественному целому.

Лекции Скафтымова характеризует глубокое философское содержание, в котором находит свое объяснение нравственно-эстетическая проблематика изучаемого курса. Лектор показывал роль просветительной мысли, значение немецкой идеалистической философии, философии Фейербаха в русской литературе, учитывая при этом сложность отношения русских писателей к этим философским системам. Но основное внимание его сосредоточивалось на выявлении самобытных философских идей, лежащих в основе мировоззрения русских классиков.

Методика освещения философских концепций может быть проиллюстрирована на примере анализа типологических особенностей поэзии Жуковского.

В те годы, когда читался курс, господствовало упрощенное понимание романтизма, сводившееся к схеме двух идеологически враждебных течений: реакционного и прогрессивного. Жуковский был зачислен в категорию консервативных романтиков. Он был исключен из школьной программы. В лекционном курсе А. П. Скафтымова большое место было уделено поэзии Жуковского. Это вызывалось не личным пристрастием ученого, а пониманием объективно-исторического

значения творчества основоположника русского романтизма. В последующие годы появились серьезные работы о Жуковском, коренным образом изменилось и представление о романтизме. Так что Скафтымов угадывал перспективу развития исследовательской мысли.

В лекциях внимание было сосредоточено на выяснении особенностей художественного мировоззрения Жуковского. В связи с этим он рассматривал концепцию романтического идеализма. В ее изложении проявлялось свойственное ученому умение передавать сложное содержание с необычайной простотой и ясностью, не снижая его глубины.

Определив сущность шеллинговой философии тождества, Скафтымов затем обратился к таким аналогиям, которые позволили бы наглядно представить внутреннюю логику этой теории. Мы в себе различаем,— говорил лектор,— духовную и материальную жизнь. Чтобы наши мысли и чувства стали доступны другим, мы должны прибегнуть к их материализации (речь — движение воздуха). Художник для своего духовного содержания пользуется красками, линиями, композитор — звуками. Но эти средства являются только материалом. Главное в картине художника — не краски, холст, а выражение души, идей. Романтики приглашают нас подобным образом отнестись ко всей вселенной и представить себе все то, что существует на свете, как воплощение духовного бытия. Это бытие абсолютного духа, который творит для выражения самого себя.

Каждое из основных положений немецкой романтической теории имеет источником идеалистическое понимание действительности. Сосредоточенность на внутреннем мире личности, на духовном содержании и пренебрежение к материальному (быт, физическое состояние) объясняется тем, что абсолютный дух находит свое воплощение в духовном мире каждого человека. Обыкновенно люди видят в жизни только материал подобно тому, как они на полотне художника замечают только материальную фактуру (краски, линии). Люди искусства становятся посредниками между абсолютным духом и толпой. Так возникает теория гения и характерная для романтизма антитеза гения и толпы. С гением связана теория вдохновения. В обычной жизни художник отягчен материальным: житейскими заботами, суетой повседневности. Но бывают в его жизни мгновения, когда он переживает состояние духовного подъема, экстаза, когда его душа освобождается из плена жизненной материальности и становится открытой

для соприкосновения с высшим миром. Гений черпает содержание своего творчества не извне, а из глубин собственного духа, поэтому его подчинение правилам и канонам неестественно. Отсюда рождается требование свободы творчества.

Абсолютный дух выражает себя в каждой нации. Поэтому нация должна иметь свое лицо, а художник принадлежит своей нации и призван выразить ее дух, но выразить не путем изучения жизни, а через самопознание, так как национальный дух проявляет себя в каждом человеке, принадлежащем своей нации. Так обосновывается идея народности литературы и сосредоточенность романтиков на внутреннем мире личности.

Особенность изложения Скафтымовым философских концепций состояла в том, что он постепенно вводил студентов в их содержание. Так, первоначальный разговор о Шеллинге касался тех принципов его философии, которые имеют отношение к романтической теории искусства, так как именно эту теорию важно было выяснить, характеризуя поэзию Жуковского.

Вновь к философии Шеллинга лектор обратится, когда пойдет речь об идеологических течениях 40-х годов. Философия Шеллинга будет рассматриваться как этап в мировоззренческой эволюции Белинского и как источник нравственно-философских воззрений славянофилов. Теперь система немецкого мыслителя раскроется в полном и целостном содержании как мировоззренческий источник и романтической теории искусства, и этических концепций русских шеллингианцев.

Важнейшей особенностью исследовательского метода Скафтымова было и умение выявить нравственный потенциал творчества писателя. Лекции раскрывали творчество каждого писателя в широком плане его идейных исканий. Это была сквозная проблематика всего курса, сообщавшая ему глубокую целостность и единство.

В Пушкине Скафтымов видел средоточие самых высоких свойств национального русского гения. «Пушкин,— говорил он,— дорог нам как совершенно особый тип художника, который сочетал в себе высоту просвещенности с общественно-нравственной отзывчивостью, жизнелюбием, тонкой проницательностью, простотой языка и глубочайшим чувством красоты. Он стоял на уровне своего века и умел видеть жизнь растущей, развивающейся».

Скафтымов особо выделял ведущие идеи, выражающие пафос нравственных исканий великого поэта. Пушкина всегда

занимает вопрос о нравственных ценностях человека. Поэт защищает право личности на счастье и свободу, он необычайно чуток ко всем проявлениям насилия и унижения человеческого достоинства. Но он не приемлет индивидуализма, эгоистической замкнутости человека, ставя выше всего способность человека проникаться внеличными интересами. Уже в южных поэмах Пушкина занимает вопрос о том, может ли человек пройти мимо нравственных ценностей, можно ли построить жизнь на основе эгоизма, и отвечает на этот вопрос вполне определенно. В «Кавказском пленнике», во многом навеянном Байроном, индивидуалисту-пленнику противопоставляется черкешенка с ее способностью безгранично любить и жертвовать собой ради любимого. В «Братьях разбойниках» при известной поэтизации сильной личности главное внимание поэта сосредоточено на мотиве пробуждения совести в душе преступника. В «Бахчисарайском фонтане» обаяние духовной красоты торжествует над красотой чувственной, эгоистической. В «Цыганах» автор не снимает привлекательности облика байронического героя, сочувствуя его протесту, но не приемлет его эгоизма, противопоставляя ему великодушие и уступчивость старого цыгана. В критическом отношении к романтическому субъективизму Скафтымов видит и истоки большей, сравнительно с Байроном, объективности в художественном рисунке Пушкина [3].

В исследовательских трактовках «Бориса Годунова» в 30—40-е годы господствовал социологический принцип. В трагедии видели проявление аристократических фрондерских симпатий Пушкина или антимонархической направленности. Скафтымов считает основным содержанием пушкинского произведения трагедию совести Бориса и идею исторического возмездия, орудием которого выступает народ, произносящий свой суд над убийцей «невинного младенца» и встающий угрозой перед самозванцем, также входящим на престол через насилие.

Скафтымовское осмысление пушкинской «Полтавы» до сих пор остается самым убедительным, потому что оно учитывает внутреннее единство поэмы. Исследователи обычно говорят о самостоятельности или о внешней связанности государственной и частной темы в поэме. Такого понимания придерживался и Белинский.

[3] См.: Научный ежегодник за 1955 г. Филолог. ф-т, отд. оттиск, отд. 3. Саратов, 1958.

Скафтымов считает, что «Полтава» построена на противопоставлении Петра всем героям поэмы, которые в своих действиях руководствуются эгоистическими мотивами, так как жизнь и помыслы его неотделимы от судеб молодой России. Не только Мазепа и Карл, отрицательная характеристика которых совершенно очевидна, но и Мария, и Кочубей, по мнению Скафтымова, не исключены из этой нравственной линии противопоставления в поэме. До сих пор принято считать Марию положительной героиней поэмы. Скафтымов же доказывает, что она жертва страсти. Вне страсти для нее ничто не существует. Ради нее она забыла свою семью, пренебрегла своими нравственными обязанностями. Она ни на миг не задумывается о судьбе своей Родины. Поэтому, хотя поэт и сожалеет о ней, действия и чувства ее он решительно осуждает. Эта трактовка героини поэмы находится у Скафтымова в связи с общей его мыслью о том, что для Пушкина всегда несомненно превосходство нравственного долга над любым проявлением эгоизма и что никакие мотивы и чувства не могут оправдать в его глазах нарушение высших этических требований.

Кочубей, говорит исследователь, также чужд каких-либо идейных побуждений, которые выходили бы за круг его личных интересов. Он спокойно внимал изменническим речам Мазепы, и только желание мести побудило его перейти на сторону Петра. Авторское сочувствие он вызывает как жертва тирании Мазепы.

Маленькие трагедии, которые получили во многих работах интересную интерпретацию, у Скафтымова впервые предстают целостно, как воплощение единой нравственно-философской концепции. Объединяющей идеей всех трагедий Скафтымов считает осуждение индивидуализма, стремления личности к самоутверждению, нарушения нравственных требований. Оригинальность пушкинского скупого («Скупой рыцарь»), говорит исследователь, состоит в том, что скупость рисуется не в житейском плане, не как простое стяжательство, а как проявление жажды властолюбия, духовной власти над людьми, их умами и совестью. И наказанием Барона является его собственная совесть, которую он при всех своих усилиях подавить окончательно не может.

Как выражение индивидуализма рассматривается другая порочная страсть — зависть в трагедии «Моцарт и Сальери». Сальери, считающий себя жрецом искусства, более достойным творческого дара, чем Моцарт, на самом деле лишь се-

бя любит в искусстве, его зависть к гениальности отражает стремление к самоутверждению, желание получить творческий дар в награду за свои самоотверженные труды. Моцарт противопоставлен ему чистотой и широтой души, всеотзывчивостью, бесхитростностью, тем, что живет и творит для жизни и людей. В отличие от многих исследователей и исполнителей роли Сальери, приписывающих Пушкину сложное отношение к своему герою, Скафтымов доказывает, что это отношение безоговорочно отрицательное, лишенное и тени сочувствия. Осуждение автора сказывается не только в изображении безусловного и всестороннего превосходства Моцарта, но и в самоосуждении преступника, услышавшего в словах гения приговор своим притязаниям на величие.

Новизна пушкинского переосмысления темы Дон Жуана в «Каменном госте» проявляется в идее самоутверждения личности, вызова существующим моральным нормам и возмездия за самовознесенность.

В «Повестях Белкина» Скафтымов прослеживает продолжение проблематики «Маленьких трагедий», прежде всего в «Выстреле». До сих пор в литературе можно встретить односторонне социологическую трактовку этого произведения. Сильвио оказывается в этой трактовке протестантом, защищающим свои ущемленные права, а молва о его гибели в сражении под Скулянами рассматривается как свидетельство его героической сущности. Скафтымов считает основным содержанием образа Сильвио индивидуализм, сосредоточенность на одной страсти, стремление к достижению своей цели за счет отказа от ценностей жизни. Сочувственное изображение маленького человека в «Станционном смотрителе» и «Гробовщике» рассматривается как противоположный полюс «Повестей Белкина». В единую нравственную линию осуждения индивидуализма вписывается «Пиковая дама».

Философская поэма «Медный всадник» также поставлена в общее русло ведущей проблематики творчества Пушкина. Сущность нравственно-философской проблематики поэмы ученый видит в соединении гуманистической защиты личности, права каждого человека на счастье и идеи превосходства общего над частным.

Неотделимо от общего направления творчества Пушкина рассмотрены Скафтымовым сказки. Обычно они характеризуются отдельно от других произведений поэта, как самостоятельная часть его творчества. Скафтымов выделяет и в сказках ведущие нравственные идеи Пушкина. Он отмечает,

что поэту близки присущие народной сказке оптимистический дух, конечное торжество добра и мотив наказания порока, но он вводит и незнакомый народной сказке мотив великодушного прощения, находящийся в связи с общей моральной установкой его творчества. Тайну обаяния пушкинских сказок Скафтымов объяснял следующим образом: «Во взаимоотношениях между людьми часто ощущается какая-то внутренняя преграда. В обычном общении между ними почти никогда не бывает полной душевной открытости, и обмен чувствами нередко принимает характер какой-то компромиссности. Только присутствие «детскости» в душевном мире человека разрушает эту преграду, и от этого чувство приобретает характер необычной чистоты и прозрачности, как у ребенка. Вот в эту-то стихию и вводит нас Пушкин своими сказками».

Оригинальным разделом лекций о Пушкине является анализ его лирики. Скафтымов сосредоточен на тех особенностях пушкинской лирики, которые отражают нравственную позицию поэта и создают уникальное специфически пушкинское своеобразие: целостность, гармоническую завершенность художественной формы. Следуя за Белинским, Скафтымов отличительным свойством лирики Пушкина считал изображение духовной красоты человека, умение видеть прекрасное там, где оно меньше всего заметно (скромная русская природа, великодушие Петра I в «Пире Петра Великого», непризнанный подвиг Барклая де Толли в «Полководце» и т. д.). Источник этой исключительной восприимчивости Пушкина к самым разнообразным и часто неприметным проявлениям красоты заключен в его объективности, в способности отделиться от собственной личности и отдаться всей полноте жизненных впечатлений. Его дар перевоплощения проявляется в изображении инонациональных культур. Особенность мировосприятия поэта кроется в его умении отвлечься от личных невзгод и печалей и сосредотачиваться на интересах общих, на думах о будущих поколениях.

Скафтымов раскрывал общечеловеческое, непреходящее значение творчества Пушкина. Лирика поэта, говорил он, способна вызвать душевный отклик в любом человеке, потому что каждому человеку присуще стихийное чувство прекрасного.

«Чувственно-воспринимаемый нами мир,— говорил Александр Павлович,— способен разбудить в нас самые глубинные стороны внутренней жизни. Истинный художник как бы

прокладывает дорогу к прекрасному. Где-то в самой глубине у каждого из нас тоскуют свои серебряные видения, и мы о них забыли. Но притронулся к ним истинный художник,— и они пробудились. Переживание прекрасного всегда содержит в себе серьезность и грусть — сожаление о собственной недостойности прекрасного».

Скафтымов умел сделать ощутимым для слушателей внутреннее строение пушкинской лирики, всегда обращаясь к их эмоциональному опыту. Он говорил: «Внутренняя жизнь человека изменчива и текуча, но эта текучесть имеет свой смысл. Что такое прошедшее и настоящее для внутренней жизни человека? Это не простая смена чувств. Так и в душевном мире поэта прошедшее чувство никогда не переставало быть и настоящим». Все проходит и в то же время ничто не проходит бесследно. Так и в интимной лирике Пушкина настоящее чувство вырастало из прошлого. Принцип общего сложения стиха построен на чередовании эмоций, которые как бы накладываются друг на друга, и пережитое просвечивает в настоящем.

Анализируя стихотворение «Я помню чудное мгновенье», Скафтымов говорит: в широком размахе, без всякой конкретности, как в музыке, в томящей высоте, в глубокой грусти выражает поэт свое чистое, благоговейное чувство любви к Керн:

В томленьи грусти безнадежной,
В тревоге шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный,
И снились милые черты.

Все стихотворение построено на звукописи, которая в лирике Пушкина имела колоссальное значение.

И та же предметная неопределенность, та же тоскующая печаль звучит в поэтическом посвящении к «Полтаве»:

Твоя печальная пустыня,
Последний звук твоих речей —
Одно сокровище, святыня,
Одна любовь души моей.

В глубоких и тонких по мысли формулировках Скафтымов делал ощутимой моральную основу творчества художника.

В «Капитанской дочке» общее для Пушкина нравственное содержание отмечается в гуманистическом сочувствии угнетенным, в новых принципах изображения героического, во-

площенного в скромных неприметных людях. Особо выделено новое изображение истории: великие исторические события включены во всю пестроту будничной жизни людей; дано двойное освещение Пугачева, который возвеличен как носитель положительных свойств национального русского характера и осужден за свое бунтарство.

Рассмотрение творчества Лермонтова в лекциях также отличает целостность. Достигается она выявлением единства противоречивых устремлений поэта: мятежной жажды действия, разочарования и поисков идеала, совмещения могучей силы и глубокой нежности. Наиболее оригинальна скафтымовская трактовка поэмы «Демон», до сих пор сохранившая свою ценность. В образе Демона видели апофеоз критической мысли, а сущность его трагедии — в неодолимости прогресса и в невозможности для развитого сознания вернуться к природной непосредственности. Другие считали содержанием образа Демона пафос отрицания действительности. В этих трактовках недостаточно учтено специфически лермонтовское осмысление демонизма. Скафтымов выделяет в поэме ее ведущую нравственную идею, и благодаря этому становится очевидным принципиальное отличие русского поэта от его западноевропейских предшественников в изображении духа зла. Лермонтовский Демон — это печальный Демон, тоскующий в своем одиночестве, в своем отчуждении от мира. Желание обрести идеалы, вернуться к живой жизни и неспособность к этому возрождению в силу того, что живущее в нем демоническое начало (безверие, отрицание, гордыня) отравляет его душу и встает на его пути к духовному общению с людьми — в этом, по мнению Скафтымова, состоит трагедийная сущность Демона.

Скафтымов раскрывает также специфически лермонтовское изображение героя «мировой скорби». Через сопоставление Печорина с героями Шатобриана, Констана, Байрона, Мюссе он устанавливает, что в лермонтовском герое свойства современного ему молодого человека представлены оригинально и в необычном сочетании: эгоизм дан в Печорине в крайнем, абсолютном выражении, в форме эгоцентризма, но он соединяется в нем с томлением по идеалу, разочарование сочетается с могущественной жаждой жизни, активностью.

Целостная характеристика творчества Н. В. Гоголя достигается, как и в лекциях о Пушкине, выявлением идейно-нравственного пафоса его произведений. Все творчество писателя пронизывает противопоставление идеала и действительности.

Вначале это противоречие осознается в личной жизни писателя: мечтавший в юности стать благодетелем человечества, Гоголь ощутил горькое разочарование, попав в бюрократический Петербург, где ему нашлось только поприще мелкого чиновника. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки» антитеза мечты и жизни организует пестрое содержание повестей. Автор здесь от тусклой повседневности и серых красок петербургской жизни уносится в своих мечтах к поэтическим преданиям родной Украины, в ее песенно-сказочный мир. Создавая полные красочного великолепия, проникнутые страстью картины природы, автор приглашает читателя в сферу чудесного, хочет отвлечь его от мелочей обыденщины и заставить ощутить радость от соприкосновения с прекрасным. Эта антитеза прослеживается и в «Миргороде». Героическая эпопея «Тарас Бульба» и повесть о человеческой пошлости («Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») рассматриваются как два полюса сборника. Противопоставленность раскрывается здесь через прием самопародирования тех средств романтической патетики, которые в «Вечерах» и в эпопее создавали возвышенный поэтический колорит.

Трактовка «Старосветских помещиков» в лекциях была для того времени необычной. Повесть было принято рассматривать в социологическом плане как обличение или как идеализацию. Скафтымов учитывает, что в этой повести отразились воспоминания детства, окрашенные теплой грустью от соприкосновения с холодом петербургской жизни. С этими личными мотивами соединились мысли Гоголя о простых, естественных отношениях, примитивность этой жизни показана с доброй улыбкой, в тонах умиления и грусти. Антитеза мечты и жизни прослеживается в «Петербургских повестях» в изображении социальной действительности Петербурга (в судьбе художника, в протесте маленького человека против своего положения и в защите его человеческих возможностей, в обличении чиномании). В «Ревизоре» и «Мертвых душах» Скафтымов делает акцент на том, что обличение социальных явлений жизни давалось автором с абстрактно-моральной точки зрения. Отмечалось, что зло рисуется Гоголем как следствие нравственной безответственности, эгоизма, пошлости интересов и желаний людей. В гоголевском абстрактно-нравственном подходе к действительности Скафтымов видит и источник идейного кризиса, проявившегося в книге «Выбранные места из переписки с друзьями».

В органической взаимосвязи рассмотрены в лекциях Скафтымова особенности личности и творчества Гончарова. В биографии писателя Скафтымов выделял такие явления и факты, которые способствовали формированию трезвого, скептического мировоззрения и давали богатый материал для романов. Дух деловитости в семье Гончарова и окружающая его обстановка лености и беззаботности уже в детстве создавали у него критическое отношение к тому укладу жизни, который получил наименование обломовщины. Атмосфера романтического идеализма в университете, отразившаяся в изображении Александра Адуева, сближение с семьей Майковых, укрепившее его сосредоточенность на эстетических интересах, служба в Министерстве, где писатель сталкивался с людьми, послужившими прототипами для его деловых героев — таковы вехи, на которых фиксировалось внимание лектора.

Своеобразие художественного мировоззрения Гончарова выразилось в его положительной оценке буржуазной деловитости (Петр Адуев, предпринимательская деятельность английской буржуазии во «Фрегате Паллада», Штольц), в критике патриархальной косности, дворянской праздности, умственной инертности, в ироническом показе романтических иллюзий и экзотики дикой природы. Вместе с тем Скафтымов подчеркивал полноту художественного миросозерцания писателя, проявлявшуюся в том, что и отживающие, и новые явления жизни он видел многосторонне: трезвый практицизм деловых людей он хотел соединить с духовно-нравственными ценностями дворянской культуры.

В художественной манере Гончарова отмечалась склонность к жанровым зарисовкам, к бытовым деталям. В изображении возвышенных состояний писатель, по словам лектора, не находил достаточных красок, ограничивался общими описаниями, часто впадал в риторику.

Н. А. Некрасов предстал перед слушателями лекций А. П. Скафтымова в совершенно необычном для того времени освещении: исследователь сумел раскрыть сложность и внутреннюю противоречивость его личности. Характеризуя его творческий путь, А. П. Скафтымов говорил: «Человек нередко запутывается в себе и раскрывает столько противоречивых стремлений, что как бы перестает быть самим собой. Но в каждом человеке в самой глубине его сознания живет какая-то внутренняя моральная устремленность, внутренний стержень, выпрямляющий человека. Такой сложной натурой

был и Некрасов. Ему свойственны были падения, но у него был и свой внутренний стержень, своя принципиальная строгость к душевным ценностям. Так, в ранней юности он пошел против воли отца — не пожелал поступать в военное училище, и отец лишил его материальной поддержки. И вот он, 16-летний юноша, остался один в Петербурге без всяких средств существования. А ведь стоило ему только написать письмо о своем согласии поступить в военное училище — и он был бы обеспечен всем! Какой же внутренней стойкостью нужно было обладать Некрасову, чтобы остаться верным своим стремлениям и не погибнуть в страшной нужде!».

А. П. Скафтымов совершенно по-новому осветил и тему народа у Некрасова: «Эта тема имела для поэта не только гражданский, но и интимно-лирический смысл,— говорил исследователь,— она была для него связана с его личным нравственным самочувствием. Он считал себя не вправе отдаваться радостям жизни, когда вокруг себя видел так много народного горя. Вот тогда-то из каких-то углов его души и выступал туман тоски».

Это были периоды душевных остановок, моменты внутреннего смотрения в себя. Обычно они совпадали с моментами поэтического вдохновения. «Приходит муза и выворачивает все верх дном»,— признавался он Тургеневу в письме от 17 ноября 1853 года.

В такие моменты «смотрения в себя» Некрасов производил в себе внутреннюю чистку. Он был постоянно недоволен собой, бичевал себя, ему была свойственна высокая моральная взыскательность. Он постоянно страдал от несостоятельности перед своими собственными внутренними ценностями и в эти моменты не оказывал себе никакого снисхождения. В служении народу поэзией он видел искупление собственного жизненного несовершенства. Об этом написано его стихотворение «Рыцарь на час».

На всем протяжении творческого пути Некрасов стремился быть верным своей принципиальной линии поведения. Статья Добролюбова о романе «Накануне», напечатанная в 1860 году в журнале «Современник», редактируемом Некрасовым, послужила поводом к его разрыву с Тургеневым, ближайшим другом. Тургенев заявил Некрасову: «Я или Добролюбов»,— и Некрасов выбрал Добролюбова, несмотря на то, что этот разрыв был для него очень тяжел.

Вспоминая в предсмертных стихотворениях весь свой жизненный путь и свою «кнутом иссеченную музу», Некрасов все

же был уверен в том, что потомки не пройдут равнодушно мимо его имени и оценят его всеобъемлющую любовь к народу.

Это умение А. П. Скафтымова подойти к Некрасову с особой стороны — показать наряду с его противоречиями и срывами его терзания от моральной взыскательности к себе, подать его как великого поэта, оказывало огромное нравственное воздействие на слушателей.

Одним из оригинальных разделов лекционного курса Скафтымова были лекции о Достоевском. В тот период в литературоведческих трактовках преобладала мысль о реакционности писателя. Были и серьезные труды (М. Бахтина, В. Кирпотина), которые лектор рекомендовал студентам. У Скафтымова Достоевский всегда вызывал особенный интерес. Первая его опубликованная работа — «Лермонтов и Достоевский» (1915 г.). Достоевскому посвящены его статьи 20-х годов.

В своих лекциях Скафтымов стремился выявить непреходящее, историческое и общечеловеческое значение творчества Достоевского. Великую заслугу писателя ученый видел в его гуманизме, в сочувствии человеческому страданию, в защите альтруизма, в демократизме, выражающемся в антидворянской и антибуржуазной направленности его творчества, в ориентации его стиля на речь демократических слоев населения, решительном осуждении индивидуализма. Прогрессивное и консервативное в мировоззрении Достоевского, вечное и преходящее в его творчестве Скафтымов рассматривал во взаимосвязи, указывал общий источник того и другого в специфике авторского восприятия действительности, не абсолютизируя ни того, что было в его жизненной философии истинного, ни его заблуждений.

Скафтымов берет за исходное присущий Достоевскому аспект восприятия действительности. Писатель всегда сводит, по словам ученого, обсуждение общественных проблем к этическому содержанию, взятому в индивидуально-психологическом разрезе. В «Бедных людях» исследователь выделяет тот специфический аспект в изображении маленького человека, который был открытием Достоевского: пробуждение в униженном человеке потребности самоуважения, сознания своей ценности. В последующих произведениях подчеркивались различные проявления этого главного психологического свойства, интересующего автора «Бедных людей» в человеке социально ущемленном: болезненная амбиция в Голядкине, бунтующая

гордость в Неточке Незвановой и Ефимове, появление в «Униженных и оскорбленных» героя, способного поступаться своей личностью ради другого человека, глубоко запрятанное и стихийно проявляющееся чувство совести в душах преступников («Записки из мертвого дома»), противопоставление психологии индивидуалиста и человека, способного к нормальным, основанным на доверии и любви отношениям к людям («Записки из подполья»).

Романы Достоевского 60—70-х годов Скафтымов рассматривает как произведения философского жанра, рисующие столкновение идей. Выделение главной идеи каждого романа позволяет ему увидеть то внутреннее единство, которое цементирует весь идейно-тематический состав произведения, определяя необходимое место каждого персонажа, каждой существенной детали.

Освещение романа «Преступление и наказание» может быть кратко изложено следующим образом. Организующее значение в романе имеет вопрос о том, может ли человек безнаказанно для своей совести нарушить моральные запреты. Начиная свой анализ с образа Раскольникова, Скафтымов характеризует пафос его идеи: обоснование права человека преступить через общепринятые нравственные нормы,— и показывает, как через психологический анализ эта идея отвергается. Психологический рисунок Раскольникова исследователь объясняет тем, как Достоевский понимал соотношение природного и социального в человеке. Считая источником добра и зла человеческую натуру, рассматривая социальное как силу, активизирующую природные потенции личности, писатель придает исключительное значение стихийным, подсознательным движениям души. Он верит в то, что живущий в человеке инстинкт добра в конечном счете восторжествует. И опровержение теории Раскольникова исходит как бы от самой натуры героя. Так писатель доказывает превосходство этики добра над этикой права, которой придерживается герой романа.

Далее Скафтымов показывает, как ведущая идея организует систему образов романа, построенную на соотношении Раскольникова со всеми персонажами произведения. В работах недавнего времени этот композиционный принцип Достоевского часто не учитывался. Скафтымов же показывает, как параллели и противопоставления углубляют и придают масштабность идее Раскольникова. Цинизм Свидригайлова и беспринципное делячество Лужина говорят о том, к

каким крайним следствиям ведет человека пренебрежение нравственными требованиями. Обосновывая аморализм Свидригайлова и Лужина их принадлежностью к дворянской и буржуазной среде, Достовский делает очевидным антинародный смысл теории Раскольникова. А противопоставление Раскольникову Сони Мармеладовой и Миколки выявляет убеждение писателя в том, что истинная нравственность присуща только народу. В общую систему образов вписывается и образ Лебезятникова, заключающий в себе полемику с революционными демократами, видевшими источник пороков в общественном устройстве, что представлялось Достоевскому умалением личной ответственности человека за все им совершаемое.

Специфику художественного метода Достоевского Скафтымов видит в том, что психология занимает писателя не сама по себе. Достоевский его интересует как философ. Этим обстоятельством исследователь объясняет своеобразие поэтики Достоевского: концентрированность и заостренность душевных состояний, внутренняя конфликтность характера, интерес к сфере подсознания, с чем связаны неожиданности в сюжетном движении, символизация человеческих представлений.

В общий контекст нравственно-философского содержания русской литературы Скафтымов включает и рассмотрение идеологических течений: западничества и славянофильства, народничества. Характеристика идейного движения 40-х годов строится в лекциях не только в плане традиционного противопоставления политических позиций западников и славянофилов, но главным образом дается сравнительный анализ их нравственно-философских позиций, их концепций личности. Славянофильское понимание человека рассматривается как развитие шеллингианской философии. Исследователь выделяет исходные положения этой философии, послужившие основой для этических воззрений славянофилов: понимание бытия как саморазвития абсолютного духа, который проходит через ряд ступеней, проявляясь первоначально в бессознательной жизни природы, а в итоге обретая самосознание в человеке и направляясь к осуществлению высших нравственных ценностей. Путь к этому итогу лежит через самоусовершенствование человека, высшей духовной ценностью утверждается любовь как источник единения людей. В связи с таким пониманием человека находится и шеллингианская теория познания, сущность которой состояла в признании ру-

ководящей роли интуиции в противовес разуму. В духе шеллингианской философии славянофилы осмысливали социально-политические вопросы в нравственном плане. Главное в человеке для них — стихия чувства, инстинкта, понятие свободы имеет для них лишь духовный смысл, ее высшее проявление — любовь, которая трактуется как способность к добровольному самопожертвованию, отречение от себя ради других, как проявление смирения и уступчивости. Перенося эти нравственные принципы в сферу общественных отношений, славянофилы отрицали требования гражданских прав, утверждая, что жизнь должна управляться чувством, сердцем. Спецификой русского национального характера они считали способность к общественной солидарности и уступкам: Русский народ подчиняется власти по чувству любовного доверия. Объединение в государство на Руси совершилось не завоеванием, а соглашением. В допетровскую эпоху государственная жизнь в России осуществлялась в атмосфере доверия царя и народа. Петровские реформы оторвали власть от народа, разрушили взаимное доверие. Поэтому славянофилы идеализировали допетровскую эпоху и критически относились к современной форме монархического правления, считая ее извращением исконных для России форм власти, отстаивая свободу слова, печати, народного мнения, введение земских соборов.

Западническая концепция действительности, говорит Скафтымов, имеет социальный характер. Она отстаивает необходимость социальных свобод, гражданских прав. Царящему в России монархическому произволу, рабскому положению человека противопоставляет западноевропейские формы общежития, обеспечивающие юридические права личности и подчиняющие власть общественным нормам. Свободу они понимают как социальную и духовную независимость и противопоставляют славянофильской этике нравственные качества, свидетельствующие о самоутверждении личности: гордость, сознание своих прав и возможностей, осознанность чувств и поведения. Отношениям, основанным на инстинкте, противостоят отношения разумные. Скафтымов отмечает значение гегелевской философии и идей утопического социализма, философии Фейербаха в становлении западнической философии и идеологии и ее различных проявлений.

Народническая литература также рассматривается в широком плане, с учетом и социально-политической и этической её позиций. Считая этические позиции народников наиболее

ценной стороной их воззрений, лектор уделяет этому особое внимание. Источник нравственно-философских взглядов народников Скафтымов видит в их исторической концепции. Идеалистическое представление о том, что ведущая сила в историческом процессе — сознание человека, что главным достоянием истории поэтому является критически мыслящие личности, породило концепцию героического характера. Деятельность человека, призванного способствовать установлению справедливого общественного строя, должна быть жертвенным служением, отречением от личного счастья. В этом моральном аскетизме, подвижничестве заключалось высокое героическое содержание и положительное значение их этической теории.

Исторически прогрессивным был народнический идеал гармонического, всестороннего развития человека. Почву для формирования этого идеала, по мнению народников, создает крестьянский труд, свободный от узкой специализации труда при капитализме, и общинный быт, поддерживающий единство личных и общественных интересов и способствующий развитию чувства взаимной солидарности. И хотя эта идеализация крестьянской общины была наивной, исторически бесперспективной, защищаемые народниками идеалы личности и человеческого общежития имели прогрессивное, демократическое, непреходящее значение.

Проблемность лекционного курса Скафтымова обогащалась выяснением преемственных связей литературных явлений. Ученый прослеживал единые линии развития русского реалистического романа, русской драматургии от Гоголя к Островскому и Чехову.

Новаторство Гоголя Скафтымов видел в новых принципах обличения зла: порок выступал у автора «Ревизора» не как злодеяние, а как следствие общих нравственных понятий социальной среды. Тем самым обличение драматурга обращалось на привычные, ходовые моральные нормы, порождаемые всем укладом крепостнической действительности. В творчестве Островского Скафтымов прослеживал развитие этих гоголевских принципов изображения обиходной морали. Семейные нравы, находящиеся в поле зрения драматурга, оценивались в связи с общим характером господствующих социальных отношений как показатель уровня общественной нравственности.

Вместе с тем ученый отмечал существенную новизну Островского, обусловленную гуманистическими требованиями

40-х годов. Если у Гоголя давалась лишь анатомия порока безотносительно к его жертвам, у Островского всегда присутствует страдающая жертва порока, носители зла оцениваются с точки зрения людей, от них зависимых. В центре внимания Островского всегда находится личность, стесняемая и подавляемая в своих лучших естественных запросах. С этой идейной новизной исследователь связывает изменение драматургической структуры пьес Островского: выдвижение положительного героя в центр пьесы, соединение комического элемента с трагическим, появление темы любви, концентрирующей позитивное содержание пьесы (любовь выступает как залог чистых человеческих отношений между людьми в противовес корысти, жестокости, тщеславию, продажности и другим бытующим в обществе порокам).

В те годы, когда читался курс, учёный писал уже свои статьи о Чехове, которые являются классическим образцом скафтымовской научной методологии. В современной ему научной литературе уже был накоплен большой материал наблюдений над структурными особенностями чеховских пьес. Новаторство Скафтымова состояло в том, что открытия Чехова в области драматургической формы поставлены им в связь с новым отношением писателя к действительности, и поэтому своеобразие чеховских форм впервые открылось как специфика содержания.

Главным открытием Чехова-драматурга Скафтымов считает новый тип конфликта. В драматургии Островского и его последователей источником конфликта была злая или дурно направленная воля, борьба интересов, противопоставление нравственных принципов. Конфликт в пьесах Чехова основан не на борьбе, а на противоречиях, обусловленных общим укладом современной действительности. Поэтому мотив вины, составляющий главный нерв драматических положений у Островского, в пьесах Чехова отсутствует. В этом глубинном конфликте выразилось чеховское понимание кризисного состояния эпохи, ощущение исчерпанности и бесперспективности всех существующих в жизни отношений, устоев, идейных теорий, нравственных норм и осознание необходимости коренных общественных преобразований. Содержательное значение в связи с этим приобретали все компоненты драматургической структуры Чехова. У предшественников Чехова быт характеризовал нравы и заслонялся событиями, так как сюжет строился на борьбе. У Чехова быт, мелочи повседневности, случайности служат показателями общего тонуса жиз-

ни, застойного ее состояния, события сведены на периферию сюжета и перестали быть узлами всеобщей сосредоточенности. Носителями конфликтного состояния в его пьесах выступают не один-два выделенных героя, а все персонажи.

В связи с новым конфликтным содержанием проанализированы особенности чеховского лиризма. В предшествующей драматургии конфликт данного и желанного выражался в столкновении с конкретным пороком, разрешение противоречий мыслилось в пределах тех границ, которые охватываются данным содержанием взятого зла. У чеховских героев вместе с мечтой о выполнении данного желания живет в душе тоска об удовлетворении более общих светлых и поэтических запросов, охватывающих всю жизнь. Эта просвечивающая сквозь серые будни романтика мечты и надежды составляет основу чеховского подтекста.

В статье «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова» Скафтымов высказывает мысль, что отмеченные в пьесах особенности драматического конфликта характерны и для прозы Чехова. Прозе была посвящена только одна статья Скафтымова «О повестях Чехова «Палата № 6» и «Моя жизнь». Общая характеристика чеховской прозы сохранилась только в конспектах его лекций.

В центре своего творческого внимания в прозе Чехов в одних произведениях ставит изображение скуки повседневного безыдейного существования, в других — решает вопрос об источнике драматизма в самочувствии человека.

В своих рассказах писатель всегда изображает самое будничное, повседневное, поэтому его вполне устраивает жанр сценки, короткого рассказа. Такими являются почти все рассказы Чехова: «Унтер Пришибеев», «Хамелеон», «Злоумышленник» и многие другие. Даже в больших произведениях — в повестях «Степь», «Три года», «Моя жизнь», «Скучная история», в «Рассказе неизвестного человека» — изображается повседневная жизнь и нет никаких исключительных событий. Но в последних произведениях есть и новое: писатель задумывается над вопросом, что же уводит человека от тех целей, какие он себе ставит, почему он терпит крах в поисках смысла жизни?

Многие персонажи Чехова заняты поисками обобщающей идеи, но художник не нарисовал ни одного счастливого человека. Он только дал общее направление в решении: человек может быть счастлив, когда он служит большой цели, стоящей выше его узколичных интересов. Если же у него

этой цели нет, то счастье его непрочно: всякое дело будет доставлять ему удовлетворение только до тех пор, пока оно имеет какой-то успех, но первая неудача заставит его опустить руки и ощутить себя несчастным. Этой теме Чехов посвящает свой рассказ «Скучная история». Так писатель решает вопрос об одном из главных источников драматического самочувствия своих героев.

Писатель видит и другой источник драматического самочувствия человека. Он любит изображать своих персонажей в двойном композиционном плане: в плане внешнего существования и в плане внутреннего самочувствия. Эти два плана нередко находятся в противоречии. Внутренний план остается скрытым от окружающих, отсюда у писателя и возникает тема драматического самочувствия, которая становится специфически чеховской темой. Этой теме посвящены рассказы: «Враги», «Тоска», «Горе» и многие другие.

Раскрывая огромное богатство и разнообразие тем рассказов Чехова, А. П. Скафтымов усматривает их идейное единство в том, что писатель произносит свой суд над действительностью, всегда призывая к служению высоким целям, к самоотверженному труду ради создания новой жизни. Он верит в способность человека ставить такие жизненные цели и зовет бескорыстно служить им.

Впервые в литературоведении А. П. Скафтымов увидел открытое Чеховым новое понимание драматизма будней, серой повседневной действительности своей эпохи, «мелочей жизни», враждебных высоким порывам человека. Это позволило ему объяснить соотношение трагического и комического в структуре как прозы, так и драматургии художника, двойное освещение персонажей — извне и изнутри,— а также «разорванность» диалога.

Лекции А. П. Скафтымова сохраняют актуальное значение и для нашего времени. Внимание ученого к образной специфике художественного произведения как искусству слова, к философскому и нравственному содержанию и национальному своеобразию русской литературы, делают их образцом литературоведческого анализа.

Школа нравственного воспитания

Из воспоминаний А. П. Медведева

Своеобразие исследовательских интересов и метода Александра Павловича Скафтымова в литературоведении давно получило признание как скафтымовская школа, которая имеет немало сторонников и последователей. Однако особенности интересов А. П. Скафтымова как исследователя имеют корни в своеобразии самой его личности, исполненной огромного обаяния. С ним я был близко знаком и поддерживал дружеские связи более 50 лет. Первое знакомство относится к 1916 году, когда я был его учеником в одной из саратовских гимназий.

Уроки его были необычны. Он давал нам к произведениям вопросы, которые требовали освещения и понимания причин и принципов поведения героев, тех мотивов, а, главное,— тех их убеждений, которые заставляли героев произведений действовать и поступать так, а не иначе.

Мы учились читать между строк, прислушивались к голосу писателя, учились разгадывать, к чему он звал. Содержание произведений неожиданно расширялось. Часто в них решались наши собственные вопросы. Известно, что 15—17 лет — это годы, когда молодые люди начинают активно искать цель жизни, когда вырабатывается мировоззрение и принципы поведения. В то предгрозовое время, когда Россия стояла на рубеже новой жизни, назревала переоценка всех ценностей. Нравственные, социальные, философские проблемы, роль личности в истории — все это остро волновало всех, особенно молодежь. Мы увлекались Тургеневым, Толстым, Достоевским, Лермонтовым. Мы читали Ницше «Так говорил Заратустра».

Как-то получалось, что на уроках литературы мы обсуждали не только поведение и переживания Онегина, Печорина, Пьера Безухова, Андрея Болконского, но и наше собственное поведение, наши взгляды, нашу готовность сознательно и целеустремленно вступить в жизнь. Уроки литературы не уводили нас от жизни, но, наоборот, изучение ее вводило в круг наших понятий и интересов живую действительность.

Обломов и обломовщина, Базаров, жизнь и преступление студента Раскольникова... Тут не только даны характеры пер-

сонажей, тут изображена сама жизнь, которая формирует характеры и вызывает их ответную реакцию.

Кто же виноват — обстоятельства или люди? Надо было разобраться во всем, но не хватало урока, чтобы решить многие вопросы. Стремясь продолжить их обсуждение, мы организовали литературные суды. Помнится, особенно оживленно протекали «судебные процессы» над Базаровым, Раскольниковым. И прокуроры, и защитники должны были входить не только в характер героя — «подсудимого», в своеобразие его личности и психологии, но и в жизненную обстановку, в которой могли складываться такие характеры.

На уроках Скафтымова мы уже познакомились с понятием «наивного реализма», но, тем не менее, на наших «судах» в горячке споров забывали об авторской позиции и судили «живых» героев и «живую» жизнь.

Было еще одно новое, что вошло в нашу гимназическую жизнь вместе с преподавательской работой А. П. Скафтымова — это издание своего литературного журнала. Мы добыли гектограф, и каждый месяц выходил номер тиражом более 20 экземпляров.

Уроки литературы А. П. Скафтымова оставили во мне и в моих товарищах глубокое убеждение, что русская литература — огромная сила, которая может сделать с душою молодого человека очень многое.

Класс наш в гимназии считался самым способным, но и самым своевольным, однако Александру Павловичу мы все повиновались беспрекословно. Наш учитель был требователен к нам, но был требователен и к себе, мы это чувствовали. Мы вместе искали истину. Это нас увлекало и делало взрослыми.

Для характеристики того, каким был Александр Павлович в свои молодые годы, хочется привести строки одного письма, которое он написал, будучи студентом Варшавского университета, своему профессору — преподавателю литературы Александру Михайловичу Евлахову. Содержание и тон письма достаточно ярко характеризуют молодого Скафтымова и тем самым позволяют определить — чем мог он нас, его учеников, покорить и привлечь.

4 апреля 1914 г.
Астрахань

Уважаемый Александр Михайлович!

Мне давно хотелось написать Вам. Не то, чтобы у меня было какое-нибудь определенное к Вам дело или сообщение. Нет,— было только настроение, желание что-то сказать, а что именно — это сознанием не улавливалось, в слова не укладывалось. Всякий раз, когда я о Вас вспоминал, когда о Вас был разговор, когда я бегло читал Ваши книги (основательно их проштудировать все откладывал до лета), всегда после этого ощущался какой-то неопределенный позыв что-то Вам сказать о себе, заявить свою признательность. Такое ощущение зародилось уже с первого нашего знакомства на Ваших лекциях в университете. Временами, то ослабевая, то усиливаясь, оно по-своему меня беспокоило, и теперь я, пользуясь свободным временем (Пасха), решил с этим покончить. И сейчас мне неясно, что Вам говорить. Трудно уловить главное. Ваша личность имеет для меня некоторое обаяние. Таких, как Вы, мне пришлось встречать немного. Но в чем же главная причина моего большого к Вам уважения и расположения?

Не могу не сказать, что не все Ваше мне привлекательно. Но тут только несходство в контурах. Вы большой реалист (не об искусстве речь, конечно). В Ваших суждениях, в общем их содержании и тоне, в Ваших манерах, в выражении Вашего лица, в складе Вашей фразы, может быть и еще в чем, чего я не могу уловить словом,— скользит и проявляется «мировоззрение» и «мироощущение» спокойной рассудочности, самоуверенности. Это отсутствие самоуглубления, чувства тайны и таинственности в мире и человеческой душе, недостаток симпатического слуха к чужой душе, к ее интимности, сближает Вас с трезвыми и все объясняющими материалистами. Мне же такой материализм противен, даже как-то оскорбителен. Я даже удивляюсь Вам. Мне все казалось (и теперь кажется), что глубокий человек не может быть грубо обольщен прямолинейностью всезнайства. Вы старше меня и много меня умнее; может быть, в свое время, Вы все мое настоящее пережили, преодолели. Допускаю это своим сознанием, но это в отвлечении, а пока все мое действительное со мною, и я по-прежнему остаюсь с недоумением. Думается мне, что и Ваше настоящее не окаменело, Ваша полемическая горячность не есть ли признак внутреннего брожения? Быть может,

в своем представлении о Вас я ошибаюсь, но в данном случае ведь речь идет только о том, что я в Вас вижу. Как бы то ни было, меня перед Вами остановила какая-то сила. Думаю, что это общая Ваша даровитость. С какой легкостью, с каким искусством Вы владеете фактами! Удивительное богатство Вашей осведомленности производит прямо подавляющее впечатление. Во всей этой груде фактов, мыслей, выражений, случайно брошенных кем-либо слов, летучих фраз — во всем господствует Ваша уверенная самостоятельная мысль.

Ваша пытливость — критична. Ваша критичность — разумна и честна. Открытость и большая честность, особенно в деле новаторов — это большая нравственная заслуга. Я в университете был очень доволен Вашей независимостью перед слушателями: в частности, перед студентами (...) Личность Ваша меня интересует, и не хотел бы я, Александр Михайлович, чтобы Вы совсем когда-нибудь исчезли из моих глаз.

А. Скафтымов[1].

Письмо очень характерно для натуры Скафтымова, очевидна напряженная духовная жизнь, правдоискательство, стремление выяснить для себя основные принципы жизни. И здесь, еще в ранние годы, самый тон письма к своему учителю, которого он, несомненно, уважал, свидетельствует о твердой принципиальности, о мужестве, с которым он отстаивал свои убеждения. А содержание возражений профессору Евлахову говорит о том, что молодой Скафтымов требует большего внимания к сложной и «тайной» жизни чужой человеческой души, к ее тонким интимным переживаниям, которые можно уловить разве только сочувственным сопереживанием, «симпатическим слухом», а не трезвым, все упрощающим «самоуверенным» холодным разумом. Он требует большей чуткости: одной логикой душу понять нельзя. И очень характерен также для всего облика Скафтымова интерес к нравственной позиции своего учителя. Повторяю еще раз это место из письма: «Открытость и большая честность, особенно в деле новаторов,— это большая нравственная заслуга».

Влияние Александра Павловича на нас было велико. Им разбуженное и воспитанное стремление обрести свою индивидуальность, свою личность диктовало: идти в большую

---

[1] Это письмо послужило началом большой дружбы Александра Михайловича Евлахова и Александра Павловича Скафтымова, которая длилась всю их жизнь.

жизнь, на пороге которой мы стояли, не по инерции, а по своему разумению, по своему убеждению.

В пору первых лет своей педагогической деятельности Александр Павлович, очевидно, сам увлекался творчеством Лермонтова и Достоевского. Эти два писателя, если можно так сказать, были «первой любовью» нашего молодого преподавателя, ими он «заразил» и нас. «А он, мятежный, просит бури, как будто в буре есть покой»,— стало лозунгом на знамени, под которым мы были готовы вступить в самостоятельную жизнь. Сильный, сложный покоряющий образ Печорина, невзирая на свою противоречивость, несмотря на ту роль, которую он играл в судьбах всех близких ему людей, покорял нас. То же стремление к самоутверждению, пропущенное через рефлексию и размышления, мы нашли в творчестве Достоевского.

Наше «литературное» воспитание скоро пришлось испытать на практике. Мы кончили гимназию. Школа Скафтымова побуждала нас думать и относиться к своим жизненным планам сознательно и честно. Не течь по течению, а идти по пути, который указывают совесть, разум и собственная воля.

Вспоминаю. Мы получили документы об окончании гимназии — аттестаты зрелости. Перед расставанием решили всем классом собраться и поговорить: как нам жить, что делать, куда идти? В огромном зале в доме богача — купца Любимова (его сын учился с нами) назначена была сходка. За большим столом, где были только чай и хлеб, мы «решали» нашу жизнь, делились планами. Мы ощущали честный, требовательный скафтымовский дух. Уже тут наметились «баррикады». А потом одни пошли учиться в университет, другие — служить к белым, третьи ушли в Красную Армию.

Я провел в Красной Армии 4 года, вернулся с Врангелевского фронта с Кубани в 1922 году и сдал экзамены в Саратовский университет. В то время Скафтымов уже работал в университете, был профессором на лингвистическом отделении педфака.

На факультете самыми интересными занятиями были лекции и семинары А. П. Скафтымова. В ту пору посещение университетских занятий было свободным. Однако аудитории, когда читал лекции молодой профессор, были переполнены. Эти лекции посещали не только студенты-филологи, но студенты и преподаватели других факультетов. Особенно большим успехом пользовались его лекции о Достоевском.

Так же всегда были полны аудитории, когда шли семи-

нарские занятия. Я участвовал в двух семинарах: по изучению творчества Достоевского и творчества Л. Толстого.

Принцип преподавания оставался все тот же, «скафтымовский», конечно, в усложненном виде. Александр Павлович «проверял» на нас свои теоретические находки. Мы учились анализировать произведения, «вживаться» в образы, понимать художественную целесообразность каждого компонента, ощущать эмоциональную оценку образов и ситуаций.

При разборе и осмыслении произведений нас интересовало не только решение задачи — как воплотилось идейное содержание в различных категориях формы, композиции, системе образов, отдельных ситуаций и стиля,— нас в большей мере захватывало само толкование произведений, раскрытие их нравственной и идейно-философской сути. Семинарские занятия под руководством Скафтымова были настоящей школой литературоведения и в не меньшей мере — школой нравственного, гражданского воспитания.

Взять хотя бы такую проблему, которая встает перед каждым молодым человеком, вступающим в самостоятельную жизнь, как проблема личности, собственного достоинства, душевной независимости. В обычном понимании самоутверждение проходит путем противопоставления себя другим, путем эгоцентрического отталкивания, что нередко ведет к индивидуализму, к эгоизму. Однако Александр Павлович помог нам понять, как сложно и глубоко решается эта проблема в творчестве Достоевского. По мнению писателя, самоутверждение не только не осуществляется через эгоцентрическое отталкивание от других, не только приводит к индивидуализму, в конечно счете — к эгоизму, к «подполью», по выражению писателя, напротив: наиболее развитая личность,— говорит он,— ничего не может сделать другого из своей личности... как отдать ее всю, всем, чтобы и другие все были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это закон природы. Нарушение этого закона ведет к трагедии.

Не меньшее впечатление осталось у нас от изучения творчества Л. Толстого.

Точно под сильным лучом света, высвечивались при разборе толстовских героев, с одной стороны, черты наносного в человеке, искусственного, принятого по душевной инертности от окружающей его среды, а, с другой стороны,— начала естественного, природного, того, что, как говорил Скафтымов, лежит не в верхних, а в нижних этажах человеческой

души и что обычно раскрывается и видится при постигшей человека жизненной катастрофе. Она, смертельная опасность, стряхивает с человека ложное и наносное, освобождает от тщеславия, от ложной гордости, от мелочного желания показать себя не таким, каков ты есть на самом деле. К неумолимой честности, взыскательности звали нас герои толстовских произведений. Нельзя жить по ленивой инерции, нужно уметь увидеть себя настоящего, нужно уметь опуститься «в нижние этажи» своей души.

На семинарах разгорались горячие споры. Время занятий перехлестывало часы расписаний. Споры и обсуждения продолжались и за дверью аудитории. А часто мы целым семинаром провожали Александра Павловича от университета до его дома, продолжая обсуждать и спорить.

Скафтымову была свойственна большая ответственность по отношению к любому делу. Так, в начале 20-х годов, поставив перед собой цель перейти на работу из средней школы в университет, он не только упорно готовился к магистерским экзаменам, но и брал уроки в консерватории по постановке голоса.

В 30-х годах он усиленно занимался высшей математикой на заочном отделении Ленинградского института инженеров транспорта. Упорно в течение двух лет выполнял он присылаемые ему задания, решал задачи по высшей математике. Он считал, что занятия математикой очень дисциплинируют логику.

К себе был строг и взыскателен, требуя, однако, того же и от других. Никаких поблажек ни по возрасту, ни по положению он себе никогда не давал. Перед ним неудобно было расслабляться, ссылаться на объективные причины, жаловаться на трудности.

Александр Павлович долгое время заведовал в Саратовском университете кафедрой русской литературы. В обращении с членами кафедры А. П. Скафтымов не позволял себе ни начальственного тона, ни грубой требовательности. Он был деликатен, доброжелателен. Однако при всем этом твердую и неуступчивую принципиальность нашего руководителя чувствовали все члены кафедры. Требовательность была ко всем одинакова, никаких скидок ни на особое положение, ни на личную дружбу никому не делалось, ни в распределении поручений, ни в оценке учебных занятий или научных выступлений. Он был сдержан в проявлении своих чувств, не терпел фамильярности, не выносил пошлости. Он

был для всех примером принципиальности и честности. Приведу хотя бы такой случай: шла защита дипломных работ, отчитывался его дипломник. При обсуждении оппоненты предлагали поставить отличную оценку. Выступая с заключительным словом, Александр Павлович, в противовес оппонентам, сказал, что отличной оценки работа не стоит, так как она недостаточно самостоятельна: «Я ему много помогал». Что греха таить, руководители часто очень помогали своим подопечным. Вернее сказать,— думали за них, и не всегда можно было точно судить, кто заслужил хорошую оценку — дипломник или его руководитель. Александр Павлович дал всем понять: помогать нужно, но думать за ученика не следует.

Александр Павлович читал курсы от фольклора и литературы XVIII века до конца XIX и начала XX века, а также курс по теории литературы и истории критики. И все это тогда, когда марксистско-ленинская методология в литературоведении только еще складывалась. Он был одним из первопроходцев на этом поприще. Скафтымов решительно отмежевался от принципов вульгарно-социологического метода Переверзева, которые в ту пору лежали в основе вузовских программ. Так же непримиримо он относился и к концепции формалистов. Уже тогда, в 20-е годы, Александр Павлович вынашивал идею изучения художественного произведения в его историко-генетической обоснованности и эстетической целостности.

Не будет преувеличением сказать, что А. П. Скафтымов был одним из зачинателей советского научного литературоведения. Он дал тонкий и глубокий анализ крупнейших произведений русской классической литературы. Он много и плодотворно работал в разных областях литературоведения. Широко, например, известны его исследования русских былин. Особенно много им было сделано в изучении творческого наследия Н. Г. Чернышевского. Из этого изобилия выделялись исследования о Лермонтове, Достоевском, Л. Толстом и Чехове. Работы, посвященные каждому из этих писателей, обозначали новую последующую ступень и в его личной биографии.

Судя по тому, с какой страстной убежденностью он раскрывал их взгляды, с какой тонкостью анализировал творчество, он был сам глубоко захвачен их настроениями, нравственной программой, философией.

Последней и самой большой любовью Скафтымова был

А. П. Чехов. Его он «открыл» для себя в конце 30-х годов. Первая лекция «О единстве формы и содержания в «Вишневом саде» Чехова была им прочитана для преподавателей пединститута. На ней присутствовали и работники других кафедр. Лекция произвела огромное впечатление новизной наблюдений и выводов. Все почувствовали, что ученый «открыл» Чехова.

После того, как статья о «Вишневом саде» была опубликована в «Ученых записках» Саратовского пединститута в 1946 году, появились отклики на нее: «Должен Вам сказать,— пишет А. П. Скафтымову профессор Ленинградского университета Г. А. Бялый,— что Ваша статья о «Вишневом саде» читается нарасхват, экземпляр, который хранится в кабинете, вечно занят». В том же письме Г. А. Бялый пишет, что студенты его семинара и дипломанты пытаются — и очень удачно — проводить анализ других пьес Чехова «методом Скафтымова» (письмо от 6.X.47 г.).

Принципы, положенные в основу анализа «Вишневого сада», проверены временем и получили широкое и прочное признание. Уже через 4 года после появления статьи Скафтымова в печати К. И. Чуковский писал автору: «Самое глубокое Ваше произведение и по свежести мысли, и по новизне методики, и по огромности выводов — статья о «Вишневом саде»... Изумительны Ваши наблюдения над «разорванностью тематических линий» в диалогах «Вишневого сада», над их неразвитостью и «неподхваченностью». Эта неподхваченность — великое завоевание Чехова в реалистическом воспроизведении жизни. «Линия непрерывного усиления общей стихийной расходимости» тоже подмечена и отлично обоснована в Вашей статье...» (Письмо от 1/V—1952 г.).

Обращение к изучению творчества Чехова не было простой случайностью: Чехов был духовно близок А. П. Скафтымову.

Его лекции и статьи о Чехове были проникнуты особой лиричностью, какими-то интимными интонациями.

Это отношение Скафтымова к Чехову очень чутко подметил тот же К. И. Чуковский. В уже цитированном выше письме, откликаясь на работы о Чехове, он писал: «Вы глубоко правы, говоря о нравственной взыскательности Чехова... Вы чудесно определили моральную сущность чеховского творчества, которое действовало на нас с такой потрясающей силой... Все, что подписано Вашим именем, отмечено

не только силой аналитической мысли,— но и присутствием *души*, внутренней тревоги, любви — качество совершенно отсутствующее в большинстве литературоведческих книг».

В записках и черновиках ученого сохранилось много наблюдений и заметок, посвященных Чехову. Они оставляют впечатление заготовок к большой неосуществленной работе о Чехове. Эти черновики характеризуют процесс творческой работы исследователя в создании его научных статей и представляют для нас большой интерес. Мысль А. П. Скафтымова сосредоточена преимущественно на чеховской «Чайке», но эта мысль концептуальна, так как анализ пьесы включен в большой сопоставительный ряд с другими произведениями писателя. На маленьком листочке, озаглавленном «О счастье»,— в стороне сделана помета «Чайка» — выстраивается перечень многих прозаических произведений Чехова, в которых так или иначе затрагивается проблема счастья.

Егерь (1885), Тоска (1886), Панихида (1886), Шуточка (1886), На мельнице (1886), Весной (1886), Святой ночью (1886), Скука жизни (1886), Тяжелые люди (1886), Муж (1886), Тина (1886), Мечты (1886), Ванька (1886), Обыватели (1887), Верочка (1887), Счастье (1887), Свирель (1887), Почта (1887), Поцелуй (1887), Степь (1888), Красавицы (1888), Учитель словесности (1889), Скучная история (1889), Гусев (1890), Бабы (1891), В ссылке (1892), Рассказ неизвестного человека (1893), Черный монах (1894), Бабье царство (1894), Скрипка Ротшильда (1894), Три года (1895), Дом с мезонином (1896), Чайка (1896).

Рассказы расположены в хронологической последовательности. Очевидно, А. П. Скафтымов намеревался проследить, как развивалась у Чехова проблема счастья на всем протяжении творчества вплоть до «Чайки». Исследователь так формулирует свою задачу в работе над этой пьесой: «Есть в пьесе какая-нибудь объединяющая тема? На чем сосредоточены все эпизоды, разговоры, поступки и сцены, составляющие ткань пьесы в целом?» И тут же следует заготовка частичного решения этой задачи: «Всеми владеет тоска о счастье, но никто не знает счастья. Драматическое состояние почти всех действующих лиц в «Чайке» состоит в их взаимном перекрестном непонимании друг друга».

В поисках ответа на вопрос о счастье А. П. Скафтымов привлекает высказывания ряда европейских мыслителей и философов, ставя их в связь с идейными исканиями персонажей «Чайки». Характерна, например, выписка из Гюйо:

«Недостаточно одного удовольствия (счастья), чтобы дать смысл жизни. Быть может, в конце концов, жизнь и не для того дана, чтобы наполнить ее удовольствием (счастьем)... Жизнь — это миссия, это труд, представлять себе жизнь, как только приятную,— это значит — уничтожать ее».

На других листках-карточках сделано множество выписок из писем, произведений, записных книжек Чехова, мемуаров. И все выписки идут под одной рубрикой: О счастье. Характерны, например, такие выписки: «Счастье и радость жизни не в деньгах и не в любви, а в правде. Если захочешь животного счастья, то жизнь все равно не даст тебе опьянеть и быть счастливым; а то и дело будет огорошивать тебя ударами». (Записн. кн., т. XII, с. 24). «Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья, если же оно проистекает не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то». (Записн. кн., т. XII, с. 7).

Отдельная группа записей А. П. Скафтымова посвящена вопросу о том, что мешает счастью. Есть наброски мыслей: «деспотизм, обывательство, бескультурье, одиночество, взаимная расходимость между людьми». Так формируются подступы к теме, характерно-скафтымовские, и делаются выводы: «Во всех значительных произведениях Чехова идет речь о том, что мешает человеку жить, что препятствует ему быть счастливым».

Не случайно больше всего раздумья А. П. Скафтымова были привлечены к пьесе «Чайка». В своей рукописи о «Чайке», оставшейся незаконченной, он объясняет, что́ же так привлекало его к этой пьесе. Рукопись начинается словами: «Чайка» была первой пьесой, в какой все черты специально чеховской драматургии проявились во всей полноте».

Первая постановка пьесы, как известно, «провалилась»,— ее не поняли ни актеры, ни зрители, и в критике она получила самую отрицательную оценку. Но вскоре все изменилось. Уже после 5-го представления А. Кони написал письмо Чехову, которое А. П. Скафтымов приводит целиком в начале уже упомянутой рукописи. «Чайка»,—пишет А. Кони,—произведение, выходящее из ряда, по своему замыслу, по новизне мыслей, по вдумчивой наблюдательности над житейскими положениями. Это сама жизнь на сцене с ее трагическими слезами, красноречивым бездушием и молчаливыми страданиями, жизнь обыденная, всем доступная и почти не понимаемая в ее внутренней жестокой иронии,— жизнь до того

доступная и близкая нам, что подчас забываешь, что сидишь в театре, и способен сам принять участие в происходящей перед тобой беседе (7/XI—1896 г.).

Письмо интересно тем, что его мысли совпадают с мнением самого А. П. Скафтымова. «У Чехова,— пишет он, в самой постановке вопроса о том, что́ мешает человеку жить, было нечто специфическое и поэтому тема о счастье в его творчестве имеет особый характер. Очень многие рассказы, повести и все большие пьесы Чехова останавливаются именно на той конфликтной ситуации, когда в силу каких-то серых, мелких, безличных обстоятельств человек оказывается не имеющим того, что́ могло бы составить ему радость».

Рукопись о «Чайке» осталась незавершенной, и вопрос о счастье нерешенным. Однако решение этой проблемы все же не без труда было найдено А. П. Скафтымовым и четко сформулировано в более поздней статье, опубликованной в «Ученых записках» Саратовского университета в 1948 году «К вопросу о принципах построения пьес А. П. Чехова». Здесь исследователь дает ответ на вопрос о тех общественных условиях, в каких невозможно и возможно счастье для человека. Драматический конфликт чеховских пьес был явлением, исторически обусловленным. Он был порожден самой эпохой безвременья 90-х годов, «когда среди интеллигенции в силу идейного бездорожья господствовали интересы личного благополучия, когда в обстановке общественного упадка не было выхода к широким общественным задачам, когда побеждающей силой были узкое обывательство и мещанская успокоенность. В эту пору больше, чем когда-нибудь, должна была проявиться несостоятельность и тягостность замкнутого, идейно не оплодотворенного существования. Оказалось, что человек в наиболее светлых сторонах своего существа в такие жизненные рамки не укладывается, что для более чутких людей обывательское спокойствие не может составить счастья» [2].

Для Скафтымова эти выводы не были только открытием литературоведа. Они, как показывает вся его жизнь, были руководящими принципами его повседневного и общественного поведения. Не случайно среди выписок нравственных сентенций, которые он брал себе на вооружение, были уже упомянутые выше цитаты из Гюйо или очень характерная

[2] *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей, с. 434—435.

выписка из Плиния Младшего: «Мы должны отдать отечеству первую и вторую часть нашей жизни, а третью, последнюю, себе...»

Помимо пометок к пьесе «Чайка», в черновых набросках исследователя есть рабочие заготовки и к другим пьесам: «Иванову», «Лешему», «Дяде Ване». По-видимому, он намеревался написать книгу о драматургии Чехова.

Несомненный интерес представляют подготовительные записки к таким широким темам, как «Чехов и Толстой», «Тургенев-критик», «Достоевский» и др.

Размышления об особенностях чеховских драм, о своеобразии принципов их построения побудили А. П. Скафтымова обратиться к предшествующей Чехову бытовой драме, к пьесам Гоголя и Островского. В 1952 году он опубликовал большую статью «Белинский и драматургия Островского», которая расширила круг почитателей исследовательского таланта саратовского ученого. Новая статья вызвала ряд восторженных откликов, в которых было отмечено значение выдвинутых ученым новых методологических положений для изучения русской бытовой драматургии. Г. А. Бялый писал: «...Статью Вашу я прочитал с громадным удовольствием. Очень пожалел о том, что она не вышла раньше. Мне пришлось прочитать в прошлом году спецкурс о Гоголе, и Ваши соображения о Гоголе и об Островском очень и очень бы мне пригодились. Да и вообще, нет сомнения, что без учета сделанного Вами, теперь нельзя ни говорить, ни, тем более, писать о Гоголе, о натуральной школе, об Островском». (Письмо Скафтымову от 26/XI—1953 г.).

В том же духе прозвучал отклик проф. И. Г. Ямпольского: «Прочитал статью с огромным интересом. В ней поставлены весьма существенные для понимания Островского вопросы. Хорошо обоснована главная мысль о Гоголе и Островском... Теперь заниматься Островским гораздо легче, и вряд ли статья может вызвать какие-нибудь серьезные возражения» (Письмо от 3-го марта 1953 г.).

Однако самое интересное письмо было от К. И. Чуковского, в котором содержится не только отзыв о статье, но и очень теплая, проникнутая большим уважением характеристика самого А. П. Скафтымова.

«...Бесконечно благодарен Вам за книгу. Я прочитал ее дважды с большим наслаждением. По новизне материала, по напряженности исследовательской мысли, по разнообразию и актуальности разработанных тем это, вне всякого срав-

нения, лучший из всех коллективных трудов о Белинском... Кому нужно, чтобы животрепещущая, ценная книга, уже в самый момент своего появления на свет, стала библиографической редкостью!

Ваша статья, как и другие Ваши произведения, привлекательна раньше всего своей тонкостью. «Славянофильские пьесы» Островского, лившие, казалось бы, воду на мельницу Апол. Григорьева и Тертия Филиппова, раз навсегда перемещаются Вами в русло идей Белинского, причем Вы нисколько не скрываете те «антибелинские» элементы, которые имеются в них (великолепная четкость Вашей формулировки: «Наибольшая высота, сохранность и свежесть нравственных чувств приписывается среде» и т. д. (с. 100—101)). Так же метко сказано (и тоже раз навсегда) о воздействии Гоголя на творчество молодого Островского — и вообще о том этапе гоголевского направления, который представляет собою драматургия Островского. По богатству и свежести мыслей шестая глава Вашей статьи стоит целой диссертации на тему «Гоголь и Островский». Вообще вся статья (как и другие Ваши исследования), слишком густо написана,— в ней никакого снисхождения к читателю... Вы требуете от читателя, чтобы он тоже был хоть отчасти Скафтымовым...» (Письмо от 16 марта 1953 г.).

Особенности человека больше всего проявляются в необычных обстоятельствах. Такими были тяжелые военные годы. Александр Павлович был непризывного возраста, но активно участвовал в общественной патриотической работе. В годы Великой Отечественной войны по заданию обкома, горкома и райкома ВКП/б/ А. П. Скафтымов выступал с лекциями по русской литературе и вел большую пропагандистскую работу. Он трудился в подсобном хозяйстве пединститута, расположенном в заволжской степи. И в послевоенные годы он был крупным организатором лекционной работы в качестве заместителя председателя областного общества «Знание».

В 1947 году за выдающиеся заслуги в области филологических наук президиум Верховного Совета РСФСР присвоил А. П. Скафтымову звание заслуженного деятеля науки и наградил его орденом Ленина. Неоднократно избирался он депутатом Райсовета и входил в состав Президиума Октябрьского райисполкома.

«Работать, имея в виду главной целью выгоду, успех, сенсацию — это не по-нашему, это — буржуазная психоло-

гия. В любой работе, особенно в педагогической, основным стимулом для человека должна быть нравственная цель»,— говорил А. П. Скафтымов. Этому своему принципу он верно следовал всю жизнь и с этих позиций оценивал людей.

В нем восхищали два свойства: никогда никто с ним не говорил резко, грубо, повышенным тоном, неуважительно. Это касалось всех, будь то давно знакомый ему человек, или недавно знакомый, будь то люди высокой культуры, или «простые» люди. Точно какое-то магнитное поле окружало его и разрушало злые стрелы, злые слова, злые мысли.

Второе свойство объясняло это: Скафтымов не только всегда был очень внимателен к людям, но и умел разглядеть то, что в них было хорошего, ценного. Поэтому в своих отношениях с людьми он обращался именно к этой, хорошей стороне человека. Своим уважением он поднимал человека, с которым общался, помогал ему ощущать в себе то хорошее, что в нем было.

А. П. Скафтымов был прям и правдив во всех своих высказываниях и оценках. Об этой его особенности хорошо сказал профессор А. Долинин: «Вы принадлежите к той редкой категории людей, которые умеют говорить правду, подчиняя слово себе, а не себя слову» (Письмо от 29 февраля 1948 г.).

Александр Павлович Скафтымов был талантливым педагогом-воспитателем. И не только его статьи, книги, лекции оказывали влияние, но и его личность, его собственное поведение, его верность слову, — все обаяние его как человека, прошедшего школу крупных мыслителей-гуманистов.

Из воспоминаний Л. П. Медведевой

Это было в 1922 году. Семинар по изучению творчества М. Ю. Лермонтова был первым семинаром, проведенным тридцатидвухлетним профессором Александром Павловичем Скафтымовым со студентами 1—2 курсов университета.

Состав семинара был чрезвычайно пестрым и по возрасту, и по образованию. Здесь было много вполне сложившихся людей с большим опытом: преподавателей средней школы, музейных работников, а также фронтовиков, вернувшихся с гражданской войны.

Общий культурный уровень состава семинара был достаточно высок. Несмотря на свободное посещение учебных занятий в то время, лермонтовский семинар работал всегда

регулярно и в полном составе. Сохранились протоколы занятий, на основании которых можно восстановить систему работы Скафтымова со студентами и особую нравственную атмосферу занятий.

Главной задачей семинара, как сформулировал ее руководитель, была выработка навыка в обращении с историко-литературным материалом: умение анализировать текст художественного произведения. «Только таким путем,— говорил А. П. Скафтымов,— возможно составление истинного представления об идейно-художественном творчестве изучаемого поэта». Современное литературоведение,— отмечал он во вступительном слове,— в изучении всякого историко-литературного произведения видит две стороны: вопросы анализа текста и вопросы генезиса. Оба вопроса ставятся и решаются самостоятельно, поэтому излишне было бы вопросы генезиса привлекать при анализе текста художественного произведения.

Основной круг тем был связан с анализом текстов художественных произведений. Всего предлагалось 25 тем: лирика Лермонтова (особенности идейно-тематического состава); поэмы Лермонтова (характеры, композиция и стиль); реально-сатирические и шуточные поэмы. Поэмы Лермонтова: «Мцыри» (замысел и художественные приемы его воплощения). «Песнь о купце Калашникове» и «Демон» (замысел и художественные приемы). Образ Печорина (идейно-психологический состав характера). Природа в творчестве Лермонтова. Символика в поэзии Лермонтова.

Другой ряд тем был связан с изучением вопросов генезиса поэзии Лермонтова.

А. П. Скафтымов не требовал привлечения критической литературы, связанной с анализом текстов художественных произведений Лермонтова. Сначала,— считал он,— надо научиться самостоятельно осмысливать текст, а уже после этого можно привлекать критическую литературу для подтверждения или опровержения собственного осмысления художественного произведения, а не наоборот.

Обсуждение докладов и заключительное слово руководителя являлись для студентов прекрасной школой мысли. А. П. Скафтымов учил осознавать соотношение образов персонажей с идейным замыслом произведения, а также и роль каждого отдельного художественного компонента, отдельной детали в раскрытии общей идейной направленности произведения.

Исключительно интересно проходило обсуждение докладов. А. П. Скафтымов постоянно обращался к студентам с вопросами, требующими осмысления лермонтовского творчества, как например: Какую роль в раскрытии замысла поэмы «Демон» имеют пейзажные зарисовки? В чем их специфика? На чем основано в лирике Лермонтова противопоставление природы и человека? Какую роль в трактовке темы любви у Лермонтова имеет гордость? Каково значение в поэме «Мцыри» эпиграфа, песни рыбки, горных пейзажей? Он постоянно напоминал, что недостаточна *только* описательная констатация художественных приемов (наличие пролога, кольцевое композиционное строение и пр.), необходимо и осмысление значения каждого приема в раскрытии общего идейного замысла произведения.

При обсуждении докладов поднимались самые разнообразные вопросы. Так, при анализе образа Печорина шел разговор об эгоизме и эгоцентризме, об индивидуализме и различных способах утверждения личности в жизненном поведении лермонтовских героев, о гордости и личном достоинстве и т. д. Споры разгорались самые горячие, поэтому каждого семинарского занятия студенты ждали с нетерпением.

Заключительное слово руководителя имело особенно большое воспитательное значение. Так, отмечая двойственное начало лирики Лермонтова — чувство скорби, тоски, отрицания жизни — и жажду гармонии, А.П. Скафтымов говорил: «Эти два полюса, две силы, всегда одинаково влекущие к себе поэта, претерпели свою эволюцию: чем ближе лирика была к своему началу, тем больше в ней было скорби и отрицания, и, наоборот, чем дальше она развивалась во времени, тем настойчивее в ней звучали оптимистические настроения и жажда гармонии с жизнью. В творчестве Лермонтова происходил несомненный перелом. Гоголь сказал о Лермонтове, что он «не дозрел до простоты». Поэт не отрекся окончательно от индивидуализма, но его «я» уже не ограничивало свое существование только собою, не ставило свою личность над жизнью, но вводило ее в самую жизнь. До этого, действительно, нужно «дозреть».

Эгоистическая гордыня обыкновенно свойственна молодости. Индивидуалистическая философия чаще всего заканчивается сломом. Ее крайнее развитие нередко завершается отказом от эгоизма и посвящением себя служению людям. По этому пути развивалась и лирика Лермонтова.

Приведу один из протоколов семинара по обсуждению

доклада студента на тему: «Идейно-тематический состав лирики Лермонтова». Доклад заканчивался тезисами: Лермонтов верит в свое величие, считает себя избранником и стремится к самоутверждению. Он проявляет двойственность в отношениях с людьми: жажда общения с ними сочетается со стремлением к одиночеству. Любовь для Лермонтова — высшая ценность жизни. В природе поэт ценит красоту, ищет успокоения, но находит и в ней ту же дисгармонию, какую носит в самом себе. Смерть осознается им как насилие, уничтожающее личность человека, и вызывает гневное чувство протеста.

Обсуждение доклада проходило очень оживленно. Был сделан ряд замечаний. Отмечалось, что слишком узко освещен вопрос об отношении поэта к природе: он ищет в ней не только успокоения, но и страдает от сознания своей оторванности от нее. Этот разрыв между природой и человеком и является характерной особенностью чувства природы у Лермонтова. Такое противопоставление природы и человека как двух противоположных, а порой даже враждебных друг другу начал, основано на отсутствии гармонии в сознании Лермонтова. Поэтому-то и выступает такая особенность его лирики в изображении природы как безлюдность его пейзажей.

В заключительном слове, положительно оценив доклад, А. П. Скафтымов сказал: «Главный недостаток доклада — перекрест отдельных мыслей, недостаточная логическая стройность изложения. Необходима бо́льшая стройность мысли и тонкость ее выражения. Найти соответствующие слова для выражения эмоций в сфере логических понятий — задача чрезвычайно трудная. Этот элемент эмоций входит и в состав логики, но там он не является превалирующим. Здесь же эмоциям отводится центральное место, и задача, заключающаяся в том, чтобы уловить эти эмоции, по существу своему почти неуловимые, значительно осложняется».

Докладчик сумел подслушать в лирике Лермонтова тоску поэта о какой-то иной жизни, и в то же время для него характерно отрицание ее. Выступавшие правильно указывали, что эту двойственность следовало бы проследить на протяжении всей лирики Лермонтова.

Доклад не исчерпал всего материала темы, результатом чего и явились весьма ценные замечания выступивших, правильно нащупавших главный центр — гордость, на который нанизывается большинство мотивов лирики Лермонтова.

Этой аппеляцией к себе поэт как бы утверждал свою ценность. Гордость видна и в отношении Лермонтова к людям: любя свое одиночество как исключительность, поэт постоянно ее подчеркивал. Но в то же время он искал и сочувствия от родного по духу человека.

«Главная цель нашего семинара,— заключил свое слово А. П. Скафтымов,— состоит в том, чтобы помочь вам осознать большую сложность дела изучения творчества Лермонтова. Семинар наш не ставит своей задачей дать исчерпывающий анализ изучаемой темы,— эта задача для нас невыполнима. Вполне достаточно — наметить хотя бы самые основные линии исканий поэта, осознать противоречия его творчества и попытаться их объяснить».

Семинар по изучению творчества Лермонтова — начальный, но важный этап работы молодого профессора А. П. Скафтымова в Саратовском университете. Этот семинар оказал огромное влияние на студентов — на всю последующую их жизнь и работу.

Из воспоминаний М. М. Уманской

Александр Павлович Скафтымов был прекрасным воспитателем и образцом для молодежи. В его воспитывающей педагогической деятельности не было ничего предвзятого, «заданного». Он не сочинял педагогических рецептов и заповедей, боялся догм и менторского указующего перста: «Се добро, а се зло», не стремился «вещать», изрекать прописные истины. Он учил, прежде всего, самостоятельно добывать научную истину, пробуждал познавательную активность, заставлял, даже самых инертных и пассивных, мыслить на своих лекциях и практических занятиях.

В отношениях со студенческой молодежью Александр Павлович был внешне суховат и сдержан, но всегда добр и внимателен. Он не искал дешевой популярности, да и не нуждался в ней. Мы были для него не «Евграф», не «Галина», не «Маргарита» — а всегда только Евграф Иванович, Галина Борисовна и т. д. В аспирантском кругу мы звали его «Надзвездный» — кажется, он так никогда и не узнал об этом. Этот изысканно-утонченный эпитет, здесь вполне оправданный и уместный, намекал на высокий строй души Александра Павловича, на непричастность его к житейской пошлости и прозе, к игре честолюбия и тщеславия.

Школой научного поиска становились для нас печатные труды, лекции и, в первую очередь,— практические занятия

А. П. Скафтымова, на которых мы впервые прикасались, благоговея, к живой и трепетной плоти художественного произведения.

Навсегда запомнился весьма предметный и немногословный «урок», преподанный мне Александром Павловичем. Мы «проходили» Толстого, и я решила приятно удивить и заслужить одобрение Александра Павловича, составив «график» (кривую) взлетов и падений чувства Нехлюдова к Катюше Масловой. И удивила. Одного взгляда на Александра Павловича было достаточно, чтобы понять постигшую меня неудачу. Обладая большой выдержкой, он умел во всех случаях жизни владеть собой, очень редко повышал голос, гневался, негодовал. Просто «запирал» лицо на замок, и оно становилось холодным, отрешенным, замкнутым, едва ли не надменным. Примерно такой была и его реакция на мой «график».— «Так вы собираетесь выразить диалектику чувств человека графикой, чертежом, схемой — пустая, ненужная и даже вредная затея. Подумайте-ка об этом хорошенько». Мгновенно я ощутила всю абсурдность своих «новаций» — перевода человеческих чувств на язык математических выкладок и формул...

Классическим образцом анализа драматического произведения в единстве содержанию и формы явилась, как известно, работа А. П. Скафтымова о «Вишневом саде», главные выводы и методология которой с той же внутренней логической последовательностью и были положены в основу практических занятий на нашем курсе (выпуск 1936 года). В становлении и формировании наших принципов научного исследования этим занятиям и этой работе (тогда еще не напечатанной) принадлежала едва ли не решающая роль.

Прошло без малого полвека с тех пор, как я впервые увидела А. П. Скафтымова на кафедре большого актового зала педагогического института. И все помнится наэлектризованная атмосфера этого зала, те токи высокого интеллектуального и эмоционального напряжения, под которыми держал он слушателей.

К моменту первой лекции (я была принята сразу на II курс) я уже слышала восторженные отзывы о профессоре Скафтымове... Двух мнений о нем, как о лекторе и человеке, быть не могло. О нем не спорили. Эта первая лекция была долгожданным праздником. Сейчас польется вдохновенная речь — речь оратора, поэта, блестящего импровизатора. Увы! незнание вузовской программы по литературе тех лет (нача-

ла тридцатых годов) сделало меня внутренне неготовой к тому, что произошло дальше.

Я не сразу сосредоточиваюсь, и не сразу доходит до меня смысл лекции о поэзии Ф. И. Тютчева. Но... что это? — «...Россия постепенно преображалась из страны аграрной с отсталой индустрией в страну складывающихся буржуазных отношений... Рост новых фабрик и заводов... импорт... экспорт... вывезено столько-то пудов пшеницы, столько-то пудов ржи...». Но едва только мое недоумение, достигнув крайнего предела, успевает перерасти в досаду и разочарование, как я начинаю осязать живого Тютчева, каким-то чудом прорвавшегося сквозь экономическую «блокаду» и заговорившего свойственным ему поэтическим языком о вечных вопросах человеческого бытия, о природе, о мировых катаклизмах, о смерти, о «поединке роковом» двух сердец...

На наших изумленных глазах мысль в философской поэзии Тютчева рождала образ; образ — поэтический строй речи, ее тональность, интонацию. Нерасторжимая слиянность мысли и образа (мысль — образ), богатство и сложность ассоциативных связей и поэтических параллелей в поэзии Ф. И. Тютчева впервые открывались нам в лекции Александра Павловича. Тютчев был любимым поэтом ученого.

В Н. Г. Чернышевском, о котором ученым было написано много нового и важного для уяснения его сложных художественных замыслов, он ценил революционного борца, писателя-гражданина и общественного трибуна, всей жизнью засвидетельствовавшего верность своим высоким идеалам.

Наиболее «личным» и интимным было его восприятие А. П. Чехова. Подобно Чехову, не любил А. П. Скафтымов показное и фразистое, испытывал отвращение к словесным штампам. Развитое эстетическое чувство, безукоризненное чувство стиля побуждало как самого писателя, так и его истолкователя отдавать предпочтение высокохудожественной простоте. В то же время Александр Павлович избегал той простоты, которая граничит с примитивом и о которой недаром говорится, что иная простота «хуже воровства». Он считал, что о сложном и писать следует сложно, не упрощая, без скидки на непонятливость читателя. Роднили его с Чеховым и душевная тонкость, изящество, деликатность, удивительная скромность. Что-то «чеховское» было даже в его внешнем облике.

В плане методологическом принципы исследования А. П. Скафтымова позволяли избегать как субъективизма,

так и догматизма в понимании произведения искусства, когда единственным основанием принятой концепции служила та или иная «авторитетная» цитата, в свете которой довольно часто произвольно препарировался художественный текст. Бережно и с величайшим вниманием относится А. П. Скафтымов непосредственно к тексту, восстановленному им в правах первоисточника.

Не эта ли объективность и точность анализа дали основание некоторым ученым считать А. П. Скафтымова одним из зачинателей русского структурализма, которым он, конечно, никогда не был. Мало сказать, что структурализм всегда оставался для ученого чуждым и неприемлемым,— он вступал в противоречие с его самыми дорогими убеждениями, вне которых он не мыслил себя как творческая личность. Заслуга А. П. Скафтымова в том именно и заключается, что точности и объективности анализа он достигал отнюдь не математическими методами, не искусственным членением текста «на уровни», чем-то походившим на вивисекцию живого целостного организма, не разработкой некоей универсальной рецептуры или схемы, дававшей в руки исследователю ключ к любому художественному произведению. Прочтение им художественного произведения всегда опиралось непосредственно на контекст, на строгую логику и выверенную диалектику исследовательской мысли в союзе с интуицией. И мы — каждый в меру своих сил и возможностей — учились этому, хотя кто бы из нас мог сказать, что он унаследовал в полной мере диалектику мышления и интуицию своего учителя! Да и можно ли научиться диалектике и, особенно, интуиции и таланту...

Из воспоминаний О. П. Демиховской

Впервые я узнала Александра Павловича Скафтымова когда была первокурсницей, в 1945 году. На первом же курсе записалась к нему в семинар. По его заданию читала работы Ю. Стеклова о Чернышевском. Со второго курса я была членом спецсеминара по творчеству Л. Н. Толстого, которым руководил Александр Павлович. «Теоретические высказывания Л. Н. Толстого об искусстве в 1850 гг.»— так была сформулирована тема моей первой работы. Самыми прекрасными минутами и часами в моей студенческой жизни были часы общения с моим научным руководителем. Добрый, деликатный, приветливый в обращении, Алек-

сандр Павлович обладал редким даром вызывать ответный душевный отклик.

На семинарах во время обсуждения наших докладов самым интересным и значительным моментом было заключительное слово Александра Павловича. Вводя нас в лабораторию исследовательской работы, он советовал применять индуктивный метод и работать по принципу карточек, чтобы потом, после составления плана работы, собранный материал был подвижен.

Начальный период работы, длительный по времени, трудный собиранием материала, когда концепция еще не прояснена, Александр Павлович сравнивал с трудным подъемом на гору. Но вот прочитано все по вопросу. Как с вершины горы обозревается весь пройденный путь накопления материала, уясняется главная мысль, выстраивается план работы. Второй период работы — ее написание занимает меньше времени, но не менее ответствен. Теперь Александр Павлович советует не повторять утомительного пути от подножия горы к ее вершине, а пригласить читателя прокатиться с горки. Здесь уже должен действовать закон дедукции. При писании добытый материал следует располагать в обратном порядке, то есть начать с того, чем закончилась первая половина работы, с тезиса, содержащего главную мысль работы, которую затем необходимо развивать, аргументируя. При таком принципе изложения материала легко следить за мыслью.

Как характерную для начинающих черту Александр Павлович отмечал подмену собственной формулировки цитатой из Толстого. Мы были под обаянием гения Толстого, и нам казалось, что лучше писателя не сказать. Получалось, что в работе своих рассуждений было меньше, чем цитат. Александр Павлович говорил, что надо препарировать мысль, подготовить читателя к ее восприятию, выразить ее своими словами, а потом уже приводить цитату как доказательство, как аргумент. Цитаты из произведения — это материал, которым и должны оперировать филологи, как математики — формулами.

Не менее распространенным недостатком в наших работах было частое отсутствие логических мостиков между отдельными частями. Александр Павлович объяснял, прибегая к образному примеру из жизни, который врезался в память. «Привезли кирпичи и свалили. Мы сложили кирпич к кирпичу. Но аккуратно сложенная куча кирпичей не стала печкой. Чтобы сделать печь, надо каждый кирпич смазать цементом,

который бы связал воедино все кирпичи. Так и собранный материал, но не организованный общей цементирующей идеей не может считаться завершенной работой».

Александр Павлович будил исследовательскую мысль, развивая критическое мышление. Он учил не поддаваться гипнозу напечатанного: «То, что напечатано, не должно гипнотизировать. Надо проверять и напечатанное».

В моей памяти сохранились эпизоды, в которых Александр Павлович раскрылся как человек редкого душевного такта.

Однажды я опоздала на консультацию. Александр Павлович уже собрался уходить. Смущенная своим опозданием, торопясь извиниться, я скорее сунула в его руку блокнот с выписками из Белинского и сказала, что не опоздаю в другой раз. А он с добрым, приветливым выражением лица ответил: «Вот и хорошо, что опоздали. Я был занят». Слов, снимающих мою смущенность и смягчающих мое чувство виноватости, я не ожидала и была поражена его редчайшей деликатностью.

Помню, последними часами в расписании была поставлена консультация по дипломным работам. Все столпились у запертой аудитории. Как только дверь открыли, все бросились, чуть не толкая друг друга, занимать места поближе к профессору, чтобы, отчитавшись о проделанной работе, поскорее освободиться. Я, не участвуя в веселой гонке к месту, вошла в аудиторию последней и села на стул около двери. Первой на беседу Александр Павлович вызвал меня. Мы были немного удивлены, но в тот же миг поняли, что таким образом наш учитель выразил свою оценку нашего поведения.

Мои аспирантские годы проходили в Ленинграде.

В октябре 1952 года меня представили В. Е. Евгеньеву-Максимову, и он пригласил меня бывать на спецсеминаре по творчеству Некрасова.

Узнав, что я окончила Саратовский университет и училась у А. П. Скафтымова, он с пафосом произнес возвышенную, трогательную речь в его честь: «Скафтымов — осведомленный и талантливый ученый. Я затрудняюсь назвать кого-нибудь из московских ученых, которые были бы выше его».

Имя Скафтымова было окружено в нашей семье пиететом. Родители в первой половине 1920-х годов слушали его лекции в Саратовском университете. Вспоминали, как на спецкурс по Достоевскому стекались студенты разных факультетов. Уже самостоятельно я узнала А. П. Скафтымова будучи студенткой. Однако ученицей его я стала не сразу. Поступив осенью 1942 года в Ленинградский университет, эвакуированный в Саратов, а осенью 1944-го перейдя в Саратовский, я занималась в семинарах по Пушкину и Гоголю у Григория Александровича Гуковского. Он же меня и рекомендовал в аспирантуру весной 1946 года [3], а летом уехал в Ленинград.

А. П. Скафтымов знал меня только по университетским экзаменам и написанной в семинаре Гуковского работе «Записки сумасшедшего» Гоголя и тема безумия в русской литературе 1830—1940-х годов», в которой Александр Павлович оценил «умение самостоятельно овладеть изучаемым материалом, выделить в нем применительно к поставленной проблеме наиболее существенные стороны, увидеть связи и отличия в сходных явлениях и осветить их последовательно развернутой обобщающей мыслью». В этом отзыве были сформулированы некоторые общие требования Скафтымова к работам студентов.

Став аспиранткой Александра Павловича, я приходила вместе с другими к нему домой, большей частью раз в неделю. Он тратил на нас утренние часы, казалось бы, самое рабочее время дня, свободного от лекций. Для себя он работал и писал поздним вечером, а то и ночью,— «когда все отходит», как выразился Александр Павлович однажды. Приходили мы то вдвоем, то втроем, то в одиночку — смотря по тому, что должно было составить предмет разговора: общие библиографические указания, выбор спецвопросов для аспирантских экзаменов или разбор глав, написанных нами; впрочем, если замечания по частям наших работ имели общий интерес, Александр Павлович излагал их не один на один, а при других аспирантах.

Александр Павлович стремился передать основы подхода к литературному произведению, как он их понимал, старался быть полезным своими знаниями — а он обладал глубокой

[3] Во время войны университетский курс был четырехгодичный.

осведомленностью. Охотно давал книги из своей библиотеки, хотя дорожил ими, знал каждую «в лицо», и любовное отношение к ним сказывалось даже в том, как он неторопливо подходил к полке и брал очередную — такие бережные руки при этом бывают только у настоящих книжников. Но самое главное — у Александра Павловича не было и тени желания замкнуться, сохранить при себе, не расходуя в беседе, все богатство своего концептуального понимания литературного процесса и его отдельных явлений.

При всей этой щедрой открытости Александр Павлович не навязывал своих конкретных мнений, воздействие его на учеников заключалось в другом. Помню, например, один случай, когда он был со мной резок,— мой подход к материалу Александр Павлович расценил как нечто чуждое, навязанное тексту. Я начала тогда работать над диссертацией на предложенную им тему «Романтизм и реализм в раннем творчестве Тургенева», и в первом же моем «опусе» попыталась вычленить образ автора в тургеневских поэмах. По мнению Александра Павловича, мой анализ нарушал целостность, художественное единство поэмы. Он высказался с такой категоричностью о несоответствии средств анализа материалу, что я расстроилась, не сумев это скрыть. Заметив, что задел меня резкостью тона, он разъяснил добросовестно и несколько простодушно: «Понимаете, это же горячность мысли, не принимайте это к сердцу».

Интуитивное, целостное восприятие произведения было первейшим и необходимейшим условием проникновения в его существо, по мнению Александра Павловича. Чтобы заранее устранить все подпорки, заимствованные из существующих концепций, Александр Павлович рекомендовал сначала провести имманентный анализ, ресурсы для которого надо было находить только в самом тексте и в собственных мыслительных способностях. Обрывки чужих построений, незаметно проникавшие в этот анализ, безжалостно изгонялись. Надо было обрести веру в себя и меру полной ответственности за свое слово. Трудно было достигнуть требуемого уровня, но задача обязывала. Одновременно с этим А. П. Скафтымов говорил: «Члените мысль — и тогда перед вами задача обернется новыми сторонами и обнаружатся уязвимые места. Члените мысль!» Мы членили — и тут оказывалось, что утрачено ощущение слитности, неразрывности всех компонентов произведения, что надо восстанавливать первоначальное интуитивное восприятие.

Как-то я зашла в тупик — ни интуиция, ни логический анализ не помогали сдвинуться с места. Александр Павлович посоветовал: «А вы на время все оставьте, отложите». И порекомендовал пойти в библиотеку, засесть за журналы тридцатых-сороковых годов прошлого века, и вот так просто читать подряд и стихи, и прозу, и критику, и публицистику. Сказал, что это очень помогает — и материал новый подбирается, и мысль начинает работать. И действительно помогло — не только выйти из кризиса, но вступить в литературный поток того времени. Сколько раз мне потом помогало это уже однажды изведанное ощущение в занятиях совсем другого рода — в поисках для реальных примечаний, например.

Александр Павлович рекомендовал нашему вниманию книги, относящиеся к избранной эпохе, к современникам писателя, кругу идей в широком смысле. Иными словами — историческое, генетическое изучение предмета требовалось само собой, но знание фактов и документов эпохи, без постоянного целостного восприятия литературного текста, всех компонентов произведения в их единстве, представлялось Скафтымову лишенным истинного смысла. Натасканность без собственной мысли, без напряженного вникания в предмет Александр Павлович презирал. Безошибочно отделял он наивное, но свое, от неорганичного, воспринятого с чужого голоса. Помню его жесткую отповедь одной из аспиранток: «И как вам самой не скучно было все это переписывать!»

В те годы (1946—1949) мы сдавали в аспирантуре несколько экзаменов по истории русской литературы, всякий раз с научной литературой и со спецвопросами: фольклор, древняя литература, литература XVIII и XIX вв., литература начала XX века и советского периода. При этом Александр Павлович ставил задачи, разрешение которых требовало осведомленности в рамках более широких, чем прямая специализация. Однажды он озадачил меня вопросом: «Вы сказки любите?» (Я и в самом деле любила). «А об Иване-дураке — любите?» — «Да, очень».— «Ну, так вот возьмите его, Ивана-дурака, и проследите, как на него смотрели разные школы — мифологическая, историческая — а заодно (Александр Павлович усмехнулся) и с самими школами познакомитесь» (в этом-то, собственно, и заключалась задача). Это был мой спецвопрос на экзамене по фольклору. Задача оказалась увлекательной. Угол зрения был задан с самого начала, и историографический экскурс приобрел для

меня живой интерес. В экзаменационной ведомости, правда, вижу: Иванушку-дурака перекрестили, и получился «Образ Ивана-Царевича в русской сказке (история изучения)».

Однажды Александр Павлович посоветовал мне дорожить драгоценным аспирантским временем, когда можно заниматься исключительно своим делом. «А там — колея! — произнес Александр Павлович, вкладывая в это слово всеобъемлющий смысл.— Знай, шагай, не оглядывайся! — засмеялся он, принимая как должное долю работника, пахаря на жизненном пути».

Помню, что и я как-то задала Александру Павловичу вопрос о его работе. В 1946—1948 годах им были написаны статьи о Чехове. Мне казалось, что три статьи о пьесах Чехова уже могли бы составить книгу о драматургии. Казалось странным почему Александр Павлович пишет только статьи, прибегая к сжатому, уплотненному изложению, и печатает их в «Ученых записках» Саратовского университета, которые не все могут достать, в то время как выходят книги, где иной раз нельзя обнаружить связующей мысли в изложении? — «Что вы! Где же тут книги писать? Ведь у меня лекции, семинары. А на люди без подготовки разве можно выйти? А там дипломники, аспиранты... Нет, вот если по одной статье в год удается писать и то хорошо. А потом книга — ведь знаете — не то, что статья. В статье пишешь только то, что нужно, что хочешь высказать. А в книге придется и много лишнего писать».

Александр Павлович принадлежал к тем людям, которые с годами становятся все красивее. Точно внутренняя духовная жизнь, и ранее, конечно, напряженная, яснее проступала на лице, отпечатывалось благородство, душевное изящество. В нем удивительным образом соединялись глубокая интеллигентность, изысканность и непритязательность.

В лекциях и публичных выступлениях его поражала энергия мысли при сдержанной форме ее проявления, умение оставаться самим собой и не кривить душой ни при каких обстоятельствах.

При этом за годы ученья, преподавания, вообще — умственной работы, он не утратил сноровки в деревенском труде, знакомом с детства. Во время войны и в послевоенные годы на подсобном хозяйстве поочередно работали сотрудники пединститута и члены их семей. Мой отец, вернувшись однажды с подсобного хозяйства, сказал как об единственно интересном впечатлении: «Александр Павлович был, ко-

сил».— «Хорошо?» — спросила я.— «Хорошо!» — и прибавил уважительно, как всегда он говорил о мастерах в любом деле: «Так ровно кладет, и косу не зарывает». Любовь Петровна Жак, бывшая у нас в этот вечер, со свойственным ей добродушным острословием, не оставлявшим ее ни при каком пиетете, выразилась: «Старик себя Левиным воображает, когда косит». Может быть, Александр Павлович и впрямь ощущал родство с толстовским героем, но косил-то он действительно хорошо, и было, вероятно, ощущение необходимого дела, да еще связанного с природой; а в общении с природой он, по-моему, испытывал органическую потребность.

Есть постоянные величины в нашей беспрерывно меняющейся жизни. И Скафтымов — одна из них. Думаю, что не только для меня, а для всех, кому он был учителем в науке и в основах жизненного поведения.

Евграф Иванович Покусаев

Важный этап в дальнейшем обогащении саратовской филологической школы связан с деятельностью профессора Е. И. Покусаева, который более трех десятилетий проработал в Саратовском университете, бессменно возглавляя в течение четверти века кафедру русской литературы. Большие заслуги Е. И. Покусаева в развитии литературной науки признаны общественностью, его труд вузовского педагога отмечен высокими правительственными наградами.

Ближайший ученик и последователь А. П. Скафтымова, обязанный ему своим быстрым профессиональным становлением, выработкой самостоятельных исследовательских принципов, Покусаев пришел в науку несколько иным путем, чем его учителя. Деятельность Покусаева развивалась в общем русле филологической науки сороковых-семидесятых годов. На этом историческом этапе, отмеченном неуклонным (хотя трудным и вовсе не бесконфликтным) углублением гуманитарных знаний, необходимость решения актуальных проблем теории и методологии литературоведения, современного освоения русской классики потребовала коллективных усилий. И Покусаев обнаружил способность сплачивать вокруг себя, заражать единодушием учеников и коллег.

Успех его как руководителя творческого коллектива кафедры во многом определялся тем, что он пришел работать в университет сложившимся человеком. Покусаев принадлежал к поколению комсомольцев двадцатых годов, которое мужало вместе с молодой Советской страной и затем защищало Родину в боях с фашистскими захватчиками.

К моменту защиты кандидатской диссертации (1939) тридцатилетний ученый успел много и самостоятельно поработать в сельской и городской школах, в органах народного

образования. Уча, он должен был все время неустанно учиться сам. Так, он написал несколько книг для детей, принял участие в составлении учебных пособий, будучи сам еще студентом пединститута. Успешно начатые научные и педагогические занятия (в конце 1939 года Покусаев стал доцентом Саратовского пединститута) были прерваны войной.

Фронтовые испытания закалили характер и волю, и вместе с тем военные годы резко отдалили всю предшествующую жизнь. Е. И. Покусаеву, как и многим его сверстникам, пришлось заново обретать себя в работе. Процесс коренного обновления охватил всю университетскую жизнь. В студенческие аудитории пришли, вместе со школьниками, недавние фронтовики, рабочие. Они были взрослее своих лет, на судьбе каждого сказался драматизм военной поры. Но все хотели учиться и искали активных контактов с преподавателями.

Двенадцать послевоенных лет, с момента возвращения Евграфа Ивановича из армии до защиты докторской диссертации, заполнены напряженным научным поиском, практическим решением задач профессиональной подготовки студентов и повседневной ответственной идеологической работой. Каждое из этой череды дел требовало полной отдачи сил. Для сосредоточенной и углубленной работы за письменным столом времени оставалось не так уж много. А между тем, именно в эти годы сложилась яркая творческая индивидуальность ученого, обозначилось его самостоятельное место в ряду известных исследователей русской литературы. Такой итог общезначим и не принадлежит только личной биографии. Обратимся к фактам.

Когда в 1945 году Е. И. Покусаев пришел на кафедру русской литературы Саратовского университета, возглавляемую А. П. Скафтымовым, условия для того, чтобы наверстать упущенное за годы войны и совершенствоваться дальше, оказались благоприятными. Научная жизнь коллектива была интенсивной и многогранной, полной перспективных начинаний. Кафедра ежегодно выпускала один-два тома содержательных, проблемных Ученых записок, проводила научные конференции и диспуты.

Специальные интересы А. П. Скафтымова и его учеников в послевоенные годы по-прежнему были обращены к Чернышевскому, но в круг исследуемых тем теперь включаются также литературно-критическая и публицистическая деятельность Белинского и Герцена. Широкий охват проблем наследия революционных демократов определяет главное научное

направление кафедры русской литературы. Объединенными силами исторического и филологического факультетов была организована дискуссия о методологических основах изучения творчества Белинского; в 1952 году вышел том Ученых записок, посвященный великому критику. Становятся многообразнее типы и жанры работ саратовских ученых. В подготовке и комментировании ряда томов Полного собрания сочинений Белинского, тридцатитомного собрания сочинений Герцена принимали самое активное участие проф. Ю. Г. Оксман и молодые сотрудники кафедры. В те же годы им осуществляются ценные публикации в томах «Литературного наследства», создается «Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского». Исследование Л. Толстого, Тургенева, Некрасова, Островского и других русских классиков ведется на кафедре в последовательном соотнесении их творчества с теоретической платформой революционно-демократической критики — Белинского, Чернышевского, Добролюбова. С ее суждениями связывается изучение устного народного творчества в работах фольклористов.

Е. И. Покусаев унаследовал интерес своего учителя к жизни и творчеству Чернышевского. Он не только освоил методологические принципы изучения революционных демократов, выработанные Скафтымовым, но обогатил их и развил далее — сильно и самостоятельно.

Вместе с тем важно сказать и о другом: в общее научное направление кафедры Покусаев включается со своей темой, глубокая и оригинальная разработка которой обозначит новый этап в развитии саратовской филологической школы. К изучению творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина Е. И. Покусаев приступил ещё будучи аспирантом А. П. Скафтымова, защитив затем под его руководством диссертацию «Губернские очерки» М. Е. Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов XIX века».

Уже в выборе темы, с самого начала, молодой ученый проявил большую самостоятельность. Располагая своими взглядами на эволюцию русской сатиры [1], А. П. Скафтымов непосредственно к Щедрину никогда не обращался. В научном творчестве Покусаева щедринская тема стала централи-

[1] Они были изложены позднее в статье «Белинский и драматургия Островского» (1952 г.), которая содержит глубоко аргументированную концепцию развития русского реализма в сороковые годы, устанавливает преемственную связь и различие двух периодов в истории литературы (Гоголь и натуральная школа).

зующей. При очевидной широте исследовательских интересов он работал очень целеустремленно. Найденное в размышлениях над другим материалом всегда соотносилось, в истоках и результатах, с главной линией постоянного поиска, с методами анализа «своего» писателя и его эпохи. Так, в статье «Н. Г. Чернышевский и М. Е. Салтыков-Щедрин» впервые крупно поставлена проблема реальной сложности развития революционно-демократического мировоззрения в 1850—1860-е годы.

Итог многолетнего труда — докторская диссертация «Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в 60-е и 70-е годы» была защищена в 1957 году в ИРЛИ АН СССР. Начиная с 1958 года, фронт работ по проблемам русской сатиры и творчеству Чернышевского будет значительно расширен и начнется новый период научной деятельности Е. И. Покусаева, когда он станет во главе большого коллектива молодых ученых — своих учеников (о чем будет сказано дальше).

Чтобы проследить, как возник столь значительный результат в деятельности вузовского ученого, недостаточно только иметь в виду свод печатных трудов. Надо учесть все слагаемые, вошедшие в этот результат. Многое из того, что было предметом исследовательского внимания Покусаева, не нашло выхода в печать. Он, как и Скафтымов, опубликовал значительно меньше, чем исследовал. В процессе подготовки монографий о Салтыкове-Щедрине одним из важных звеньев работы было преподавание. Иногда первая «публикация» в студенческой аудитории оставалась и последней. Своеобразной лабораторией стали для Покусаева и семинары по Салтыкову-Щедрину и «Отечественным запискам».

* * *

Семинар «Творчество Салтыкова-Щедрина» был объявлен в 1945 году для первокурсников вместе с другими факультативными семинарами по Чернышевскому (А. П. Скафтымов), по Пушкину (Г. А. Гуковский). Молодому преподавателю нужно было преодолеть известные трудности. Еще недавно саратовцы вместе с ленинградцами слушали лекции профессоров М. П. Алексеева, В. Е. Евгеньева-Максимова, С. Д. Балухатого и других. Первокурсники 45 года стали свидетелями необычайной популярности выступлений профессора Г. А. Гуковского, собиравших многочисленную аудиторию; авторитет А. П. Скафтымова был столь же непререкаем. И тем не ме-

нее семинар доцента Е. И. Покусаева по Щедрину был укомплектован полностью. Впечатления о новом преподавателе оказались необычайно благоприятными. Когда молодые щедринисты, проработав полтора года в семинаре, перешли на 3-й курс, Евграф Иванович предложил им новую тему: «Критика и беллетристика журнала «Отечественные записки» (1868—1884 гг.)». По «Отечественным запискам» специальных работ тогда еще не было, журнал систематически не обследовался, поэтому темы докладов руководитель обозначил крупно: «Стихотворные жанры на страницах журнала», «Драматические произведения в «Отечественных записках», «А. Н. Островский — сотрудник «Отечественных записок», «Ф. М. Достоевский — сотрудник «Отечественных записок», «Щедрин — редактор «Отечественных записок», «Крестьянские рассказы Гл. Успенского», «Критика «Отечественными записками» романов Тургенева», «Отечественные записки» о Л. Толстом», «Романы, повести, рассказы Крестовского», «Критические статьи Скабичевского по русской литературе», «Отечественные записки» и славянские литературы», «Отечественные записки» и западная литература (французская)», «Романы П. Боборыкина». Каждому студенту нужно было прочитать комплекты журнала за 16 лет, отобрать и систематизировать тексты по теме, определить самостоятельно научный аспект анализа, познакомиться с большим кругом специальных работ, чтобы осмыслить и сам по себе обширный материал.

Е. И. Покусаев был озабочен прежде всего выработкой методологических принципов исследования. Все доклады обсуждались в едином аспекте: насколько правомерен и обоснован избранный путь. Обратившись к Островскому, например, нужно было изучать и драматургию Пальма, Потехина, Соловьева; осмысляя поэзию Некрасова, внимательно знакомиться с творчеством Ковалевского, Трефолева, Гольц-Миллера. Учитывать массовую продукцию журнала вменялось в обязанность каждому студенту.

Исключительно плодотворным был сам процесс обсуждения доклада. Е. И. Покусаев обладал талантом ставить перспективные вопросы, придать неожиданный поворот мысли, опрокинуть привычную логику рассуждений, развернуть полемику. Он умел обнаружить перед докладчиком широкие возможности научных поисков. Членам семинара первого «призыва» работать было трудно. Порою студенты не справлялись с большим потоком необработанной информации,

широта охвата фактов выдвигалась на первый план в ущерб глубине анализа.

Организовывая коллективное изучение «Отечественных записок», Е. И. Покусаев сам, возможно, испытывал определенные трудности. Но система работы в семинаре определялась рядом объективных обстоятельств. Задача изучения журнала, объединявшего прозаиков, поэтов, драматургов, публицистов, критиков, далеко не единодушных эстетически, идейно (отношение к народничеству, например), была сложной: едва обозначилась первая стадия ее решения, к тому же известные негативные тенденции в науке тех лет мешали непредвзятому анализу материала. Е. И. Покусаев всегда сопротивлялся всякой догматизации знаний и системы самого преподавания, стремился высвободить творческую инициативу, боролся с декларативностью мысли, с избирательной описательностью. Его вопросы при обсуждении докладов подводили к открытию внутренней сути явления, заставляли самостоятельно думать.

Е. И. Покусаев не написал монографии о журнале «Отечественные записки», ряд работ по материалам журнала опубликуют позднее его ученики. Но руководство молодым студенческим коллективом — важный этап в становлении исследовательской методологии ученого. Покусаев нашел принципы изучения журнала в историко-литературном аспекте, сформулировал важнейшие положения теории журнального дела. Строгое требование всестороннего изучения первоисточников, которое он предъявлял студентам, было программным и для него самого.

В 1950—1951 учебном году Е. И. Покусаев объявляет новый семинар «Литература Великой Отечественной войны». На первый взгляд может показаться, что тем самым была произведена решительная замена одной специализации другой. Это и так, и не так. Несколько необходимых пояснений в связи с темой семинара. До 1949 г. на кафедре русской литературы не было специалиста по советскому периоду. Общий лекционный курс, спецсеминар и группу дипломников вела доцент пединститута Л. П. Жак. Работа шла успешно [2]. Но, как говорил А. П. Скафтымов, «запрашивающий интерес» был велик и требовал больших усилий. Начиная с 1949 года, изучение советской литературы развертывается очень широко.

---

[2] Так, например, студентом этого семинара В. В. Гурой была опубликована первая биобиблиография М. А. Шолохова; другими студентами выполнен был ряд интересных работ о Федине, А. Толстом, Фадееве.

Вводится сразу несколько семинаров: «Советский исторический роман», «Советская песня в годы войны», спецсеминары по творчеству Фадеева, Гладкова, по советской детской литературе. А. П. Скафтымов курирует кандидатские диссертации о Демьяне Бедном, Аркадии Гайдаре, о советской поэзии Великой Отечественной войны. Выходят специальные тома «Ученых записок» со статьями, охватывающими большой круг имен советских писателей, поднимаются проблемы развития исторической прозы и драматургии, песенного творчества, эпической поэзии и т. д. Сотрудники кафедры публикуют в местной печати ряд статей о произведениях саратовских писателей.

Главная инициатива включения коллектива кафедры в разработку проблем советской литературы принадлежала Евграфу Ивановичу Покусаеву — декану факультета в 1949—1951 гг., а с 1951 г.— заведующему кафедрой русской литературы. И то, что его призыв нашел живой и деловой отклик, показывает убедительно, насколько жизненно важным и нужным был такой поворот. Характерно, что при этом интенсивность изучения классики не снижалась, а возрастала, обогатившись современными идеями. Одновременное обращение исследователей к русской и советской литературе сообщало их трудам глубину историко-литературной перспективы, позволяло очевиднее раскрыть роль классики в современной культуре, уточнить критерии оценок и обновить пути анализа художественных явлений советского периода.

Литература Великой Отечественной войны была к тому времени мало изучена, для историков и теоретиков литературы она представляла еще целину. Сам Евграф Иванович — участник войны — ощущал литературу этой великой и грозной эпохи как общественно значимую художественную летопись жизни всего народа. Привлечь внимание молодежи к патриотическим идеям литературы он считал своим гражданским долгом и профессионально широко намечал проблематику занятий вновь организованного семинара.

Разрабатывая научно-методические принципы и программу семинара, Е. И. Покусаев обозначил в качестве ведущих три проблемы: литературно-журнальная политика, писатель на войне, классическое наследие в годы Великой Отечественной войны. Используя недавний опыт работы по «Отечественным записках», руководитель, формулируя темы докладов, предложил студентам тщательно изучить периодику 1941—1945 гг. («Правда», «Знамя», Новый мир», «Октябрь» и др.). Для

специального осмысления было выделено творчество военных лет Л. Леонова, К. Федина, А. Толстого, И. Эренбурга. Очень большое внимание уделялось внутренним связям классической литературы и современности. Исследовалась постановка проблемы классического наследия в выступлениях «Правды», раскрывалось значение творчества Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого и других русских писателей в новый исторический период. Изучалась роль публицистики М. Горького в годы Великой Отечественной войны. Сохраняя постоянство своего интереса к любимейшему роду литературы — сатире, Е. И. Покусаев привлек студентов к разработке целого ряда тем, связанных с изучением сатиры советских поэтов, сатирических традиций Салтыкова-Щедрина, В. Маяковского, Д. Бедного в литературе 1941—1945 годов.

Руководитель семинара сумел увлечь небольшой коллектив пафосом исследования новых, не освоенных еще учеными материалов. Студенты много работали, собирая библиографию, просматривая «Летописи газетных и журнальных статей», «Книжное обозрение» за военное и послевоенное пятилетия. При подготовке докладов они обращались не только к печатным, но и к архивным материалам, беловым и черновым автографам писателей, их переписке и другим неопубликованным источникам. Е. И. Покусаев не жалел сил и времени, приобщая студентов к кропотливым библиографическим и источниковедческим разысканиям, щедро делился своими знаниями, наблюдениями, опытом. Все работы членов семинара были представлены в качестве дипломных сочинений, лучшие из них — опубликованы. Исследовательский опыт и знания, полученные в ранних покусаевских семинарах, стали первым шагом к будущим кандидатским диссертациям [3].

Покусаев считал опасными для филолога узкий профессионализм и «спецификаторство». Классика должна изучаться в глубокой взаимосвязанности явлений в системе богатых сопоставлений. Советская литература и классическое наследие — сквозная проблема в разрабатываемых Покусаевым проспектах научной работы коллектива вплоть до создания в 1958 году кафедры советской литературы (зав.

[3] *Никитина Е. П.* Проблема положительного героя в русской советской поэме периода Великой Отечественной войны. Саратов, 1952; *Она же.* Поэма военных лет. Саратов, 1958; *Барковская А. Ф.* Литературно-критический отдел «Правды» в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1955. Обе диссертантки в студенческие годы работали в семинаре по «Отечественным запискам».

кафедрой — проф. П. А. Бугаенко). Но и после 1958 года раскрытие роли традиций классики для современной культуры останется предметом внимания в научных трудах, в литературно-критических выступлениях и в пропагандистской работе сотрудников кафедры русской литературы и, прежде всего, самого заведующего.

Особенно дорогие исследователю страницы его книг и статей о Чернышевском и Салтыкове-Щедрине имеют прямые и широкие выходы к насущным вопросам современности.

Классика мыслилась Е. И. Покусаевым как актуальная составляющая часть коммунистической культуры. Достоинство одной из рецензируемых им книг о Белинском он видел в том, что, развивая идеи критика, «автор как бы наводит читателя на современные темы и увлекает его в содержательные рассуждения» [4]. То же с полным основанием можно сказать и о статьях самого Евграфа Ивановича о Радищеве, Белинском, Гоголе, Щедрине, Чернышевском. Адресованные широкой читательской аудитории, они всегда оставались по-настоящему профессиональны и глубоки, ни в чем не отступая от актуальных проблем науки. О том, насколько тщательна и серьезна была работа Е. И. Покусаева над газетной статьей или выступлением в литературно-художественном журнале широкого профиля, свидетельствует уже многообразие жанров такого рода публикаций. Здесь и рецензия на новую книгу, и теоретико-публицистическая статья, обзор творческого пути писателя и критико-биографический очерк, библиографическая заметка, критический этюд о языке современной прозы и годовое обозрение.

В статье «Белинский и журналистика» Е. И. Покусаев особенно подчеркивал, что революционно-демократическая традиция исходила из признания «атакующей критики силой активной, воинствующей, наступающей» [5], противостоящей безыдейности, «литературному барышничеству» и равнению на «посредственность и рутинные понятия».

---

[4] *Покусаев Е. И.* Эстетика Белинского /Рец. на кн.: *Лаврецкий А.* Эстетика Белинского. М., АН СССР, 1960/.— Литература и жизнь, 1960, 19 августа, № 98, с. 3.

[5] *Покусаев Е. И.* Белинский и журналистика.— В кн.: Наследие Белинского. М., 1952, с. 323—369.

Уроки классики были для Е. И. Покусаева образцом гражданственности и патриотизма [6].

Мировоззренческие позиции писателя, принцип партийности литературы, возникновение социалистического реализма в русской литературе и утверждение новых эстетических завоеваний, развитие эпических жанров на разных этапах формирования советской литературы, история советской сатиры — все эти и другие вопросы теории и практики литературного творчества рассматривались Покусаевым в глубокой преемственной связи с русским классическим наследием. Он был вдумчивым читателем Горького, Шолохова, Фадеева, Ильфа и Петрова, Булгакова, большим знатоком поэзии Маяковского, Д. Бедного, Блока, Есенина, Твардовского. Многим саратовцам памятно цельное по концепции, отточенное по форме «Слово о Федине», которое он произнес, открывая в 1959 году научную конференцию, посвященную творчеству К. А. Федина (в работе конференции принял участие сам писатель).

Современное советское искусство Е. И. Покусаев видел в его преемственных связях с русской классикой, традициями реализма и народности. Совсем не случайно его выступление с рецензией на сборник «Русская народно-бытовая лирика. Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой» [7]. Для Е. И. Покусаева этот сборник во многих отношениях был нравственным мерилом всего, что пишется не только о народе на войне, но и вообще о народной жизни, народном характере. Потому и в рецензии естественно возникли лирико-публицистические ноты повествования об испытаниях войны — ни академический тон, ни объективность библиографа здесь были бы недостаточны. И личный опыт войны, и опыт жизни, и глубокое понимание духовной культуры народа — все вместе породило особые слова этого особого отклика.

---

[6] 31 июля 1941 года, в тягчайшие для нашего народа дни, ученый писал: «Величие русской литературы не только в том, что она с огромным художественным совершенством, правдивостью и простотой воспроизвела широкие полотна русской жизни, создала целую галерею реалистических характеров и не только в том, что она полна мужественного протеста против всякого зла и насилия, вдохновенных гимнов в честь свободы и народа. Великая социальная сила русской литературы заключена также в органически проникающем ее героическом патриотизме». (*Покусаев Е. И.* Патриотизм великой русской литературы.— Коммунист, 1941, 31 июля, № 179, с. 2).

[7] Волга, 1974, № 7.

Примером дружеской взыскательности, бескомпромиссного внимания к писателю, делового интереса к его творческому развитию и росту явились отклики Е. И. Покусаева на произведения Г. Коновалова. Богатейший редакторский опыт, безупречный вкус и непобедимый юмор рецензентских выступлений Е. И. Покусаева делали их заметным явлением — их перечитывали, запоминали надолго, по ним равнялись. Как мастер слова писал ученый о языке произведений саратовских писателей, и требование «ясности, широты обобщения, художественной отточенности слова» было одновременно требованием идейности[8].

* * *

Широко известные теперь труды Е. И. Покусаева о Салтыкове-Щедрине, принадлежащие его перу главы и очерки в вузовских учебниках, пособие, адресованное учителям и школьникам, восходят к двухтомной фундаментальной докторской диссертации.

Историческая логика развития отечественного литературоведения такова, что на широком фоне филологических работ в разные десятилетия отдельные крупные отрасли наиболее интенсивно аккумулируют общие теоретические и научно-практические достижения. Эти отрасли оказывают в свою очередь заметное воздействие на весь фронт специальных исследований.

1950-е — первая половина 1960-х годов — пора значительного методологического и методического обновления литературной науки, преодоления многих существенных догматических изъянов обществоведения. Этот период отмечен принципиальными дискуссиями о природе художественного метода, о важнейших этапах русского освободительного движения и о связи их с общественно-литературным процессом. В истории русской литературы первостепенное внимание обращено на масштабное, диалектически сложное изучение 1860-х годов, теории и художественно-публицистической практики революционных демократов и народников. В этой связи наибольший научно-творческий потенциал обретает именно щедриноведение. Сама драматически сложная фигура великого художника-сатирика, активного и мудрого участника социально-литературной борьбы эпохи, неотразимое нравст-

[8] *Покусаев Е. И.* Заметки о языке произведений саратовских писателей.— Коммунист, 1951, № 86, с. 12.

венно-эстетическое воздействие Салтыкова-Щедрина на многие поколения русских революционеров побуждают филологов к пристальному, неоднозначному осмыслению основных этапов щедринской биографии, динамики его художественного метода, особенностей его поэтики. Труды А. С. Бушмина, С. А. Макашина, Е. И. Покусаева открывают новую перспективу в исследовании обширного круга вопросов, связанных с пониманием литературной эпохи, явившейся «шагом вперед в художественном развитии всего человечества» [9]. Щедриноведение в известном смысле подготовило почву и для последующего (в 1960—1970-х годах) развития отечественной науки о Достоевском.

К 1950-м годам советским щедриноведением был накоплен плодотворный опыт текстологического изучения щедринского наследия; определился основной корпус сочинений писателя; «главнейшие стороны мировоззрения и творчества сатирика были рассмотрены и освещены с марксистско-ленинской точки зрения, в связи с конкретными событиями эпохи, в перспективах и аспектах русского освободительного движения» (Е. И. Покусаев). Однако, как писал исследователь, в щедриноведении предшествующего периода сознательно или невольно в процессе непосредственного анализа выпрямлялся путь сатирика «к усвоению революционно-демократического и социалистического мировоззрения», история постепенного утверждения взглядов, поистине выстраданных автором «Истории одного города» и «Господ Головлевых», передавалась «бегло, обедненно», о противоречиях на сложном пути обретения передовых идеалов века сообщалось «маловразумительной скороговоркой». При этом в книгах компетентных специалистов сочинения Салтыкова-Щедрина рассматривались «преимущественно как результат творчества идей, теоретических доктрин, эстетических концепций, непосредственно политической инициативы и политических действий» [10]. Получалось так, что Салтыков-Щедрин «интересен прежде всего как идеолог, теоретик, политик, философ, публицист, а затем уже как художник-сатирик» [11]. Явно недооценивался художественный пафос щедринского сатирического творче-

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.

[10] *Покусаев Е. И.* Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1957, с. 7.

[11] *Покусаев Е. И.* Салтыков-Щедрин в советском литературоведении.— Русская литература, 1975, № 4, с. 24.

ства, революционизирующая сила его образно-поэтического таланта. Почти исключительная сосредоточенность на идейно-тематическом, социологическом анализе сочинений Салтыкова-Щедрина превращала их «в простые иллюстрации к историческим фактам».

Е. И. Покусаев видел свою главную задачу в осмыслении драматизма духовной жизни писателя, в слитном идейно-эстетическом анализе крупнейших его очерковых циклов и романов, в «пересмотре установившихся точек зрения на идейно-творческое развитие Салтыкова-Щедрина в 60-е годы, опровержении предвзятых схем и квалификаций»[12]. Подход исследователя к актуальным литературоведческим проблемам отличался глубоко продуманной системностью. Салтыков-Щедрин изучался в живой динамике его идейно-поэтического развития, в масштабном историко-литературном контексте. С этой целью привлекается широкий круг печатных и рукописных источников, среди которых, помимо художественных текстов — основы основ филологического изучения, а также эпистолярных документов и мемуарной литературы, самое заметное место отводится современной Салтыкову-Щедрину периодической печати. «Именно этот источник,— по словам Покусаева,— позволил восстановить окружавшую Салтыкова-Щедрина историческую атмосферу, в которой зарождались замыслы его сатирических произведений, показать ту историческую среду, которая конкретизировала, уточняла социально-политический адрес сатирических разоблачений. Никакой другой источник не открывал такого богатства жизненных, социально-бытовых, исторических реалий салтыковской сатиры, какое дали журналы и газеты 60—80 годов»[13].

Впечатляет один только список периодических изданий, обследованных Е. И. Покусаевым год за годом, месяц за месяцем и послуживших надежной основой работ о Салтыкове-Щедрине. Здесь и «Современник» 1855—1866 годов, «Русский вестник» с 1856 по 1884 год, «Время» и «Эпоха», «Русское слово», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Вестник Европы», «Дело», «Заря», «Слово», «Искра» и многие другие органы печати[14]. Свободное владение материалами журнально-газетной периодики помогало Е. И. По-

[12] *Покусаев Е. И.* Идейно-творческий путь Салтыкова-Щедрина в шестидесятые и семидесятые годы. Автореф. дис. .... докт. филол. наук, с. 8.
[13] Там же, с. 11.
[14] Там же, с. 11—12.

кусаеву щедро вводить их в свои университетские лекционные курсы, интенсивно обновлять перечень исследовательских тем в специальных студенческих семинарах, предлагать оригинальные задания аспирантам. В 1967 году он писал на страницах «Вопросов литературы» о том, как мало еще у нас специальных филологических трудов, посвященных журналам, сыгравшим выдающуюся роль в русском историко-литературном процессе: «Да и работы, за малым исключением, несут на себе груз описательности, эмпиричности; литературоведческая специфика в них трудноуловима или вовсе отсутствует. Беда в том, что методология и методика филологического изучения коллективных органов общественно-литературной мысли разработаны весьма слабо. Мне представляется просто конфузным положение, когда, скажем, «Краткая литературная энциклопедия» не в состоянии «оснастить» специальной литературой свои справки-информации о «Вестнике Европы», «Деле», «Слове», «Всемирном труде», «Заре», «Неделе», «Русском богатстве», «Гражданине», «Русской мысли» и многих других журналах прошлого века. Между тем тут существуют свои «загадочные» сюжеты. Ведь это факт, что в «Русском вестнике» появились шедевры отечественной классики — романы Тургенева, Л. Толстого, Достоевского. Реальностью было и то, что в этом издании, по причинам его благонадежности, читатель получал довольно откровенные сведения (пусть и в реакционной интерпретации) о том, как мыслила и что делала в литературе революционная Россия, ее «властители дум». Во всяком случае, не будет излишней монография, в которой эти и многие другие относящиеся сюда материалы и факты нашли бы обстоятельное научное разъяснение»[15]. Стремясь восполнить этот пробел, Покусаев предлагал студентам и аспирантам семинара задания по составлению систематических журнальных росписей («Русское слово», «Дело» и др.), по изучению отдельных эпизодов журнальной борьбы, по воссозданию жизни художественных жанров в журнале (романа, драмы, стихотворной сатиры, жанров журнальной критики).

Задачи, поставленные Е. И. Покусаевым, и по сей день не могут быть отнесены к числу удовлетворительно решенных.

Щедринское сатирическое творчество неотделимо от журнальной жизни России, и это нашло, в частности, рельефное отражение в книгах Е. И. Покусаева «Салтыков-Щедрин в

[15] Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 47—48.

шестидесятые годы» (Саратов, 1957) и «Революционная сатира Салтыкова-Щедрина» (М., 1963). Идейно-стилевой анализ художественного произведения (или цикла произведений) писателя-сатирика неизменно проводился в контексте журнальной борьбы эпохи, в кровной связи с творческим опытом художников — предшественников и современников. Не только в щедриноведении, но и в других областях историко-литературных исследований пристальное внимание филологов привлекли многочисленные страницы работ Е. И. Покусаева, посвященные преемственным связям идей и образов щедринской сатиры с творчеством Пушкина, Грибоедова, Гоголя, идейно-художественным взаимоотношениям Салтыкова-Щедрина с Чернышевским, Некрасовым, Достоевским, Л. Толстым, Тургеневым, Герценом, Писаревым.

Истинные завоевания литературной науки в исследовании творчества революционных демократов, в их числе и Салтыкова-Щедрина, убежден был Е. И. Покусаев,— на пути дальнейшего освоения методологических уроков В. И. Ленина. Евграф Иванович не мыслил полноценного изучения литературно-художественного и эстетического наследия русских революционных демократов вне учета и всестороннего осмысления ленинских суждений, оценок, характеристик исторического процесса России XIX века. Е. И. Покусаев считал, что специалисту-филологу наряду с изучением программных для литературной науки трудов В. И. Ленина непременно следует обращаться и к работам философским, историческим, политико-публицистическим, не имеющим, на первый взгляд, прямого отношения к литературе, но тем не менее обогащающим филологов глубинным знанием законов социального прогресса. «Эти ленинские работы,— подчеркивал Е. И. Покусаев,— представляют собой совершенные образцы широких научных обобщений, теоретически емких концепций, богатства и разнообразия принципов, подходов, конкретных приемов и способов анализа сложных общественных явлений»[16]. Обобщающему суждению ученого предшествовал собственный его опыт проникновения в ленинскую методологию научного познания, воплотившийся в монографиях о Салтыкове-Щедрине и Чернышевском, в статьях о Гоголе, о Белинском и русской

---

[16] *Покусаев Е. И.* От редактора.— В кн.: Методологические вопросы литературной науки. Саратов, 1973, с. 5.

журналистике, в принципиальных выступлениях по вопросам современной советской литературы, по проблемам литературоведческой методологии и источниковедения.

Большие успехи Е. И. Покусаева в осуществлении известного ленинского наказа «оживить полностью Щедрина для масс», в изучении и пропаганде щедринского наследия стали возможны благодаря счастливой и не так уж часто встречающейся в науке духовной близости историка литературы и художника, которому посвящается исследовательский труд. Настоящий мастер слова всегда как бы оставляет за собой право «открываться» навстречу специалисту и читателю или «не отзываться» на их настойчивые вопрошения. В конечном счете решающую роль в этом играет внутреннее «родство душ», характеров, темпераментов. Сказанное тем более относится к Салтыкову-Щедрину, писателю, как аттестовал его Чернышевский, «по преимуществу скорбному и негодующему», для верного, неискаженного и самостоятельного восприятия и изучения которого необходима щедрая интеллектуальная и эмоциональная отдача, глубокое и многообразное чувство комического, большая общеисторическая подготовка, умение разбираться в общественно-психологических особенностях российской жизни прошлого века. Е. И. Покусаев был наделен всеми отмеченными качествами и способностями.

Исследовательский слог ученого словно бы вобрал в себя афористическую емкость и убийственную меткость, завершенность иронических формул великого сатирика. Достаточно вслушаться в эти неожиданные, но столь точные, остроумные, характеристические покусаевские словосочетания, часто встречающиеся в его работах о Салтыкове-Щедрине: «наглухо закупоренный внутренний мирок», «унылая эмоциональная нагота», «карьеристские поползновения», «назойливое легкомыслие», «зубодробительные подвиги», «хищнические вожделения», «податливость либерального жуира», «амурные баловства», «меркантильная мечтательность», «кропотливое родительское накопительство», «страсть политического сыска», «крохоборческое ворошение жизненных мелочей» и т. п. Даже извлеченные из контекста эти фразы и словосочетания продолжают жить, излучая насмешливо-иронический свет.

Стиль ученого, по определению рецензента, «яркий без претенциозности, экспрессивный без развязности, эмоциональный без имитаторства». Е. И. Покусаев ведет речь «жи-

во, заинтересованно и темпераментно»[17]. Он говорит о Салтыкове-Щедрине с подлинно лирической воодушевленностью, отмечая в его нравственно-психологическом облике приметы личности, чрезвычайно близкие самому исследователю и вызывавшие в нем искреннюю симпатию и сочувствие.

«По природе своей человек не выносит одиночества»,—пишет Е. И. Покусаев. Не случайно, характеризуя личность Салтыкова-Щедрина, он не раз припоминает свидетельство известного публициста журнала «Отечественные записки» С. Н. Кривенко, который очень точно подметил «одну чисто народную черту характера Салтыкова: он был артельным, мирским человеком... в смысле склонности жить и действовать артельно, миром и постоянно принимать близко к сердцу общественные интересы». Салтыков-Щедрин близок Е. И. Покусаеву своим природным, искренним, непоказным демократизмом, коллективистским темпераментом, острым чувством современности, неутомимой жаждой дела, способностью просвещать и объединять людей.

В книге «Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы» Е. И. Покусаев ставит своей целью показать «картину напряженных, порой мучительных идейных исканий сатирика, сложную эволюцию его общественной мысли, противоречивый процесс кристаллизации и укрепления его революционно-демократического мировоззрения»[18]. Читатель узнает, как постепенно складывался и утверждался творческий метод Салтыкова-Щедрина, характер его эстетических отношений к действительности, какую роль в становлении и развитии художника-реалиста сыграли обстоятельства «переворотившегося» бытия России в 1860-е годы, сложная идеологическая и политическая борьба эпохи, драматическая полемика в стане радикалов, так называемый «раскол в нигилистах», некоторые принципиальные вехи в биографии писателя (в частности, его чиновничья служба в российской провинции). Не утрачивают методологической ценности настоятельные напоминания Е. И. Покусаева о том, что «само революционно-демократическое мировоззрение, его программные и тактические установки, идеи, принципы не есть затвердевшая, раз и навсегда установившаяся идеологическая данность. Револю-

[17] *Бухштаб Б.* Сатира Щедрина в 70-е годы.— Вопросы литературы, 1964, № 6, с. 199.

[18] *Покусаев Е.* Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы. Саратов, 1957, с. 157—158.

ционно-демократическая мысль развивалась и углублялась, обогащалась историческим опытом освободительной борьбы шестидесятых годов. Рассматривать революционный демократизм суммарно, сплошь, недифференцированно — значит, скатываться к догматизму, искажать картину идейной жизни эпохи» [19].

Монография «Революционная сатира Салтыкова-Щедрина» (в нее вошел второй том докторской диссертации Е. И. Покусаева) посвящена анализу вершинных произведений сатирика 1870 — начала 80-х годов. Каждая из щедринских сатир «рассматривается как сложное идейно-художественное целое, в котором неповторимо синтезируются пафос духовных исканий писателя и выражающие его образные формы». Так определяет свою задачу сам автор монографии. При относительной суверенности отдельных глав, все они объединены общим исследовательским замыслом —«показать многосторонность и нерасторжимость связей творчества сатирика с освободительной борьбой в России», осветить «главные мотивы общественно-революционной сатиры Салтыкова-Щедрина, наиболее характерные особенности его мастерства, его сатирического искусства» [20].

В центре исследовательского внимания — способы щедринской сатирической типизации, принципы психологического анализа, приемы собирательных, коллективных характеристик, диалектика взаимопроникновения трагического и комического начал, особенности финальных решений в сатирических циклах и романах. Художественная система писателя изучается в ее непрерывающемся развитии; выявляется момент перехода, превращения эмпирических авторских наблюдений, жизненных впечатлений, разного рода биографических подробностей, социально-психологических и идейно-образных обобщений в принципиально новое, эстетическое, поэтико-публицистическое качество.

В главах об «Истории одного города», «Помпадурах и помпадуршах», «Современной идиллии» обстоятельно показано созидание «новой концепции сатирического характера», связанной с обращением к дерзкой фантастике, к необыкновенным гиперболическим уподоблениям, к гротескному рисунку: «Гипербола как бы прорывает осязаемые покровы

---

[19] Там же, с. 126.

[20] *Покусаев Е.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1963, с. 5.

действительности, вынося наружу настоящую природу явления... Гиперболический образ приковывает внимание к безобразию зла, к тому отрицательному в жизни, что уже примелькалось, в чем отвыкли отдавать себе отчет». Е. И. Покусаев изучает и другой существенный аспект, другую идейно-эстетическую функцию фантастического и гиперболического мышления, которое вскрывает «зарождающееся, находящееся под спудом, существующее пока еще только как готовность»[21]. Художественный гротеск становится при этом «формой предвидения», социально-исторического прогнозирования.

Одна из вершин исследовательского мастерства Е. И. Покусаева — предложенный им анализ романа «Господа Головлевы». В книге «Революционная сатира Салтыкова-Щедрина», а позднее в монографии «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина», вышедшей в серии «Массовой историко-литературной библиотеки»[22], воссоздана творческая история романа, показано, с какой образной силой раскрывает писатель-сатирик диалектику обманного, праздного слова, лишенного живого человеческого смысла и способного лишь разобщать и тиранить людей: «Пустое слово Порфирия имитирует благородные, высокие душевные побуждения, прекрасные человеческие действия и поступки, тогда как на самом деле у героя нет ничего за душой, кроме бессердечия... Проституированное слово может отдаться любому речению, кривляться и скакать в любом паскудном периоде, в любой словесной комбинации. Вот именно таким путем сатирик и создает самый образ пустословия»[23]. По-новому освещены Е. И. Покусаевым финальные сцены головлевской хроники, в которых Салтыков-Щедрин достигает поистине гениальных высот художественно-психологического откровения. Писатель революционно-просветительского пафоса наделяет Иудушку — Порфирия Головлева « такими чертами, заставляет его высказать такие весомые, не пустые слова, открывает в его смрадной гаснущей жизни такие поступки, что резко очерченный тип помещика-стяжателя и пустослова воспринимается по-настоящему трагически»[24]. Е. И. Покусаев разъясняет щедринскую концепцию финала «Господ Голов-

[21] Там же, с. 38.

[22] *Покусаев Е.* «Господа Головлевы» М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1975.

[23] *Покусаев Е.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина, с. 411.

[24] Там же, с. 425.

левых», которая, не имея ничего общего с точкой зрения «всепрощающего моралиста», призвана пробудить читательскую сознательность, нравственно-психологическую зоркость самооценок, раскрыть действительный трагизм необратимого человеческого оподления: «Человек не может не назвать мерзавца мерзавцем, хотя этот последний и есть продукт истории и среды» [25]. Никто не снимет с Иудушки Головлева страшной вины за содеянное, за нескончаемую цепь злодейств, но еще суровее оказывается безнадежно запоздавший суд собственной совести.

Сложное осмысление образов щедринского романа и прежде всего Порфирия Головлева — пакостника, лгуна и пустослова, пристальное внимание к законам сатирического психологизма, обстоятельный лексико-стилистический и композиционный анализ произведения — эти и другие разделы исследования о «Господах Головлевых» давно вошли в актив науки о Щедрине.

Как отмечал А. С. Бушмин в рецензии на книгу Е. И. Покусаева «Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы», саратовский ученый «сумел сказать действительно новое слово, обогащающее и уточняющее наше представление о становлении мировоззрения писателя, об эволюции его художественной мысли, развивавшейся в интенсивных исканиях и сложных противоречиях, но всегда устремлявшейся к более полному овладению идеалами революционной демократии» [26]. По словам С. А. Макашина, «примененный Е. И. Покусаевым метод изучения щедринской сатиры во взаимосвязах с другими идеологическими, историко-культурными явлениями эпохи оказался весьма положительным. Он придал исследованию большую емкость и широту кругозора, помог наглядно показать художественные открытия Щедрина и многосторонность связей его творчества с освободительной борьбой эпохи» [27].

В 1960—1970-е годы исследовательские, редакторские и педагогические принципы Е. И. Покусаева воплотились в его работе над последним двадцатитомным собранием сочинений Салтыкова-Щедрина. Е. И. Покусаев был одним из редакторов и непосредственным участником этого издания. Ему принадлежат здесь очерк творчества Щедрина, поме-

[25] Там же, с. 433.
[26] Русская литература, 1958, № 3, с. 193.
[27] *Макашин С.* Революционная сатира Салтыкова-Щедрина.— Новый мир, 1964, № 5, с. 279.

щенный в первом томе сочинений, преамбулы к примечаниям четвертого и шестого томов, объединяющих повести, очерки, пьесы и публицистику сатирика 50—60-х годов и т. д.

В своей комментаторской и текстологической работе Е. И. Покусаев опирался на изданное в предвоенные годы Полное собрание сочинений Щедрина, которое он ценил за «критически изученные тексты произведений, выверенные, очищенные от цензурных искажений, редакторских, типографских и иных ошибок» [28], и признавал его «выдающееся научное и культурно-политическое значение», определяющееся тем, что этим двадцатитомником создана широкая база «как для исследовательской работы над Салтыковым-Щедриным, так и для ознакомления с его творчеством широких кругов новых советских читателей» [29].

«Высокий научный уровень, обстоятельность и полнота комментариев» [30] были тем результатом, который прежде всего и отметили рецензенты. Особо был выделен ими открывающий собрание очерк творчества Щедрина. «Можно с уверенностью сказать,— говорилось в одном из откликов,— что этой яркой, темпераментно написанной, серьезной научной статье надежно гарантирован прием как у щедриноведов, так и у широкого круга читателей...» [31].

Особое значение имела деятельность Е. И. Покусаева как организатора и бессменного руководителя саратовской группы щедриноведов, его учеников, принимавших участие в подготовке ряда томов или отдельных материалов издания. Т. И. Усакиной были выполнены статьи и примечания к произведениям писателя 40-х годов; А. А. Жук написана вступительная статья и комментарии к «Современной идиллии» и к большей части «Недоконченных бесед»; В. В. Прозоровым — вводный очерк к «Господам Головлевым» (в соавторстве с Е. И. Покусаевым) и комментарии к роману. С момента организации творческого коллектива в комментировании щедринских сочинений участвовали также Г. Н. Антонова, Д. И. Мишнева, В. А. Мысляков, И. В. Порох,

---

[28] Русская литература, 1975, № 4, с. 22.

[29] От редакции.— В кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин. Собр. соч. в 20-ти томах. М., «Худож. лит.», 1965, т. 1, с. 5.

[30] *Баскаков В., Никитина Н.* Салтыков-Щедрин в советских изданиях.— Русская литература, 1967, № 1, с. 128.

[31] Там же, с. 129. См. также: *Николаев Д. П.* Новое собрание сочинений Щедрина.— Вопросы литературы, 1973, № 1, с. 260.

Н. Е. Прийма, Г. Ф. Самосюк, П. А. Супоницкая. Ими же осуществлялась и текстологическая работа.

Важным итогом всех видов и форм исследовательской практики редактор полагал выработку текстологических принципов, освоение методики подготовки научного издания классики. В результате Е. И. Покусаев мог с удовлетворением сказать: «Главное, что отличает новый двадцатитомник от предыдущих изданий, состоит в обстоятельном научном комментировании щедринских произведений» [32].

Для воспитания профессиональных и нравственных качеств молодых ученых большое положительное значение имели деловые контакты с главным редактором издания С. А. Макашиным. Обсуждения материалов на этих встречах Е. И. Покусаев рассматривал как необходимое и эффективное звено в конкретной исследовательской практике, как средство прояснения дискуссионных вопросов.

О поисках и находках, об открытиях и просчетах, сопровождавших подготовку к печати сочинений сатирика, не раз сообщалось на «покусаевском» щедринском семинаре; новые наблюдения включались в специальные курсы лекций по истории сатиры, на их основе формулировались темы дипломных работ.

В печати неоднократно высказывалась мысль о плодотворности участия в новом собрании сочинений Щедрина литературоведов разных городов (в том числе и Саратова) [33].

Е. И. Покусаев принимал систематическое участие в подготовке и других капитальных изданий: под его редакцией в издательстве «Наука» в 1965 г. вышел 9 том Полного собрания сочинений И. С. Тургенева, в 1973 г.— 5 том Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского.

* * *

С самого начала углубленные занятия творчеством Салтыкова-Щедрина обратили Е. И. Покусаева к наследию Чернышевского. Анализируя «Губернские очерки», исследователь не мог пройти мимо оценок этого произведения, данных Чернышевским. Потребность глубоко осмыслить литературно-общественный процесс 50—60-х годов XIX века настойчиво

---

[32] Русская литература, 1975, № 4, с. 22.

[33] См.: *Николаев Д. П.* Значение его сатиры огромно...— Вопросы литературы, 1979, № 7, с. 244; *Макашин С.* Двадцать томов Щедрина.— Литературная газета, 1978, 5 апреля, № 14.

продиктовала исследователю все более серьезное погружение в идейно-философский и творческий мир Чернышевского. В итоге тема Чернышевского прошла, параллельно с щедринской, через всю творческую жизнь ученого. Е. И. Покусаев стал одним из авторитетнейших знатоков революционной идеологии, эстетической теории, литературного и критического наследия Чернышевского. В Москве и Саратове пять изданий выдержал очерк жизни и творчества Чернышевского, имеющий адресацию: от «узких» специалистов-гуманитариев до массовых читательских кругов [34]. На новом уровне обобщения идейно-творческий путь Чернышевского представлен статьей о нем Е. И. Покусаева, включенной в Краткую литературную энциклопедию [35].

Покусаев внимательно следил за новой литературой о Чернышевском: его перу принадлежат семь обзоров и рецензий. С особым заинтересованным пристрастием откликался он на работы саратовских авторов о великом земляке: рецензировал критико-биографический очерк А. П. Скафтымова [36], не однажды писал о книгах Н. М. Чернышевской [37], совместно с И. В. Порохом подготовил обзор «Жизнь и деятельность Чернышевского в трудах саратовских ученых» [38], дал темпераментно-публицистический отзыв «Расправа» о документальном сборнике «Дело Чернышевского» [39].

Важный аспект деятельности Покусаева — его научно-организаторская работа, целеустремленное собирание исследовательских сил: с 1958 года в течение почти двадцати лет он подготовил и отредактировал 8 межвузовских сборников «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы». Ему же принадлежала инициатива (осуществленная уже после смерти) создания в университете Научно-методического кабинета по изучению жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского.

---

[34] *Покусаев Е. И.* Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. Пособие для учителей. Изд. 5-е, испр. и доп. М., 1976.

[35] КЛЭ. М., 1975, т. 8, столб. 466—476.

[36] *Покусаев Е.* Книга о великом демократе.— Коммунист /Саратов/, 1948, 28 января.

[37] *Покусаев Е.* Н. Г. Чернышевский в Саратове.— Коммунист /Саратов/, 1949, 15 марта; *Покусаев Е.* Новая книга о Чернышевском.— Там же, 1950, 1 апреля.

[38] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961, вып. 2.

[39] Коммунист /Саратов/, 1969, 23 марта.

Наконец, он был неутомимым популяризатором, готовым нести в самую широкую народную аудиторию квалифицированное и живое слово о жизни-подвиге Чернышевского: в юбилейном 1953 году областная газета в четырех номерах печатала его статью «Великий русский демократ» [40], а на городской площади в день открытия в Саратове памятника Чернышевскому звучала речь ученого-пропагандиста.

* * *

Активное внимание Е. И. Покусаева неизменно привлекала особая линия в русском классическом реализме, образованная именами писателей, тяготеющих к повышенной интенсивности отрицания, к комизму, к сатире: Гоголь, Достоевский, Чехов. В 1950-е годы им был написан (для местной печати) цикл статей к юбилею Гоголя, опубликованы две работы о гоголевской драматургии, рецензия на академическое издание Гоголя и обзор новейшей исследовательской литературы о нем. А 1970-е годы заполнила работа над Достоевским. Последний, невоплощенный замысел ученого — книга «Гротески Достоевского», в которой, как писал Евграф Иванович, искусство великого романиста должно быть осмыслено «в сопоставлении с предшественниками (Гоголь), современниками (Салтыков-Щедрин) и последователями (М. Булгаков в первую очередь)» [41].

Наряду с этим для Покусаева был характерен пристальный интерес к литературному процессу во всей его реальной широте, к именам малоизвестным, к творчеству авторов «второго ряда», чьи произведения оставались несобранными, не переиздавались в советское время. Евграф Иванович справедливо считал, что писатели, входившие в плеяду демократов-беллетристов 60-х годов,— способные труженики отечественной словесности, честной деятельностью которых множились успехи передовой литературы,— имеют все права на то, чтобы их голос (пусть негромкий) был услышан современным читателем. В 1956 году в Саратове был издан подготовленный Покусаевым однотомник И. А. Салова «Повести и рассказы», в следующем году в Москве—«Повести, рассказы и очерки» Н. В. Успенского, в 1963 г. в Большой серии «Библиотеки поэта»— «Избранные произведения» А. М. Жемчужникова.

---

[40] Коммунист, 1953, 25 июня, 3, 9, 11 июля.

[41] Вопросы литературы, 1973, № 8, с. 301.

Еще одна сфера интересов ученого — литературное краеведение. Он призывал своих учеников ценить и знать литературное прошлое родного края, любовно и тщательно вести его летопись. По инициативе и под редакцией Е. И. Покусаева большим авторским коллективом была создана книга «Русские писатели в Саратовском Поволжье» (Саратов, 1964).

* * *

Е. И. Покусаев много работал над методологическими вопросами литературной науки, что было не только выражением общетеоретических и конкретных интересов исследователя, но и следствием высоко понятого им долга педагога. У «вузовского литературоведения», считал Е. И. Покусаев, есть, кроме общенаучных побудительных причин, еще и специальные поводы, обязывающие быть постоянно причастным к живому, непрекращающемуся процессу теоретических исканий и споров. В вузе «методологические проблемы... нередко выдвигаются на «передний край», приобретают особую актуальность, поскольку филолог-исследователь в университете или в институте в то же время и преподаватель, обязанный вести лекционные курсы (специальные и общелитературные) во всеоружии новейших достижений науки, он руководитель теоретического семинара, главный советчик студента, выполняющего дипломное сочинение. И первая забота кафедральных коллективов — развивать, обогащать, совершенствовать марксистско-ленинскую методологию преподавания профилирующих научных дисциплин. От этого в значительной степени зависит успех подготовки высококвалифицированных специалистов...» [42].

С исключительной ответственностью Е. И. Покусаев относился к своим обязанностям руководителя методологического семинара, объединившего сотрудников всех литературоведческих кафедр Саратовского университета. Включая преподавателей в обсуждение и самостоятельную разработку актуальных вопросов марксистско-ленинской эстетики и методологии литературной науки, Е. И. Покусаев стал ини-

[42] *Покусаев Е. И.* От редактора.— В кн.: Методологические вопросы литературной науки/Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Изд-во Сарат. ун-та, 1973, с. 4.

циатором издания коллективной монографии, подытожившей большую работу семинара [43].

Характеризуя успехи советского литературоведения, Е. И. Покусаев вместе с тем замечал: «диалектика развития любой науки, в том числе и литературной, такова, что чем больше она узнает и открывает, чем глубже постигает свой предмет, тем рельефнее вырисовываются перед нею новые сложные проблемы, новые перспективы и проявляются неполнота, издержки и изъяны предшествующих изучений» [44]. Е. И. Покусаев разделял мнение тех, кто считал, что на протяжении 1940 — начала 1950-х годов советское литературоведение, при всех своих достижениях, не знало ярких «взлетов специально-методологических исканий». В результате «утратилось ощущение специфики литературоведческой методологии, она беззаботно смешивается или просто теряется в общенаучной методологии или в теории литературы» [45].

С удовлетворением отмечая появление немногочисленных, но обнадеживающих новых работ, свидетельствующих о росте самосознания и «социальной роли» [46] филологической науки, Е. И. Покусаев подчеркивал: «Назрела крупная задача: вплотную заняться обобщением методологического опыта советского литературоведения, совершенствованием его аналитического аппарата, наращиванием, так сказать, новых мощностей строгой научности...» И сделать это, полагал ученый, необходимо «прежде всего там, где еще чувствуется давление эстетически неосвоенного социологизма, где вольно или невольно размывается образная специфика искусства слова, нарушаются принципы научного историзма» [47].

Многоаспектными суждениями методологического характера насыщены все труды Е. И. Покусаева, к какому бы жанру они ни относились. Среди выступлений по вопросам методологии заметное место занял и особо почитаемый уче-

---

[43] Методологические вопросы литературной науки/Под ред. проф. Е. И. Покусаева. Изд-во Сарат. ун-та, 1973; См. рец.: *Татаринцев А. Г.* Из опыта методологического семинара.— Русская литература, 1974, № 1, с. 246—251; *Пыжиков Е. И.* (Рец. на кн.: Методологические вопросы литературной науки/Под ред. Е. И. Покусаева. Саратов, 1973).— Филологические науки, 1974, № 3, с. 88—90.

[44] Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 44.

[45] Там же, с. 45—46.

[46] *Покусаев Е. И.* (Рец. на кн.: Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969).— Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. 29, вып. 6, с. 546.

[47] Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 46.

ным, ответственный и «труднейший», как он любил подчеркнуть, жанр научной рецензии.

В теоретических размышлениях Е. И. Покусаева преобладающими были проблемы научного историзма, специфики художественного познания и методологического освоения работ В. И. Ленина. Научная мысль Покусаева начинала формироваться в ту пору, когда историко-генетическое изучение литературы еще только искало свои пути к сближению с социологией. Предстояло внести принцип историзма в анализ самих литературных произведений, раскрыть их связь с эпохой, исторически обосновав собственные законы их генезиса.

Принцип историзма развивался и углублялся в работах самого ученого, о чем с наибольшей очевидностью свидетельствуют, например, работы разных лет, связанные с главной сферой научных интересов Е. И. Покусаева — изучением наследия революционных демократов.

Как «методологическое завоевание современного советского литературоведения» характеризуется им исторически дифференцированный подход к такому сложному, развивающемуся, внутренне не однородному явлению как революционный демократизм [48]. Его различия на разных исторических этапах, разнокачественность связей с другими идейными течениями эпохи, своеобразие и оригинальность идейной позиции каждого из выдающихся представителей революционно-демократического движения, наконец, изучение сложных взаимовлияний передовой критики и реалистической литературы, опыт которой она осмысливала,— таков круг методологических проблем, над которыми работал Е. И. Покусаев. Ученому особенно важно было то обстоятельство, что на смену «общим декларациям» в близкой ему области науки все чаще приходит «конкретное исследование, душа которого— ленинский принцип историзма» [49].

Е. И. Покусаев обращал внимание на диалектическую сложность истории идей, которая не прямо, а опосредованно отражает картину социально-экономического развития. Общетеоретическое значение приобретает сделанное им замечание о точности исторического критерия в определении меры заслуг передовых деятелей прошлого, характера их «оши-

[48] См. об этом: *Покусаев Е. И.* Бойцы из «Русского слова».— Литературная газета, 1970, 23 сентября, № 39, с. 5.

[49] *Покусаев Е. И.* Полувековой опыт науки.— Вопросы литературы, 1969, № 1, с. 195.

бок». Такое социально-историческое и идейное явление как «эпоха 60-х годов» само требует конкретно-исторических расчленений. Литературоведы, как и историки, не должны довольствоваться привычным противопоставлением «революционных» и «реакционных» эпох, ограничиваться общими характеристиками, но различать внутри эпохи отдельные ее периоды и стадии. Подлежат конкретизации и детальному изучению и так называемые эпохи кризисов и спада революционного движения. Отсюда следовал общеметодологический вывод ученого: «Ленинский анализ «духовной драмы» Герцена, духовного кризиса, пережитого Толстым, известное ленинское указание о революционной роли реакционных исторических эпох обогащают теоретическую мысль представлениями о кризисе не только как о хирении, болезни, утрате и слабости, но и особом состоянии напряженных исканий, пересмотра, обновления, усовершенствования достигнутого, перехода к обещающему развитие и движение вперед историческому качеству»[50]. Для Е. И. Покусаева было непреложной истиной: «методология поверяется историей».

Столь же широкий принципиальный смысл имели замечания Е. И. Покусаева о нарушении принципа историзма в некоторых литературоведческих истолкованиях проблем мировоззрения и творчества. Механическое распространение схемы противоречий мировоззрения и творчества на произведения Гоголя, Тургенева, Островского, а иногда и Горького, явилось примером упрощенного подхода к вопросам методологии и в подобной подмене научного исследования мнимым теоретизированием ученый справедливо видел «опасность девальвации глубокого философского определения, если его будут вкривь и вкось повторять в самодельных построениях»[51].

Антиисторизм обнаруживался Е. И. Покусаевым в разных его проявлениях. Например, в «широкоохватной» описательности, когда множество приводимых исследователем фактов не продвигает аналитической мысли вглубь, потому что из объекта изучения сами факты превращены в иллюстрацию заранее принятого автором положения. Такого рода теоретический априоризм — одна из самых распространенных форм антиисторизма, скрытого под видом широкого обращения к историческим примерам. «Автор заранее знает все, что он

---

[50] *Покусаев Е. И.* У истоков нового творческого метода.— Волга, 1967, № 1, с. 166.

[51] Там же, с. 171.

хочет найти в материале, так что в сущности никакого исследования нет»[52],— так определял ученый исходные предпосылки подобного методологического изъяна. «Априорно-идеологический метод может выразиться в использовании любого априорно сконструированного понятия в качестве вневременной меры вещей»[53],— есть примечательное созвучие в этом теоретическом замечании А. С. Бушмина с одной из постоянных тем выступлений Е. И. Покусаева.

Методология, с точки зрения Е. И. Покусаева, должна быть нормативна в той мере, в какой история литературы и самой филологической науки эту норму определяет и предписывает. Как «задача — необходимость» осознается Е. И. Покусаевым «осуществление фундаментального труда по истории отечественной филологической науки»[54]. История методологических исканий русской и советской филологии послужит одним из ориентиров и критериев в современных теоретических спорах. Мысль о продуктивной «зависимости» современной литературной науки от её истории сформулирована как практическая программа: «переиздавать лучшие труды»[55], изучать и «популяризировать научное наследие предшественников»[56].

Призывая к активному и квалифицированному изучению «научной методологии в действии» и к обобщению положительного методологического опыта конкретных историко-литературных исследований, ученый одновременно обращал внимание на необходимость уяснения специфики «методологических концепций в сложившейся и довольно у нас разветвленной системе литературоведческих «жанров»[57]. Методологически важным и неотложным ученый считал осмысление самой проблемы литературоведческих жанров: «У нас реально существуют различные исследовательские жанры, это не одни только слова, которые придуманы для облегчения за-

---

[52] *Покусаев Е. И., Жук А. А.* Роль мировоззрения в творчестве писателя.— Вопросы литературы, 1963, № 4, с. 202.

[53] *Бушмин А. С.* Наука о литературе. М., 1980, с. 135.

[54] *Покусаев Е. И.* (Рец. на кн.: Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969).— Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. XXIX, вып. 6, с. 549.

[55] *Покусаев Е. И.* Страничка о своей работе.— Вопросы литературы, 1973, № 8, с. 300—301.

[56] *Покусаев Е. И.* Полувековой опыт науки.— Вопросы литературы, 1969, № 1, с. 191.

[57] См. указанную рецензию Покусаева на книгу А. С. Бушмина (с. 549).

да́чи теоретиков». Между тем «накопленный литературоведческий опыт под таким углом зрения не изучался и не обобщался, не сделано ни единой попытки классифицировать действующие в науке жанры, не раскрыты и те «неписаные законы», в согласии с которыми они слагаются»[58]. Уяснение этих законов и исторического процесса их сложения должно стать одним из существенных источников методологического обогащения литературоведческой науки. История и теория соединяются и здесь.

Духом историзма проникнуты все теоретические размышления Е. И. Покусаева о специфике художественного познания. Определение этой специфики в методологическом плане осознавалось Е. И. Покусаевым, как и многими учеными его поколения, в одновременном противопоставлении двум тенденциям — формализму и вульгарному социологизму. Специфика художественности не была для Е. И. Покусаева областью, противоположной социологической природе искусства и никогда не воспринималась им как дополнительная тема в исследованиях по истории общественной мысли. Задача состоит именно в том, чтобы увидеть и понять социально-историческое в богатстве художественного его выражения. Именно поэтому ученый не мог удовлетвориться такими характеристиками мировоззрения художника, которые выстраивались на основании отдельных его высказываний на социально-политические темы и не включали в себя главного — самих произведений писателя. «Художник или теоретик?» — так названа рецензия на книгу о Щедрине, где Е. И. Покусаев рассматривает методологические просчеты и «недуги», свойственные целому ряду литературоведческих исследований. Монтаж изречений писателя, подборка цитат, содержащих прямой отклик на исторические события в ряде работ становились единственным способом демонстрации связи художника с его эпохой.

По поводу применения подобного метода к Щедрину Е. И. Покусаев писал: «Односторонний «социологический» анализ сатир превращает их в простые иллюстрации к историческим фактам». Формулируется общетеоретический вывод, который имел для исследователя истории русской сатиры

---

[58] *Покусаев Е. И.* Советская литературная наука и классическое наследие.— Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 48.

значение научного кредо: «практическое дело Щедрина заключалось прежде всего в его творчестве» [59].

В трудах Е. И. Покусаева глубоко раскрыта социология сатиры как специфической формы познания действительности: «Большого сатирика рождают бурные эпохи, переломные моменты в истории наций, когда предельно обостряются классовые противоречия, когда происходит гигантское столкновение сил прогресса и реакции, нового и старого. Писатель — не медиум истории, послушно и безотчетно передающий её боли и её зовы. Без сознательного направления воли художника не возникало ещё ни одного сколько-нибудь значительного произведения искусства» [60]. Мысль о зависимости художника от времени и, с другой стороны, о действенном его влиянии на время и сознание современников была для ученого особенно важна. Он стремился избежать односторонности в своем решении проблемы. Принималась во внимание самая природа сатирического обобщения, своеобразие миропонимания сатирика: «В сатирическом таланте, сила которого в беспощадности отрицания, в обостренном чувстве к злу и несправедливости, заключается некий потенциально опасный элемент. Под тягостным давлением пороков, зла жизни идейно незакаленный художник легко может соскользнуть в цинизм, равнодушие и даже мизантропию» [61], но самая глубина сатирического типизма и обобщения в своей сути исторически позитивна. Щедрин был убежден, что единственно плодотворная почва для сатиры «есть почва народная». При этом условии позитивно-преобразующая сила искусства заключена уже в его истинности. В этом направлении шли и размышления ученого о типологии сатиры, никогда не повторяющей жизнь, но концептуально её воспроизводящей. Эти выводы вносили существенные коррективы и уточнения во многие дискуссии и споры — и не только о Щедрине, не только о сатире, но и в целом о социальной природе искусства.

Е. И. Покусаев всегда был убежден, что именно «в сфере глубокого социального понимания и объяснения искусства слова проявилось фундаментальное научное новаторство на-

---

[59] *Покусаев Е. И.* Художник или теоретик?— Литературная газета, 1956, 2 августа, № 91, с. 3.

[60] *Покусаев Е. И.* Гениальный сатирик России.— Волга, 1976, № 1, с. 157.

[61] Там же, с. 157—158.

шего литературоведения»[62]. Но совершенствование методологии литературоведческого исследования ученый видел в разработке способов и приемов анализа, в полной мере учитывающего образную, эстетическую специфику искусства слова, последовательно подчиняющего той же цели и социологический анализ. Он напоминал, что «реальная опасность все ещё таится в чрезмерной привязанности к упрощенно воспринятым социологическим аспектам исследования литературы», что «ещё не подсечено в корне представление о литературе как иллюстрации». От глубокого понимания специфической природы художественного познания жизни исходили плодотворные в теоретическом отношении замечания ученого об условности в искусстве[63], преемственных связях и новаторстве[64].

Признание многозначности художественного образа и слова давало основание Е. П. Покусаеву строить выверяемые историческим опытом гипотезы о судьбах наследия Салтыкова-Щедрина в будущем. В последнем своем выступлении — статье, посвященной 150-летию со дня рождения Щедрина, ученый писал: «Не может быть ни малейшего сомнения в том, что мировая слава Салтыкова как первоклассного художника-сатирика ещё не достигла зенита». И обращал внимание на еще далеко не исчерпанные и не востребованные читателем художественные открытия Щедрина, намечая в социальной многомерности щедринской сатиры новые и наиболее близкие современности проблемы[65].

Ленинское теоретическое наследие и вопросы теории социалистического реализма занимали существенное место в методологических размышлениях Е. И. Покусаева. В литературоведческую лениниану вошла заметным явлением статья «Одна из великих исторических заслуг российского пролетариата. (К вопросу о ленинском принципе партийности)»[66]. Здесь рассматриваются исторические условия, в которых формировался выдвинутый Лениным принцип партийности, ра-

---

[62] *Покусаев Е. И.* (Рец. на кн.: Бушмин А. С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. Л., 1969).— Известия АН СССР, Серия литературы и языка, 1970, т. XXIX, вып. 6, с. 549.

[63] Там же, с. 549.

[64] *Покусаев Е. И.* Содержательно и интересно. (Рец. на кн.: Храпченко М. Лев Толстой как художник. М., 1963).— Знамя, 1964, № 7, с. 244.

[65] *Покусаев Е. И.* Бессмертно слово гения.— Правда, 1976, 26 января, № 26, с. 4.

[66] Русская литература, 1970, № 1, с. 43—53. Перепечатана в кн.: Методологические вопросы литературной науки. Саратов, 1973.

бота «Партийная организация и партийная литература» анализируется в единстве с общей ленинской концепцией партийности идеологии, в связи с традициями передовой революционно-демократической печати. В итоге ленинская постановка вопроса о партийности берется ученым в её общеидеологических положениях. Узкодогматическому, поверхностно утилитарному подходу к работе Ленина противопоставлялся успешно реализованный ученым метод научного историзма. Принципиальное значение приобретало освещение объективной обусловленности принципа партийности: «По Ленину, партийность — это историческая необходимость, это закономерно формирующееся качество периодического издания, плоть и кровь его» [67].

Творческий путь Е. И. Покусаева убеждает в том, что статья о ленинском принципе партийности явилась итогом его многолетних раздумий над русской литературой и журналистикой. Становится ясно, что учение о партийности практически и совершенно естественно вошло как метод во все труды ученого. Именно поэтому и интерес к теории социалистического реализма был столь же необходим и органичен в ряду избранных им проблем.

Прежде всего Е. И. Покусаева интересовали преемственные связи советской литературы с реалистическими традициями русской классики. Новаторство искусства социалистического реализма нельзя верно понять вне этих традиций. Одним из первых ученый подверг критике прочно державшийся тезис о том, что литература социалистического реализма возникла и сформировалась на фоне глубокого кризиса и упадка критического реализма. В выступлениях Е. И. Покусаева нашло поддержку стремление преодолеть догматический подход к творчеству Горького как одного из основоположников литературы социалистического реализма. «Ещё не выяснено с достаточной полнотой, что именно в романтическом наследии Горького относится к субъективным его увлечениям и пристрастиям и что стало общим достоянием, переплавилось в художественный принцип метода. Эта сложная, имеющая большое методологическое значение задача (если иметь в виду все пространство литературы социалистического реализма) ещё ждет своего научного решения» [68]. С

[67] Русская литература, 1970, № 1, с. 45.

[68] *Покусаев Е. И.* У истоков нового творческого метода.— Волга, 1967, № 1, с. 169.

полемической страстностью указывает Е. И. Покусаев на «вицмундирные определения» творческого метода нашей литературы, когда вопрос о соотнесении реализма и романтизма решался едва ли не по принципу «чином выше или чином ниже» [69].

Главным условием плодотворности научной концепции — шла ли речь о русской классике или современном произведении искусства — для него всегда являлась историческая её выверенность, богатство фактической оснащенности, полнота отражения в ней эстетической природы самого предмета литературной науки.

Размышляя о том, какими путями шло прежде и будет осуществляться далее совершенствование литературоведческой методологии, Е. И. Покусаев всегда, отдавая должное специальным обобщающим трудам, все-таки склонялся к тому, что главным образом новые «теоретические мощности» наука о литературе будет наращивать прежде всего «в конкретных (историко-литературных, теоретических и т. д.) исследованиях» [70].

* * *

В Е. И. Покусаеве органично сочетались ученый-филолог и мудрый педагог. Он и в русской классической литературе с особым энтузиазмом обращался к творчеству писателей высокого просветительского пафоса.

Евграф Иванович был учителем по призванию.

«Всяческие заботы и сложности тесно обступают учительскую должность. Но есть,— убежденно утверждал он,— в этой многотрудной профессии то, за что её можно беззаветно полюбить и посвятить ей всего себя. Она дает, быть может, редкие, но такие отрадные минуты удовлетворения, когда ненароком узнаешь, что твое слово благодарно отозвалось в душе ученика, что именно твои усилия и труд обернулись его деловым умением, его знаниями, его поступками, что есть и твоя доля в его формировании как человека и гражданина» [71]. Так определил сам Е. И. Покусаев значение лекционно-педагогической работы в своей многогранной творческой жизни.

---

[69] Там же, с. 170.

[70] *Покусаев Е. И.* Советская литературная наука и классическое наследие.— Вопросы литературы, 1967, № 9, с. 47.

[71] Искусство быть исследователем.— Заря молодежи (Саратов), 1969, 20 дек.

О том, что именно ему счастье таких «отрадных минут» пришлось испытывать нередко, мы знаем из благодарных воспоминаний его учеников [72]. Несомненный интерес представляют впечатления первых слушателей Е. И. Покусаева, зафиксированные П. А. Супоницкой (впоследствии старший библиограф Научной библиотеки СГУ): «Когда наступил 1939—1940 учебный год, все мы с нетерпением ожидали лекции А. П. Скафтымова... И вдруг нам объявили, что вместо Скафтымова курс истории русской литературы прочитает другой — Евграф Иванович Покусаев. В аудитории послышались возгласы разочарования. Никто тогда не знал Евграфа Ивановича, и было очень обидно, что вместо знаменитого профессора будет читать «какой-то Покусаев». Мы обратились за поддержкой в деканат, но там нам посоветовали сходить к самому Скафтымову. Александр Павлович принял нас — и преподнес великолепный урок... Нам стало стыдно. Он отозвался о Е. И. Покусаеве как о блестящем лекторе и большом знатоке литературы. В общем, с нашей затеей ничего не получилось. И хорошо, что все так оказалось.

Первой же лекцией Е. И. Покусаева мы были покорены. Евграф Иванович не только прекрасно читал лекции. Он умел неподражаемо читать произведения наших классиков. Если он читал кого-нибудь из писателей-сатириков, то в аудитории стоял такой смех, что бывали случаи, когда к нам заглядывал декан — узнать, в чем дело...

Е. И. Покусаев, конечно же, писал свои лекции, но почти никогда не пользовался записями. Читал он с упоением, удивительно преображался во время лекций. Очень жаль, что они не записывались на магнитофон, но, пожалуй, и тогда не было бы о них полного представления. Нужно было видеть его лучистые, чуть хитроватые глаза, выражение его лица, слышать его голос.

Евграф Иванович был очень требователен к себе. Не менее требователен он был и к студентам. Да и просто неудобно было у него плохо заниматься. Думаю, что Покусаев знал о нашем «походе» к Скафтымову... но он никогда не напоминал нам об этом...»

Опыт лекционной деятельности ученого требует специального рассмотрения. Начнем с главного.

---

[72] Эти материалы собраны в фонде кабинета кафедры русской литературы им. Е. И. Покусаева /филологический факультет Саратовского университета/.

Е. И. Покусаев с живым азартным любопытством относился к техническому прогрессу, но был непоколебимо убежден в том, что несмотря на все успехи внедрения технических средств обучения университетская лекция по-прежнему остается незаменимым источником формирования специалиста-словесника: «Студенты должны как можно чаще слышать квалифицированное живое слово преподавателей». В своих «Заметках о лекции», с которыми Евграф Иванович выступил в 1965 году на общеуниверситетской методической конференции, он выразил серьезную тревогу о том, что «положение лекционной системы преподавания в университетах в какой-то мере оказалось поколебленным». Между тем, «хорошо подготовленная и хорошо прочитанная лекция выполняет такие универсальные функции и достигает таких познавательных и воспитательных результатов, какие лишь по частям способны выполнить и достичь семинары, практические или лабораторные занятия, разные формы самостоятельной работы студентов» [73].

Евграф Иванович точно обозначил, что именно дает лекции права верховного жанра в вузовской педагогике. Важнейший фактор, жизненный центр лекции — сама личность преподавателя, «с его гражданским и интеллектуальным авторитетом» [74]. И, конечно же, с моральным магнетизмом его человеческого облика. В молодые годы Евграф Иванович испытал это на себе и уже на вершине собственной зрелости вспоминал: «Решительно склонили мои интересы к отечественной литературе XIX века блестящие лекции и труды профессора А. П. Скафтымова» [75]. Покусаев был убежден: если твоя профессия — учить других, то в круг твоих обязанностей входит не только постоянное накопление специальных знаний, но и непрерывное «строительство» собственной личности.

Покусаев-лектор любил дыхание большой аудитории. (Однажды, обсуждая план работы спецкурса, собравшего весьма узкий круг «посвященных», он удивленно спросил руководителя: «А где же Вы вдохновение будете брать?!») Главная черта его психологического состояния за кафедрой,

---

[73] *Покусаев Е. И.* Заметки о лекции.— В кн.: О типе, характере и назначении университетской лекции. Материалы IV общеуниверситетской методической конференции. Саратов, 1965, с. 40.

[74] Там же.

[75] Искусство быть исследователем.— Заря молодежи (Саратов), 1969, 20 дек.

запомнившаяся навсегда ученикам,— доброта, расположенность: он любил своих слушателей и испытывал настоящую, ненаигранную радость общения с ними. Проблема дисциплины, с его точки зрения, имела единственное решение: «преподаватель роняет себя, если может навести порядок в аудитории только пришибеевскими репликами, вместо того, чтобы постараться захватить ее поэзией мысли». Даже веруя в непреложность этой истины, немыслимо трудно повседневно держаться на ее высоте! Но Евграф Иванович это умел.

Отвлекаясь в «мемуарную» сторону, можно заметить: студенты настолько привыкли видеть своего учителя за кафедрой в состоянии радостного подъема, что невольно считали его «любимцем судьбы», который к ним является с какого-то счастливого Олимпа. Только много времени спустя узналось, что долгие годы он жил, борясь с мучительной болезнью. И вообще в другом возрасте и на другой степени жизненной зрелости понятно стало, что, конечно же, Евграф Иванович, как и все люди, не избавлен был ни от служебных трудностей, ни от житейских забот. Но (решимся утверждать, ни в чем не преувеличивая) он не позволял этим заботам и трудностям переступать вместе с собой порог студенческой аудитории.

За свою долгую преподавательскую жизнь профессор Покусаев читал лекции по истории русской литературы (в полном ее объеме), по истории литературной критики, ряд спецкурсов: «Жизнь и творчество Чернышевского», «История журналистики XIX века», «Салтыков-Щедрин и его эпоха», «Русская сатира».

Е. И. Покусаев строго выдерживал четкую определенность различных лекционных жанров: публичная лекция, лекция академическая в ее главных разновидностях — общий и специальный курсы. Составляющие элементы, их пропорции, общий настрой этих лекций, с его точки зрения, не должны быть смешаны. Просветительский пафос публичной лекции, углубленная филологичность академической — разные стихии. Большая объективность требуется общему курсу; спецкурс предполагает сосредоточенность на «дорогих идеях» и открытие слушателям собственного исследовательского метода и «творческой лаборатории».

Но был у Покусаева один непременный критерий: лекция о литературе, независимо от своей жанровой разновидности, сама должна быть литературным явлением, «литературоведение, будучи наукой, в то же время является в какой-то мере

и собственно литературой». Для Покусаева это составляло предмет самой серьезной озабоченности. Он писал: «Лекция по любой отрасли знаний плоха, когда в ней слова лектора стоят где-то «рядом со смыслом», не раскрывают его с необходимой ясностью и определенностью. В литературоведческой лекции устранить такой разрыв — это значит сделать еще не все, что требуется, исходя из специфики трактуемого в ней предмета. Необходимо каждое слово, каждую фразу рассчитать, отшлифовать так, чтобы они неуклюжестью своей, ординарностью, прозаизмом или тусклостью не убили бы поэтичность подвергающегося аналитическому разбору текста — художественного мира. Это ответственный труд, сложный, кропотливый, в чем-то напоминающий труд писательский. Вот почему не покажется чрезмерным одно обязательное условие: письменно оформлять содержание каждой лекции по истории искусства слова» [76].

Каковы были взгляды Евграфа Ивановича на особенности лекций по общему историко-литературному курсу?

Значительная пора его лекторской работы прошла в условиях, отличающихся от современных. Основные историко-литературные курсы еще не были в такой мере, как теперь, обеспечены учебниками, методическими пособиями, научными монографиями. Не хватало удовлетворительных библиографических трудов.

В этих обстоятельствах лекция, естественно, оказывалась больше нагружена фактическими данными, датами, биографическими сведениями. Но, когда условия изменились, Евграф Иванович все-таки считал, «что не следует преувеличивать опасность повторения материалов учебника и как-то искусственно уклоняться в лекции от рассмотрения всего того, что в нем освещено и систематизировано» [77]. Прежде всего потому, что «лекция предполагает изложение оригинальной точки зрения на материал ..., определяющейся ... тяготением преподавателя к тому или иному научному направлению, наконец, индивидуальными склонностями» [78].

Покусаев был убежден, что творчески работающий лектор при квалифицированном изложении курса в целом имеет право на любимый материал — более того, это для него неизбежно. Ему самому были наиболее дороги и внутренне

[76] Заметки о лекции, с. 42—43.
[77] Там же, с. 41.
[78] Там же.

созвучны такие темы: общественно-литературная борьба шестидесятых годов; сатирико-юмористическая линия в классике XIX века: Гоголь — Салтыков-Щедрин — Чехов. И одновременно столь же глубокой внутренней привязанностью его был Тютчев.

В ту пору, когда Е. И. Покусаев читал историю русской литературы, в нашей науке еще не было широко употребительным понятие типологии литературного процесса. Но для кристаллизации этого понятия в 1960-е годы, конечно, было необходимо, чтобы типологический подход естественно вызревал еще раньше, в самой практике литературоведения. Методологическую основу историко-литературных курсов Е. И. Покусаева составляло прежде всего стремление раскрыть типологию русского классического реализма.

В структуре его курса особая роль принадлежала обзорным лекциям. Они читались щедро, широко, представляя слушателям литературный процесс в его динамике: в столкновении творческих индивидуальностей, в журнальных битвах, противоборстве идей и художественных принципов. Вынужденная замкнутая статичность монографических «медальонов» таким образом успешно преодолевалась. Каждая крупная тема курса сопровождалась тщательно составленным историографическим обзором. Не только потому, что твердое знание главных этапов изучения писателя важно само по себе, в прямо познавательном отношении. Он усматривал в этом нечто большее: путь воспитания уважения к предшественникам, к истории русской науки — «классике отечественного литературоведения». «Критический анализ исторически складывавшихся взглядов по ... научной проблеме ...,— писал он,— необычайно повышает научную стоимость лекции, ее культурно-воспитательное значение» [79].

Как правило, в практике Покусаева-лектора обзоры нередко приводили к полемике. В студенческой аудитории он продолжал спор, начатый в своих книгах, статьях, рецензиях,— спор с предшественниками и современниками. А это были большие имена в нашей науке 1940 — 1950-х годов. Но он, конечно же, считал «спор просто ради оживления в зале» делом нестоящим. Полемика необходима преподавателю «для убедительного изложения взглядов, которые он считает истинными» [80]. Вся полнота честно мобилизованных и рассмот-

---

[79] Там же, с. 43.
[80] Там же.

ренных контрдоводов к собственной точке зрения — то, что окончательно укрепляет ее истинность. Выражая несогласие, Покусаев всегда оставлял студенту право свободного выбора — возможность присоединиться к любой позиции, наталкивая аудиторию не только на те данные, которые аргументировали его мнение, но и на подкреплявшие противоположное.

Каждый вузовский преподаватель русской литературы знает, какую проблему представляет биографический материал. Касаться ли его в лекциях вообще (ведь жизнеописания большинства наших классиков студентам-филологам в главных чертах знакомы со школы)? Если все-таки брать его, то в каких пропорциях, в каком плане?

Евграф Иванович в решении этой проблемы исходил из того, что для аудитории писатели — «знакомые незнакомцы». Хотя основные факты великих биографий известны, лектор должен постараться вскрыть «драматургию» жизненных судеб. Евграф Иванович был убежден, что биографии русских классиков — сами, как классические произведения с редкой красотой архитектоники; даже случайности, неожиданные обрывы судеб, трагические финалы — как финалы великих творений мировой драматургии или шедевров романистики. Особенно показательной он считал судьбу Лермонтова. Своей лекцией преподавателю нужно вылепить образ писателя, научив этому искусству будущего учителя-словесника.

В системе лекций разного типа, из которых складывается общий курс, Покусаев — как лектор и как руководитель кафедры — особую роль отводил лекции, целиком построенной на полном, исчерпывающем анализе одного текста.

«Специфика филологической (историко-литературной) лекции заключается порой в том как раз, что на материале общеизвестного классического произведения (пусть это будет «Евгений Онегин» Пушкина или статьи Белинского о Лермонтове) демонстрируется образец научного анализа художественного текста или критического источника. Тут преследуется практическая (профессиональная) цель — вооружить будущего учителя словесности, филолога-литературного сотрудника методологией и методикой изучения произведений искусства слова, творческого наследия писателя или критика. Таким путем решаются и более крупные задачи: в лекции как бы воспроизводится движение исследовательской мысли к широ-

ким и емким научным обобщениям (художественный метод, стиль, литературный процесс)...»[81].

Неразрывно с проблемой анализа художественного текста в лекторской практике Покусаева стояла проблема, кажется, для вуза куда более скромная: проблема его чтения в аудитории. Покусаеву она второстепенной не казалась. Порою, после посещения лекций в качестве «шефа» кафедры, он ронял насмешливые замечания о том, что в школе учеников пытаются научить выразительному чтению, а мы, вероятно, решили отучить от него.

Для Евграфа Ивановича чтение было органической частью общего исследовательского владения текстом. Сохранилось любопытное его замечание: «Лектор-литературовед должен владеть текстом, как скрипач своим инструментом. В идеале, как Ойстрах, потому что все наши инструменты — «страдивариусы». А мы, к сожалению, не все Ойстрахи...»

Сам Евграф Иванович читал, как помнят многие, замечательно. Но это было чтение не актерское — с «перевоплощением», а именно интерпретаторское — выразительное по-особому: разъясняющее многослойные глубины текста, просвечивающее все его «темные» уголки светом точного, ясного знания эпохи с ее бытом, культурой, историей.

Взгляды Е. И. Покусаева на цели и особенности университетского специального курса могут быть охарактеризованы на основе неоднократно объявлявшегося им спецкурса «Сатира Салтыкова-Щедрина в 70-е годы».

Спецкурс читался в обстоятельствах, по-особому трудных для лектора: когда уже были опубликованы его монографии о Салтыкове и сумма идей исследователя широко вошла в научный оборот. В связи с этим Е. И. Покусаев сосредоточивал внимание слушателей на методологических проблемах, стремился сделать спецкурс прежде всего высшей исследовательской школой. «Наша постоянная задача: выходить из щедринианы в общую жизнь науки»,— так была сформулирована исходная установка[82].

Одним из устойчивых методических требований Е. И. Покусаева вообще было требование точного и ясного оповещения аудитории о целях, которые преследует весь лекционный курс, и о конкретных намерениях лектора в каждой дан-

[81] Там же, с. 41—42.

[82] Здесь и далее спецкурс цитируется по записям, сделанным во время лекций.

ной лекции[83]. В спецкурсе значение таких дисциплинирующих моментов неизмеримо возрастает. Спецкурс самого Е. П. Покусаева являл образец четкой организации, вводные занятия сразу давали в руки слушателям «рентгенограмму» дальнейших — весьма сложных — идейно-теоретических построений.

Первая лекция включала объяснение специфики содержания и построения спецкурса, в отличие от общего историко-литературного. «Спецкурс сосредоточивает внимание слушателей на локальном тематическом, проблемном, историческом участке. В нем берется сравнительно ограниченный круг проблем. Аспекты спецкурсов могут быть разнообразны: вопросы жанра, историко-литературные проблемы, этапы творческого пути писателя, определенные стороны литературного процесса, анализ литературного шедевра в единстве формы и содержания. Таким образом, цель спецкурса — расширить и углубить историко-литературные и теоретические знания». Далее в сжатых тезисах определялось, «что такое семидесятые годы в творчестве Салтыкова» и чем «данный спецкурс расширяет и обогащает сферу знаний». «В творчестве Салтыкова семидесятые годы — вершина. Время, когда создаются классические шедевры, типы и образы эпохальные. Далее. Салтыков — явление не изолированное, а многообразно связанное со временем: литературой, журналистикой, культурой, революционным движением. Очень важная проблема — Салтыков и «Отечественные записки» (в русском литературном процессе этот журнал — целое историко-литературное гнездо). В семидесятые годы у Салтыкова такие друзья, как Некрасов, такие антиподы, как Достоевский! Причем и тот, и другой тип связей — сложный, диалектичный. Именно семидесятые годы непринужденно создают историко-литературные параллели: Салтыков — Тургенев, Салтыков — Толстой. Салтыков сам поставил проблему традиций: «Господа Молчалины». Нужна была большая отвага (оправданная отвага!), чтобы дать такое название и не показаться эпигоном. На щедринском материале могут быть поставлены крупные вопросы теории сатиры (природа смеха, жанры, способы типизации) — комическая палитра его, оттенки и роды смеха в семидесятые годы необычайно богаты. Может Салтыков приблизить нас и к современности: как традиция, нравственный критерий и регулятор».

[83] Заметки о лекции, с. 44.

Однако за этим следовало важное уточнение: «Но это — одна из задач спецкурса. И не главная. Основная его задача — создать научно-исследовательскую атмосферу. Спецкурс на определенном историко-литературном материале должен демонстрировать в действии современные методы и принципы изучения искусства слова (потому и ограничен его материал, что главная цель такова). Здесь на глазах слушателей кристаллизуется методология анализа. Эту цель осуществить наиболее трудно ... Непременное условие спецкурса — личность исследователя, который в индивидуальном преломлении, стиле демонстрирует общие методы и принципы литературной методологии и технологии. Индивидуальность исследователя — необходимое движущее начало спецкурса. Своя концепция — обязательное условие. Спецкурс вводит слушателей в лабораторию исследователя, читающего его. Значит, это предполагает обнаружение, каким путем идет исследователь к истине, каким материалом оперирует, чего добивается в анализе и обобщениях, как аргументирует свою мысль. Все это и есть исследовательский стиль, исследовательская лаборатория.

Чтобы обозначить свое, надо определить и «не свое», поэтому развернутая полемика с исследователями Щедрина — структурная особенность спецкурса. Это тоже форма выяснения позитивных идей исследователя ... Атмосфера спецкурса — демократизм и свобода научных мнений. Студенты сами сопоставляют подходы, формы анализа, методологические принципы исследователей. Спецкурс должен научно убеждать, а не декретировать».

Дорогие ему идеи Е. И. Покусаев сформулировал в заключение вступительной лекции так: «Не модернизировать, не выпрямлять пути Салтыкова и его итогов. Преодолеть инерцию односторонне-социологической трактовки Салтыкова, где художник стушевывался перед публицистом, мыслителем, борцом, а сатиры его становились иллюстрациями к истории. Проникновение в поэтику сатиры Салтыкова — главное. Салтыков известен меньше, чем заслуживает. И мы не завоевали ему миллионов читателей — ибо плохо, односторонне его толкуем. Надо растолковать общечеловеческое в ситуациях, типах сатиры Салтыкова. Она не только злободневна — сатире щедринской принадлежит будущее! И нравственное значение ее не исчерпывается. Святая задача — это раскрыть».

Вторая лекция заключала подробное изложение программы курса, рассчитанной на 24—28 часов:

1. Методологическое и методическое введение к спецкурсу (2—3 часа).

2. Историография и источниковедение, библиографические, текстологические и эдиционные проблемы:

а) Салтыков-Щедрин в печати. История публикации сочинений, дореволюционных и советских собраний сочинений; рукописное наследство и его состояние; проблемы текстологии; последнее издание; библиографические источники и пособия по этой теме (3—4 часа);

б) Салтыков-Щедрин в печати. Изучение его до революции и в первые послереволюционные десятилетия; библиографические источники по теме;

в) современное состояние щедриноведения и его задачи (3—4 часа).

3. Идейно-творческое развитие Салтыкова в 1850—1860-е годы. Спорные проблемы мировоззрения писателя, идейной эволюции его сатиры (4—5 часов).

4. Поэтика сатиры Салтыкова-Щедрина:

а) концепция «Истории одного города» в трактовках современных исследователей;

б) сатирические образы и ситуации цикла «Господа ташкентцы»; проблема историко-литературных параллелей; сопоставительный анализ глав о «Господах ташкентцах» в книгах Я. Е. Эльсберга, В. Я. Кирпотина, А. С. Бушмина, Е. И. Покусаева;

в) сатирический роман «Дневник провинциала в Петербурге»; проблема жанра;

г) «Господа Головлевы» (анализ структуры сатирического типа; психологизм и трагическое в сатире);

д) художественная система щедринской сатиры — основные принципы (12—14 часов).

Зачетов и экзаменов по спецкурсу Е. И. Покусаев не проводил: знакомство со слушателями происходило на коллоквиумах по теме 4-й.

Приводим план одного из них: «Сравнительный анализ глав об «Истории одного города» в книгах Я. Е. Эльсберга, В. Я. Кирпотина, Е. И. Покусаева».

1. Общее и различное в исследовательской трактовке замысла, концепции, композиции сатиры;

2. Что говорится в монографиях об особенностях щедринской сатирической типизации (галерея градоначальников, образ глуповцев)?

3. Историко-литературные параллели в анализе сатиры, их убедительность.

4. Интерпретация финала в названных книгах.

Итогом должна была быть «характеристика исследовательских позиций, принципов». В качестве подспорья для «критики щедринистов» студентам рекомендовались печатные рецензии на их монографии.

О том, какой резонанс имели лекции Е. И. Покусаева в студенческой аудитории, писал, в частности, проректор Саратовского университета И. С. Каменоградский: «...За кафедрой доктор филологических наук профессор Е. И. Покусаев. Многочисленная аудитория с напряженным вниманием следит за ходом его лекции. Каждая новая мысль, все существенные положения старательно записываются студентами. В иные же моменты молодежь прекращает запись и, затаив дыхание, слушает: лектор обосновывает высказанное им положение, иллюстрирует примерами из произведений писателя, проводит параллели с жизненными фактами и явлениями.

Е. И. Покусаев закончил лекцию, собирается уходить, но два-три, иногда целая группа студентов просят его разъяснить возникшие у них в ходе лекции вопросы, мысли, стать арбитром в только что завязавшемся споре. К ним присоединяются новые группы студентов, и прерванные звонком занятия фактически продолжаются, но уже в форме непринужденной беседы, иногда переходящей в оживленную дискуссию.

Да и не только здесь, в аудитории, не только сейчас же после лекции, а и в общежитии студенты еще спорят, обращаются к литературным источникам, продолжают выяснять волнующие их вопросы...

Становится понятным, почему студенты, работающие под руководством Е. И. Покусаева, любят русскую литературу, творчески и охотно трудятся над этим курсом, много читают, думают, спорят, стремятся разобраться во всех тонкостях литературоведческой науки» [84].

Со студентами у Е. И. Покусаева возникали тесные и доверительные контакты на почве научных интересов, которые он умел пробудить не только в лучших, наиболее способных, но и в средних и даже слабых, превращая их в своих единомышленников, вскрывая в них потенции, которых прежде они сами в себе подчас и не подозревали. Вокруг Евграфа Ива-

---

[84] *Каменоградский И.* Уметь зажигать сердца молодежи.— Коммунист (Саратов), 1958, 25 апреля.

новича всегда объединялись активисты факультетского студенческого научного общества. Они становились инициаторами самых увлекательных дел НСО, организаторами диспутов, обсуждений, кружковой работы, участниками «кафедральных дней», литературно-краеведческих экспедиций, научных конференций в Саратове и других городах. Многоопытный педагог умел сплачивать молодежные коллективы, вдохновляя их на интересные и трудные историко-литературные, текстологические, библиографические разыскания. Е. И. Покусаев утвердил практику создания при кафедре студенческих «авторских групп», принимающих под руководством преподавателей посильное участие в подготовке к печати работ по кафедральным плановым темам. Совершенствование традиционных и поиски новых форм организации научной работы студентов были одной из насущных забот заведующего кафедрой, побуждавшего к этому и своих коллег.

Однако при всем разнообразии этих форм, подлинной учебно-научной лабораторией, «школой», наиболее эффективно и последовательно способствующей «выработке практических навыков исследования»[85] у студентов, Е. И. Покусаев считал специальные семинары, отводя им особое место в ряду университетских занятий, предусмотренных учебными планами филологических факультетов. Руководство спецсеминарами, которые Евграф Иванович вел на протяжении всех лет работы в университете, было едва ли не главным его педагогическим пристрастием.

Творческим итогом ученого-педагога стал семинар по истории русской классической сатиры. За многие годы работы семинара отчетливо определились следующие основные группы тем:

1. Русская сатира конца XVIII — первой трети XIX вв. (Радищев, Фонвизин, Крылов, Грибоедов, Пушкин, Вяземский...).

2. Гоголь и сатирическое искусство 1840-х гг.

3. Салтыков-Щедрин и общественно-литературное развитие России в 1860—1880-е гг. Журнальная сатира 1860-х годов.

4. Сатира в творчестве Достоевского.

5. Чехов и традиции русской реалистической сатиры и комедиографии.

---

[85] *Покусаев Е. И.* Спецсеминары — школа самостоятельной работы.— Сталинец, 1947, 23 апреля.

6. Русская советская сатира и традиции отечественной классики.

У многих участников семинара разных поколений сохранились записи, в которых отражены вводные замечания научного руководителя, относящиеся к проблематике и структуре семинарских занятий. Приведем некоторые из этих записей.

«1. При формулировке тем учитывается общая научная проблема спецсеминара «Русская сатира». Обозначаются опорные имена: Грибоедов, Гоголь, Салтыков, Чехов. Формулировка тем предполагает их исследовательскую суть. Каким бы ни был научный вклад автора будущего сообщения, в докладе должно состояться некое открытие. Это выразится в оригинальных наблюдениях, научных решениях, в привлечении новых источников и материалов. Самонадеянность пресекается, а самостоятельность должна обнаруживаться в полной мере.

2. Предлагаются темы по истории сатиры. Это темы историко-литературного характера. Но рядом с историей литературы присутствуют теория литературы, литературная критика. В каждом докладе предполагаются теоретические главы, либо особым образом формулированные теоретические тезисы, наблюдения, обобщения. Чисто теоретических тем среди предлагаемых нет, но теория сатиры в любой теме должна присутствовать.

3. В обозначении вопросов, подлежащих разработке, сделан крен в сторону поэтики сатиры. Нас интересует художественный мир писателя, историко-литературные параллели в сатирическом искусстве слова. Я хочу нацелить: изучать *искусство* сатиры. Главные линии, направления исследования — проникновение в эстетические, художественные принципы, поэтику произведений. Литература скупо и скудно исследуется в поэтических аспектах. Сатирическое произведение вторгается в социологию, в политику, в историю. И соблазны исследователя — увидеть только эти аспекты. Они необходимы, но нельзя утрачивать способности анализировать произведения сатиры как произведения художественные.

4. Наряду с темами по современному сатирическому искусству предлагаются и темы, связующие советскую сатиру с традициями, опытом предшественников.

5. Ни одной темы по зарубежной сатире не предлагается. Непременное условие для изучения Свифта, Гашека, других классиков — знание языка подлинника».

За многие годы у Е. И. Покусаева выработались опреде-

ленные научно-методические принципы руководства семинаром. Годовая программа обычно была такова. Руководитель читал цикл лекций по общей научной проблематике семинара. Среди этих лекций особое место отводилось комментированию тем, предложенных студентам для научного освоения. В процессе чтения подобных лекций намечались пути работы над докладом, определялись этапы научного поиска. Такой анализ каждой из предложенных тем был во многом поучительным. Комментарии позволяли глубоко раскрыть историю изучения сатирических шедевров, ввести начинающих в самую гущу споров по поводу той или иной проблемы.

Обычно в начале года объявлялись все темы — и те, над которыми уже кто-то работал, и те, которые сообщались впервые. Покусаев советовал вникнуть в их формулировки, обозначающие главный круг предлагаемых к изучению проблем и в какой-то степени источников. Большой перечень разнообразных тем представлял картину изученности истории русской сатиры. Все это обогащало знания, эрудицию, учило профессионализму. Перед студентами открывалась богатая перспектива будущих исследований.

Примечательно то, что многие из предложенных Покусаевым в разное время тем и сейчас актуальны. Они отражают все этапы развития русской сатиры: «Стихотворная сатира в альманахах пушкинской поры», «Жанр стихотворного фельетона в творчестве Некрасова», «Отделы сатиры и юмора в современных журналах». В их обозначениях присутствуют забытые исследователями или просто «нетрадиционные» для литературоведения имена русских писателей: «Стихотворные комедии Алексея Жемчужникова», «Памфлет А. Воейкова «Дом сумасшедших» (опыт монографической характеристики произведения). Многие темы предполагали обращение к новым источникам: «Сатирическое приложение в журнале «Московский телеграф», «Полемические материалы на страницах «Телескопа» и «Молвы».

Программа семинара нацеливала на изучение поэтики сатиры в ее историческом развитии: «Сказовые формы в искусстве сатиры (Гоголь, Лесков, Зощенко)», «Литературная маска как средство типизации». Большое внимание уделялось традициям русской классической сатиры в советской литературе: «Традиции Гоголя и Салтыкова в сатирической драматургии Маяковского», «Условные формы в сатирической драматургии 30-х годов. Творческий опыт Булгакова и Шварца».

Обстоятельные лекции, вводящие новичков в круг семинарской проблематики, содержали комментарии к каждой из предложенных тем. Вот как пояснял Покусаев тему «Алогизм как идейно-стилевой элемент комического. (На материале сатиры Гоголя)».

«Эта тема вторгается в самую гущу современных споров о творческих методах, об условных формах. Она очень важна для того, чтобы определить оригинальность таланта Гоголя-сатирика». Е. И. Покусаев считал важным выяснить природу таких гоголевских стилевых находок, как «шаровары шириною в Черное море», «рот величиной в арку Главного штаба». «Эта тема,— говорил Покусаев,— необыкновенно существенна. Надо работать с электронным микроскопом, ажурное должно быть исследование. Здесь топором не обойдешься. Нужны винтики и сверлочки, как говорил Гоголь. Гротеск, аллегория, символ, стилизация, сказы, преувеличения и преуменьшения крайние — эти почти неуловимые явления надо тонко почувствовать».

После цикла лекций, охватывающих проблематику семинара, руководитель проводил коллоквиумы по книгам видных советских ученых — авторов работ по истории и теории сатиры. На обсуждение выносились сложные проблемы, связанные с определением понятий: смех, сатира, юмор, комическое, с особенностями сатирической типизации. Студентам предлагалось выяснить общее и различное во взглядах исследователей на психологизм в сатире, сатиру и трагическое, сатиру и условные художественные формы. Коллоквиум по проблемам сатиры проводился для новых участников семинара и сразу вводил в сложность семинарской проблематики, помогая освоить научную литературу.

Таким образом, студенты были подготовлены к работе над семинарским докладом. Методика написания курсового доклада или дипломного сочинения подробно объяснялась студентам. «Технически верной», «логически правильной» работы ждал от своих учеников Покусаев. Запомнилось шутливое замечание Евграфа Ивановича по поводу непропорционально построенного сочинения: «флюсовая композиция». Е. И. Покусаев учил особенно ответственному отношению к первым страницам доклада, так как именно здесь делается исследовательская заявка.

«Во вводной главе,— говорил Е. И. Покусаев,— необходимо обосновать выбор темы, определить ее теоретическую и историко-литературную актуальность. Следует выбирать дос-

тойных союзников и достойных оппонентов. Введение нужно сделать целеустремленным. Главное — ответ на вопрос: следует ли заниматься этой темой. Что даст ее разработка для понимания самого писателя? Что даст эта тема современным писателям-сатирикам? Необходимо вскрыть степень изученности темы. Обзор литературы вопроса должен быть подчинен следующему плану: 1) полнота охвата критических исследовательских источников; 2) рассмотрение научно-критической литературы под углом зрения своей темы; 3) группировка, систематизация источников выявит маршруты исследования. Важно учесть периодику соответствующего времени, работы литературоведов разных школ. Из истории вопроса логически будут вытекать формулировки задач исследования».

Е. И. Покусаев требовал освоения всей полноты литературы вопроса, настаивал на включении в нее старых трудов по теории и истории словесности. Зачастую студенты, изучая сложную, многообразную литературу, забывали обратиться к разного рода справочным изданиям, энциклопедиям, учебникам. Е. И. Покусаев, неизменно внимательно относившийся к предшественникам-литературоведам, и в студентах воспитывал эту черту, а потому настоятельно приучал своих учеников к кропотливой работе с «второстепенными» источниками и пособиями.

Чтение студентами своих докладов или глав дипломных сочинений было серьезным научным отчетом. Обсуждение проводилось с приближением к процедуре защиты диссертации. Назначались «официальные оппоненты» из числа студентов, которые старались не пропустить ни одной детали сообщения. И чем придирчивее, «въедливее» был оппонент, тем больше ценилось его выступление.

Несмотря на то, что на каждом занятии присутствовали, кроме обязательных участников — студентов 3—5 курсов, еще и аспиранты, соискатели, выпускники прошлых лет, преподаватели кафедры, руководитель не делил своих слушателей по возрасту и рангам. Каждый мог свободно высказаться о работе другого, и ученый, читавший на семинаре фрагмент диссертации, нередко прислушивался к соображениям студента. Такое общение разных поколений филологов, объединенных общностью исследовательского направления, обогащало всех, делало занятия интересными и бурными, предоставляло возможность продолжения дискуссий за пределами семинара.

Е. И. Покусаев особенно оживлялся, когда разгорался

спор вокруг выступления. При этом руководитель своим примером учил студентов вести полемику остро, но тактично и уважительно. Больше всего студенты ждали его оценки. Для Е. И. Покусаева было важно, чтобы доклад «состоялся». Это означало присутствие в работе собственной исследовательской концепции. Удивительно, но уже от студентов третьего-четвертого курсов Евграф Иванович умел добиться концептуальности мышления. Высшей похвалой было всем памятное короткое словечко: «дельно», которое относилось к тем, кому удавалось отыскать новый поворот темы, раздобыть редкие архивные или журнальные материалы, или просто ярко и точно выразить мысль.

Вот как, например, подытожил Е. И. Покусаев обсуждение доклада на тему: «Эпиграммы и пародии А. Г. Архангельского. Литературный опыт классиков»: «Доклад должен быть лучше организован. Сам Архангельский здесь прозвучал. Но поверхностный комментарий к пародиям убивал живую реакцию смеха. Главная цель была достигнута: удалось доказать, что этой темой стоит заниматься».

С неподдельным интересом умел принимать руководитель робкие «откровения» начинающих исследователей. Реакция на выступление всегда была очень живой.

Центральную часть любого семинарского занятия занимало прослушивание и обсуждение студенческого реферата, доклада или фрагмента дипломного сочинения. Но было и еще несколько обязательных компонентов каждого занятия. Началом служили библиографические информации — обзоры филологических и литературных журналов. Эти обзоры были целенаправленными. Следовало коротко прореферировать «свой», закрепленный постоянно за участником семинара журнал, найдя в нем то, что имеет отношение к тематике семинара. Далее следовал обзор новинок литературы, которые приносил на занятия руководитель. Он располагал возможностью познакомить студентов с книгами, которые едва появились на свет, так как Евграф Иванович постоянно получал книги и статьи от самих авторов, прежде чем новые поступления приходили в библиотеку. Сейчас большая часть этих изданий с дарственными надписями находится в кабинете русской литературы имени профессора Е. И. Покусаева. Принесенные на занятия книги раздавались всем желающим для чтения, а иные рекомендовались для изучения, реферирования или для рецензирования. Некоторые студенческие рецензии впоследствии доводились до публикаций в журналах

«Новый мир», «Филологические науки», «Литература в школе», «Волга».

Участники семинара иногда подвергались неожиданным испытаниям. Руководитель мог задать вопрос по известному произведению, попросить процитировать классические строчки. Одним из испытаний такого рода стал конкурс на умение чувствовать «аудиторное» время. Всем раздали книги — новинки литературоведения. В течение недели каждый должен был подготовить по своей книге трехминутное выступление в любом жанре: обзор, аннотация, реферат. Выступления хронометрировались. А позже жюри выявило победителей конкурса — учитывались два фактора: содержательность выступления и умение уложиться в обусловленное время.

Много внимания уделял Е. И. Покусаев технике устных выступлений своих учеников. Он обращал внимание на то, что студенты, читая доклад, не заботятся о слушателях. «Докладчик представляет себе идеальную аудиторию: произносит вслух написанное. Ни одной попытки установить контакт со слушателями. Говорит ровным голосом, никаких акцентов, ни «полужирного», ни «жирного»,— иронизировал Е. И. Покусаев. Автор доклада должен убеждать аудиторию». И дальше: «Я весь в левое ухо превратился, чтобы услышать доклад». Но при этом Евграф Иванович всегда протестовал против «эмоциональных пассажей», фальшивой риторики.

Е. И. Покусаев с жадным интересом следил и за событиями современной литературной жизни. В его спецсеминаре не только обсуждались доклады по советской сатирической литературе (такие, как, например: «Фельетоны Ильфа и Петрова на современные темы», «Театральный роман» Булгакова. Комические мотивы, типы, ситуации», «Современные фельетонисты и фельетон»), но и сами художественные произведения, только что появившиеся в журнале и заинтересовавшие руководителя или кого-то из участников семинара. Мимо покусаевского семинара не проходил ни один значительный спектакль, фильм, научная статья. Особенно охотно участники семинара обсуждали все связанное с искусством сатиры: спектакль Саратовского ТЮЗа «Недоросль» и кинофильм «Женитьба Бальзаминова», постановка «Ревизора» в Ленинградском БДТ и новые статьи о «Мертвых душах».

Инициатором многих диспутов, обсуждений, чтений, проводившихся на факультете, был покусаевский семинар. Каждый студент был активным лектором, выступал в школах и на предприятиях по темам, близким своим научным интере-

сам. Любопытен и такой факт: в большинстве сатирических обозрений, которыми славилась факультетская самодеятельность, авторами, артистами, музыкальными и художественными оформителями были участники покусаевского семинара. Трудно сказать, что проявилось раньше — интерес к научным проблемам сатиры пробудил страсть к веселым капустникам или природное остроумие многих «покусаевцев» привело их в соответствующий научный коллектив.

Е. И. Покусаев, противник верхоглядства и мнимого всезнайства, был за такую широту взглядов и интересов своих учеников, которая делала их активными, деятельными людьми, всерьез готовящими себя к будущей профессии.

Невозможно учесть все разнообразие форм работы Покусаева со студентами. В одном случае это было строгое, традиционное прослушивание доклада, в другом — живой обмен мнениями, в третьем — подробная индивидуальная консультация. О работе семинара сейчас, по прошествии нескольких лет, мы можем судить по опубликованным студенческим докладам, статьям.

Каждый, кто прошел семинар Покусаева, помнит радость личного общения со своим руководителем. Ответ на вопрос, шутливое замечание, а то и нелегкое объяснение по поводу не сделанной вовремя работы,— все это Евграф Иванович в шутку называл «воспитательными моментами».

В семинаре прочитали свои доклады будущие научные работники, учителя, журналисты. Здесь были задуманы и оглашены первые страницы диссертаций, монографий, статей, впоследствии замеченных научной общественностью. Нередко одна, но всегда неслучайная покусаевская фраза давала толчок к написанию главы дипломного сочинения или кандидатской диссертации.

Поколениям покусаевских учеников семинар запомнился как школа доброжелательной требовательности: здесь было принято хвалить за увлеченный труд и сатирически низвергать пустословие. Искрометное остроумие Покусаева вполне соответствовало духу сатирического семинара: здесь не принято было обижаться на самую резкую критику, не реагировать на шутливое замечание.

Личность руководителя, подбор и характер предлагаемых тем, постоянно обновлявшихся и дополнявшихся, неизменно иронично-дружелюбные отношения между участниками — все это способствовало творческой атмосфере семинара.

* * *

Евграф Иванович постоянно заботился о том, чтобы укреплять связь научных разысканий с преподавательской работой, совершенствовать принципы исследовательской методологии. Примером такой заботы является подготовка и проведение по инициативе Е. И. Покусаева коллективного специального курса «Ленин и литература». Курс был прочитан для студентов и преподавателей филологического факультета в год празднования столетней годовщины со дня рождения В. И. Ленина и открывался лекцией Е. И. Покусаева «Ленин и некоторые вопросы теории и истории русской журналистики». По программе спецкурса ведущими преподавателями факультета были прочитаны также лекции на темы: «Художественный образ и ленинская теория отражения», «Методологическое значение статей В. И. Ленина о Л. Н. Толстом», «Эстетические проблемы художественной Ленинианы». Это важное начинание имело для студенчества не только большое познавательное, но и воспитательное значение, демонстрируя высокую меру ответственности специалиста при обращении к ленинской теме.

Принцип углубленного освоения системы ленинской мысли с ориентацией на решение важнейших задач идейного и профессионального воспитания студентов-филологов проявился и в другом замечательном начинании Е. И. Покусаева — в организации для студентов 2—5 курсов специального семинара «Искусство Ленина-публициста». Работа этого факультативного семинара 1969—1970 годов строилась, так сказать, на общественных началах, в дополнение к текущему учебному плану. Результаты участия в семинарских занятиях не отмечались в зачетных книжках. Единственным стимулом для активной работы студента был живой интерес к теме и к формам самостоятельного исследовательского поиска. С первых же дней семестра сложилась стабильная группа студентов, превратившаяся в процессе совместных занятий в настоящий творческий коллектив. Заседания семинара собирали большую аудиторию: приходили и преподаватели, и студенты-слушатели, не имевшие самостоятельных заданий, но принимавшие активное участие в обсуждении докладов и сообщений. Один из дней научной студенческой конференции, проходившей в канун 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, целиком был посвящен творческому отчету участников семинара «Искусство Ленина-публициста».

Темы докладов, предложенные Евграфом Ивановичем, побуждали студентов по-новому, профессионально прочитать ленинские тексты. Среди семинарских тем были и совсем новые (таких большинство), и такие, что имели определенную научную традицию. Но разработка каждой из них предполагала самостоятельный исследовательский подход. И в большинстве студенческих сочинений это требование выполнялось.

Связи стиля Ленина с традициями отечественной классики раскрывались в докладах «Гоголевские образы и афоризмы в сочинениях Ленина», «Сатира Салтыкова-Щедрина в публицистике В. И. Ленина». Своеобразие читательских реакций Ленина исследовалось в работе «Фиксированные читательские реакции Ленина в работе над источниками» (анализ подчеркиваний, реплик-суждений в «Философских тетрадях»). Изучению полемического мастерства Ленина-публициста был посвящен стилистический этюд «Элементы сатиры в ленинском комментарии цитаций противников («Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии»)». К иной сфере ленинского стиля обращена тема «Стилистика деловых бумаг, писем и записок В. И. Ленина 1917—1918 годов». Не остался без внимания и вопрос о воздействии Ленина на русскую и советскую журналистику: «Ленин и сатирическая журналистика 1905 года», «Ленинские обличения и призывы в плакатах РОСТА». Интересные перспективы для изучения ленинского характера открывала тема «Дневниковые записи В. И. Ленина «Как чуть не потухла «Искра»?» (Литературно-психологический анализ)».

Евграф Иванович в процессе подготовки докладов заботился о том, чтобы студенты ощутили и поняли богатые возможности филологии — науки о слове — в постижении такого сложного, живущего по отличным от художественного произведения законам явления, как ленинский текст, несущий на себе печать высочайшей интеллектуальной, духовной культуры автора. Вместе с тем выявлялось и эстетическое начало в стиле Ленина, который был, несомненно, выдающимся мастером слова, его тонким ценителем.

Занятия студентов в ленинском семинаре Е. И. Покусаева были для них превосходной профессиональной школой. Одновременно решалась и существенная задача идейного, нравственного воспитания: сосредоточенная аналитическая работа над ленинским словом вела к проникновению в глубины ленинской мысли, побуждала по-новому ощутить величие и обаяние Ленина-вождя и Ленина-человека.

Семинары Е. И. Покусаева являлись не только прекрасной научной школой. Замечания учителя об исследовательской честности, о необходимости «грызть черный хлеб науки», об уважении к предшественникам были не просто «воспитательными моментами». Подкрепленные целой жизнью в науке, они составили основу воспитания нескольких поколений филологов, осваивавших уроки Покусаева.

* * *

В 1960—1970-е годы из аспирантуры Е. И. Покусаева вышло поколение молодых исследователей, всецело поглощенных изучением проблем русской классической сатиры, а также демократической литературы и журналистики 1860—1880-х годов. Под руководством Покусаева защищено свыше десяти кандидатских диссертаций, а на основе этих исследований были опубликованы не только статьи, но чаще всего и первые книги молодых авторов, получившие доброжелательную оценку научной общественности.

Темы этих работ отчетливо образуют продуманную руководителем систему, в основе которой — крупные вехи истории русской сатиры: от XVIII века (Радищев) [86], через Грибоедова [87] к Герцену [88] и, конечно, Салтыкову-Щедрину. Естественно, что наибольшее количество аспирантских исследований посвящено щедринскому творчеству: разнообразным аспектам поэтики [89] и теории сатиры (специфика художественного мышления сатирика, проблема повествователя, эзопова манера) [90], историко-литературным и журнальным связям [91]. Од-

---

[86] *Татаринцев А.* Сатирическое воззвание к возмущению. Изд-во Сарат. ун-та, 1965.

[87] *Борисов Ю. Н.* «Горе от ума» и русская стихотворная комедия (У истоков жанра). Изд-во Сарат. ун-та, 1978.

[88] *Азанов В.* Сатирические формы публицистики А. И. Герцена в «Колоколе». Изд-во Сарат. ун-та, 1976.

[89] *Жук А. А.* Сатирический роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». Изд-во Сарат. ун-та, 1958.

[90] *Прозоров В. В.* О художественном мышлении писателя-сатирика (Наблюдения над творчеством М. Е. Салтыкова-Щедрина). Изд-во Сарат. ун-та, 1965; *Мысляков В.* Искусство сатирического повествования (Проблема рассказчика у Салтыкова-Щедрина). Изд-во Сарат. ун-та, 1966; *Паклина Л. Я.* Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике. Изд-во Сарат. ун-та, 1971.

[91] *Самосюк Г. Ф.* М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (к истории внутриредакционных отношений 1862—1864 гг.). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1971; *Смирнов В. Б.* Глеб Успенский и Салтыков-Щедрин (Г. И. Успенский в «Отечественных записках»). Саратов, 1964.

новременно ученики Покусаева продолжили традицию изучения беллетристики шестидесятников [92], жизни и деятельности Чернышевского [93].

Е. И. Покусаев давал сильный и долговременный импульс новым, дальнейшим научным поискам своих последователей. В 1980 году воспитанниками его семинара, к сожалению, уже после кончины руководителя, были защищены три докторских диссертации [94]. Ученики Е. И. Покусаева продолжают руководство аспирантскими исследованиями по проблематике, завещанной традицией учителя. Одни работы ближе соотнесены со сферой непосредственных «покусаевских» интересов, в других связь с нею просматривается не так прямо, но реально существует всегда. Эта преемственность научных поколений и проблем позволяет говорить о цельности плодотворно развивающегося направления.

Сегодняшний день жизни кафедры все еще пронизан творческой инициативой Е. И. Покусаева. Осуществлен его давний замысел: в серии «Литературные памятники» (М., «Наука») впервые в полном составе издано знаменитое сатирическое приложение к журналу «Современник» — «Свисток» (1859—1863). Книга подготовлена сотрудниками кафедры под непосредственным руководством Е. И. Покусаева. В издательстве «Художественная литература» вышли книги «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников» и «Н. Г. Чернышевский. Литературная критика. В двух томах», также задуманные им и выполненные по его плану.

Ежегодно, 19 декабря, в день рождения Е. И. Покусаева, на филологическом факультете Саратовского университета проходят посвященные его памяти чтения — творческий отчет учеников. Обращаясь к участникам чтений, А. С. Бушмин писал: «Память о Еврафе Ивановиче живет не только в Саратове, где он в течение многих лет с блистательным успехом возглавлял изучение, преподавание и пропаганду русской ли-

[92] *Барцевич В. П.* Творчество Н. Г. Помяловского (традиции, новаторство, мастерство). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1963.

[93] *Демченко А. А.* Проблемы научной биографии Н. Г. Чернышевского периода первой революционной ситуации (Опыт критического анализа первоисточников). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1971.

[94] *Прозоров В. В.* Проблема читателя и литературный процесс в России XIX века. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1979; *Жук А. А.* Сатира натуральной школы. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1979; *Смирнов В. Б.* Литературная история «Отечественных записок» (1868—1884 гг.) Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1980,

тературы. Своими научными трудами, принадлежащими к лучшим достижениям советского литературоведения, и активной общественной деятельностью Евграф Иванович завоевал широкую известность в стране».

Никого не удивишь, вероятно, послужным списком ученого: почти каждый, кроме основной работы, много сил и времени отдает общественным делам. И сам перечень обязанностей — председатель ученых советов по защите докторских и кандидатских диссертаций, член редколлегий журналов «Волга», «Филологические науки», альманахов, межвузовских научных сборников, один из редакторов Собрания сочинений Салтыкова-Щедрина, член саратовского отделения Союза писателей РСФСР...— само это напоминание при всей своей красноречивой весомости не дает все-таки полного представления о главном. Любое дело в присутствии Е. И. Покусаева и с его непосредственным участием обретало особую значимость, весомость, становилось самым нужным сейчас делом: будь то процедура защиты диссертации у филологов и историков, его собственные, надолго запомнившиеся многим оппонентские отзывы или оценка новой рукописи на редколлегии, выступление на факультетском или университетском собрании, на партийном бюро или на общегородском литературном вечере, участие в студенческом диспуте или встреча с выпускниками...

Внезапной иронической репликой, остроумным словом, озорной насмешкой обезоруживая самодовольную велеречивость, Е. И. Покусаев умел заражать своим по-настоящему серьезным отношением к делу, своим рабочим пафосом других. Любой филологический труд, исследовательский и пропагандистский, он не мыслил вне предельной душевной и интеллектуальной отдачи. И его ждали, ему радовались, с ним хотели работать.

Е. И. Покусаев умело включал своих сотрудников в орбиту больших научных интересов и планов. Он, как правило, безошибочно чувствовал меру возможностей каждого, кто стремился приобщить себя к филологии, и, давая трудные задания, часто на первых порах превышавшие исходный уровень человека, с нескрываемым удовольствием наблюдал его рост, поддерживал его и направлял — без сковывающей опеки.

Однажды, определяя позицию автора хорошей, умной книги для юношества, Е. И. Покусаев писал о том, что и как внушает художник своему вероятному читателю:

«... если у тебя сложилось наивное представление, что коль скоро наша страна, народ, партия всем строем полувековой жизни своей и своих убеждений укоренились в правде, то правда эта восторжествует сама собою, свалится тебе в руки, как зрелый плод с дерева, без усилий, без борьбы и напряжения, избався от таких иллюзий. Есть не только прямые враги, стремящиеся эту правду растоптать, есть и такие, которые сторонятся и равнодушно проходят мимо нее. Ею своекорыстно, как щитом, пользуются эгоистические, недобрые, бесчестные люди. Ее не вмещают в себя слабые. За правду нужно бороться, ее, пожалуй, нужно выстрадать, и тогда она станет еще крепче, действеннее и высоким человеческим смыслом наполнит твою жизнь» [95]. В этих словах не только объективная оценка романа Николая Дубова «Горе одному», в них — символ веры исследователя и педагога, который умел постигать истину вопреки всем трудностям ведущего к ней пути.

---

[95] *Покусаев Е.* Мужественная, честная книга.— Волга, 1969, № 1, с. 152.

Татьяна Ивановна Усакина

Татьяна Ивановна Усакина, талантливая ученица выдающихся ученых, известна и как учитель тех, кто преподает сейчас. В ее научной и педагогической деятельности осуществился высокий творческий потенциал, которым на протяжении десятилетий отмечены искания саратовской университетской филологической школы. И хотя прожила она недолгую жизнь и при жизни успела появиться в печать одна ее монография[1],— в истории кафедры след Усакиной особенно заметен.

Впрочем, не только кафедры. Ю. В. Манн пишет в своих воспоминаниях об Усакиной: «Если в нашей науке в последнее время удалось сломать немало живучих штампов, наметить новые решения, то в этом — ощутимая заслуга Т. Усакиной». С неизменно глубоким вниманием слушали Усакину на конференциях ученые Ленинграда, Казани, Куйбышева, Астрахани, Москвы. Ю. В. Манн рассказывает: «Познакомил меня заочно с Татьяной Усакиной покойный Лаврецкий. Помню, Иосиф Моисеевич сказал мне с радостно-заговорщическим видом (это было весной 1964 года): «Знаете, какого оппонента нашел я для Вашей диссертации? Усакину!» Мне кажется, Иосиф Моисеевич придумал этот план отнюдь не только ради меня: услышать Татьяну Ивановну с кафедры было бы интересно многим «имлийцам».

Т. И. Усакина приобрела навык широкого и принципиально творческого понимания литературы еще в студенческие годы. На филологическом факультете Саратовского университета, куда Усакина поступила в 1950 году, существовала давняя традиция научной инициативы студентов. Эта тради-

---

[1] *Усакина Т.* Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Изд-во Сарат. ун-та, 1965. Вторая монография вышла посмертно. См.: *Усакина Т.* История, философия, литература (середина XIX века). Саратов, 1968.

ция определялась творческим духом литературоведческих спецсеминаров; совместных, преподавательских и студенческих, кафедральных исследований; активной работой научного студенческого общества; лекциями А. П. Скафтымова, Г. А. Гуковского, М. Н. Бобровой, Т. М. Акимовой, Е. И. Покусаева [2].

Свое «вхождение» в науку Т. И. Усакина начала в спецсеминаре проф. Ю. Г. Оксмана.

По характеру научных интересов руководителя семинар был не только литературоведческим, но и историографическим. Прошлые эпохи преподносились и обсуждались в богатстве их многосторонних и сложных противоречий. Студенты стремились понять истоки этих противоречий, тщательно изучая полемику и борьбу литературных журналов, направлений, школ; отыскивая в журнальной разноголосице повод, причину и внутреннее побуждение автора к созданию статьи. Т. И. Усакина получила в спецсеминаре первые навыки научного комментирования, текстологических разысканий, выработала привычку к обязательному, пунктуальному труду. Не случайно еще студенткой она была привлечена к составлению «Летописи жизни и творчества В. Г. Белинского», а в аспирантские годы готовила реально-исторические и литературные примечания к воспоминаниям о Чернышевском и затем принимала самое активное участие в подготовке и комментировании полных собраний сочинений Герцена, Салтыкова-Щедрина.

Т. И. Усакина ценила черновую работу, огорчалась, когда позднее ее ученики делали записи на случайных бумагах, небрежно относились к подготовительным этапам исследования. Черновые тетради самой Татьяны Ивановны поражают аккуратно-праздничным видом. Она обычно выписывала в начало тетрадного листка отрывок текста, подлежащий комментированию. Остальная часть листа, а иногда — и следующие заполнялись выписками из десятков просмотренных ею журналов и других источников. Неясная деталь предельно прояснялась в этих многоплановых, перекрестных просмотрах.

Татьяна Ивановна писала фразы убористо, оставляла незаполненное пространство для всегда предполагавшихся но-

---

[2] См. вступительную статью Е. И. Покусаева к сборнику трудов его ученицы: *Покусаев Е. И.* О Татьяне Усакиной.— В кн.: Усакина Т. История, философия, литература (середина XIX века), с. 5—8.

вых подтверждений или опровержений однажды найденному факту. Любопытны ее признания А. П. Скафтымову в письме, присланном из Москвы в январе 1959 года и пронизанном постоянной для Усакиной радостью творческих находок и столь же постоянной ее готовностью перепроверить: «Много бываю в Ленинской библиотеке (...) Комментирование в Москве — сплошное удовольствие, разыскались даже самые, казалось, безнадежные детали из биографии Линкольна, Гладстона, Милля и т. п.» [3].

Профессор Скафтымов одним из первых почувствовал незаурядное дарование Т. И. Усакиной. Неизменно сдержанный, корректный, благожелательный, он словно бы и не руководил (в традиционном смысле слова) научными поисками своих подопечных. Возвращая внимательно прочитанную рукопись, ободрит ее в немногих словах или помолчит. Обстоятельный же разговор возникал как бы попутно: о стиле исследования, о способе научного разыскания, отвечающем своеобразию анализируемого текста. Татьяна Ивановна скоро поняла, что за этой «правкой стиля» стоит неизмеримо более глубокое требование относиться к литературе как к сложнейшему искусству слова, ритма, образа, мысли, как к феномену, незаменимому в своих нравственно-философских основаниях никакими другими формами сознания или деятельности.

Со слияния эстетического анализа и анализа социально-исторического начинался собственный творческий метод Усакиной. Он шлифовался, обусловленный логикой ее личной научной биографии, но не в меньшей степени — потребностями времени, перестройкой методологии литературной науки в конце 50 — начале 60-х годов. На это время пришлась аспирантская учеба Усакиной, а затем защита кандидатской диссертации (научный руководитель Ю. Г. Оксман).

Как никогда прежде, потребовались ученые-литературоведы с серьезнейшей выучкой (необходимо было преодолеть избирательность внешнего подхода к литературному произведению), с широкой философской подготовкой, с подлинной личной ответственностью за то, что писалось и говорилось, с гражданским темпераментом и пафосом. Этими качествами обладала Усакина, и потому, представляется нам, в ее деятельности так полно проявился смысл перемен и свершений.

---

[3] Архив А. П. Скафтымова. Отдел редких книг Научной библиотеки Сарат. ун-та.

Один из «живучих штампов», настойчиво опровергавшийся Усакиной: второстепенность задачи выхода литературы в другие сферы сознания и деятельности — историю, этику, социологию, философию. Не случайно ученики Усакиной сегодня стали преподавателями философии и теории литературы, этики и эстетики; авторами книг о выдающихся ученых; исследователями, изучающими связи литературы с нравственно-философскими и социально-политическими движениями.

В кандидатской диссертации «М. Е. Салтыков-Щедрин и общественно-литературное движение сороковых годов» (1959) она «пробивалась» к пластам русской литературы, еще мало осознанным как литературные, изучая, например, социальные, эстетические, литературно-критические воззрения петрашевцев. Она отстаивала синтезирующий подход к литературе через философию эпохи и вычленяла специфику литературы из структуры духовной жизни русского общества 1840-х годов, социологии, философии, культуры. Белинский, Валериан Майков, Бакунин, Грановский, Станкевич, Герцен были представлены в ее исследованиях в их противоречивых и сложных связях с философией Канта, Шеллинга, Гегеля «одействоренной» в русскую действительность.

Позволим себе привести обширную выписку из отзыва А. П. Скафтымова о диссертации Т. И. Усакиной, поскольку отзыв интересен и столь свойственным для Скафтымова щедрым изложением собственной концепции диссертационной проблемы. «Раннее творчество М. Е. Салтыкова для исследователей издавна является предметом множества недоумений. Исходя из общих данных о времени ранней деятельности Салтыкова и из некоторых фактов его идейной биографии, исследователи стремились найти общую точку зрения, которая позволила бы осветить все произведения этих лет как явления своей эпохи и как выражение последовательных идейных исканий автора. Биографические сведения о связях молодого Салтыкова с влияниями социалистов-утопистов приводили к попыткам представить его литературную деятельность как выражение его социальных воззрений, повторяющих теории Сен-Симона или Фурье. К этому присоединялась необходимость выяснения отношений Салтыкова-писателя к господствующему в 40-х годах передовому идейному течению, связанному с деятельностью Белинского и с натуральной школой в литературе. В довольно многочисленных статьях и обзорах, рассматривающих вопрос о связях раннего творчества Салтыкова с влиянием утопического социализма и с

воздействиями школы Белинского, были достигнуты свои положительные результаты, однако эти результаты не выходили за пределы лишь некоторых эпизодических сопоставлений.

Т. И. Усакина впервые, в развернутом виде, рассмотрела раннее творчество Салтыкова под углом зрения его идейных связей с многими и разными переплетающимися течениями 40-х годов. О связях молодого Салтыкова с петрашевцами, конечно, и раньше было известно из самых очевидных и многочисленных источников, но применительно к рассмотрению его художественного творчества этих лет этот факт учитывался очень недостаточно. Т. И. Усакина впервые выдвинула в исследовательском кругозоре общефилософскую и литературно-эстетическую теорию петрашевцев как факт, непосредственно относящийся к идейному и литературно-конструктивному существу ранних произведений Салтыкова. Она впервые с этой стороны сопоставила творчество Салтыкова с публицистическими и литературно-критическими выступлениями петрашевцев, главным образом В. Милютина и В. Майкова. Ею впервые указано на влиятельнейшую роль литературно-критической деятельности В. Майкова именно как петрашевца. В ее освещении статьи Вал. Майкова зазвучали полнее и богаче по их принципиальной важности. Высказывания В. Майкова о Кольцове, о Гоголе, о Достоевском и др. в ее работе впервые выявляются в их идейно ведущем кружковом значении, в каком они воспринимались в свою пору всеми сведущими читателями, в том числе и Салтыковым. Проведенные ею на этой основе сопоставления В. Майкова с Белинским позволили точнее обозначить идейные грани, в каких соприкасались или отделялись друг от друга во многом близкие и в то же время разные идейные течения, идущие от Белинского и от петрашевцев. А это, в свою очередь, позволило с новой обогащенной отчетливостью судить о соотношении творчества Салтыкова с натуральной школой 40-х годов (....)».

Решение вопроса о конкретной специфике литературного явления всегда представлялось А. П. Скафтымову «пробным камнем» рецензируемых им диссертаций. Может быть, поэтому его отзывы о диссертационных работах были всегда индивидуальны: за сдержанной и ровно благожелательной оценкой неизменно угадывалось лицо диссертанта, о каждом из них он говорил особым языком. Так и в приведенном отзыве, не соглашаясь с рядом положений работы Усакиной, А. П. Скафтымов вел полемику с человеком зрелым, уже

сложившимся, по его мнению, в выдающегося ученого. Для А. П. Скафтымова были важны индивидуальные научные качества, конкретный путь диссертанта к проблеме. Завершая отзыв о работе Усакиной, он писал: «Особенно много ценного Т. И. Усакина внесла в изучение повести «Брусин». Она пересмотрела вопрос о времени написания этого произведения и, пользуясь всеми текстологическими, палеографическими, биографическими и общественно-историческими данными, очень убедительно обосновала новую верную датировку всего процесса работы Салтыкова над этой повестью. Впервые в работе Т. И. Усакиной повесть получила освещение как принадлежность 40-х годов, как следствие общих дебатов о романтизме в том расширительном понимании этого термина, какое устанавливается в передовой литературной критике этих лет (...)

В итоге раннее творчество М. Е. Салтыкова в работе Т. И. Усакиной раскрывается в сложном взаимодействии многих и разных идейных течений сороковых годов (...), впервые получили систематическое освещение его (Салтыкова. — *Л. Д.*) непосредственные связи с философскими и литературно-теоретическими принципами петрашевцев, впервые стало ощутимым его реагирование на такие идейные течения, как мальтузианство, прудонизм, позитивизм О. Конта, по-новому для разных этапов его развития конкретно выяснились совпадающие пункты и предельные грани его идейных связей с Белинским и Герценом. В связи со всем этим много полнее, чем это было раньше, обозначился идейный кругозор молодого Салтыкова и много яснее определилась линия его идейного и писательского роста.

Работа свидетельствует о большой научно-методологической зрелости Т. И. Усакиной и о ее выдающейся научно-исследовательской подготовленности»[4].

* * *

В педагогической деятельности Т. И. Усакиной, активно начавшейся после окончания аспирантуры, ведущим лекционным курсом стал курс истории русской критики. Для молодого преподавателя эта ситуация вообще мало типична. Историю критики читают, как правило, лекторы опытные, умеющие связать воедино историю, философию, журналистику

[4] Отзывы А. П. Скафтымова цитируются по материалам, находящимся в личном архиве А. П. Медведева.

и собственно литературу. Для Татьяны Ивановны подобная широта подхода была естественной, заложенной в самом предмете ее исследований, в самой ее исследовательской манере.

Молодого преподавателя пригласил читать курс себе «в пару» заведующий кафедрой Евграф Иванович Покусаев. Он читал вступительные лекции и еще несколько разделов, Татьяна Ивановна — начинала с Радищева. Обоих лекторов отличало стремление сделать теоретичный курс насыщенным живой плотью критической мысли, увиденной в ее реальной исторической эволюции. По поводу «Истории критики» Усакина писала в одном из своих отчетов: «Курс читался параллельно с теорией литературы, основные проблемы которой были приведены в соответствие с теоретической частью курса истории критики (...). Одну из главных задач курса определяло стремление показать формирование принципов реалистической эстетики, природу их, по сравнению с романтизмом».

Широко и системно вводила Усакина в лекции конкретные журнальные материалы (в это же время ею читался курс истории журналистики). Она предлагала студентам проблемные обзоры журналов в связи с именами русских критиков. Так, разделами ее лекций о Н. И. Надеждине были: «Надеждин в «Вестнике Европы»; «Надеждин в «Телескопе» и «Молве»; «Полемика с «Московским наблюдателем». Разноречивые материалы журналов позволяли видеть противоречия сложной фигуры Надеждина и, в свою очередь, рассмотренные под единым углом зрения, обнаруживали общее направление русской литературы и критики: от простонародности и подражательности языка к утверждению языка «истинно русского», от ложной демократизации и мнимой аристократичности литературы к ее подлинной народности. Она стремилась при чтении курса «научить студентов отличать художественную правду от правдоподобия».

Прослеживая процесс развития русской критики, последовательно связанной, например, с именами Радищева, Карамзина, декабристов, Пушкина, Т. И. Усакина намечала несколько сквозных линий в русском историко-литературном процессе. Истоки одной из них, по ее мнению, определялись философско-эстетическими воззрениями Радищева, представленными в его трактате «О человеке, его смертности и бессмертии». Мысль Радищева о «роли писателя в процессе народной жизни» раскрыта в лекциях Усакиной через «пробле-

му соотношения индивидуального и коллективного», через введенную Радищевым нравственную оценку «великой личности с точки зрения демократа». Далее Т. И. Усакина говорила о философии русского сентиментализма, воспитавшей «скептицизм по отношению к вечным истинам, авторитетам», об «идее человеческой личности и культа чувств», потребовавших осознания новых поэтических форм (Карамзин — критик), об открытой политической направленности критики декабристов, в которой нравственный критерий оценки личности оставался все-таки метафизическим, поскольку декабристы «искали разрешение политических проблем в своем личном переживании, а не в закономерности исторической судьбы народа (...) Понятие человека как объекта изображения у декабристов субъективно (...) Человек не определен «внешним» для него бытием народа. Он выражает только самого себя, но как *идею нации,* повторенную в каждом человеке».

Вслед за декабристами шел Пушкин, впервые приведший, по мысли Усакиной, русскую критику к гармоническому слиянию этического (в том числе и в форме политических доктрин) и эстетического; раздвинувший в ней, благодаря и собственному творчеству, прежние границы объяснения характера человека национальной и социально-исторической средой. «Свойства человеческой природы,— замечает Усакина,— синтезированы в живое противоречивое единство, при этом слитое с историческими обстоятельствами, объясненное ими. Вот в чем смысл формулы: цель художества — идеал, а не нравоучение». Переходя, благодаря Пушкину, от нравоучения к идеалу, русская критика, по утверждению Усакиной, меняла «угол зрения», свою тональность (поэтику, как сказали бы теперь). Она показывала, как задачи критики становились при этом значимыми и современными: «Связь ее (критики.— *Л. Д.*) с *философией* и эстетикой современности. Пушкин предупреждает тезис Белинского: «Критика есть движущаяся эстетика».

Лекции Татьяны Ивановны были живыми исследованиями. Очень часто студенты оказывались первыми «соучастниками» ее творческих исканий, первыми ценителями ее исследовательских гипотез и открытий. Так, именно в лекциях по истории критики Усакина впервые выдвинула мысль о внутренней соотнесенности эстетики Чернышевского не только с литературно-теоретической программой Белинского, но и с эстетикой петрашевцев, в частности В. Майкова. Впоследствии, оснащенная богатым материалом, тщательно аргументированная,

эта гипотеза легла в основу статьи Усакиной «Чернышевский и Валерьян Майков», а затем составила содержание одной из глав ее монографии о петрашевцах[5]. Приводим фрагмент из лекции о Чернышевском (тезисы):

«1. Эстетическая программа Чернышевского.

Диссертация «Эстетические отношения искусства к действительности».

А. Традиции, предпосылки диссертации:

1. Эстетика Белинского с ее ориентацией на реализм, общественное содержание искусства и борьбой за передовое мировоззрение.

2. Эстетика петрашевцев.

Чернышевский близок к Майкову в определении содержания искусства. В центре внимания петрашевцев — человек и природа. Майков исходил из Фейербаха, когда утверждал, что искусство — «очеловечивание действительности». «Каждый из нас,— писал Майков,— познает и объясняет себе все единственно по сравнению с самим собою». Поэтому «искусство, чтобы действовать на людей, должно заключать в себе что-нибудь общее с их мыслями,чувствами и стремлениями». Иначе искусство «существовало бы только для самих художников».

То же у Чернышевского: «специфика искусства в том, что содержание его имеет всегда «что-нибудь интересное вообще для человека, а не для одного художника». Общий взгляд на предмет искусства и у Чернышевского, и Майкова, и Белинского. Сфера искусства: вся область жизни и природы. Только у Чернышевского и Майкова — антропологический акцент.

Б. Понятие прекрасного.

Борьба с идеалистической эстетикой.

«Прекрасное есть жизнь». Формула полемически заострена против идеалистов.

В понимание Чернышевским прекрасного вложено социальное содержание, *демократическое*.

Прекрасна жизнь, какова она должна быть по нашим понятиям: нормальная жизнь трудящегося человека, жизнь «свежая, полная здоровья и сил».

Об этом же у Майкова, когда он пытался сформулировать

---

[5] Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы /Под. ред. Е. И. Покусаева. Саратов, 1962, вып. 3, с. 6—22; Чернышевский и петрашевцы.— В кн.: Петрашевцы и литературно-общественное движение сороковых годов XIX века. Саратов, 1965, с. 140—158.

идеал прекрасного, иллюстрируя его поэзией Кольцова. Цель человеческого развития — общее благосостояние, свободное развитие человека. Прекрасно то, что полезно для человека: страсть, труд, здоровье. Все это у Кольцова.

Поэзия Кольцова «призывает к полноте наслаждения тою жизнью, которой простые законы стремится определить и современная мудрость путем критики и утопии. Страсть и труд в их естественном благоустройстве — вот простые начала, из которых сложился яркий идеал жизни, проникший восторгом здоровую натуру поэта-мещанина» (В. Майков).

Учение Майкова о беллетристике. Связь литературы с наукой. Вопрос о мировоззрении, то есть и о приговоре над жизнью.

Требуя, чтобы искусство объясняло жизнь, Чернышевский подчеркивал, что мыслящий человек должен ,разрешать вопросы, возникающие из жизни: его произведения будут сочинениями на (заданные) темы, предполагаемые жизнью».

Читая тщательно составленные Усакиной конспекты курса, видишь на полях и в тексте ее многочисленные вопросы к самой себе, понимаешь, как теснило ее мысль узкое пространство очередной темы. Анализируя положение Добролюбова о народном характере («натуре») Катерины, Усакина делает для себя пометку: «Сравнить: антропологические принципы Чернышевского». Каждая новая тема в курсе Усакиной дополнялась и обогащалась предыдущими. Рассматривая статью Писарева «Идеализм Платона» в «русле русской материалистической философии, особенно «антропологического принципа» Чернышевского», Усакина вводит сюда же «Капризы и раздумье» Герцена, заостряет внимание на критике Герценом «философских доктрин идеализма за отрыв от опыта, от действительности». *«Главное,*— заключает она,— подавляющее, мертвящее влияние этих доктрин на человека».

Теперь открытое Усакиной прочно вошло в науку. Тогда же, в начале 60-х годов, многое высказывалось ею впервые. Так впервые линия гегелевской диалектики (в связи с русской эстетикой намеченная в то время лишь в работах И. М. Лаврецкого) полноправно и доказательно соединилась у Усакиной с линией развития русской критической и философской мысли. От лекции к лекции, от русской критики 1830-х годов до критики народнической, это соединение выступало одним из принципов, сообщавшим курсу Усакиной единство, преемственность мысли. Конкретный историко-сравнительный метод исследований Усакиной дополнялся широ-

ким философским осмыслением материала. Документальность и «плотность» материала, теоретичность и предельная концентрированность тезисов, «результативный» подход к факту образовывали стиль лекций Татьяны Ивановны.

История, философия, эстетика, этика, критика, журналистика, литература были интересны Усакиной в их главной проблеме: исторических судеб личности. Та же проблема разрешается в каждой из статей сборника «История, философия, литература», подготовленного к печати уже после смерти Т. И. Усакиной Е. И. Покусаевым, Г. Н. Антоновой и Г. В. Маковской, преподавателями кафедры русской литературы. Глубина проникновения в эту гуманистическую проблему делает книгу Усакиной философски содержательной.

«В освещении Т. И. Усакиной часто совсем в новом свете предстают и звучат темы и вопросы, казалось бы, давно изученные. Сколько исследователей касалось статьи Белинского о романе Лермонтова «Герой нашего времени», но ни в одной другой работе мы не встретим такого глубокого философского прочтения этой статьи, как в помещенной в новом сборнике работе Т. И. Усакиной» [6].

На редкость щедрый человек, Татьяна Ивановна не боялась «завысить» содержание интересующего ее материала (так и в человеке виделось ею, как правило, большее, чем он проявлял в данный момент). Мерой этого завышения была обостренная чуткость исследователя. И она редко ошибалась; ее анализ обнаруживал новые глубины и смыслы исторического явления. И еще одно объяснение, которое, на наш взгляд, подводит к своеобразию книги Усакиной. С первых своих шагов в науке Татьяна Ивановна как бы заново обнаружила в социологическом методе мощный динамизм — и он служил глубокому пониманию больших социальных явлений, крупных общественно-литературных группировок, эпохальных идей и личностей.

Философия и история, претворенные в литературу и ставшие ею, выводили к насущным, действенным задачам освободительной борьбы. Противоречия внутри литературы, например, между «точкой зрения направления» и его «художественным воплощением», разрешались в сложном противоборстве жизненных судеб ее представителей. Усакина показывала, как для Белинского, Валериана Майкова,

[6] *Чуприна И.* Т. И. Усакина. История, философия, литература (середина XIX в.).— Филологические науки, 1969, № 6, с. 136.

Герцена, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Тургенева и др. осмысление принципов литературы было одновременно осознанием и утверждением собственных жизненных принципов, главного дела жизни. Деятельное начало эпохи, без сомнения особенно дорогое Усакиной, хорошо выражено признанием Тургенева: «Мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления» [7].

Знавшим Усакину трудно отделить ее лекции и устные беседы от научных статей, так же трудно за ее письменной фразой не услышать энергично произнесенного слова, по-особому подкрепленного затрудненным дыханием, прекрасным волнением, простым и искренним жестом. Раскованность и свобода изложения мысли, без сомнения, имели основанием и человеческую гармоничность Усакиной, щедрость ее душевных порывов, отсутствие в ней какой бы то ни было замкнутости. Не случайно в статьях, посвященных эпохе 1840-х годов, Усакина писала о реализме как выходе из прекраснодушия «романтической замкнутости» в подлинную жизнь.

Конец статьи в сборнике Усакиной — почти всегда начало следующей. Вероятно, Татьяне Ивановне было неизменно трудно поставить точку. И дело не только в стремительном течении ее мысли, но и в том, что исследуемые Усакиной факты истории литературы неизбежно сцеплялись, благодаря сознательной обращенности их к настоящему. Характерно, что новизна лекторской манеры Усакиной, например в ее курсе истории критики, отчетливее обозначалась там, где проблемы современной литературы полноправно входили в лекцию. Напряженным лиризмом можно назвать присутствующий в лекциях Усакиной порыв, отвечавший ею самой поставленной цели: «Вторая задача состояла в том, чтобы обнаружить и продемонстрировать живое звучание литературно-критического наследия XIX века на фоне современной полемики о задачах, предмете и характере критики» [8].

И в историческом прошлом, и в настоящем Татьяну Ивановну глубоко интересовали личности, выступившие «связующим звеном времен». Ей нравилась мысль Валериана Майкова о «колоссальной» сопротивляемости натуры, способности к продолжительной борьбе с внешними обстоятельствами,

---

[7] Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском.— В кн.: Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. М.— Л., 1967, т. XIV, с. 29.

[8] Так Т. И. Усакина писала в своем отчете об учебной работе за 1964—1965 гг. по поводу курса истории критики.

как первом признаке гения (Татьяна Ивановна любила эту мысль повторять, и в книге она повторяется не раз).

«Действенность» служила Усакиной той нравственной установкой, которая определяла все наиболее непосредственные и тесные формы ее работы со студентами.

* * *

Спецкурсы Усакиной — самое наглядное свидетельство широты и предельной целеустремленности ее научных и педагогических интересов. В свой предпоследний, 1964—1965-й учебный год Татьяна Ивановна читала несколько специальных курсов («Герцен и литературно-общественное движение 1830—1840-х годов», «Белинский и натуральная школа», «Герцен — беллетрист»). Ей всегда не хватало учебных часов, и не столько потому, что она увлекалась и уходила в сторону от темы. Она действительно увлекалась, хотя умела остаться при этом пунктуальной: дорожила до щепетильности полнотой материала каждой своей лекции. Часов не хватало в силу интенсивности вхождения в глубь лекционной темы. В отчете Т. И. Усакина пишет: «Спецкурс «Герцен и литературно-общественное движение 30-40-х годов» читался 40 (вместо 32) часов. По сравнению с предшествующими годами, заново написаны и впервые прочитаны два больших раздела: 1) Герцен и традиции Пушкина и Лермонтова; 2) Герцен и петрашевцы (прежде всего Салтыков и Достоевский)».

Характерны предложения Татьяны Ивановны: «1) Надо чаще обновлять проблематику и тематику спецкурсов. Нельзя несколько лет подряд читать одно и то же: спецкурс теряет свою специфику, привлекательность, остроту новизны и др. 2) Опыт чтения *годового* курса по Белинскому убедил меня в необходимости вернуться к практике чтения годовых курсов, если они имеют, конечно, проблемный характер». Показательны ее досада на себя, сожаления по поводу неудавшегося: «Экзамен показал, что я все же перемудрила, взяв слишком много теоретических аспектов, к восприятию которых студенты вечернего отделения были подготовлены неважно».

Т. И. Усакина читала спецкурсы на всех отделениях. В любой аудитории она ориентировала слушателей на высоко *профессиональный* филологический уровень понимания литературы. В том, как она говорила, словно шла к тебе навстречу, напористо, с первых слов волнуясь, отметая все,

что только слово, фраза, а не мысль, содержался призыв: постигнуть главное. И не боялась на глазах слушателей пересмотреть заново то, что открыто и постигнуто ею совсем недавно. Эта предельно искренняя, полная, сиюминутная отдача всей себя была в Усакиной поразительна.

Слушатель того самого годового спецкурса, на котором Татьяна Ивановна настаивала в цитированном выше «Отчете», студент-вечерник Б. И. Мокин (сейчас он кандидат философских наук, преподает философию в Саратовской высшей партийной школе), вспоминает, как в лекции о кружке Герцена и Огарева Усакина свободно и естественно переходила от картины эпохи, вдохновенно воспроизведенной ею, к анализу сложных положений гегелевской диалектики. Привлекало в Усакиной редкое сочетание эмоционального и рационального. Казалось, смелость ее суждений не знает границ, ничто не рассматривалось ею как данное, готовое. И вместе с тем, никогда не позволяла она себе выхода, наподобие часто эксплуатируемого «мне кажется». У Усакиной все основывалось на строго и не раз продуманном рассуждении.

Лекции Т. И. Усакиной заражали страстностью убеждений, пробуждали интерес к научным поискам. Б. И. Мокин начал заниматься у Усакиной эстетикой («Трагическое и комическое в сатире Салтыкова-Щедрина»). Кандидатская диссертация Мокина «Узнавание как отражение», обращенная к проблемам психологии и теории познания, имела у своих истоков тот настойчивый интерес к теории интуиции Шеллинга, который впервые возник у студента, слушающего спецкурс Татьяны Ивановны.

Задушевная идея спецкурсов и семинаров Усакиной воплощалась в фигуре Герцена. В анализе его творчества нагляднее всего раскрывалось единство нравственных, эстетических, социологических и философских начал русской литературы середины прошлого века. Идеи Герцена представлялись Усакиной остро созвучными нашему времени. Материал спецкурсов, писала она, «содействует формированию гражданских чувств, нравственного долга /.../ Особенно действенны в этом смысле спецкурсы о Белинском, Герцене. Примеры их жизни и деятельности проясняют немало вопросов нашего времени, увлекая широтой и гуманностью общей позиции (Герцен), бескомпромиссной твердостью в борьбе за свои принципы (Белинский)».

В таком же широком смысле присутствовала современ-

ность и на семинарских занятиях Усакиной, когда ее студенты, «реферируя, например, новые журналы, пытаются уловить связь настоящего с прошлым, найти живое объединяющее начало передовых сил искусства. На семинарских занятиях обсуждаются и важнейшие события в стране политического, философского и др. характера. Но, разумеется, главной воспитательной силой остается труд, к которому постепенно приобщает практика семинарских занятий. В процессе собственной работы появляется чувство ответственности за свои дела и слова, рождается новое отношение к науке, проверенное опытом. Особенно важна для воспитания принципиальности, искренности и прямоты в суждениях система коллективного обсуждения докладов и рефератов. Атмосфера живых и острых споров воспитывает в человеке самостоятельность мысли, оттачивает и развивает ее» [9].

Воспитание самостоятельности мысли было едва ли не главным в педагогической работе Татьяны Ивановны. В спецсеминар «Белинский и его время» пришли студенты, прослушавшие ее спецкурс о Белинском. На первых занятиях Усакина прочитала несколько лекций о профиле работы кафедры русской литературы, студенты выступили с сообщениями о крупных исследованиях, имеющих отношение к проблематике спецсеминара, реферировали журналы «Вопросы литературы», «Русская литература», «Известия АН СССР», «Знамя», «Юность», «Новый мир» и др. Поскольку это была группа вечернего отделения, занятия по технике и методике литературоведческого анализа проходили в научной библиотеке по воскресным дням. «Коллективная работа сблизила участников семинара как членов одного коллектива, связанного общими целями и проблематикой разысканий» [10],— замечает Усакина.

Тематика докладов была многообразной, требовала освоения различных исследовательских подходов. Были темы литературно-теоретические («Учение Белинского о беллетристике»), литературно-исторические и обращенные к вопросам критического мастерства («Белинский и пушкинский «Современник»). Усакина поставила семинаристам «двойную задачу изучения Белинского», предложив написать несколько

---

[9] Отчет об учебной работе за 1964—1965 г. Т. И. Усакиной. Кафедра русской литературы Сарат. ун-та.

[10] Там же.

докладов, посвященных изучению мнений Белинского о Гофмане, Жорж Санд, Сервантесе, Э. Сю.

На дневном отделении Татьяна Ивановна вела в это время спецсеминар по творчеству Герцена и его эпохе. Она дважды возила своих учеников в Ленинград в научную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина и в Пушкинский дом, и для них это было хорошей практикой библиографических разысканий, архивной и текстологической работы, а кроме того, непосредственного общения с крупными литературоведами. Н. К. Пиксанов предоставлял им свою уникальную журнальную библиографию о русских писателях, и студенты работали над ней за круглым столом у окна тесно заставленной книгами пиксановской квартиры.

Т. И. Короткова (сейчас она журналист, автор документальной книги о Н. И. Вавилове) пришла в герценовский спецсеминар, привлеченная вначале лишь его тематикой, а не фигурой руководителя: Усакина в этот год только закончила аспирантуру, и студенты знали ее мало. Т. И. Короткова рассказывает: «Не помню, с нетерпением ли ждали мы первого занятия. Нас было человек пятнадцать, студентов 3-го и 4-го курсов. И когда пришла Татьяна Ивановна, мы поразились — такая молодая! После первых занятий во многих из нас безотчетно поселилось удивление: что-то было необычное в этой молодой миловидной женщине, в ее манере общаться со студентами, во всем ее поведении, простом и каком-то «непреподавательском». По молодости, не особенно задумываясь, мы решили, что дело в ее особенной страстности, любви к литературе, в ее горячем желании привить эту любовь нам. Понадобилось время и расстояние, чтобы вполне осмыслить и понять, что Татьяна Ивановна была большим человеком и удивительного таланта ученым».

Усакина умела любить тех, кого учила. Случалось, она как бы «перехлестывала»: давала оценку работе в счет будущего ее усовершенствования,— но при этом никогда не снижала уровня требований. Относясь с большой симпатией к своей ученице из герценовского спецсеминара, она сказала, прочитав ее первое научное сочинение: «Работать Вы можете, но этот доклад компилятивный и никуда не годится». Усакина не допускала возможностей формального выполнения научной работы. Ее глубоко возмутило «пропущенное» комиссией дипломное сочинение (Усакина с болью писала о нем в своем отчете, хотя оно и не имело к Усакиной прямого отношения), отличавшееся, по ее мнению, «штампован-

ной детскостью представлений, казенным изложением и какой-то семинаристской схоластикой, в которую не верит в глубине души и сам автор работы, выбравший тему с таким расчетом, чтобы поскорее и без труда разделаться с работой».

Серьезный длительный труд стоял за выполнением дипломного сочинения под руководством Татьяны Ивановны. Рабочие тетради участников семинаров были заполнены конспектами не только литературоведческих, но разнообразных исторических, социологических, философских книг. Задолго до того, как была сформулирована тема дипломного сочинения Тамары Коротковой —«Литературный портрет в «Былом и думах» Герцена», студентка штудировала «Немецкую идеологию» Маркса и Энгельса, работы по этике английских социалистов, французских просветителей, Гегеля, «Сущность христианства» Фейербаха, «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю и «Философские взгляды А. И. Герцена» Плеханова и, конечно, работы самого Герцена, его «Дилетантизм в науке», «О публичных чтениях г-на Грановского» и т. д.

Когда студенты приступали к самостоятельным исследованиям, Татьяна Ивановна просила их оставлять на листах черновиков большие поля и, читая текст, вписывала сюда свои замечания и соображения. Казалось бы, самая обычная, традиционная форма работы — но какой неповторимый письменный «диалог» (студенческого текста и записей на полях) рождался от варианта к варианту в каждом конкретном случае! Вот часть такого диалога, сопровождавшего работу над первым разделом сочинения, озаглавленным «К вопросу о жанре литературного портрета в русской литературе». Дипломантка рассуждает о множестве великих имен, записанных в «летопись истории». «История, — замечает она,— объективно и строго научно фиксирует только *деяния* героя, не давая его *человеческого* облика. Для историка важно лишь то, что сделал этот человек».

«Смотря какая история»,— не соглашается с ней Усакина и делает ссылку на рассуждение об истории Белинского. И добавляет: «Нужна более гибкая формулировка, учитывающая сложность вопроса». «Последующим поколениям,— развивает свою мысль студентка,— важно знать, каков был выдающийся человек в жизни, как к нему относились современники. Эта задача по плечу лишь искусству». Руководитель предлагает более диалектичное понимание вопроса:

«Звено между литературой и историей — мемуары, разумеется, в том высоком смысле, какое вкладывал в них Белинский и какое несомненно реализовал Герцен в «Былом и думах». Дипломантка предпринимает деление мемуаров: «Мемуары, содержанием которых является жизнь общества в определенный момент, тесно связанная с жизнью автора /.../. В другой группе мемуаров жизнь общества, породившая данную личность, автора интересует лишь как фон, оттеняющий ее». Усакина предупреждает: «Надо отметить условность деления, подчеркнуть, что речь идет о доминирующей черте».

Усакина постоянно направляла внимание своих дипломантов не только на истоки исторического явления, но и на его перспективу. Дипломантка пишет: «Цель мемуаров — художественно отобразить исторические события, подробности из жизни героя, определить его место в жизни общества». Татьяна Ивановна добавляет: «Его роль в современной жизни, в будущем». Поля студенческих работ пестрят и вполне однозначными требованиями: «Нужны точные ссылки»; «Мотивировать!» (композиционный «скачок» в работе); «Двусмысленно»; «Четко аргументировать!» (свою точку зрения в полемике) и т. д. Неприемлемым был для нее самоуверенный тон начинающего автора. Когда дипломантка с большой серьезностью вынесла приговор литературоведам («Вот когда литературный портрет станет жанром, будет смысл и возможность говорить о теории литературного портрета. А сейчас литературоведы должны не этим вопросом заниматься»), Татьяна Ивановна написала на полях категорично: «Эти рекомендации излишни!».

Самой ей были присущи чувство юмора и известная доля самоиронии, не исчезавшие до конца и в самые тяжелые минуты ее жизни. Расспросив в письме Лиду Полякову, уехавшую учительствовать в Пермскую область, о ее новой жизни (как та устроилась, есть ли под рукой необходимые книги, не нужно ли прислать лекарства), Татьяна Ивановна рассказывает о себе, к тому времени уже очень больной. «Не вылезаю из угрюмой полосы нездоровья, даже хожу сейчас с трудом, как паровоз Джеммса Уатта — в основном шипенье, а коэффициент полезного действия — ни к черту. Ну да ничего, перемелется, мука будет. Пройдет. Работаю мало, лениво, без работы как-то глупеешь и на душе скверно. Собираюсь засесть за одну книжку, скорее брошюру. Если вдруг напишу, пришлю Вам и буду с трепетом ждать Ваше-

го суда. В Саратове долго было лето. Еще и сейчас не все листья облетели, кому хочется облетать?»

К своим ученикам, работающим в далеких сельских школах, Усакина относилась с особенной нежностью, поддерживала с ними постоянную связь, оказывала реальную помощь. На занятиях спецсеминаров, на литературном кружке она не раз повторяла свою излюбленную мысль о необходимости высокого уровня преподавания гуманитарных наук в школах, от которого нравственный климат общества зависит даже больше, чем от качества вузовского преподавания. И сколько хороших учителей литературы получили творческую «закалку» в спецсеминарах Усакиной!

В кружке «Новинок литературы», организованном Усакиной в студенческом общежитии, царил дух творческой инициативы, спорили о «деятельном добре», проверяли себя лучшим в литературе. Татьяна Ивановна замечала в отчете, что в работе кружка «на первом плане стояли вопросы воспитания новых качеств в человеке».

Вокруг Усакиной и благодаря ей появлялись люди талантливые, закипала горячая, яркая, серьезная жизнь. Сама она шла по ней, как хорошо заметил профессор Б. Ф. Егоров, «упорствуя, волнуясь и спеша». Своей огромной духовной энергии, человечности и таланту Татьяна Ивановна обязана тем, что в короткой жизни успела на многое ответить, многое построить и оставить после себя. Нравственное звучание ее личности не иссякает: связь поколений, осуществляемая через знание, науку, проходит и через мысли, идеи книг Усакиной, через ее страстную веру в преображающую силу русской литературы.

Публикации

Публичная лекция «Художественный метод Л. Н. Толстого» была написана А. П. Скафтымовым в конце 40-х годов и предназначалась для университетского лектория. Текст был напечатан на машинке и в таком виде сохранился в архиве кафедры. Содержание лекции интересно некоторым развитием положений печатных статей А. П. Скафтымова о Толстом применительно к отдельным произведениям писателя (особенно военным рассказам 50-х годов). В методологическом отношении лекция — отражение борьбы А. П. Скафтымова против понимания художественного творчества как явления внеидеологического, против упрощенных, механистических трактовок противоречий Толстого.

Публикуется впервые. Автором к опубликованию не готовилась.

А. П. Скафтымов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МЕТОД ТОЛСТОГО
КОНСПЕКТ ЛЕКЦИИ

Мировое величие Толстого является фактом общепризнанным. Среди писателей, крупнейших представителей художественного реализма, Толстому принадлежит первое место. О превосходстве Толстого говорили его современники — Тургенев, Гончаров, Островский, Достоевский, и на западе — Флобер, Мопассан, Ж. Санд, Золя и др. И в литературной критике всего мира исключительная сила таланта Толстого давно уже не вызывает никаких сомнений.

Однако в буржуазном литературоведении рядом со всеми похвалами и восторгами почти всегда художественные произ-

ведения Толстого противопоставляются его проповеди. О художественном творчестве Толстого считают возможным говорить, как о чем-то внеидеологическом, лишенном мысли, свободном от той специфики, какая свойственна идейным исканиям Толстого на протяжении всей его жизни.

Такое упрощенное понимание противоречий, свойственных Толстому, является неверным, механистическим.

Художественное творчество Толстого не составляет противоположности толстовству, как идеологии. Даже в ранних художественных произведениях Толстого, в концепции его образов, в движении их переживаний и связанных с ними событий, содержится в основном, в зачатке, та же идейная направленность, какая впоследствии получила наиболее крайнее выражение в его публицистической проповеди.

В. И. Ленин, устанавливая мировое значение Толстого, не противопоставляет Толстого-художника Толстому-моралисту. Его статья «Л. Н. Толстой» начинается следующими словами: «Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то, и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции» [1].

«Кричащие противоречия» Толстого, о каких говорит Ленин, пронизывают собою все его творчество и отражают собою то, что было свойственно патриархальному русскому крестьянству эпохи ликвидации крепостничества и революции 1905 года. «В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения» [2]. Толстой «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования» [3]. Это с одной стороны. «Но,— продолжает Ленин,— горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 19.
[2] Там же, с. 20.
[3] Там же.

учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг.» [4].

Воспринятые Толстым иллюзии и предрассудки патриархального русского крестьянина глубоко проникают в образную ткань его художественных произведений. Следовательно, слабая сторона присутствует и в Толстом-художнике. С другой стороны, философская публицистика Толстого, рядом с утопической и реакционной теорией, содержала в себе острую критику социального зла. Следовательно, в проповеди Толстого была не только его слабость, но и сила. «Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость» [5].

Связь Толстого с русским крестьянством и тем самым участие Толстого в освободительном движении русского трудового народа обозначили и определили собою его мировое значение «Л. Толстой сумел поставить... столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества» [6].

Толстой никогда и нигде не описывал революции и никогда не был сторонником революционных путей борьбы, но его близость к крестьянству привела его к такому восприятию действительности и к такому мироотношению, которые сами по себе содержали революционный протест.

Близость Толстого к крестьянству состояла не только в том, что он близко знал и хорошо понял его трудовой быт, но, главным образом, в том, что он проникся крестьянским сознанием, взглянул на все непредубежденными, свежими, «мужицкими» глазами. Отсюда и началось, и расширялось, и углублялось, и росло «срывание всех и всяческих масок», то есть разоблачение всего неискреннего, ложного, предвзято корыстного и несправедливого.

---

[4] Там же, с. 21.
[5] Там же, с. 20.
[6] Там же, с. 19.

«Психологию» «патриархального наивного крестьянина» Толстой перенес «в свою критику, в свое учение»[7]. Критика Толстого поэтому отличается такой «силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс»[8].

Снятие покровов с фальшивой жизни светского дворянского круга началось у Толстого с самых первых произведений. Толстой как художник всегда стремился сбросить с человека все условное, предвзятое, самолюбиво-искусственное и доискаться какой-то последней правды.

Давно, еще первыми критиками Толстого, в особенности Чернышевским, была отмечена главнейшая особенность его изображения внутреннего мира человека, так называемая «диалектика души».

В статье о «Детстве и Отрочестве» и «Военных рассказах» Толстого Чернышевский писал:

«Внимание гр. Толстого более всего обращено на то, как одни мысли и чувства развиваются из других: ему интересно наблюдать, как чувство, непосредственно возникающее из данного положения или впечатления... переходит в другие чувства, снова возвращается к прежней исходной точке и опять и опять странствует... как мысль, рожденная первым ощущением, ведет к другим мыслям, увлекается дальше...» Толстого, по словам Чернышевского, занимает «сам психический процесс, его форма, его законы, диалектика души, чтобы выразиться определенным термином»...

Это совершенно справедливое замечание, однако, должно быть разъяснено в том смысле, что Толстого интересует не только и не столько смена состояний сама по себе, сколько качество и ценность этих состояний. В перемещающемся потоке переживаний Толстой различает нечто наиболее важное, значительное, подлинное и нечто верхнее, мелкое, пустое, предвзято-условное, неподлинное, деланное, фальшивое. В трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность», интересуясь «историей души», Толстой, в сущности, развертывает картину, говорящую о том, как формируется фальшивый мир светских стремлений, как в светской среде, полной условностей и ложных правил, молодой человек, вырастающий под воздействием среды, перестает быть самим собой, теряет непосредствен-

[7] Там же, с. 40.
[8] Там же, с. 40.

ность, коверкает и ломает свою натуру в угоду ложному положению и тщеславию.

На этой основе сопоставлений подлинной внутренней правды, с одной стороны, и каких-то внешних, верхних и мелких напластований, с другой стороны, Толстым ведется критика светского человека. «Детство», «Отрочество», «Юность» — это «история души» Николеньки Иртеньева. Второй севастопольский рассказ — история души капитана Михайлова, третий севастопольский рассказ — история переживаний Володи Козельцова и, отчасти, его брата. «Семейное счастье» — история чувств и сменяющихся настроений Маши, «Рассказ маркера» — история нравственных колебаний и падения князя Нехлюдова, «Война и мир» — огромная история духовных смен и роста целого ряда лиц. «Анна Каренина» — история души Анны и Левина. «Воскресение» — история нравственного падения и возрождения Нехлюдова и Катюши Масловой.

Главные персонажи, переживающие сложные внутренние конфликты и перемены, окружены рядом лиц с эпизодической, иногда стационарной психологией, однако всюду оценочное отношение к качественному содержанию внутреннего мира каждого у Толстого никогда не теряется.

И в этом предпочтительном отношении к одним переживаниям и явно-отрицательном, критическом отношении к другим и состоит идейная проповедь Толстого, заключенная в самой образной ткани его произведений.

Остановимся на военных картинах.

Человека на войне Толстой всегда видит под углом вопроса: что побуждает человеческую личность участвовать в военном массовом убийстве, когда, казалось бы, его должны отталкивать отсюда и естественное чувство самосохранения — страх за собственную жизнь и отвращение к убийству.

И, показывая психику участников войны, Толстой намечает, приблизительно, следующее наполнение ее: 1) страх за собственную жизнь, 2) тщеславие, 3) разновидность тщеславия — молодой пыл, ищущий героического самообнаружения (Аланин, молодой Козельцов, Петя Ростов и др., 4) чувство обязанности и долга.

Выдвигая эти мотивы в отдельности или сочетая их вместе в психике одного лица, Толстой через сопоставление их дает им оценку.

Больше всего он нападает на тщеславие. Толстой знает, что сила тщеславия велика и способна делать человека храбрым, однако он расценивает это чувство как импульс низше-

го, стороннего порядка. Поступки из-за тщеславия для него не натуральны, не серьезны. Действие здесь непосредственно не вытекает из прямой деловой задачи. Тут есть что-то фальшивое и ложное. Здесь для действующего лица важно не дело само по себе, а лишь то эгоистическое, тщеславное удовлетворение, которое получается в результате поступка, как вторичный, побочный и, в сущности, никому не нужный продукт. Эта вторичность, побочность поступка и делает поступок связанным с тщеславием, не «натуральным».

Тем самым для Толстого решается вопрос о подлинном воинском героизме и патриотизме.

Всякое тщеславное щегольство на войне Толстой считал неуместным. Для серьезного защитника народа война представляется лишь печальной необходимостью. Храбрость — необходимое качество войны, но она должна проявляться только для дела. Поэтому подлинными героями у Толстого всегда выступают люди, не ищущие блеска, но по-деловому спокойно и смело осуществляющие свой воинский долг (капитан Хлопов, Тросенко, Тимохин и др.). «Храбр тот,— говорит Хлопов,— который ведет себя как следует».

Внутренний энтузиазм Хлопова, питающий его постоянную и спокойную готовность самоотверженно выполнить свой долг, в нем скрыт, им самим не демонстрируется предвзято и лишь сам собой предполагается в его серьезной сосредоточенности. Хлопов весь погружен в главную цель своего важного дела, в нем, поэтому, нет ни ложной позы, ни фразы. Совсем иное в таких офицерах, как Розенкранц, князь Галицын, Калугин, Болхов и др. штабные в севастопольских рассказах и в «Войне и мире». Они кокетничают смелостью. Ими руководят цели тщеславия и карьеры. Сопоставляя их поведение с французскими описаниями воинского героизма, Толстой пишет: «Между их храбростью и храбростью капитана есть та разница, что если бы великое слово, в каком бы то ни было случае, даже шевелилось в душе моего героя, я уверен, он не сказал бы его: во-первых, потому, что, сказав великое слово, он боялся бы этим самым испортить великое дело, а во-вторых, потому, что, когда человек чувствует в себе силы сделать великое дело, какое бы то ни было слово не нужно. Это, по-моему мнению, особенная и высокая черта русской храбрости...» Подлинное высокое чувство стыдливо, и оно не ищет показного преднамеренного выражения. В очерке «Севастополь в декабре», напоминая о высоте духа защитников Севастополя, Толстой говорит о стыдливом чувстве любви к

родине, лежащем не на поверхности, а «в глубине души» каждого русского человека.

Примеры подлинной храбрости и доблестной простоты воинского поведения Толстой больше всего и чаще всего указывает в простой солдатской массе. Солдат у Толстого при сопоставлении с офицерской средой является измерителем и показателем для оценки внутренней твердости и подлинности чувств.

Следуя своему пониманию жизни как непрерывно сменяющегося потока, Толстой и военные настроения у лиц, способных быть героями и бывающими героями, рисует не как нечто постоянное и всегда одинаковое. Герой у Толстого вовсе не всегда ходит с решительным видом и с энтузиазмом на лице. Человек во всем остается самим собою, и всякий герой сохраняет в себе связи со своими обычаями, привычками и склонностями. Он тоже бывает будничным человеком и способен забываться в маленьких радостях и огорчениях общего обихода. «Диалектика души» распределяет героизм между множеством пестрых и взаимно противоречивых состояний. Капитан Михайлов, братья Козельцовы, например, представлены во множестве самых будничных и совсем невысоких состояний. Настроения их меняются в зависимости от внешних воздействий, какие они испытывают от окружающих.

Тем не менее, оценка их как героев не устраняется.

Разбег изменений во внутреннем мире лиц, изображаемых Толстым, всегда для каждого имеет свой путь и свою предельную амплитуду. Внешние временные возбудители воздействуют на психику и меняют ее, но все же могут вызвать колебания только в таком пределе, который, по Толстому, присущ данной индивидуальности, и неизменно в нем сохраняется. У Володи Козельцова, при всех колебаниях, имеется свой центр личности, который и составляет его моральную силу. И Козельцов-старший впадает в заурядные состояния, но не остается заурядностью, так как в нем живет морально регулирующее начало, которое заставляет нечто в себе преодолевать, а иное укреплять. Героем остается тот, кто в решающие серьезные и ответственные моменты подчиняется своему моральному идеалу. Не всякая сумма воздействий покоряет всякого человека, многому человек и сам противостоит собственной нравственной волей. Нравственная оценка у Толстого, следовательно, и в этом случае остается. В пестроте общей обстановки военный героизм, подчиняясь многообра-

зию внешних поводов и впечатлений, в конечном счете у него определяется ведущей моральной настроенностью бойца, воспитанной на основах корпоративного чувства военной чести и патриотической доблести.

Своеобразная и сложная идейная позиция Толстого ярко выразилась в одном из его ранних произведений — «Люцерн».

В 1857 году Толстой был за границей — в Германии, Франции, Англии, Швейцарии, Италии. Жизнь Запада вызвала у Толстого глубокое разочарование в европейской культуре, за внешним покровом которой он увидел нищету и бесправие трудящихся масс. Бессердечие представителей буржуазной цивилизации вызывает в нем глубокое негодование и отвращение («Люцерн»).

Но Толстой не понимает конкретно-исторических законов, лежащих в основе буржуазного строя. Поэтому в суровой критике капиталистической неправды сказывается и его слабая сторона. Ленин об этом писал: «Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов» [9].

В «Люцерне» Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает» инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель,— восклицает Толстой,— Всемирный Дух, проникающий нас» [10].

Если обратиться к ранним произведениям Толстого с крестьянской тематикой, то и там заметим свойственное Толстому противопоставление жизни лживой и искусственной и жизни правдивой, естественной и натуральной.

В «Утре помещика» (часть задуманного «Романа русского помещика») прочувствована взаимная непримиримость крестьянских и помещичьих понятий и невозможность, как писал сам Толстой, «жизни правильной помещика образованного нашего века с рабством». Попытки помещика Нехлюдова облегчить и устроить благополучие своих крепостных крестьян оказались ненатуральными, не соответствующими реальному положению раба и господина. В крестьянах по-

---

[9] Там же, с. 101.
[10] Там же.

чувствована своя стихийная правда и живая «естественность», очень далекая от беспочвенных мечтаний помещика.

В «Казаках» противопоставление проведено гораздо ярче и сильнее. Казацкая, простая жизнь представляется Толстому исполненной красоты непосредственного, богатого и жизненного инстинкта. Природа и люди здесь сливаются вместе в общем могучем и разнообразном жизненном богатстве натуральных сил. Рядом с казаками жизнь светская оказывается хилой, жалкой и фальшивой. «У вас, у вас фальчь, одна все фальчь,— говорит дядя Ерошка на прощанье Оленину,— и Оленин не стал отвечать. Он слишком был согласен, что все было фальчь в том мире, в котором он жил и в который возвращался».

Известно, что Толстой временами и тогда уже сам мечтал зажить жизнью Ерошки и Лукашки по законам, которые «положила природа солнцу, траве, зверю, дереву». Однако в сознании Толстого биологическая «правда» крестьянской (казацкой) жизни тогда еще не сливалась с этической моральной правдой. В этических привычках и понятиях крестьян и казаков многое Толстому представлялось грубым и неприемлемым.

Поступательные шаги Толстого направлялись к крестьянству все ближе и ближе, но до окончательного отречения от своего круга было еще далеко.

Толстовство в его этическом содержании в «Казаках» ярко сквозит в настроениях Оленина, но в крестьянских образах толстовской этики еще нет. Это произойдет несколько позднее, в романе «Война и мир» в образе Платона Каратаева.

Роман «Война и мир» поражает широтою и многосторонностью охвата жизни. Здесь фигурируют двадцать лет из жизни Европы. Автор изображает общественную жизнь своего народа, начиная с крестьян и кончая царем, с детей до стариков и старух, с молодых девушек до солдат. Здесь видим и бивуак, и поле битвы, двор, клуб, семейный очаг, массы, армии, советы, браки, рождения и, в особенности,— жизнь, медленное развитие всех этих живых индивидуальностей, гибких и мягких в юности, закаляющихся в зрелом возрасте, слабеющих от дряхлости, все эти души, сначала легкомысленные, потом серьезные, затем увядающие.

Ни у одного из писателей не находим такого живого описания движущихся процессов человеческой изменчивости, ни у кого не отмечено с такою силою влияние времени на течение жизни.

«Война и мир» не является анализом какого-нибудь отдельного происшествия. Роман заключает в себе жизнь во всей ее пестроте, всю жизнь некоторой группы людей разных положений и возрастов, прослеженную шаг за шагом...

Огромное завоевание художественного метода Толстого состоит в том, что он угадал и показал, что живое существо не может быть описано в тесных пределах однородных страстей и действий, что внутренний мир человека постоянно разнообразен, сложен и бесконечно изменчив и что если роман желает быть картиной жизни и обладать ее действительной важностью и значением, то он должен быть настолько же сложным и разнообразным, как сама жизнь.

При этом Толстой вовсе не является бесстрастным наблюдателем. Он не только воспроизводит жизнь, но и освещает ее своей мыслью, судит ее. И здесь мы опять узнаем Толстого в его идеологической... (неразбор.).

Всюду выступает Толстой разоблачитель, искатель «натуральной правды». В изображении отдельных людей Толстой ищет обнажения души и всюду говорит, как густо и плотно облегают ее волны хаотической податливой рассеянности и замутнения. Всюду сохраняется градация внутренней значительности, по критерию которой Толстой расценивает хаос состояний и человеческих желаний. За внешними напластованиями Толстой всюду стремится показать нечто коренное, предельно искреннее, большое и натуральное. И здесь так же, как и в других произведениях, Толстой защищает те же «инстинктивные блаженнейшие, первобытные потребности добра», о каких говорил В. И. Ленин применительно к «Люцерну» [11]. Толстой судит жизнь, но судит лишь с точки зрения абстрактной морали.

Современная Толстому литературная критика упрекала роман «Война и мир» в пристрастном отношении к аристократии. Это несправедливо. Столичную аристократию, придворную и бюрократическую знать, петербургские и московские салоны Толстой изобразил суровыми чертами. В этой среде он не нашел ничего, кроме лжи, обмана, лицемерия, тупости, невежества, преследования личных корыстных интересов (салоны м-м Шерер, Элен Безуховой, карьера Бориса Друбецкого и т. п.). Мало этого, в романе есть слова, осуждающие весь аппарат государственного управления.

«В судах воровство,— говорит Андрей Болконский,— в ар-

---

[11] Там же.

мии одна палка, шагистика, поселения,— мучают народ, просвещение душат. Что молодо, честно, то губят! Все видят, что это так не может идти. Все слишком натянуто и непременно лопнет».

Критическая мысль Толстого рассеяна всюду, по всему роману. По справедливому замечанию одного из критиков, стоявших близко к Толстому, в романе всюду обличается «своекорыстие, пустота, фальшивость, разврат, глупость тогдашнего высшего круга; бессмысленная, ленивая, обжорливая жизнь московского общества и богатых помещиков, вроде Ростовых; затем величайшие беспорядки везде, особенно в армии, во время войн; повсюду показаны люди, которые среди крови и битв руководятся личными выгодами и приносят им в жертву общее благо; выставлены страшные бедствия, происходившие от несогласия и мелочного честолюбия начальников, от отсутствия твердой руки в управлении; выведена на сцену целая толпа трусов, подлецов, воров, развратников, шулеров, ярко показана грубость и дикость народа» (Страхов Н. Критич. статьи, 1868).

Толстой любил в романе тему народную, патриотическую. Подлинный патриотизм рисуется Толстым опять как наиболее глубокое, целомудренное, стыдливое и скрытое чувство. Такой патриотизм свойствен массам и лучшим людям (Кутузов, Андрей Болконский, Марья Болконская, Наташа и др.).

Подлинным героем «Войны и мира» является русский народ, защищающий своей грудью родную землю от вторгнувшегося неприятеля. Толстой сумел отразить без всякой фальши и сентиментальности глубокую народную любовь к родине, народный героизм в защите национальной независимости.

Считая войны злом, Толстой оправдывал войну 1812 года, как войну оборонительную. В понимании Толстого, это была в полном смысле «народная война». Народная дубина «поднялась со всею своею грозною и величественною силою и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотою, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие». Рядом с развернутыми действиями регулярных армий Толстой показывает партизанскую войну, начавшуюся с момента занятия неприятелем Смоленска и по мере приближения французов к Москве принимавшую все большие размеры. Величие и героизм Кутузова Толстым представлены как выражение народной воли и народного патриотического

энтузиазма. Фатализм, свойственный взглядам Толстого, не помешал ему показать Кутузова в органической связи с настроениями масс. Кутузов у Толстого, при внешней пассивности, чутко следит за состоянием духа солдатской массы и в нужный момент поддерживает бодрость войск, вселяя и укрепляя в них веру в свою силу и непобедимость. Рядом с Кутузовым всякое выражение пустого тщеславия и военного карьеризма Толстой предает позору (Бенигсен и др.).

В романе «Анна Каренина» углубляются критические тенденции Толстого. Тяга к народу приобретает все более и более устойчивые формы. По сравнению с «Войною и миром» роман «Анна Каренина» делает шаг вперед в критике господствующих властей и буржуазно-помещичьего общества. Роман содержит в себе глубокое отражение особенностей пореформенной экономики России. Перед героем романа Левиным остро стоит вопрос о социальной несправедливости, его мучает чувство социальной вины перед народом. В поисках жизненной правды Левин стремится достигнуть социальной гармонии путем самоограничения. В конце концов он приходит к полному отказу от каких бы то ни было попыток осмыслить, осознать разумом «значение сил природы и смысл жизни человеческой», он видит смысл жизни лишь в возвращении к бесхитростной, непосредственной правде патриархального крестьянства.

В анализе общественного состояния России пореформенной эпохи Толстому чужда конкретно-историческая постановка вопроса. «Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй[12]. Он здесь рассуждает отвлеченно, с точки зрения своих моральных абстракций. Левин, главное лицо романа, вопросы социальных противоречий решает в духе отвлеченной морализации, тем не менее его признание помещичьей неправды и сознание вины перед крестьянством, как жертвой помещичьей эксплуатации, не могло не внушать мысли о необходимости коренных изменений в социальных отношениях. К моменту окончания работы над романом «Анна Каренина» Толстой стоял накануне полного и решительного отказа от жизни своего класса. И за романом вскоре последовала его «Исповедь», где жизнь привилегированных классов объявляется целиком бессмысленной и паразитической.

---

[12] Там же.

Разъясненные Лениным противоречия Толстого с особой силой выступили в художественных произведениях последних лет его творчества: роман «Воскресение», драмы «Плоды просвещения» и «Власть тьмы», повесть «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», «Крейцерова соната», «Отец Сергий», «После бала» и др.

В романе «Воскресение» с новой и исключительной силой выражен протест против общественной лжи и фальши, против государственного угнетения масс, против земельной собственности и имущественного неравенства, против церкви как органа эксплуататорского угнетения.

С другой стороны, в «Воскресении» особенно наглядно вскрывается слабая, отсталая сторона мировоззрения Толстого. Толстой отвергает пути революционного свержения эксплуататоров. Герой романа Нехлюдов мучается над вопросом: где же спасение от того страшного зла, которое торжествовало на его глазах. Выход, который Толстой указывает рассуждениями Нехлюдова, состоит в том, «чтобы прощать всегда, всех, бесконечное число раз прощать, потому, что нет таких людей, которые сами не были бы виновны и потому могли бы наказывать и исправлять». Вскрывая социальные контрасты, изображая ужасы царской тюрьмы и каторги, обличая весь государственный собственнический строй царской России, Толстой не приводит своего героя к мысли о необходимости революционной борьбы. Раскрывая зло и неправду, Толстой делает из этого только отвлеченно-морализаторские выводы. Но объективная сторона заключенных в романе мрачных жизненных картин настолько сильна, что наивные, утопические выводы бледнеют в сравнении с мощным реализмом образов.

Отвергая толстовские утопические проекты переустройства жизни на началах абстрактной морали и отвлеченного всеобщего «братства», советский читатель ценит демократизм Толстого, его беспощадную суровость, с какою он обличает собственников, их нравы, их государство, их цивилизацию.

Громадная сила Толстого заключалась в том, что он верил в победу справедливости и правды. Все его художественное творчество проникнуто убеждением, что здоровая правда жизни трудового народа должна восторжествовать. Толстой заблуждался в выборе путей переделки мира, но он указывал на неизбежность и необходимость этой переделки.

В борьбе, которую ведет современное человечество за искоренение эксплуатации, за социальную справедливость, за

права трудящегося человека, наследие Толстого, великого русского художника-гуманиста и защитника трудового народа, сохраняет все свое побеждающее значение.

* * *

Статью «Кого готовит университет?», предназначавшуюся для центральной печати, Е. И. Покусаев завершил в мае — июне 1969 года. Работа эта носит несомненную печать дискуссионности. Многие её мысли и конкретные предложения (о специфике университетского образования, о подготовке в стенах университетов специалистов широкого профессионального диапазона, о совершенствовании самостоятельных научно-исследовательских форм работы студентов) вобрали большой организаторско-методический опыт профессора Е. И. Покусаева. Они отмечены искренней заботой о завтрашнем дне отечественных университетов и непосредственно перекликаются с широко обсуждаемыми сегодня актуальными вопросами об эффективности и качестве вузовского преподавания, о возрастании роли университетов в системе высшего и среднего образования.

Статья публикуется впервые и с небольшими сокращениями.

Е. И. Покусаев

КОГО ГОТОВИТ УНИВЕРСИТЕТ?

Вынесенный в название статьи вопрос задается не так уж редко, особенно в последнее время. Его настойчиво ставит жизнь. И ответ на него отнюдь не прост, как может показаться.

СССР — страна десятков успешно функционирующих университетов с многотысячной армией студентов и преподавателей. Этот специфический тип учебных заведений кристаллизовали у нас и вековой опыт, и богатейшие традиции. Бытует до сих пор название «университетский город», синоним средоточия значительных интеллектуально-культурных сил. Представление о человеке университетского образования привычно и непринужденно соединяется — притом издавна — с понятием специалиста экстра-класса, широкого теоретического профиля, подлинно интеллигентской загрунтовки. Такое представление-толкование закреплено в словарях и энциклопедиях, в знаменитых литературных произведениях вплоть до «Моих университетов» М. Горького.

В начале тридцатых годов директивно подтверждалось

особое место университетов в системе высшей школы как центров подготовки высококвалифицированных специалистов по общенаучным дисциплинам. Казалось бы все ясно, о чем тревожиться. К сожалению, в наших университетах происходят сейчас — открыто или подспудно — процессы, которые чреваты, на мой взгляд, серьезными осложнениями и даже опасностями неоправданного изменения их структуры и предназначения.

Не так давно (в январе 1969 г.) в Саратове обсуждался план развития университета (одного из старейших в России) в 1971—1975 годы. Авторы доклада, как полагаю не по собственной инициативе, намечали и старательно обосновывали одну и главную перспективу: на гуманитарных факультетах (историческом и филологическом) в эту пору осуществится «стопроцентная» подготовка преподавателей средней школы, на естественнонаучных — из года в год будет стремительно увеличиваться доля учительских профессий, пока не станет, наконец, преобладающей, доминирующей.

Давняя и почетная традиция отечественных университетов — готовить для средней школы высокообразованных педагогов. Советские университеты дали нашим средним учебным заведениям немало хорошо подготовленных преподавателей-предметников. И впредь университеты, конечно, будут выполнять одну из коренных своих обязанностей.

Случилось же так, что гуманитарным факультетам вообще оставили одну-единственную перспективу — осуществить, как можно скорее, переход на «стопроцентный» выпуск учительских профессий. Вот о чем идет речь. Сомнения относительно правомерности и целесообразности «укоренения» такой тенденции, сулящей в недалеком будущем утрату специфики университетского образования, добровольное усвоение университетом своего рода «пединститутского» профиля, парируются удивительными доводами: нам нужно уцелеть. Не до жиру — быть бы живу. Оказывается, чтобы сохранить свои факультеты, кафедры, штаты, университет обязан максимально (чуть ли не тотально) усилить подготовку учителей-предметников. Эти прагматические идеи выдавались за единственно трезво учитывающие «требования жизни». А маниловской, прожектерской объявлялась точка зрения, связывавшая будущее университетов с выращиванием на их почве исследователей, специалистов широкого научного профиля.

Мне близка область университетского филологического образования. О нем я и хочу сказать специально. Спору нет,

теперь и университетам не так-то просто выдержать состязание с некоторыми педагогическими институтами, которые стремятся повысить общенаучную подготовку своих питомцев, преодолеть инерцию узкоприкладного, узкопрофессионального обучения. И все же на факультетах и кафедрах наших ведущих университетов сосредоточены наиболее крупные силы. Им обязаны советское литературоведение и языкознание значительной долей своих успехов. Исторически сложившаяся в университетах практика подготовки филолога через разветвленную систему специальных и факультативных курсов, просеминариев и научных семинаров, кафедральных кружков, самостоятельного выполнения преддипломных и дипломных работ полностью себя оправдала. Студенты действительно получают новейшую информацию в широкой области филологических знаний и, что особенно важно,— уверенно овладевают методологией и методикой научного исследования. До недавнего времени оканчивавший университет с дипломом филолога мог рассчитывать на аспирантуру, на лаборантские и ассистентские должности литературных и лингвистических кафедр; он мог стать сотрудником музеев, библиотек, издательств, журнальных или газетных редакций, студий радиовещания и телевидения; наконец, работником государственного и партийного аппарата в тех сферах науки, образования и культуры, которые требовали от организаторов-руководителей основательной гуманитарной, в данном случае — филологической подготовки.

Однако положение дел на историко-филологических факультетах, особенно в последнее десятилетие, резко изменилось к худшему. Из-за нехватки школьных кадров планирующие учреждения и министерства стали в обязательном порядке предлагать выпускникам этих факультетов исключительно учительские должности. Вскоре широкопрофильные обозначения университетской специальности «историк» и «филолог» сузили припиской: «преподаватель истории», «преподаватель языка и литературы». Сделано это было под тем предлогом, что органы просвещения и финансов якобы затруднялись аттестовать обладателей столь широких профессий. Незамедлительно были предложены коррективы к университетским учебным планам. Власть имеющие инстанции стали рассуждать: для чего филологам и историкам, которые все равно будут учителями, знать древние языки? Ведь в педагогических институтах их не изучают! В результате — на филологических факультетах университетов усвоение греческого

и латинского языков официально ограничили одним, вместо прежних двух, учебным годом (это компромиссное решение было принято под давлением энергичных протестов ученых-филологов). Фольклорная и диалектологическая практика на младших курсах, филологическая практика в рукописных отделениях архивов и библиотек на старших курсах хотя и сохранились в действующих ныне планах, но как своеобразные рудименты некогда специальных и широких программ. Эти виды филологических занятий почти полностью поглощены педагогической практикой и стажировкой в школах. Дальше — больше.

Следуя «пединститутским» критериям, на исторических отделениях — факультетах университетов в недавнем прошлом был установлен вместо пятилетнего — четырехлетний срок обучения. С великим трудом удалось исправить эту ошибку. В ректорских отчетах министерству, что касается филологии, само собой возникал жирный прочерк в разделах, где докладывалось о помощи науки производству. Отнюдь не задумывались над тем, что, скажем, выполненная литературоведами научная подготовка к печати текстов, комментирование многотиражных собраний сочинений писателей-классиков или квалифицированная консультация театру значимы практически не меньше, чем та или иная «хоздоговорная» работа, осуществленная на химических и геологических кафедрах. Административная рутина укреплялась во мнении, что филологические кафедры не нуждаются ни в особых ассигнованиях на свои исследования, ни в пополнении штатов научно-вспомогательного персонала, ни в специальном оборудовании, тем более в проблемных лабораториях. Были закрыты в университетах отделения логики и психологии. Фактически сведена теперь к нулю аспирантура на филологических кафедрах, поскольку восторжествовал ведомственный принцип «самообслуживания» (каждое министерство готовит кандидатов и докторов наук только в институтах своей системы!).

Было бы утомительно перечислять все то, что явно или косвенно, но направлялось (увы, и до сих пор направляется!) к одному — укоротить, нивелировать сложный рельеф университетского историко-филологического образования.

Между тем, наше общество заинтересовано в том, чтобы всемерно укрепить университеты, совершенствовать их специфическую учебно-научную структуру.

Было бы, думается, не лишним, чтобы подчеркнуть особый характер полученного университетскими специалистами ши-

рокого теоретического образования, ввести для лучших из них присуждение первой ученой степени, скажем, бакалавра. Тем более, что теперь главной «выпускной» формой отчета в университетах является не государственный экзамен, а публичная защита дипломного сочинения на актуальную научную тему (что-то вроде репетиции будущих диспутов по кандидатским и докторским диссертациям).

В средней школе недавно введены факультативные занятия, прямая задача которых расширить и углубить знания учащихся в согласии с их интересами и способностями. С этим нелегким делом наиболее успешно справятся, конечно, преподаватели-выпускники университетов. Их большое подспорье тут — общетеоретическая подготовка, исследовательские навыки.

К сожалению, у нас крайне скудны научно-выверенные данные о том, где и как в стране используются специалисты с университетской подготовкой. И до сих пор этот вопрос не исследуется сколько-нибудь основательно ни на уровне университетов, ни на уровне министерств. Эмпирические же наблюдения показывают, что значительная часть выпускников университета «оседает» в разнообразных учреждениях культуры. Было бы только справедливым, если органы, ведающие трудовым распределением молодых специалистов, более тщательно изучили потребности народного хозяйства и культуры в кадрах университетской специализации и легализовали также и здесь их профессиональное устройство.

Новым глубоким содержанием и смыслом должна обогатиться традиционная формула — «университетская наука». Современная филология некоторыми своими частями выходит на передний край науки, тесно взаимодействуя с философией, естествознанием, психологией, математикой. Экономически целесообразным может оказаться введение договорных отношений на выполнение университетскими кафедрами некоторых видов филологических работ и заданий (словарных, переводческих, редакторско-рецензентских, консультационных, по обработке информации). Филологические институты Академии Наук СССР вполне могли бы довести дело координации специальных исследований до такого уровня и до таких гибких практических форм, когда бы оказалось возможным поручение кафедральным коллективам университетов разработки плановых тем с соответствующей передачей и выделенных на их выполнение бюджетных ассигнований. Все это обеспечило бы еще более интенсивное участие в важ-

ных научных исследованиях сотрудников и талантливой студенческой молодежи.

Укрепление позиций университетской науки было бы важно и еще в одном отношении. Решительно преодолевая межведомственные барьеры, следует, на мой взгляд, в университетах сосредоточить подготовку научно-педагогических кадров, которые пополнят доцентами и профессорами филологические кафедры институтов (педагогических в первую очередь, но также и исследовательских, искусствоведческих в широком диапазоне, институтов культуры и др.). В недалеком прошлом университеты отлично справлялись с этой задачей. Вот один из конкретных примеров. По неполным данным из 60 филологов-выпускников Саратовского университета 1951 года в настоящее время работают преподавателями вузов 20 человек (причем из них 15 защитили диссертации на ученую степень кандидата филологических наук, 2 — защитили докторские диссертации, по крайней мере, 2 близки к завершению докторских монографий).

Ввиду особенностей своей общенаучной структуры университеты должны сохранить значение авторитетных центров гуманитарных знаний. Ведь именно здесь кафедры истории КПСС, политической экономии, философии, научного коммунизма получают идеальную возможность установить творческие контакты, «стыковаться» с фундаментальными, теоретическими науками и наилучшим образом организовать и провести подготовку научно-педагогических кадров по своим дисциплинам.

Думается практика, жизнь приведут к тому, что именно университеты возьмут в свои руки сложное дело подготовки и усовершенствования специалистов высшей квалификации. Я не вижу каких-либо особых препятствий, чтобы, скажем, в ближайшее время институты усовершенствования учителей превратились бы в университетские факультеты научной переподготовки кадров и работали бы они по определенному расписанию и обслуживались бы кафедральными силами.

Если представить себе будущее университетов вот так, как в общих чертах это обозначилось в настоящих заметках, то вовсе не обязательно хлопотать о расширении или непременном сохранении на теперешнем уровне контингента приема в университеты. Напротив, потребуется забота о придании университетам определенной стабильности, структурной четкости и строгости. Чтобы получили право гражданства такие емкие понятия, как «университетская наука» и «университет-

ское образование», чтобы деятельность наших университетов во всех звеньях полностью соответствовала их внутренней сущности, их общественной функции и предназначению, необходимо круто повысить требования к поступающим. Я бы пояснил это такой аналогией. Подобно тому, как соответствующие специальные учебные заведения стремятся возможно точнее определить способности будущих музыкантов, живописцев, актеров, университеты также должны тщательно проверять не только знания, но и исследовательские способности абитуриентов, убедиться в том, что они имеют склонности и хорошие творческие данные для теоретических занятий.

Полувековая история советских университетов знает периоды, когда их структура под напором происходящих в стране крупных социальных сдвигов подвергалась существенным изменениям. На памяти еще время (начало тридцатых годов) «отпочковывания» некоторых университетских факультетов, ставших основой самостоятельных институтов — педагогических, инженерных, медицинских, экономических, юридических. Теперь такие радикальные реформы не вызываются жизненной необходимостью. Но забота об усовершенствовании университетского образования сохраняет всю свою силу. И, думается, не будет беспочвенным предложение подвергнуть этот вопрос широкому коллективному обсуждению.

Содержание

МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА
ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ФОЛЬКЛОРА

Ученые-педагоги
Саратовской филологической школы

Под редакцией профессора Е. П. НИКИТИНОЙ.

ИБ 1945

Редактор *М. П. Ларина*
Технический редактор *Н. И. Добровольская*
Обложка художника *А. Г. Коновалова*
Корректоры *И. В. Книгина, Т. В. Мокроусова*

Сдано в набор 26.04.83. Подписано к печати 4.06.84. НГ91340. Формат 60×84 1/16. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 17,90(19,25). Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 1000 экз. Заказ 00669. Цена 2 р. 50 к.

Издательство Саратовского университета, 410601, Саратов, Университетская, 42.

Республиканская типография Государственного комитета Удмуртской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 426057, г. Ижевск, ул. Пастухова, 13.